63.3(0)
P 63

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

(ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО. — ДИКАРИ. — ВАРВАРЫ. — ФЕОДАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ В. НЕВСКОГО

„КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

Ленинградский Областлит № 40074. Тир. 1.250 экз.—28 л. Зак. № 748.
Центральная Типография Наркомвоенмора (пл. Урицкого, 10).

Н. Рожков

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как бы ни относиться к некоторым взглядам и выводам покойного историка-марксиста, как бы ни казались иногда спорными иные заключения и толкования так рано и безвременно угасшего марксиста-социолога, можно только пожалеть, что беспощадная смерть преждевременно унесла неутомимого историка-исследователя, и должно горячо рекомендовать, как и все его работы, и эту замечательную попытку дать всеобъемлющее обобщение исторического процесса.

Это нужно сделать прежде всего потому, что автор—историк-марксист, разделяющий целиком современную научную теорию общественного развития, стало быть, разделяющий основные положения современного философского материализма, т.-е. диалектического материализма и применяющий в историческом исследовании выводы и положения исторического материализма, т.-е. марксистской социологии; это нужно сделать в особенности потому, что, стоя на позициях учения Маркса и Энгельса, Н. А. Рожков, несмотря на некоторые расхождения с марксистами-коммунистами на практике, всегда оста-

вался в своей исторической работе марксистом-революционером.

И в предисловии к первому тому своего труда и в заключении последнего двенадцатого тома Н. А. Рожков безоговорочно признает основные положения учения Маркса: теорию классового господства и классовой борьбы, связываемые с процессом развития хозяйства, развитие производительных сил объективной основой классового господства и, наконец, развитие путем противоречий, борьбы, скачков, общественных бурь, революций.

Что это действительно так, что старая революционная закваска Н. А. Рожкова победила в последнее время многие предубеждения, выросшие в нем в период безвременья и реакции, это видно из тех заключительных строк его труда, в которых он, несмотря на некоторые расхождения с коммунистами по вопросам частным и мелким, в следующих словах оценивает значение октябрьской революции: „Русская история, как мы видели, все время развивалась крупными скачками, целью которых являлось преодоление отсталости России от передовых стран Запада. На наших глазах и при нашем участии Россия снова делает гигантский прыжок вперед, стоящий огромных жертв, но обеспечивающий ее хозяйственную самостоятельность и грядущие успехи. Всякая другая власть сделала бы Россию колониальным филиалом европейского и американского финансового капитала. Теперь она—очаг грядущих достижений, одушевляющих трудящиеся массы и Запада и Востока, как ни своеобразны будут здесь и там пути, какими те и другие пойдут

к этим достижениям, составляющим одинаково и объективную задачу времени, и субъективные чаяния трудящихся масс". [1]

Можно, повторяем еще раз, не соглашаться с покойным Н. А. Рожковым во многих его выводах, рассуждениях, толкованиях и заключениях, по тому или другому вопросу истории, но нельзя не отдать справедливости в том, что Рожков нигде в своей работе не отклоняется от путеводной нити учения Маркса, нигде не становится эклектиком, а всюду остается историком и социологом марксистом, стало быть, материалистом-монистом, признающим закономерность общественных явлений. С первых строк своей замечательной работы он резко и категорически высказывается против историков-мистиков и метафизиков школы Риккерта, отрицающих закономерность общественных явлений, и повсюду проводит монистический марксистский взгляд на историю, как на закономерный процесс, не всегда в деталях объяснимый, не всегда достаточно изученный, не всегда еще ясный современному исследователю, но всегда объяснимый только с точки зрения марксистского монизма, если вообще его можно объяснить при настоящем уровне знаний.

Мы не будем вдаваться в эту сторону вопроса; всякий любознательный читатель в самой работе найдет блестящее подтверждение только что сказанного, а общее разъяснение проблемы о закономерности в истории в блестящем и талантливом предисловии другого рус-

---

[1] Том XII „Русской истории в сравнительно-историческом освещении", стр. 395.

ского марксиста-историка М. Н. Покровского, в предисловии к первому тому его „Очерка русской культуры“.

Следует остановиться на другой черте работы Рожкова, на его попытке создать новую схему так называемых психологических типов, т.-е. на его попытке объяснить марксистски высшее идеологическое выражение человеческой культуры—психологию борющихся классов, как она выражается в науке, искусстве, религии, политике или, вообще говоря, в культуре данного общества данной эпохи.

Эти попытки не всегда удачны и не всегда приемлемы и по той простой причине, что, будучи врагом всякой метафизики и сторонником материализма, Н. А. Рожков исходным пунктом своих рассуждений избрал основные положения современной психологии, „науки“, которой еще только предстоит стать наукой. Всякому, не чуждому интересов так бурно развивающегося ныне естествознания, известно, что победное шествие современной физиологии рефлексов уже если не похоронило старую психологию, то поставило вопрос о таком ее преобразовании, которое бы окончательно изгнало из этой дисциплины всякие остатки метафизики и мистики. Во всяком случае, ныне при торжестве современного естествознания, бросившего новый свет и в учение о мозге, следует пересмотреть и теорию эмоции и ассоциативных связей, на которую пытается опереться и Н. А. Рожков в своей гипотезе о психологических типах в истории.

К счастью, не в этом сила и значение предлагаемой работы Рожкова: сила и значение ее в том, что повсюду

от первой до последней строчки двенадцати томов автор строго проводит марксистское объяснение истории, и эта история представляется, как борьба классов, как драматическое столкновение этих борющихся классов, как бурный процесс, идущий скачками от момента к моменту к более сложным и высшим этапам развития, как процесс, объясняемый экономической структурой общества и, стало быть, развитием производительных сил.

Огромная эрудиция автора, знакомство его решительно со всеми вспомогательными историческими дисциплинами, блестящее знание первоисточника, в особенности того, что касается русской истории и, наконец, отличное понимание истории и развития народного хозяйства в особенности в России—все это делает работу Рожкова поразительно интересной и поучительной.

Любой историк, к какой бы школе он ни принадлежал, найдет многое, над чем он может призадуматься, вчитываясь в построения Рожкова, любой социолог, как бы он ни расходился с Рожковым во взглядах, найдет в его работе много заслуживающих внимания положений и построений, любой читатель, если у него есть вкус к серьезному историческому чтению, с огромным наслаждением пробежит замечательный труд марксиста.

Заканчивая это коротенькое предисловие, хочется сказать несколько слов по поводу потери, какую понесла наша наука в лице безвременно скончавшегося Н. А.

Связанный самыми прочными узами с революционной средой, выковавший свое марксистское миросозерцание в бурную эпоху 1905 года, несколько уклонившись

затем от правильного пути, Н. А., однако, никогда не порывал с пролетариатом и с его научной теорией и уже одно это служит залогом будущей спайки его с великим коммунистическим движением нашего времени, к которой Н. А. приближался все более и более и которая не осуществилась только потому, что коса смерти преждевременно свела его в могилу.

Но и могила, предавши разложению тленный прах Н. А. Рожкова, не в силах будет разложить на атомы то, что есть вечного и нетленного в пролетарском ученом-историке и в борце-революционере, сумевшем сочетать последнее слово науки с самым пылким актом революционного действия.

В. Невский.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Пятнадцать лет тому назад автор настоящего труда начал большую работу по истории России под заглавием „Обзор русской истории с социологической точки зрения". Обстоятельства общественной жизни и тесно с ними связанные условия жизни личной не позволили тогда окончить эту работу; пришлось ограничиться двумя частями, вторая из которых составила два выпуска. Уже тогда автор имел в виду социологические выводы, формулировку общих законов сосуществования и развития общественных явлений.

С тех пор работа продолжалась и не только над русской историей, но и над историей других стран и народов, тем более, что и прежде автор чувствовал живейшую потребность расширить рамки труда именно в сторону сравнительно-историческую, построить все здание на сравнительно-исторической основе.

«Обзора» сейчас не имеется более в продаже, а спрос на него существует. Необходимо, следовательно, новое издание. И вот настоящий труд и является одновременно и новым изданием старой работы, и трудом новым, уже по преимуществу социологического характера, построенным на основе сравнительно-исторического метода. Это—плод многолетних усилий и размышлений. Закончить его скоро, конечно не удастся; для этого потребуется не один год. Но откла-

дывать опубликование первого тома до того времени, когда будут готовы следующие, автор не считал удобным и правильным. Он приложит, конечно, все усилия к тому, чтобы не задержать следующих выпусков и возможно скорее превратить в единое целое черновые материалы и отдельные этюды, наброски и очерки, отчасти уже появлявшиеся в печати. Только какие-либо независящие от воли отдельного человека препятствия могут прервать эту работу.

Второе издание выходит с некоторыми поправками и дополнениями, не меняющими существа дела. Автор, как читатель усмотрит из некоторых дополнений и замечаний, имеет в виду в будущем предпринять ряд специальных исследований по вопросам всеобщей и русской истории с целью прочнее обосновать свои исторические и социологические выводы. Включать сюда эти социальные исследования совершенно невозможно.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Социальная статика.

Современные физики, представители самой точной и высоко развитой отрасли естествознания, высоко ценят возможность «рассуждать о явлениях, не рисуя до времени их детального механизма», и «довольствуются построением моделей», «условных изображений»; «если, рассуждая над такой моделью», говорят они, «мы придем к новым выводам о ее свойствах, которые оправдаются соответственными фактами и на прототипе (т.-е. в действительном явлении), мы скажем, что построили пригодную теорию», но при этом «все то, что в действительном явлении для нас уже *ясно*,—в модели должно быть скопировано не в эмблематическом, а в прямом смысле слова» [1]).

Держась в истории и социологии установленного в этих словах мерила, которым определяется пригодность теории, мы должны признать теорию экономического объяснения общественных явлений вполне пригодной.

В самом деле: при помощи этой теории строится цельная и изящная модель развития общественной жизни; в этой модели находит себе точное выражение «все то, что в действительном явлении для нас уже ясно»; ряд выдающихся исследований показал, что, «рассуждая над этой моделью», мы приходим ко многим «новым выводам», оправдывающимся «и на прототипе». К этому надо прибавить, что не пред-

---

[1]) Общедоступные лекции и речи А. Г. Столетова, М. 1902, стр. 220, 221.

ставляет затруднений и философское обоснование теории посредством не только старого философского материализма, но и,—что гораздо важнее и вернее,—нового великого, всеобъемлющего принципа энергии, сводимой современным естествознанием к электричеству: как раз хозяйственная, экономическая жизнь и есть та сфера общественных отношений, в которой энергия природы превращается в энергию общественной жизни, в социальную энергию. И как современная физика сводит *все* физические явления *в конечном счете* к электрическим явлениям, объясняя *многое* и *непосредственно* этими элементарными процессами, так и современная социология *многое* в общественной жизни объясняет *непосредственно* влиянием экономических явлений, сводя *все* общественные явления *в конечном счете* к явлениям хозяйственным [1]).

Даже самые горячие и непримиримые противники экономизма в социологии не отрицают, что многое можно и должно объяснить непосредственно из экономики. Спор идет только о том, можно-ли отсюда объяснить в конечном счете все в общественной жизни и ее развитии. И особенно упорно оспаривается возможность такого объяснения явлений духовной культуры—общественной психологии, религии, морали литературы, искусства, науки, философии. Это и неудивительно: как раз в области изучения явлений духовной культуры позиция противников оказывается наиболее сильной. Явления эти чрезвычайно сложны и многообразны, вообще поэтому с трудом поддаются научному обобщению, часто недостаточно изучены во всей их конкретности и, наконец, гораздо чаще, чем другие области общественного развития, изучались и,—что важнее всего,—до сих пор изучаются не с точки зрения научной закономерности, а с теологической, метафизической, эстетической и других точек зрения. В результате получились большой хаос и почти непроглядная тьма.

Единственное средство упорядочить этот хаос и рассеять эту тьму в интересах научного исследования—это построить

---

[1]) В такой именно формулировке понимали исторический или економический материализм основатели и первые продолжатели этой этории —Маркс, Энгельс, Плеханов, Каутский. В новейшее время хотят видеть везде, даже в духовный культуре, *непосредственно* классовый интерес. Автор настоящего труда не разделяет этой крайней точки зрения.

и здесь модель, удовлетворяющую вышеуказанным требованиям. Автор предполаемого исследования полагает, что такой моделью может и должна служить теория развития психических типов.

По мнению автора, его теория имеет следующие два важных достоинства: во-первых, она органически связывает воедино все различные проявления духовной культуры; во-вторых, дает возможность точными и ясными формулами выразить отношение духовной культуры к экономическому базису как непосредственно, так и в конечном счете,—через посредство социальной и политической надстроек.

Поклонники телеологии в истории в стиле Риккерта стоят на старой всемирно-исторической точке зрения, признают единый, никогда и нигде не повторяющийся всемирно-исторический процесс, которому предначертана таинственная нравственная цель, постепенно раскрываемая в процессе всемирно-исторического развития. Между тем, нет изречения, которое было бы более ошибочно, чем то, которое гласит, что „история не повторяется". Напротив: история постоянно повторяется, повторяется не в меньшей степени, чем явления в жизни природы. Надо только отбросить ложную всемирно-историческую точку зрения и обратить внимание на развитие отдельных стран и народов, и мы обнаружим постоянные сходства и частые повторения сходных явлений и процессов. Конечно, сходство—не тожество, но тожества нет и в природе: „даже у относительно очень постоянных (животных и растительных) видов ни одна особь не походит вполне на другую" [1]).

Но там, где есть повторение сходных явлений и процессов, есть и правильная их закономерность. Надо, следовательно, путем тщательного изучения конкретного материала, посредством внимательного наблюдения открыть эту закономерность в развитии общественных явлений,—в данном случае в развитии психических типов, которые также с некоторыми лишь вариациями повторяются в истории разных стран и народов в соответствующие (сплошь и рядом не одновременно везде протекающие) периоды их развития. Психический тип—это то же в истории духовной культуры, что тип экономический в истории хозяйства, тип социальный в истории

---

[1]) *Вейсман.* Лекции по эволюционной теории, ч. I, М. 1905, стр. 52.

устройства общества, тип политический в истории государства: это—такое же объединяющее, обобщающее понятие, как, напр., «натуральное хозяйство», «капитализм», «сословный строй», «классовый строй», «абсолютизм», «конституционная монархия», «республика» и т. д. И как все эти понятия, будучи *типами* развития разных сфер общественной жизни в различные периоды, в то же время вовсе не неподвижны, не инертны, подвергаются с течением времени эволюции и потому являются вместе с тем и *степенями* или *ступенями* развития, так это должно повторить и о психических типах.

Во избежание недоразумений, полезно, однако, сделать еще два предварительных замечания общего характера.

Первое касается известной теории взаимодействия. «Допустим», говорят ее сторонники, «материальная культура и в конечном счете экономика создает культуру духовную; но ведь и духовная культура, раз создавшись, влияет в свою очередь на материальную и в частности на экономику; получается взаимодействие». Допустим на время, что все в этом рассуждении верно. Но ведь важно, где первичное влияние, где основной элемент и затем где главное, наиболее сильное, определяющее влияние. Теория взаимодействия не разрешает, а замазывает этот главный вопрос, и уже потому одному она несостоятельна. Она просто слишком тесное и совершенно ненадежное убежище для погибающих кораблей психилогической школы в социологии. Но этого мало: теория взаимодействия находится в непримиримом противоречии с научно-философским монизмом вообще и с научно-философским понятием причинности, как необходимой и постоянной последовательности [1]). Для того, кто усвоил последнее понятие, ясно, насколько глубоко проникнуты метафизикой понятия: «влияние» и «взаимодействие».

Другое замечание относится к вопросу о влиянии естественных условий, так называемой «внешней природы». Мы видели, что по теории научно-философского монизма общественная жизнь есть продолжение жизни природы. Отсюда, конечно, не следует, что общественное развитие всецело объяснимо законами развития природы. Но игнорировать эти

---

[1]) См. по этому поводу «Очерки теории исторического познания» Виппера и мою заметку «К теории исторического монизма» в «Современном Мире» за 1910 г., сентябрь.

последние при изучении первого было бы большой ошибкой. Поскольку это будет можно и нужно,—в книге будут сделаны указания на роль естественных условий в разные периоды развития общества. Может, впрочем, возникнуть еще один вопрос, также входящий в сферу явлений природы,—вопрос о психофизиологической наследственности. Современные биологи, физиологи и психологи, к счастью, в достаточной мере показали, что не следует преувеличивать значение наследственности: оно сравнительно невелико. Гефдинг [1]) правильно сводит сделаные в этой области наблюдения к той формуле, что «наследуются только элементарные формы и предрасположения», и «от индивидуального (и—прибавим от себя—от социального) опыта зависит степень и направление» развития унаследованного. Формула Гефдинга ясно и кратко выражает взгляд, защищаемый известным французским биологом Делажем в его сочинении «Наследственность и великие задачи общей биологии» [2]).

Представляя себе, таким образом, развитие общества, как единый и цельный процесс, развертывающийся с закономерной необходимостью из хозяйственных условий, дальнейшее звено этой цепи мы видим в социальных отношениях, причем в сфере этих последних первенствующее место принадлежит классовому строю. Естественным продолжением этого являются политический строй, выражающий интересы господствующих классов, и духовная культура, в которой объединяющим элементом служит психический тип. Как классовые отношения с необходимой и постоянной последовательностью вытекают из хозяйственных условий и в соответствии с эволюцией последних сами развиваются, не являются неподвижными, так и государственный строй подчинен классовой эволюции, и психология общества есть всегда в сущности психология его отдельных классов и опять-таки не неподвижная, а последовательно, закономерно развивающаяся. Психология каждого класса в данный момент отличается от психологии других классов, отличается и от психологии того же класса в другое время. И все эти различия, проявляясь

---

[1]) Очерки психологии, 3-е издание, Спб. 1898, стр. 296.

[2]) L'Héré ité et les grands problèmes de la biologie générale, 2-me édition, Paris 1903.

в истории духовной культуры разных народов, находят себе яркое выражение в смене психических типов.

Такова схема социальной статики, учения о взаимоотношениях общественных явлений, взятых не в цельном процессе развития, а в состоянии покоя, равновесия в каждый данный момент общественной жизни. О ней необходимо было сказать несколько слов, прежде чем перейти к социальной динамике, к исследованию общественных явлений в их движении, развитии [1]). Строго говоря, следовало бы предпослать социальной динамике социальную статику. Но в этой области уже не мало сделано, тогда как социальная динамика на основе сравнительно-исторического метода почти совершенно не разработана. Вот почему автор ограничивается пока общими замечаниями о социальной статике, оставляя за собой право в будущем посвятить ей особую работу.

II.

Психологические предпосылки социологии духовной культуры.

Необходимо, однако, остановиться еще на одном социально-статическом вопросе—о психологических предпосылках социологии духовной культуры, так как здесь дело обстоит хуже, чем с предпосылками социологии культуры материальной, данными политической экономией и наукой права, в особенности государственным правом. Дело в том, что и политическая экономия, и правоведение достигли уже довольно высокой степени развития. Этого, к сожалению, нельзя сказать о психологии и, в частности, о психологии характера.

Как сказано, мы полагаем в основу социологии духовной культуры понятие „психического типа". И вот естественным при таких условиях является вопрос, не представляет ли собою это понятие фикцию, ни на чем не основанную выдумку, плод фантазии? Оправдывается ли оно жизнью, практикой, действительностью, с одной стороны, и теорией общей психологии—с другой?

---

[1]) Некоторые социологи считают социальную динамику практической наукой, смешивая ее, таким образом, с политикой. По нашему мнению, она — наука теоретическая, и с практической экономикой, политикой, педагогикой и т. п. смешивать ее не следует.

Поскольку сама современная жизнь непосредственно, во всей ее конкретной реальности обосновывает образование определенных характеров или типов, поскольку эти типы создаются жизнью на наших глазах, — об этом речь пойдет еще в свое время ниже, при изучении развития психических типов в эпоху капитализма. Но уже теперь можно сказать, что современная действительность и недавнее прошлое с совершенной непреложностью устанавливают реальность существования психических типов.

Два признака с особенной силой свидетельствуют об этом: художественное изображение различных характеров в изящной литературе и наличность целого ряда научных попыток создать учение о характере. О том и другом пишущему эти строки приходилось уже говорить в целом ряде статей, которые были затем сведены воедино [1]). Поэтому повторение сказанного тогда здесь было бы излишним. Необходимо только сделать некоторые важные добавления, обосновывающие теорию психических типов с точки зрения общей психологии.

Современная научная психология, сохраняя старое деление психических явлений на ум, чувство и волю, указывает, однако, на относительность этого деления, на то, что в сущности в каждом явлении духовной жизни есть элементы и интеллектуальные, и эмоциональные, и волевые, только в одних явлениях преобладают первые элементы, в других вторые, в третьих последние. Вместе с тем волю она рассматривает просто как результат сочетания психических сил, умственные процессы теснейшим образом связывает с господствующими чувствами и, наконец, обосновывает обобщающую теорию чувств, где из первичных чувств выводятся все остальные путем осложнения их другими чувствами и деятельностью ума, представлениями на основе законов ассоциации. Таким образом ясно, что первенствующее значение в психической жизни имеют эмоции и теория ассоциативной связи. Надо заметить при этом, что к законам ассоциации сводятся не только сферы ума и чувства, но и область воли.

Эти теоретические выводы, прочно установленные в современной психологии, совершенно устраняют классификацию

---

[1]) „Психология характера и социология" в „Исторических и социологических очерках", часть I, М. 1906.

характеров на интеллектуальные, эмоциональные и волевые, проводимую, напр., Бэном, Фулье, Кейра. Гораздо ближе к истине те исследователи, которые кладут в основу классификации характеров чувства (подобно Рибо) и разные типы ассоциации (подобно Полану). Надо только органически соединить эти две основы, между которыми, как видно из предыдущего, существует неразрывная связь. Мы получим тогда ассоциативно-эмоциональную классификацию характеров—единственно верную, вполне оправдываемую и теорией психологии, и, как увидим в свое время, историей и современной действительностью.

Существенно необходимы в интересах исследования еще некоторые предварительные сведения о том духовном наследстве, которое получено человеком от его животных предков, о классификации эмоций и об относительном значении разных типов ассоциации.

Превосходный и глубоко-поучительный анализ духовного наследства, полученного человеком от его животных предков, дает Сутерланд. Констатируя прежде всего тот факт, что наименее приспособленные к выживанию виды животных сохраняются благодаря лишь чрезвычайной плодовитости, он отмечает, что улучшение приспособления состоит в улучшении нервной системы. Но так как с улучшением нервной системы связан более продолжительный период незрелости, то необходим родительский уход, по мере увеличения которого уменьшается плодовитость. В этом-то родительском уходе и заключается, по Сутерланду, как и по Литтре и Гюйо, которые, впрочем, имели в виду людей, а не животных, корень нравственных чувств, происхождение которых отодвигается таким образом в животную среду [1]. Так путем естественно-научного исследования подтверждается положение Гюйо о первичности у человека нравственных альтруистических чувств наряду с эгоистическими [2]. Притом важна степень развития тех и других чувств. „Физическая сторона эмоций“, по Сутерланду, „состоит в изменении тонуса или напряжения сосудистой системы нашего тела“ [3]. Существуют две кате-

---

[1]) Происхождение и развитие нравственного инстинкта, перевод Кончевской, Спб. 1900, столбцы 27, 32.

[2]) *Гюйо.* Образование нравственных чувств.

[3]) *Сутерланд.* Происхождение и развитие нравственного инстинкта, столб. 699.

гории эмоций—эмоции повышающие и понижающие телесную энергию, так как иногда животному надо было защищать себя, иногда уклоняться от опасности. Эмоции сначала были автоматическими, просто изменениями в кровообращении; только потом рефлекс, начинающийся внешним стимулом и оканчивающийся сокращением мускула, стал проходить через сознание. Первые признаки страха замечаются у червей, первые признаки полового чувства — у насекомых. Но у холоднокровных животных эмоции слабы, эмоциональность связана с теплокровностью" [1]).

Сутерланд перечисляет целый ряд первичных чувств, способствующих сохранению индивида. Но, строго говоря, чисто первичными, элементарными эмоциями, почти совершенно лишенными интеллектуальной примеси, являются только две: 1) недовольство (страдание), специфически выражающееся в борьбе за существование в виде боязни, и 2) довольство (удовольствие), чувство мощи, специфически выражающееся в борьбе за существование в виде смелости. Все остальные чувства образуются посредством ассоциации представлений с этими чувствами.

Проследим основные сложные эмоции, подразделяя их на группы и подвергая каждую из них психологическому анализу: это—важная подготовительная ступень к изучению развития психических типов [2]).

---

[1]) Там же, столбцы 700, 716, 720, 723. Шурц в своей книге „Возрастные классы и союзы мужчин" („Altersklassen und Männerbünde", Berlin 1902) отрицает происхождение альтруистических чувств из родительских и семейных, при чем ссылается на то, что общества животных на основе кровной связи нигде не достигли прочности и больших размеров, и что есть общества животных, напр., полипов, размножающихся путем деления и почкования. Но, во-первых, общества полипов вовсе не общества, а простые агломераты; во-вторых, тут смешивается происхождение общества с происхождением нравственных чувств: общества животных возникают не в силу образования альтруистических чувств, а вследствие борьбы за существование, как человеческие общества образуются и развиваются под влиянием хозяйственных условий и потребностей. В обоих случаях психологическим выражением общественной связи является не эгоизм и не альтруизм, а своеобразное сочетание эгоистических, альтруистических и иных чувств или инстинктов. Об этом, впрочем, — в отношении человеческих обществ — речь впереди.

[2]) Внимательный и сведущий читатель и без ссылок заметит, что в последующем сведены воедино результаты трудов многих психологов.

Элементарная эмоция недовольства — боязнь — является психологической основой целой группы *эгоистических* чувств, направленных непосредственно на самосохранение. Сюда относится прежде всего *страх*, высшей степенью напряженности которого является ужас. В чувстве страха, в отличие от инстинктивной и смутной боязни, есть интеллектуальный элемент не в виде только представления, автоматически будящего слепое влечение, а в виде ассоциации, возникающей в силу воспоминания определенной опасности от данного или в чем-либо подобного ему существа, предмета или явления. Сознание бесполезности борьбы со злом или опасностью приводит к *отчаянию* и *смирению*, которые таким образом относятся к той же категории эмоции, как и страх, будучи только сложнее последнего. Но тот же страх побуждает изыскивать способы самозащиты, а между этими способами в социальной среде виднейшее место занимают материальные средства, собственность. Так, посредством ассоциации идей, осложняющих чувство страха, образуется *бережливость* или *корыстолюбие*, развивающееся в высших своих степенях до жадности и скупости. Наконец, еще более сложными эгоистическими чувствами являются *отвращение* или *гнев*, возникающие от сознания причины страдания, *ненависть*— удовольствие от страданий причины наших страданий и *зависть*—недовольство вследствие удовольствия, испытываемого причиной наших страданий.

От эгоистических чувств следует отличать *чувства индивидуалистические*, в которых личный интерес также непосредствен и силен, собственное *я* также стоит на первом плане, но это *я*, так сказать, расширяет свои пределы, не ограничивается одним самосохранением, а стремится к превосходству, развивает, употребляя выражение Ницше, „волю к власти". Индивидуалистические эмоции имеют своей психологической основой элементарное чувство довольства— смелости. Специализируясь, ассоциируясь с определенным предметом или представлением, довольство превращается в *надежду*, развивающуюся в высших степенях своих в радость и восторг. Инстинктивная смелость таким же путем переходит в *храбрость* или *мужество*. Сознание собственной мощи, большей, чем у других, ведет к *чувству превосходства* и высшим степеням его—*самолюбию* и *честолюбию*. Сочетание избытка сил с сознанием тягостного одно-

образия и бедности обыденной жизни порождает *жажду разнообразия впечатлений, чувство новизны.* То же чувство превосходства приводит и к *чувству смеха*, *сатирическому чувству*, которое, осложняясь симпатией, превращается в *юмор*.

Половой инстинкт, как уже сказано, — психологический зародыш *нравственных или этических чувств.* С ним непосредственно связаны *родительские* и вообще *родственные* чувства и *любовь, связывающая людей обоего пола.* Нет нужды доказывать, что в высших своих проявлениях эти чувства — особенно последнее — осложняются интеллектуальными и другими эмоциональными (эстетическими, этическими) элементами в величайшей степени. То же надо сказать о чувствах *дружбы* и *симпатии*, в которых первоначальная основа происхождения вскрывается только исторически, в индивидуальной же жизни человека уже незаметна совершенно. Еще сложнее высшее этическое чувство — *искание морального идеала*, стремление разрешить вопрос, как жить свято, и применить на практике в жизни достигнутое решение этого вопроса.

Наконец, есть еще целый ряд *смешанных чувств*, как их удачно называет Гефдинг: это чувства, являющиеся результатом сочетания нескольких эмоций между собою, осложняемого еще чаще всего и ассоциациями идей. Только что было указано, что таковы юмор и некоторые высшие этические чувства. Но собственно сюда относятся чувства: *религиозное*, *политическое или общественное*, *эстетическое* и, наконец, *интеллектуальное.* Гефдинг, напр., указывает, что основы религиозного чувства — чувство зависимости, — первоначально страх, а потом космическое чувство, т.-е. зависимость по отношению к мировому бытию, при чем, как он выражается [1]), тут „реальное значение в бытии приписывается тому, за что идет борьба“; религиозное чувство носит пассивный характер; на высших ступенях развития религиозного чувства замечается связь с нравственным чувством, и мостом здесь служит как указанное сейчас космическое чувство, так и чувство симпатии. В политическом или общественном чувстве есть элементы и индивидуалистические

---

[1]) Очерки психологии, стр. 225—226.

и этические, осложняемые сильной примесью ассоциации идей. В эстетическом чувстве важное значение имеет симметрия, ритм, удовольствие от форм; тут много познавательных элементов. Интеллектуальное чувство — это наслаждение последовательностью, согласием и связью мыслей и недовольство от дисгармонии, противоречия и недостатка связи; ассоциации идей здесь имеют огромное значение.

Спрашивается, наконец: можно ли, в виду первостепенного значения ассоциативной связи в душевной жизни человека, приурочить к определенным эмоциям также и определенные типы ассоциации? Не сочетаются ли, напр., идеи (представления) с эгоистическими чувствами исключительно при помощи ассоциации по контрасту, а с этическими — при помощи ассоциации по сходству и тому подобное? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него отрицательно. Несомненно, что, говоря вообще, в каждой человеческой организации, как бы она ни была элементарна, находят себе применение все типы ассоциации в сочетании со всеми видами эмоций. Но этим еще не устраняется вопрос о *преобладании* того или другого типа ассоциации, как и того или другого вида эмоций, в различных психических организациях, у людей различных психических типов. Разрешение этого вопроса во всей его полноте и сложности — задача последующего изложения. Но уже теперь необходимо отметить два важные психологические наблюдения: первое принадлежит Джемсу [1]) и сводится к тому, что животным свойственна ассоциация по смежности, но не по сходству; к этому надо только прибавить, что им, повидимому, не чужда и ассоциация по противоположности, тесно связанная вообще с эмоциональностью, свойственной животным; второе наблюдение заключается в том, что, как то формулировал Гефдинг [2]), „восприятие различия более первоначальная деятельность, чем восприятие сходства“. Эти положения, никем не оспариваемые в общей психологии, послужат для нас, на-ряду с изложенной здесь классификацией эмоций, надежной опорой при изучении развития психических типов.

---

[1]) Психология, перевод Лапшина, Спб. 1905, стр. 315.
[2]) Очерки психологии, стр. 145.

III.

Периоды развития обществ.

„Это схематично“, „это черезчур схематично“—вот критические замечания, какие пишущему эти строки приходилось не раз слышать и читать по поводу своих исторических работ. В устах критиков эти замечания звучали порицанием, по мне они казались бессознательной похвалой.

И вот почему: наука — всегда схематична; где нет схемы, общей, единой закономерности, где нет стройности, единства, последовательности, там нет и науки; всякая частность, конкретная подробность *сама по себе* не имеет научного значения, она важна только как неотъемлемая, необходимая часть целого.

Конечно, научная модель или схема не вполне точно выражает действительные связи и отношения: мы слишком еще слабы знаниями и умом для полной точности. Но, чтобы к ней приблизиться хотя бы отчасти, возможно ближе, схема необходима.

Разумеется, на самом деле общественная жизнь идет непрерывно, без особенно резких переходов, развивается постепенно. Но и в развитии общества, как и в жизни природы, скачки („мутации“) неизбежны очень часто. Это—во-первых. А во-вторых, попробуйте изложить историю какого-либо общества, не деля ее на резко очерченные периоды [1]), — и вы увидите, что изображение много потеряет в ясности и определенности, окажется смутным, не ясно очерченным. Предупреждая поэтому о некоторой искусственности деления на периоды, мы все же от этого деления, от такого „схематизма“ отказаться не можем.

Девять основных периодов можно различить в истории каждого общества, каждой культуры, существовавшей достаточно долго. Периоды эти следующие:

1) Первобытное общество.
2) Общество дикарей.
3) Дофеодальное общество или общество варваров.

---

[1]) В русской, исторической литературе мы имеем пример этого в выдающемся по блеску и талантливости труде М. Н. Покровского „Русская история с древнейших времен“.

4) Феодальная революция.
5) Феодализм.
6) Дворянская революция.
7) Господство дворянства (старый порядок).
8) Буржуазная революция.
9) Капитализм.

Мы не обосновываем здесь этого деления. Прочным его обоснованием служит все последующее изложение.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Выводы палеоэтнологии или культура первобытного человечества.

I.

Первые люди.

Можно считать, кажется, довольно прочно установленным, что в третичный геологический период человек еще не существовал: в то время существовали только зоологические предки человека и боковые ветви, от них происшедшие и параллельные впоследствии человеческому роду — в мире обезьян. По крайней мере не доказано еще, что в третичный период человек действительно существовал [1]).

Довольно продолжительное время исследователи считали предками человека так-называемых „обезьяно-людей" (pithecanthropi), самым замечательным образцом которых является обезьяно-человек (pithecanthtropus erectus), остатки которого были открыты в 1891 г. Дюбуа на острове Яве. Дюбуа относил свою находку к третичному периоду, но в 1906 г. Фольц путем геологических исследований доказал, что она относится к четвертичному периоду. Той же эпохе принадлежат и найденные в других местах остатки обезьяно-людей. И вот это-то обстоятельство — принадлежность обезьяно-людей к четвертичному периоду — и показывает, что обезьяно-люди — не предки человека, а только боковая ветвь этих предков, вышедшая вместе с ними от одного ствола, от общего корня.

---

[1]) Ср. *Обермайер*, Доисторический человек, т. I, стр. 442.

Дело в том, что, как доказал в 1907 г. Шетензак своей находкой челюсти человека около Гейдельберга, человек существовал еще раньше обезьяно-человека, человекообразной обезьяны: челюсть найденного им „гейдельбергского человека“ (homo heidelbergensis) оказывается похожей на челюсть гориллы, а зубы в ней — человеческие. Это и есть, по Шетензаку и Клячу, предок или один из предков и современного человека (homo sapiens), и человекообразной обезьяны, „обезьяны-человека“ — этого неудачного опыта образования современного человека из человека гейдельбергского [1]).

Но гейдельбергский человек — не единственный вид первобытного человека. Данные современной науки убедительно свидетельствуют в пользу полиморфизма — образования в разных местах разных видов и типов человеческих существ в зависимости от естественных условий. Так были первобытные люди негроидной расы, был в разных местах Европы так называемый неандертальский человек, названный так потому, что его остатки впервые (в 1856 г.) найдены были в долине р. Неандера близ Дюссельдорфа в Германии, найден также около Монферрана во Франции человек, по типу более близкий к современному, чем неандертальский человек. Вообще древнейший человек существовал во всех пяти частях света.

Что в общем и целом представляли собою эти первые люди? Физически они были большею частью долихоцефалами, длинноголовыми (т.-е. ширина черепа была не больше трех четвертей его длины), с низким черепом и лбом, с маловесным мозгом (емкость черепа была не выше 1.230 кубич. сантиметров), с сильно развитыми надбровными дугами, с выдающейся вперед челюстью; ходили они на нижних конечностях, не были ни четверорукими, ни четвероногими, держались вертикально, но с согнутыми постоянно коленями. Таковы были общие физические черты, помимо некоторых различий: были, напр., и короткоголовые (брахицефалы), по типу более близкие к современному человеку и в других отношениях [1]).

---

[1]) Там же, стр. 402.

[2]) *Г.* и *А. Мортилье*, Доисторическая жизнь, Спб. 1903, стр. 243 и след.; *Обермайер*, Доисторический человек, стр. 394, 402 и след.

Каковы же были их материальная обстановка и их душевные переживания? Это вопрос более сложный, требующий различения отдельных моментов, периодов в жизни первобытного человечества.

II.

Шелльская эпоха.

Неизвестно в точности, каков был физический тип человека в первую, древнейшую эпоху, в которую обнаруживаются следы его существования, — в так-называемую шелльскую эпоху, названную так потому, что следы ее обнаружены впервые в Шелль во Франции, в департаменте Сены и Марны. Вероятнее всего тогда жил так называемый гейдельбергский человек.

Материальная его культура отличалась чрезвычайной простотой. Из трех основных хозяйственных потребностей — в пище, одежде и жилище — у него не было двух последних: человек тогда ходил совершенно нагой, чему способствовали большая волосистость его тела и теплый — влажный и жаркий — климат Европы в то время; а жилищем ему служили деревья, так что он более был приспособлен к лазанью, чем к ходьбе и беганью. Жил он в низменных местах, в горы не поднимался: там было для него слишком свежо [1]).

Вся экономическая задача сводилась, следовательно, к добыванию пищи. Какая же это была пища?

Человек был слаб, почти бессилен, потому что невооружен. Кроме естественных средств самозащиты — сильно, правда, развитых мускулов рук и ног, он имел только одно оружие — деревянную палку или дубину и одно — за то универсальное, служащее для всех и всяких целей — орудие, именно ударный камень, который часто неправильно называют теперь первобытным топором, и которому французы дали чрезвычайно картинное и меткое наименование — „удар кулака“ (coup de poing). Камень этот грубо оббивался другим камнем, но не был полирован и не имел рукоятки, ни особо сделанной, ни оббитой в том же камне. Заменой рукоятки

---

[1]) *Мортилье*, Доисторическая жизнь, стр. 269, 277, 278; *Обермайер*, Доисторический человек, стр. 126.

служила необбитая часть камня. Форма первобытного ударного камня более или менее походила на лавровый лист. Но сначала это сходство было весьма отдаленным, так как первоначально отбивался один — два осколка [1]).

При помощи этих первобытных орудия и оружия человек не мог и не смел бороться с огромными, могучими зверями. От них (напр., от слона) он только защищался и спасался на деревьях, а охотился лишь на мелкого зверя и птицу: на северного оленя, лошадь, мелкую дичь. Ни одно животное приручено не было, так что не существовало скотоводства даже в зародыше. И земледелия не было: питались лишь плодами, почками, молодыми побегами, нежными листочками — всем, что в растительном мире можно было добыть почти без труда, в готовом виде. Нельзя предполагать даже слабейших зародышей торговли, обмена: в шелльскую эпоху все ударные камни принадлежали к числу *местных* пород [2]).

Слабо защищенный, почти лишенный орудий и оружия, человек сильно нуждался в пище и потому не мог жить сколько-нибудь обширными союзами. Единственным объединяющим началом был тогда лишь половой инстинкт, создавший первобытную семью из мужа, жены и детей [3]). Многоженство и многомужество, как более или менее постоянные, сколько-нибудь устойчивые учреждения, существовать не могли по экономическим причинам. Но семейный союз, поскольку то позволяли хозяйственные условия, не был прочен и постоянен, напоминал примитивные половые отношения животных. Ни понятия, ни даже тени родства, рода, племени, тем более общины, государства не было совершенно хотя бы в самых слабых зародышах. Не было даже орд или людских стад.

Переходя, наконец, к психологии шелльского человека, следует констатировать, что он обладал всеми инстинктами, свойственными животным, но именно почти только инстинктами. Даже его оружие — палка или деревянный кастет — не отличало его от высших животных: некоторые обезьяны

---

[1]) *Мортилье*, Доисторич. жизнь, стр. 107, 112, 113, 115, 118. Едва ли прав Обермайер (стр. 128), слишком тонко различая разные виды первобытного орудия.

[2]) *Мортилье*, стр. 270, 279, 280; *Обермайер*, стр. 126, 127.

[3]) *Мортилье*, стр. 270, 277; *Обермайер*, т. I, стр. 126.

его употребляют [1]). Здесь можно предполагать ту ассоциацию по смежности, которая, по некоторым психологам, как мы уже говорили, свойственна и животным.

Но ударный оббитый камень—уже чисто-человеческое орудие. Однако, и здесь нельзя предполагать чего-либо психологически высшего и более сложного, чем свойственная животным ассоциация по смежности: человек ударял камнем и вдруг заметил, что удары становятся действительнее и удачнее, когда отлетит осколок—один или два. И стал уже намеренно оббивать камень, сначала весьма грубо: шелльские ударные камни велики, тяжелы и мало оббиты. Мысль едва брезжила в жалком мозгу первобытного человека [2]).

Где нет мысли и общественной организации, там нет языка. Нечленораздельные звуки—вот что мог тогда издавать человек,—не более того. Искусства, религии, даже хотя бы малейшего зерна их, не было и в помине. Указания некоторых исследователей,—напр., Буисона, Бардона, Гаузера—на „остатки тризны", во-первых, весьма слабо обоснованы, во-вторых, во всяком случае относятся к более позднему времени. Конечно, аргумент от молчания наших источников и материалов по отношению к столь древней эпохе—плохой аргумент, но он поддерживается в данном случае, общим характером жизни шелльского человека, всей совокупностью сведений о ней, сейчас изложенных, а также и данными о позднейших временах.

III.

Ашёльская и мустьерская эпохи.

Следующую затем ступень первобытной культуры представляет собою так называемая мустьерская эпоха—пещерная или ледниковая, названная так по местечку Мустье во Франции, близ которого были найдены впервые ее характерные остатки. Что касается ашёльской эпохи, то она была переходной от шелльской к мустьерской и заслуживает внимания исключительно с одной стороны: в то время подверг-

---

[1]) *Мортилье,* стр. 118.
[2]) *Мортилье,* Доисторическая жизнь, стр. 118.

лись некоторым преобразованиям, правда, довольно существенным, первобытные ударные камни. Именно: тогда появились заостренно-овальные орудия и некоторые подобия наконечников копий, а затем началась усиленная обработка краев камней с целью заострить их возможно больше, сделать удобными для скобления и резания, создать, другими словами, уже переход к ножу [1]). Исследователи, правда. пытаются иногда [2]) различить два хронологических момента и в ашёльской эпохе, но мы не пойдем здесь по их стопам: крайняя детализация для столь давних времен едва ли обладает достаточной степенью достоверности. Надо к тому же заметить, что примесь других орудий к первобытному ударному камню в ашёльское время была не велика; она не превышала 8 — 16% [3]).

Если вопрос о том, каков был тип человека в шелльскую и ашёльскую эпохи, является до известной степени открытым, спорным, — неизвестно, был ли то гейдельбергский человек или неандертальский, — то по отношению к мустьерской эпохе мы стоим в этом вопросе на твердой почве: найденные остатки скелетов неоспоримо свидетельствуют, что тогда жил именно неандертальский человек [4]).

В климате к тому времени совершилась крупная перемена: наступил ледниковвый период, стало холодно. Это сильно усложнило хозяйственную деятельность человека: пришлось позаботиться уже не только о пище, но и об одежде и о жилище.

Жилищем человека сделались по преимуществу пещеры: мустьерский человек — это человек пещерный, троглодит. Не следует преувеличивать изобретательность человека в этом отношении: и здесь ему проложили дорогу животные, раньше его бывшие пещерными жителями. Человек выгнал животных из пещер огнем [5]).

---

[1]) *Обермайер*, Доисторич. человек, т. I, стр. 138, 141; ср. *Мортилье*, Доисторическая жизнь, стр. 132 и сл.

[2]) *Обермайер*, Доист. человек, т. I, стр. 138. Другую противоположность — отказ от детализации — представляет Nadaillac, Les premiers hommes, P. 1881, т. I, стр, 69—79.

[3]) *Мортилье*, Доисторич. жизнь, стр. 129.

[4]) Там же, стр. 284; *Обермайер*, Доисторический человек, т. I, стр. 158 и след.

[5]) *Обермайер*, Доисторич. человек, т. I, стр. 150—153; *Мортилье*, стр. 437.

Едва ли верно мнение, что „первое основание одежде было положено окрашиванием тела краской и маслами, грязью и проч. для целей гигиенических и защитных“ [1]). Это мнение не только не подтверждается фактами, но стоит в прямом противоречии с появлением искусства рисования и окраски в несравненно более позднее время.

Необходимость одежды вызвана была, несомненно, изменением климатических условий—холодом ледникового периода, и первая одежда состояла из шкур зверей. Возможно, что потом стали приготовлять одежду и из первобытно приготовленной, не дубленой, а только выскобленной кожи, а нитками служили или жилы убитых животных, или нарезанные из их кожи ремни: это видно из появления и развития скребков в мустьерскую эпоху [2]).

Не только в одежде стал нуждаться человек, но и в маломальски устроенном ложе: появились постели из сухой травы и звериных шкур [3]).

Пищей, кроме растений и мелких животных и птиц, было и мясо крупных животных, для убивания которых стали употреблять огромные камни или каменные шары, прибегая иногда и к помощи ям или ловушек [4]). Появились сушеное мясо и запасы топлива [5]).

Охота, конечно, попрежнему, была главным, почти единственным занятием наряду с рыболовством, но появились уже некоторые зародыши разделения труда между полами: охотниками и рыболовами были мужчины, женщины занимались приготовлением пищи и обработкой шкур для одежды [6]).

Уже из сказанного видно, что хозяйственная техника сделала кое-какие, едва заметные, правда, успехи. И потому орудия труда усложнились. Новыми, типичными для этого времени орудиями являются в особенности скребла и скребки, с довольно тонкой обработкой, с сильно заостренными краями—для целей резания и скобления: просверливают и режут дерево, мясо, кожи, пилят, соскабливают жирные или разло-

---

[1]) *Б. Ф. Адлер,* Возникновение одежды. Спб. 1903, стр. 56.

[2]) *Мортилье,* Доисторич. жизнь, стр. 177; *Обермайер,* Доисторич. человек, т. I, стр. 154.

[3]) *Обермайер,* стр. 155.

[4]) Там же, стр. 154.

[5]) Там же, стр. 156.

[6]) Там же, стр. 154.

жившиеся частицы с нижней поверхности кожи и шерсть с верхней ее поверхности, сдирают древесную кору, стругают дерево [1]). Ударный камень шелльской эпохи в мустьерское время отступил уже на второй план перед новыми орудиями. Некоторые исследователи считают даже доказанным, что к нему и к новым орудиям была уже приделана деревянная рукоятка [2]). Так соединились два первобытных орудия—камень и палка. Огонь, повидимому, не добывался еще, а брался из природы (от пожаров, зажженных молнией, или от лавы при извержениях) готовым и тщательно сохранялся [3]).

3. Нет никаких оснований думать, что описанные перемены в хозяйстве усложнили или даже просто расширили человеческое общество: люди попрежнему жили небольшими семьями [4]).

Мы не в праве в виду этого предполагать сколько-нибудь существенные приобретения и в области духовной культуры. Если верна теория Нуарэ о происхождении языка из коллективных криков при работе,—а эта теория, повидимому, верна [5]),—то едва ли появился в мустьерскую эпоху язык, так как *коллективного* труда не было. Дальше нечленораздельных, животных криков человек не шел. Нет следов ни религии, ни искусства.

Тем не менее, в психологии человека уже существовали перемены: появление новых орудий для специальных целей, соединение палки с камнем, приспособление к новым условиям жизни посредством поселения в пещерах и изобретения одежды, а также ее приготовления, запасы пищи и топлива,—все это свидетельствует о том, что искра мысли разгоралась в мозгу неандертальского человека, и что ассоциации по контрасту и по сходству с трудом хотя и редко, но все же пробивались кое-как вперед, становясь иногда рядом со свойственной и животным ассоциацией по смежности.

Мы познакомились таким образом с выводами палеоэтнологии, или науки о первобытном человеке, поскольку эти вы-

---

[1]) *Мортилье,* Доисторическая жизнь, стр. 139—140.

[2]) *Обермайер,* Доисторич. человек, т. I, стр. 154.

[3]) Там же, стр. 485; ср. *Богданов* и *Степанов,* Курс политич. экономии, т. I, Спб. 1910, стр. 26.

[4]) *Мортилье,* Доисторическая жизнь, стр. 270.

[5]) Ср. *А. Богданов* и *И. Степанов,* Курс политической экономии, т. I, Спб. 1910, стр. 32.

ходы относятся к так-называемому древнему палеолитическому периоду. Как медленно шло развитие человеческого общежития в это время, видно из того, что по минимальному исчислению шелльская, ашёльская и мустьерская эпохи охватывали 24 тысячи лет [1]), а по самому вероятному исчислению. совершенно, однако, умеренному, непреувеличенному, — до 178 тысяч лет [2]).

IV.

Ориньякская и солютрейская эпохи.

Переход от древнего палеолитического периода к новому палеолитическому, тоже не знавшему полировки камня, представлен так называемой ориньякской эпохой (от м. Ориньяк во Франции). Но ориньякская эпоха отличается от следующей затем солютрейской (Солютре — в деп. Сены и Луары во Франции) главным образом большим количеством остатков орудий предшествующей, мустьерской, эпохи и несколько менее высокой техникой обработки новых орудий, в это время появившихся. Поэтому для того, чтобы не дробить без нужды изложения и не впадать в крайности классификации эпох и изображения их смены, — мы соединим характеристику ориньякской и солютрейской эпох в одно целое [3]).

Новость, сразу бросающаяся здесь в глаза сравнительно с предшествующим временем, заключается в том, что к каменным орудиям присоединились изделия из кости и рога. В то же время техника выделки нешлифованных каменных орудий достигла высшей степени своего развития [4]).

Лучшими примерами последнего могут служить ориньякские призматические ножи и великолепная обработка не только краев каменных орудий, но и широких плоскостей в солютрейскую эпоху [5]). Таковы в особенности каменные остроконечники и ножи в форме лаврового листа, служившие и метательным оружием, прикреплявшимся к деревянному

---

1) *Обермайер*, Доисторич. человек, т. I, стр. 392.

2) *Мортильє*, Доисторич. жизнь, стр. 538.

3) Ср. *Nadaillac*, Les premiers hommes et les temps préhistoriques т. I, стр. 71.

4) *Мортилье*, стр. 199.

5) *Обермайер*, Доистор. человек, т. I, стр. 218

древку, сланцевые очаги, каменные котлы, даже каменные изваяния [1]).

Появились резцы и ножи из кости и рога, а также украшения—ожерелья из клыков оленя, позвонков рыб, костей, подвески из кости [2]).

Охота и рыболовство попрежнему были почти единственными источниками добывания пищи, при чем охотились главным образом за северным оленем, жившим тогда по всей почти Европе, и за лошадьми. Олень и лошадь приручены не были: ни скотоводства, хотя бы в зародыше, ни тем более земледелия совершенно не существовало [3]).

Одежда состояла, как и раньше, из шкур животных по преимуществу, но уже не исключительно: были браслеты, нагрудные украшения, головные сетки, повязки на коленях, ожерелья [4]).

Климат того времени был в среднем несколько мягче предыдущего: начался уже последниковый период [5]), так что стало суше, снега начало выпадать меньше, ледники стали отступать, меньше становилось дождей и воды, уменьшились туманы и облачность, летом стало теплее, зимой холоднее [6]). Все это позволило людям селиться не только в пещерах, но и на открытых местах—в хижинах и целых лагерях или становищах [7]).

Самая раса человеческая изменилась: человек стал приближаться по типу к современному homo sapiens [8]).

Понятно, при всех этих данных, что и социальные отношения и связи, и духовная культура сделали небывало крупные успехи.

Люди стали соединяться в более многочисленные группы, чем прежде [9]),—отнюдь пока, однако, не в роды и племена, без их постоянства и сознания прочной кровной связи. Впрочем, мысль о родстве и происхождении от предков-органи-

---

[1]) *Мортилье,* Доисторич. жизнь, стр. 147, 150, 156, 157, 179.

[2]) *Обермайер,* Доисторич. человек, т. I, стр. 206, 213, 214.

[3]) Там же, стр. 221, *Мортилье,* стр. 271; *Nadaillac,* Les premiers hommes, т. I, стр. 106.

[4]) *Обермайер,* Доисторич. человек, т. I, стр. 215, 218.

[5]) Там же, стр. 386.

[6]) *Мортилье,* Доисторич. жизнь, стр. 431.

[7]) Там же, стр. 432.

[8]) Там же, стр. 284.

[9]) Там же, стр. 270.

заторов охотничьего хозяйства, несомненно, уже была [1]), только то были, быть может, еще предки отдельных семей.

Мы указывали уже выше на костяные украшения и каменные изваяния — первые зародыши искусства. К этому надо прибавить, что, несомненно, появилась и религия — культ предков. Это видно из того, что в ориньякскую и солютрейскую эпохи наблюдаются похороны умерших [2]). Повидимому, в основе похорон лежал страх перед умершим, как бы он не повредил. Отсюда возможность людоедства: съесть умершего значило уничтожить его и тем себя от него обезопасить [3]). И погребают покойника и связывают при этом, чтобы он не мог вернуться к жизни [4]). Не может, наконец, подлежать ни малейшему сомнению образование в это время элементов человеческой речи, языка: сложившиеся более обширные союзы предполагают коллективный труд, следовательно, общие трудовые крики. „Сначала слова и понятия относятся только к труду, а потом, путем основной метафоры, переносятся на разные действия во внешней природе, что происходит бессознательно, стихийно [5]).

Эта бессознательность, стихийность и составляет основную черту психологии человека того времени: этим объясняется не только образование языка, но и то обстоятельство, что первыми реальными приобретениями в области духовной культуры были зачатки религии и искусства. Ведь эти области духовной жизни — по преимуществу эмоциональны, в них главную роль играет бессознательное или подсознательное, — чувствования и даже инстинкты. Жизнепониманию всегда предшествует жизнеощущение: прежде, чем выработать себе определенное понимание жизни, человечество ощущает жизнь, чутьем улавливает, эмоционально воспринимает, что такое жизнь. Отражением этого и являются первоначальные элементы религии и искусства. Конечно, здесь нет никакой системы. Господствует „хаотический конкретизм“ [6]), „бесформенные комплексы“ [7]) без связующих общих понятий.

---

[1]) См. ниже, — о погребении.

[2]) *Обермайер*, Доистор. человек, т. I, стр. 215.

[3]) Там же, стр. 486.

[4]) Там же, стр. 491.

[5]) *Богданов* и *Степанов*, Курс полит. экономии, т. I, стр. 33.

[6]) *Виппер*, Символизм в человеч. мысли и творчестве: „Русск. Мысль“ за 1905 г., кн. 2, стр. 123.

[7]) *Богданов* и *Степанов*, Курс политич. экономии, т. I, стр. 35.

V.

Мадленская и азильская (турасская) эпохи

Ориньякская и солютрейская эпохи обнимали в среднем 11 тысяч лет [1]). За ними следовали мадленская и азильская (или турасская) эпохи, длившиеся до 33 тысяч лет [2]). Мадленская эпоха была временем последнего возврата холода [3]), а азильская эпоха отличалась уже климатическими условиями, близкими к современным нашим [4]).

Этот последний момент палеолитического периода отличался от предыдущего в области материальной культуры главным образом упадком техники выделки каменных неполированных орудий, отступлением их вообще на второй план в хозяйственной жизни, заменой их орудиями из кости и рога и высшим развитием обработки именно костяных и роговых орудий.

Тогда выделывалось много прекрасных орудий охоты и рыболовства из кости и рога — тонко зазубренные гарпуны, иглы из кости, наконечники, шила, долота, начальнические жезлы, многочисленные украшения костяные и из раковин [5]). За исключением указанных сейчас перемен в материале орудий и его технической обработке никаких существенных перемен в хозяйстве не произошло: попрежнему охота и рыболовство господствовали всецело, скотоводства и земледелия не существовало даже в зародыше.

Но организация хозяйства и вследствие этого общества была обширнее и несколько сложнее: были значительные по тому времени поселения и стоянки, были начальники, существовали некоторые слабые элементы кое-какого разделения труда [6]). Неизвестно, однако, точно, была ли кровная связь между жителями одного поселения, и начальники, вероятно, были временные [7]).

---

1) *Мортилье*, Доисторич. жизнь, стр. 538.

2) Там же.

3) *Обермайер*, Доисторич. человек, т. I, стр. 224.

4) *Обермайер*, Доисторич. человек, т. I, стр. 224, 242.

5) Там же, стр. 224, 225, 246; *Мортилье*, стр. 159 — 179.

6) *Обермайер*, стр. 233.

7) По крайней мере и позднее, у диких, бывали роды и племена без начальников: *Jochelson*, The Koryak, Leiden and New-Jork, 1908, т. II, стр. 431 — 432.

Еще более замечательны нововведения в области духовной культуры — в религии и особенно в искусстве, тесно связанном, впрочем, с религией.

Попрежнему практиковалось погребение умерших [1]). Существование фетишизма и тотемизма в религии, т.-е. почитание отдельных предметов и представления о переселени душ предков в животных, растения и другие предметы внешнего мира, значит и анимизм, вера в одушевленность всех предметов, — не подлежат сомнению. Это в особенности надо сказать об азильской эпохе, когда на раскрашенных гальках видим кресты, солнце, землю и проч., — следы фетишизма и анимизма [2]).

В искусстве замечательны и скульптура и гравировка — особенно на кости и оленьем роге (чаще всего — до трех четвертей всех изображений), и живопись красками минеральными, взятыми прямо из природы (красной охрой, углем и пр.), по стенам пещер.

Гравировали, резали на камне, роге или кости обыкновенно кремневым резцом. Редко изображали растения, чаще всего — животных, особенно млекопитающих. Человеческие фигуры редки [3]). Нет никакого сомнения в том, что все эти опыты первобытного искусства происхождением своим связаны с религией: это или выражение тотемизма, изображение тотемов, или изображения, имеющие в виду волшебные колдовские, магические цели: напр., животные рисовались красками на стенах пещер для того, чтобы удачно шла охота [4]).

Произведения первобытного искусства весьма ценны для характеристики психологии человека в конце палеолитического периода. Они обличают прежде всего чуство инстинктивной боязни странных нездешних сил, проникавшие его религию. Затем видно, что отдельные, изолированные впечатления человек воспринимал живо и передавал их ярко и близко к действительности: он был наивный и свежий реалист, умевший верно схватывать очертания животных, за которыми охотился. Но целое — перспектива, сцены, композиция — ему не давалось; сцены изображены по-детски: не хватает места, — жи-

---

[1]) *Обермайср*, стр 230.
[2]) Там же, стр. 248.
[3]) *Мортилье*, Доисторич. жизнь, стр. 181, 185.
[4]) *Обермайер*, Доисторич. человек, т. I, стр. 290 291.

вотное изображается вверх ногами. И в отдельном предмете или живом существе изображается главным образом то, что поражает и бросается в глаза, как его отличительная черта, особенность: там есть статуэтка женщины, и главное, на чем здесь сосредоточено внимание ваятеля,—это половые органы [1]). Опять и в религии и в искусстве ясно сказывается хаотический конкретизм.

Анимизм в этом отношении только подтверждает такую характеристику: его существование несомненно в ту пору, а изучение его подробностей и конкретных проявлений позднее, у дикарей и даже у народов, переживавших патриархально родовой быт и первоначально-демократические отношения, показывает, что анимизм предполагает одушевленность отдельных существ и предметов, а не мира в целом,—представления о единстве мироздания не было и не могло быть. К тому же и душа вовсе не мыслилась как нечто нематериальное, духовное, а как двойник тела, материальный, но невидимый. Представление об этом двойнике, как полагают, было создано наблюдениями над смертью и сном, при чем то и другое сближали, а сновидения объясняли странствованиями души-двойника, покидавшего тело во время сна и набиравшегося во время этих странствований новыми впечатлениями.

VI.

Неолитический период.

Палеолитический период длился сотни тысячелетий—едва ли меньше 220 тысяч лет. Следующий затем период полированного камня—неолитический — был несравненно короче, охватывал один—полтора десятка тысячелетий. Он часто совпадал уже с временем дикого состояния. Основное отличие неолитического периода от палеолитического заключается в том, что человек научился полировать или шлифовать камень.

Исследователи различают три момента неолитического периода—ранний, средний и поздний. В ранний неолитический период шлифовка камня едва начинается, камень вообще отступает на последний план в качестве материала для орудий, почти все здесь рог и кость. Появляются гон-

---

[1]) *Мортилье,* Доисторич. жизнь, стр. 182, 184, 185.

чарные изделия. Человек живет не только в пещерах, но и в свайных постройках [1]). Возможно, что свайные деревни были деревни людей, связанных так или иначе кровным родством. Едва ли они в социальном отношении сколько-нибудь существенным образом отличались от поселений первобытных людей в последние эпохи палеолитического периода. И в религии и вообще в духовной культуре неолитический период мало что прибавил к палеолитическому. Это надо сказать не только о первом, раннем его моменте, но и обо всем периоде в целом: изучение духовной культуры дикарей (этнология) не оставляет в этом, как увидим ниже, ни малейших сомнений [2]).

Камень, олений рог и кость подвергаются шлифовке во второй момент неолитического периода. В то же время достоверным становится появление множества деревянных изделий и лука со стрелами, что позволяет действовать против зверей с несравненно более дальних расстояний, т.-е. с большей безопасностью, чем при помощи старых, палеолитических, несовершенных, слишком тяжелых орудий. Техника выделки каменных изделий достигает в то время высшей ступени своего равития. Сильно прогрессирует гончарное искусство, керамика. Гончарные изделия приобретают украшения—ленточные и шнуровые, но пока еще идущие прямыми линиями, не дугообразно. Люди живут в это время не только в пещерах и свайных постройках, но и в землянках, чаще всего окруженных валами и рвами. Относительное перенаселение заставляло изобретать все новые и новые способы поселений. В погребении умерших типичной для неолитического периода формой является труносожжение, при чем ясно проглядывает стремление избавиться сожжением от страха перед покойником [3]).

Поздний момент неолитического периода менее всего интересен и характерен для первобытных времен: это уже переход к бронзовому или железному веку, к состоянию дикости от первобытного состояния. Появляется медь. Из нее и из

---

[1]) *Обермайер,* Доисторический человек, т. I, стр. 541—550.

[2]) Едва ли прав Надайяк, утверждая, что в неолитический период человек стал земледельцем: как общее правило, это неверно: см. Les premiers hommes, I, стр. 214.

[3]) *Обермайер,* стр. 554—573; *Nadaillac,* Les premiers hommes, II, стр. 250.

бронзы делаются кинжалы и кольца. Начинает в элементах своих складываться если не племя, то орда: сооружаются долмены — гробницы целых орд, требующие уже массового труда [1]).

VII.

Общая характеристика культурных приобретений первобытного человечества.

Для нас возможны теперь некоторые обобщения, относящиеся к культурным приобретениям, сделанным первобытным человечеством за десятки и сотни тысячелетий его тяжкого существования.

Без сомнения, это существование было тяжким. Несомненно, на этом тернистом пути было принесено много жертв. Вероятно, много отдельных пар шелльских людей погибло бесследно, прежде чем некоторые немногие представители этого действительно первобытного человечества достигли условий существования, характерных для ашёльской и мустьерской эпох. Так же было и позднее.

К сожалению, деталей этого тяжелого и сложного процесса теперь не проследит и самое тщательное и острое научное исследование. Но можно дать общую характеристику делавшихся медленно приобретений, их, так сказать, метода и установить некоторую закономерность достижений первобытного человечества в области культуры материальной и духовной. В этом ведь и заключается задача социальной динамики.

Общий метод приобретений, сделанных первобытным человечеством за все время его существования и развития,—ясен и бесспорен. То было постепенное, крайне медленное и, главное, совершенно бессистемное, аморфное, беспорядочное, нестройное накопление отдельных приобретений, составлявших таким образом бесформенные комплексы, создавших хаотический конкретизм, отсутствие единства и цельности, „рассыпанную храмину“ отдельных достижений.

Причина этого понятна: ведь за весь этот длинный ряд тысячелетий первобытное человечество не вышло в хозяйственной области из стадий полного и безраздельного господ-

---

[1]) *Обермайер*, стр. 574—582; *Nadaillac*, Les premiers hommes, т. I, стр. 305 и сл.

ства добывающей промышленности — охоты и рыболовства, без всякой примеси скотоводства и земледелия [1]). И те успехи в хозяйственной технике и в технике социальной — общественной организации, — какие были за все это время достигнуты, не были настолько велики и существенны, чтобы внести систему, единство, цельность, организованность в культуру материальную и духовную. В сущности, этой культуры не было, были только ее отдельные, постепенно накапливающиеся зародыши, элементы.

И, однакоже, в этом накоплении можно подметить некоторую закономерность и некоторые переломы, поворотные пункты. В этом главный интерес выводов палеоэтнологии или науки о первобытном человечестве, изложенных на предшествующих страницах.

Разделение каменного века на два периода — древний и новый, палеолитический и неолитический — слишком грубо и выражает далеко не все переломы, которые можно различить в развитии первобытного человества уже при современном состоянии науки. Правильно поэтому проводится еще черта между древним палеолитическим и новым палеолитическим периодами; первый охватывает шелльскую, ашёльскую и мустьерскую эпохи, второй ориньякскую, солютрейскую, мадленскую и азильскую. К этим двум стадиям развития надо прибавить третью — неолитический период, и перед нами будут три основные вехи, по которым можно установить до известной степени закономерность первобытного развития.

Немногое было достигнуто в первую стадию, в пределах, отмеченных первою вехою.

В хозяйстве охота распространилась к концу периода и на крупных зверей, будучи вначале ограничена лишь мелкими животными и птицами. Человек приобрел и первое жилище — пещеру от зверей, т.-е. в связи с охотой; от охоты же он получал и шкуры зверей — первую одежду. Охота за крупным зверем и необходимость скоблить и резать шкуры привели к дифференцированию первобытного топора или ударного камня. Жили люди все время маленькими и непрочными семьями.

---

[1]) Никак нельзя согласиться с Покровским (см. его „Очерк истории русской культуры“, часть I), что земледелие было занятием первобытных людей, и что не было натурального хозяйства, ибо встречаются каменные орудия не местных пород. Последнее — исключение и объясняется, всего вернее, не обычаем, а передвижением орд.

Никакой духовной культуры не было, и техника выделки первобытных каменных орудий лишь немного возвышала человека психологически над животными. Даже первые запасы пищи не составляли здесь исключения: и животные часто делают запасы [1]). Короче: то было почти чисто-животное состояние и в материальном и духовном отношениях, потому что ведь и первобытные охота и рыболовство, собирание плодов, почек, молодых побегов, нежных листочков, обертывание себя шкурами, жизнь на деревьях и в пещерах мало чем отличались от существования животных и их экспедиций за добычей.

И тем не менее психические достижения, осуществленные под влиянием дифференциации первобытных каменных орудий, вызванной необходимостью развивать охоту и искать одежды и жилища, имели огромное значение: только духовно возвысившись над животными, приобрев способность ассоциации по контрасту и по сходству вдобавок к свойственной и животным ассоциации по смежности, первобытный человек во второй стадии своего развития — в новый палеолитический период—мог достигнуть успехов, которые по сравнению с первой стадией кажутся прямо гигантскими, поражающими. В самом деле: ведь только ассоциация, осложняя животные инстинкты, превращает их в человеческие чувствования. Только она, следовательно, превращает инстинктивную боязнь в страх, откуда происходит религия, дает осмыслить и живо почувствовать реальные предметы, в особенности хозяйственно столь необходимых зверей, откуда идет искусство. Эмоциональная, основанная уже на человеческих чувствованиях, духовная культура только теперь становится возможной. Она делается уже не только возможной, но реальной, действительной вследствие того, что культурное наследие предыдущей эпохи— ассоциация по сходству и контрасту — дает возможность и возвысить до максимального предела технику обработки нешлифованного камня, и ввести в виде материала кость и рог. То же культурное наследие в соединении с большими и разнообразными охотничьими и рыболовными предприятиями создает и более обширные поселения, и более широкие обще-

---

[1]) Белки и ящуры собирают запасы орехов, лесные мыши — запасы буковых семян, хомяки и суслики запасают семена злаков: *Липперт*, История культуры; 5-е изд., Спб. 1901, стр. 21.

ственные соединения, и язык, членораздельную человеческую речь—необходимое организующее хозяйственное средство.

Третья стадия—неолитический период—не так поражает новшествами сравнительно со второй, как эта последняя по сравнению с первой. Особенно это надо сказать по отношению к духовной культуре: она как бы застыла, даже—в отношении искусства—пошла вспять. Это понятно: жилось все труднее, чисто добывающее хозяйство переставало уже удовлетворять потребностям, относительное перенаселение, т.-е несоответствие между господствующей отраслью хозяйства и нуждами растущего населения, все сильнее давало себя чувствовать; в заботах и трудах исчезала былая свежесть восприятия, чутье реальности.

Но эти же условия дали несколько великих приобретений в материальной культуре: сюда относятся полировка камня, высшее развитие ее и выделки костяных и роговых изделий, развитие гончарного дела и деревянных изделий, в особенности появление дальнодействующих легких, но опасных метательных орудий—изобретение лука и стрел, появление зародышей металлических орудий, наконец, зарождение элементов племени или, по крайней мере, орды.

Всматриваясь пристально в смутные очертания путей и результатов развития первобытного человечества, находя в нем усилием обобщающей мысли внутреннюю связь отдельных составных частей, выделяя, наконец, отдельные моменты и поворотные пункты, мы, кажется, можем сделать еще один важный вывод, детализирующий далее и более приведенное выше деление всего процесса на три стадии.

Один из талантливейших социологов Сен-Симон предложил деление отдельных исторических эпох на два вида—эпохи органические и эпохи критические. Органические эпохи—это те, которые в общежитии носят также название реакционных, а критические—это революции. Терминология Сен-Симона имеет, однако, большие преимущества: прежде всего со словом „реакция“ сочетается представление о возврате назад, тогда как на деле никакого возврата назад не бывает, а органически усваиваются, приспособляются к интересам господствующих групп или классов и соответственно изменяются приобретения предшествующей, революционной эпохи; а затем под „революцией“ обычно разумеют насильственный переворот, связанный с общественными и народ-

ными волнениями, тогда как революция означает переход власти из рук одной группы общества в руки другой группы или класса, и этот переход не обязательно сопровождается восстанием, а может совершиться и в более или менее мирных формах.

Как бы то ни было, но Сен-Симон считает характерной для истории всех стран и народов смену революций или критических эпох реакциями или эпохами органическими. Спрашивается: нельзя ли подметить эту смену уже в развитии первобытного человечества?

Изложенный материал, повидимому, дает на это некоторое право. В самом деле: ориньякская и солютрейская эпохи отличаются от мустьерской и более ранних не только высшей техникой изделий из нешлифованного камня и появлением орудий из кости и рога, что само по себе, в экономическом отношении, знаменует собою крупный переворот, но также и социальным новообразованием: рядом с узкой семьей, вместе с ней появляются зародыши более многочисленных по составу своему групп. Если припомнить еще, что в те же эпохи изменилась самая раса людей, и в духовной культуре создались религия и искусство, то наличность кризиса, революции окажется вне всякого сомнения. Надо прибавить, что грань, отделяющая солютрейскую эпоху от мадленской и азильской, не резка, так что можно весь новый палеолитический период считать революционным или критическим.

С другой стороны, поздний неолитический период сопровождался не только появлением меди и бронзовых орудий, но и зарождением элементов племени, или, вернее, орды, еще более обширной общественной формы: опять кризис, революция налицо.

Итак, общие выводы, к которым мы в конечном счете приходим относительно развития первобытного человечества, могут быть формулированы следующим образом:

1. Материальная и духовная культура и сама психика первобытного человека за весь длинный ряд тысячелетий, им пережитых, отличались крайней бессистемностью, бесформенностью, хаотическим конкретизмом, что объясняется полным, исключительным господством первоначальной добывающей промышленности, без всякой примеси сельского хозяйства — как скотоводства, так и земледелия.

2. В развитии первобытного человечества можно различить четыре основных периода: древний палеолитический, новый палеолитический, неолитический и поздний неолитический. Первый и третий — органические периоды, второй и четвертый — критические.

3. В древний палеолитический период охота дала человеку пищу, одежду, жилище, дифференцировала первобытное ударное орудие, создав каменные орудия резания и скобления, и обогатила, через посредство последнего приобретения, его психику элементами ассоциации по сходству и контрасту, возвысив его тем над животными. Формой общежития была небольшая семья.

4. Новый палеолитический период был ознаменован решительным переворотом и в материальной и в духовной культуре: более обширные и сложные охотничьи и рыболовные предприятия, вызванные относительным перенаселением, развили до высшего предела технику обработки орудий из нешлифованного камня, ввели в обиход орудия из кости и рога, создали более широкие по составу общественные организации и, под влиянием психических приобретений предыдущего периода, вызвали к жизни ряд проявлений духовной культуры — религию, искусство, язык, причем в образовании языка творческую роль сыграла непосредственная потребность в хозяйственной организации, искусство в своем происхождении тесно связано с религией, а религия имеет формы фетишизма, тотемизма, почитания умерших, возникших на почве анимистического мировоззрения и питаемые основным чувством страха перед неведомыми, таинственными силами, способными навредить или принести пользу человеку.

5. Появление шлифовки камня, высшее развитие ее и выделки орудий из кости и рога, появление и первые успехи гончарного дела и деревянных изделий, особенно изобретение лука и стрел, помогали первобытному человечеству бороться с относительным перенаселением в ранний и средний неолитический период и поддерживать общественные союзы, хотя бы и текучие, религию и язык, унаследованные от предшествующего периода. Но в исскусстве заметен упадок: исчезла свежесть и сила революционной, критической эпохи и усложнилась борьба с нуждой, близился и гораздо скорее прежнего наступил новый кризис.

6. Поздний неолитический период дал появление меди и бронзовых орудий и зародыши нового, еще более обширного союза, может быть, орды. То был кризис, переход от первобытного состояния в состояние дикости.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развитие жизни дикарей (выводы этнологии).

I.

Первобытная орда.

Мы видели, что первоначальной ячейкой человеческого общежития была первобытная небольшая и непрочная семья, и что, однако, уже в новый палеолитический период образовалось более широкое, чем семья, общественное соединение, еще больше расширившееся к концу существования первобытного человечества, в поздний неолитический период.

Что это были за соединения более обширные, чем семья?

Ответа на этот вопрос мы тщетно искали бы в материалах, оставшихся нам от первобытных времен: эти материалы дают нам только голый факт существования каких-то более или менее обширных союзов, не бросая никакого света на природу последних. Свет на данный вопрос проливается изучением следующего затем большого этапа в развитии человечества—жизни дикарей.

Некоторые исследователи быта дикарей категорически, безусловно отрицают какое бы то ни было значение кровного начала в первобытном общежитии и полагают, что „территориальное начало древнее кровного, оно—самое первоначальное“ [1]), что, другими словами, союзы людей, существо-

---

[1]) *Mucke*, Urgeschichte des Ackerbaues und Viezucht Greifswald, 1898, стр. 78.

вавшие в новый палеолитический период и даже в период поздний неолитический, были общежитиями соседей, отнюдь не кровных родственников.

Этому до известной степени противоречат уже отмеченные выше факты существования тотемизма в первобытном обществе. Правда, они могут быть еще, хотя и с натяжкой, объяснены поклонением предкам отдельных семей, а не всего союза. Но имеются другие факты, которые примирены с изложенным сейчас взглядом не могут быть уже ни в каком случае.

Сюда относятся не только мифологические предания, усердно собранные Бахофеном [1], впервые высказавшим уверенность в существовании сначала беспорядочных, совершенно свободных, ничем, кроме минутного желания, не регулируемых половых отношений в человеческом общежитии, но, в особенности, известие Цезаря, что у бриттов 10—12 мужчин имеют несколько общих жен, и сообщение о жителях Гавайских островов, что у них еще недавно — в первой половине XIX века — в пределах племени каждая женщина была женой каждого мужчины и каждый мужчина — мужем каждой женщины. Оба эти факта приведены и объяснены Морганом, который и обосновал ими существование первобытной орды с беспорядочными половыми отношениями, в ней господствовавшими [2]).

И факты и выводы Моргана подверглись критике [3]), но результат этой ученой полемики едва ли подлежит сомнению: существование первобытной орды с беспорядочными половыми сношениями ее участников, с брачными связями всех мужчин со всеми женщинами орды не подлежит сомнению не только на основании фактов, приведенных Бахофеном и Морганом, но и вследствие многочисленных пережитков. Известно, напр., что позднее, при лучше регулированном браке, неженатая молодежь обоих полов пользовалась полной свободой интимных отношений [4]).

---

[1]) *Bachofen*, Das Mutterrecht.

[2]) *Morgan*, Ancient society в русском переводе — Первобытное общество." Ср. *Энгельс* „Происхождение семьи, частной собственности и государства. Спб. 1907 г., стр. 14, 16.

[3]) Особенно со стороны Вестермарка, Старке и др. См. *Westermarck*, The history of the human marriage, стр. 15, 42.

[4]) *Schurtz*, Altersklassen und Männerbünde. Berlin, 1902, стр. 180—188.

Мы можем, таким образом, довольно точно определить природу первобытной орды, существование которой установлено современной палеоэтнологией. Это был не просто соседский, территориальный, а кровный союз, происшедший от беспорядочных половых сношений внутри его. Значит, и тотемизм, заметный с нового палеотического периода, был не только семейный, но и тотемизм орды: почитались предки орды обоих полов или, по крайней мере, женщины.

Этот вывод имеет большое значение в качестве исходного пункта истолкования дальнейшего развития.

II.

Матриархат.

Зародыши разделения труда между полами существовали, как мы в свое время констатировали, еще в первобытном человечестве: охота и рыболовство были тогда обязанностями мужчин, а женщины приготовляли пищу и шкуры для одежды, а также, вероятно, собирали плоды, коренья, вообще растения, годные для пропитания, сушили мясо, делали те или иные запасы.

Несомненно, уже это элементарное разделение труда между полами в первобытные времена имело некоторое хозяйственное значение. Но первостепенную важность оно приобрело лишь при переходе в дикое состояние,—тогда именно, когда жить почти исключительно охотой и рыболовством стало невозможно.

Как и почему это произошло?

Соединение или разрастание отдельных семей в орды, поселение этих орд в свайных деревнях, затем и на открытых местах на суше являлись признаками роста населения, относительного перенаселения, т.-е. такого увеличения плотности, при котором, наконец, хозяйство старого типа перестает удовлетворять насущным потребностям: охота и рыболовство становятся все труднее и все менее удачными. Это обстоятельство выдвигает заботу женщин о растительной пище на первый план. Вместе с тем изощряется и внимательность женщин к этому делу. Выкапывание диких пло-

дов и корней[1]) и наблюдения за случайным обсеменением почвы и происходящими отсюда результатами[2]) полагают начало занятию женщин земледелием. Конечно, сначала это было земледелие очень примитивное, состоявшее в легком разрыхлении почвы кривой палкой. И давало оно немного. Но все же изобретение женщиной зачатков земледелия было целой революцией—и не только экономической, но и социальной: оно выделило женщин в особую группу от мужчин и дало женщине особое, весьма влиятельное, если не господствующее в точном смысле этого слова, положение,—то, что Бахофен называл материнским правом и гинэкократией, и что теперь называется матриархатом[3]).

Матриархат—уже более сложная, более организованная форма общежития, чем первобытная орда, в которой все мужчины мужья всех женщин.

Прежде всего поселения мужчин при матриархате отделяются от поселений женщин. Женщины с детьми, не достигшими определенного возраста, превращающего их в взрослую молодежь, живут особо, а отдельно существуют мужские дома или стоянки, лагери охотников и рыболовов[4]). Конечно, эта перемена совершилась не сразу, полагают, что промежуточным звеном между первобытной ордой и матриархальной организацией было соединение двух орд, из которых каждая жила сначала особо, рядом с другой, хотя и в одной деревне, при чем все мужчины одной орды были мужьями всех женщин другой, а дети оставались в той орде, где была их мать[5]). Это соединение орд было вызвано непосредственно ростом населения и увеличением тесноты, или, что то же, относительным перенаселением при полном почти господстве охоты и рыболовства, когда женщины еще не изобрели зачатков земледелия. Но когда это изобретение стало фактом,—женщины обеих орд отделились от мужчин, как особый класс.

---

[1]) *Frazer*, The golden Bough, part V, vol. I, London, 1912. стр. 128.

[2]) *Липперт*, История культуры, Спб., 1901, стр. 152.

[3]) *Grosse*, Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, 1896.

[4]) *Kohler*, Zur Urgeschichte der Ehe, Stuttgart, 1897, стр. 53; *Schurtz*, Altersklassen und Männerbünde, стр. 202 и след.

[5]) *Schurtz*, Altersklassen und Männerbünde, стр. 78.

Но это лишь первоначальная форма матриархата. Скоро она осложнилась другими новшествами, именно в области брачных отношений.

Чем труднее жилось при установившихся хозяйственных отношениях, чем с большим трудом давалась добыча мужчинам и плоды земледельческих работ женщинам,—тем важнее становилась возрастная группа сильных, зрелых, достигших максимума трудоспособности лиц обоего пола. Она обособляется и приучает к труду молодежь, вышедшую уже из детства, но еще не созревшую вполне, не достигшую полноты развития своих сил. Наконец, при матерях остаются дети для первоначального их вскормления и воспитания. Так постепенно слагаются три возрастных класса: зрелых, взрослых людей, состоящих в непрочном, легко расторжимом браке между собой, юношей и девушек, еще учащихся работать, и детей, находящихся на материнском попечении [1]).

Процесс и на этом не останавливается. С ростом хозяйственных затруднений увеличивается значение вождей, организаторов, умудренных хозяйственным опытом, стариков и старух, дедов и бабок, руководителей дела. Слагается четвертая, высшая возрастная группа [2]). Конкретным примером деления на возрастные классы может служить организация, существующая у племени вадаи в среднем Судане: там к классу стариков принадлежат все, кому 50 и более лет от роду, к взрослым—от 25 до 50 лет, к молодежи от 18 до 25 лет, а все не достигшие 18 лет—дети [3]).

Деление на возрастные классы, как и на мужские союзы и женские поселения, имело сначала чисто хозяйственное значение, облегчало разрешение становившихся все более сложными хозяйственных задач. Но оно отразилось потом и на брачных отношениях—опять-таки в силу тех же хозяйственных удобств, для обеспечения наибольшей трудоспособности населения. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть резче и ярче, так как исследователи жизни дикарей—

---

[1]) Зародыши этого взгляда мы видим уже у Моргана. Его развил далее Кунов („Die Verwandtschaftsorganisation der Australneger", Stuttgart, 1894), но в особенности он обоснован прочно Шурцем: „Altersklassen und Männerbünde", стр. 84—85.

[2]) *Schurtz*, Altersklassen und Männerbünde, стр. 125 и сл. 139.

[3]) Там же, стр. 140.

даже такие, как Гроссе, ближе всего стоявший к истине — обыкновенно его упускают.

И при матриархате сначала продолжались беспорядочные половые отношения. Но потом постепенно вводятся ограничения, регулирующие брачную связь, руководящие правила и запреты, установление которых является делом стариков, дедов и бабок, руководителей хозяйства, может быть, даже делом более бабок, чем дедов, потому что женщины и хозяйственнее, и экономическая роль их в это время растет.

Остатки полной половой распущенности наблюдаются и теперь у некоторых инородческих племен Сибири [1]). У австралийских дикарей встречаются примеры неограниченного произвола стариков в деле пользования всеми женщинами племени, ограничений только для зрелых людей и в особенности для молодежи [2]). Но обычно устанавливается возрастной брак: каждый класс брачится с соответствующим ему классом другого пола, хотя в этих пределах брак все же остается групповым: все деды мужья всех бабок, как и все отцы мужья всех матерей [3]). Что касается молодежи, то она, до достижения брачного возраста, пользуется полной свободой половых отношений [4]), причем часто такие отношения возникают у дикарей очень рано, в детстве, с пробуждением элементов полового инстинкта [5]).

Основное ограничение, присущее возрастному браку,—это ограничение или запрещение брака родителей с детьми, по крайней мере матери с сыном [6]). Но в окончательном, завершенном виде групповой брак исключает признание законности, освещение обычаем половых отношений между братьями и сестрами—именно единоутробными, происходящими от одной матери. К этому типу законченного группового брака принадлежат отношения, описанные Морганом у ирокезов: ирокез называет детьми своими не только своих детей, но и детей своих братьев, а те зовут его отцом, а детей сестер он называет племянниками и племянницами, а они его дядей;

---

[1]) См., напр., *Jochelson*, The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus, Leiden—New-York, 1910, стр. 62.
[2]) *Schurtz*, Altersklassen und Männerbünde, стр. 179.
[3]) Там же, стр. 177 и сл.
[4]) Там же, стр. 90.
[5]) *Jochelson*, The Yukaghirs, стр. 62.
[6]) *Энгельс*, Происхождение семьи, стр. 17.

ирокезка называет своих детей и детей своих сестер сыновьями и дочерьми, а детей братьев племянниками [1]).

Примеров такого матриархально-группового брака, возрастных классов, особых союзов мужчин и проч. — очень много у дикарей всех частей света [2]).

У некоторых народов не сохранился матриархат в его законченной форме. Но сохранились явления, связанные с матриархатом,—авункулат, левират, религиозные обломки матриархата.

Авункулатом называется обязанность дяди, брата матери, защищать потомство его сестры, по нашему—своих племянников и племянниц, от насилия в случаях, когда такая защита оказывается необходимой, а сил женщины для нее недостаточно. Поэтому дядя по матери имеет и власть над потомством своей сестры. Это—несомненный остаток матриархата, встречающийся очень часто у диких народов разных частей света [3]).

Сущность другого матриархального обломка—левирата—заключается в том, что свояк женщины, брат ее мужа, в случае смерти последнего женится на его вдове. Наиболее известен левират у евреев, но он вообще распространен весьма широко [4]), и где он наблюдается, там — это можно сказать с полною уверенностью — некогда существовал матриархат.

Существует, наконец, много религиозных и ритуальных обрядов пережитков матриархата. Сюда относятся, напр., верования в высшие женские божества, которые затем были свергнуты мужскими и превратились в злых божеств: это

---

[1]) *Margan*, Ancient society; *Энгельс*, Происх. семьи, стр. 13.

[2]) *Kohler*, Zur Urgeschichte der Ehe, стр, 64, 66, 134 — 142; 150 и сл.; *Schurtz*, Altersklassen und Männerbünde, стр. 110 и сл., 126 и сл., 141 и сл., 151 и сл., 169 и сл., 171 и сл. 214 и сл.; *Липперт*, История культуры, стр. 171 — 172; *Jochelson*. The Yukaghir, стр. 72, 113; *Bogoras*, The Chukchee, Leiden—New-York, 1909, стр. 602—603, и т. д.

[3]) *Kohler*, Zur Geschichte der Ehe, стр. 63; *Липперт*, История культуры, стр. 171—172; *Потанин*, Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, Спб. 1883, стр. 382.

[4]) *Kohler*, Zur Geschichte der Ehe, стр. 135; *Jochelson*, The Coryak, стр. 737, 748; *Schurtz*, Altersklassen und Männerbünde, стр. 181; *Bogoras*, The Chukchee, стр. 607 и сл.

ниспровержение—признак уничтожения матриархата патриархатом, следовательно, указывает на былое господство именно матриархата. Примером здесь может служить былое почитание богини Хосьадам у енисейских остяков: Хосьадам была женою бога Еся, но ушла от него к богу Хыпю, за что разгневанный Есь низринул ее с неба [1]). Но наиболее известны остатки матриархата в обрядовом отношении: это обряды, исполняемые по достижении мальчиком зрелости, при принятии его во вторую возрастную группу—молодежи, т.-е. при переходе в мужской дом. Обряды эти различны у разных народов: то смешивают кровь отца и кровь юноши, то приносят жертву, выпуская у юноши часть крови, то совершают обряд обрезания или нечто подобное крещению, то остригают волосы на голове, опоясывают, иногда меняют и имя [2]). Общий смысл везде один: как-бы новое рождение. Некоторые новейшие исследователи приводят в связь с приемом мальчика в мужской дом, с признанием его зрелости и обычай так называемой кувады, т.-е. имитирования родовых болей мужчиной, отцом, иногда также поста, налагаемого на отца, истязаний, причиняемых им себе: тогда как прежде объясняли куваду желанием путем поста или воздержания магически воздействовать на неведомые силы с целью охранить здоровье новорожденного [3]),—теперь видят здесь именно обряд, символически выражающий вторичное рождение для жизни в мужском союзе [4]). Неудивительно, что кувада, применявшаяся раньше при зрелости юноши, потом стала практиковаться при рождении: то же случилось с обрезанием и крещением.

Из всего сказанного следует, что матриархат был явлением повсеместным, общим. Это и понятно: мы видели, как тесно он был связан с условиями хозяйственного развития.

---

[1]) *В. Анучин*, Очерк шаманства у енисейских остяков, Спб., 1914, стр. 3.

[2]) *Липперт*, История культуры, стр. 188, 189; *Shurtz*, Altersklassen und Männerbünde, стр. 104, 105, 106; *Шурц*, История первобытной культуры, Спб., 1910, стр. 273.

[3]) *Hartland*, The legend of Perseus, Lond., 1895, т. II, стр. 402 и сл.; *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 268—269. Это теория Тейлора.

[4]) *Липперт*, История культуры, стр. 186; *Frazer*, Totemism and Exogamy, vol. I, London, 1910, стр. 73.

Для полноты изображения социальных отношений в эпоху матриархата необходимо остановиться еще на происхождении в то время частной собственности.

Не подлежит, конечно, сомнению, что частной собственности на недвижимость, на землю не существовало. Возможно даже, что и понятия вообще о земельной собственности, хотя бы и коллективной, не было: земли было так еще много, что ею пользовались совершенно свободно, вольно [1]). Правда, дома были собственностью мужских и женских групп, но ведь они были легко переносимы и движимы.

Но возникла частная собственность на движимые вещи. Многие полагают, что первой частной собственностью были украшения. Что они были одним из первых видов частной собственности,—это бесспорно [2]). Но так же бесспорно, что сюда принадлежали одежда, утварь, оружие и в особенности орудия труда—мужские, как топор, копье, и женские—палка для копания и разрыхления почвы, орудия для добывания огня [3]). Частной собственностью таким образом становилось сначала все то, что тесно связано с личностью дикого человека, представляется как бы простым продолжением человеческого тела [4]).

В соответствии с матриархальным строем общежития дикарей и его хозяйственной основой, строилась, подобно собственности, и власть. Так, в Меланезии вожди мужских союзов особые, а матриархальные группы родственников также особые, при чем вторые важнее первых: во главе их стоят братья матерей, и они именно управляют хозяйством, тогда как вожди мужских союзов являются только военными предводителями [5]). У юкагиров всеми хозяйственными продуктами и их распределением заведует и теперь старшая в роде женщина [6]). Можно думать, что раньше в орде начальники или носили временный характер, или даже

---

[1]) См., напр., *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 242—244.

[2]) См., напр., *Липперт*, История культуры, стр. 200; *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 200 и т. д.

[3]) *Липперт*, История культуры, стр. 200; *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 220; ср. *Jochelson*, The Koryak, стр. 746.

[4]) *Липперт*, История культуры, стр. 200, *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 220.

[5]) *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 192—193.

[6]) *Jochelson*. The Yukagirh, стр. 108.

их совсем не было: подобное и теперь наблюдается у бушменов [1]). У коряков также нет правильной организации родовой и племенной власти [2]). Конечно, и временные вожди и старшие хозяйки действовали не одни и не самодержавно: власть, вообще, принадлежала возрастным группам стариков и старух, самой старшей из возрастных групп [3]). Здесь надо искать зародышей позднейших племенных и родовых советов.

Переходя к духовной культуре, мы должны проследить ее выражение в религии, этом первом проявлении духовно-культурного роста, наблюдавшемся нами еще в первобытном человечестве.

В религии мы встречаемся с знакомыми уже нам явлениями анимизма, фетишизма, тотемизма и культа предков. Но так как первые ростки этих ветвей первоначальной религии подверглись дальнейшему развитию у диких племен уже в период матриархата, то здесь уместно остановиться на них несколько подробнее, чтобы затем уже не возвращаться к деталям, а ссылаться лишь на факты, доказывающие и позднее существование верований такого характера.

Анимизм в сущности не религия, а фундамент, основа религии, почва, на которой развились верования первобытных людей и дикарей: это — миросозерцание, своего рода первоначальная философия [4]). Здесь мир представляется в виде бесчисленного множества одушевленных существ и предметов — людей, животных, растений, камней, рек, гор, звезд и пр. Душа, как мы уже говорили, казалась материальным двойником существа или вещи.

И вот на почве этого анимистического миросозерцания создается прежде всего фетишизм — стремление обрядами, жертвами и магией воздействовать на отдельные предметы и существа, на их духов с целью сделать их не только не вредными, но полезными человеку. Пока здесь нет ничего большего, чем ассоциация по смежности и инстинктивная боязнь, постепенно перерабатывающаяся в сознательный страх,

---

[1]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 192.

[2]) *Jochelson*, The Koryak, стр. 761.

[3]) *Schurtz*, Altersklassen und Männerbünde, стр. 139.

[4]) *Tiele*, Geschichte der Religion im Altertum. I Band, Gotha, 1895, стр. 7.

в чувство зависимости, — один из важнейших элементов религиозного чувства.

Но в тотемизме видна уже как-никак, а некоторая обобщающая мысль. Правда, бывают и личные тотемы у отдельного человека, его собственные покровители [1]). Но гораздо важнее их тотемы рода и тотемы пола — женские и мужские особо [2]). Личные тотемы, несомненно, существовали и в первобытное время, и в эпоху матриархата: они непосредственно примыкают к фетишизму, шаг от фетишизма к личному тотемизму не очень велик, — просто животное, растение, камень, звезда, искусственно сделанный предмет почитается как вместилище духа — покровителя данного человека. Но уже тут есть шаг вперед сравнительно с грубым фетишизмом: не отдельное, конкретное только существо или предмет считается покровителем, а весь род сходных, одинаковых с ним существ и предметов — все львы, напр., или все камни известной породы. Здесь уже работают ассоциации по сходству и контрасту.

Неизвестно, существовал ли в эпоху матриархата тотемизм родовой. Всего вероятнее, он образовался уже позднее, при переходе к патриархату, что, кажется, подтверждается и классическим описанием быта ирокезов у Моргана. Но несомненно, что тотемизм пола, в особенности женского, должен был сложиться именно в матриархальный период.

И здесь внутренняя связанность общественной жизни дикарей, зависимость духовной культуры и в частности религии от материального быта выступает с особенною ясностью. Тотемизм в его отдельных сторонах и проявлениях санкционирует, освящает и выражает разные явления материальной жизни: тотемическое животное нельзя убивать и есть, что, между прочим, дает повод думать, что тотемизм — магия для поддержания необходимых данной людской группе видов животных и растений [3]); тотем нельзя называть его именем, чтобы не оскорбить его [4]); он дает предзнаменования и благодетельствует покровительствуемой группе людей [5]): им опре-

---

[1]) *Frazer*, Totemism and Exogamy, vol. I, London, 1910, стр. 4; *Kohler*, Zur Geschichte der Ehe, стр. 43.

[2]) *Frazer*, Totemism and Exogamy, vol. I, стр 4.

[3]) Там же, стр. 8—10.

[4]) Там же, стр. 16.

[5]) Там же, стр. 22.

делается эксогамия [1]), т.-е. вводятся ограничения в брачные связи, освящаются деления общественной группы на подгруппы [2]) и т. д.

Несомненно, почитание женских божеств, как высших, имеет связь с тотемизмом и является также основой кровной религии и санкцией матриархата. Мы уже указывали по другому поводу на пример почитания женского божества у енисейских остяков [3]).

При таком магическом, колдовском характере религии понятно значение ритуала, обряда, молитвы, жертвы. Здесь необходим был крайний формализм, строгое соблюдение буквы, каждой подробности,—иначе магическое значение утрачивалось безвозвратно. К числу характерных подробностей жертвенных церемоний матриархального времени принадлежало детоубийство: под влиянием нужды или потому, что приходилось кормить ребенка долго молоком матери, а при новой беременности оно пропадало, между тем как половой инстинкт повелительно требовал продолжения брачных отношений,—первенцев приносили в жертву [4]).

Нет сомнения, что переход к матриархату создал своеобразные приобретения и в других областях духовной культуры—в искусстве, языке и т. д. Но эти приобретения носили такой частичный детальный характер, что были без труда стерты дальнейшими наслоениями, и в настоящее время мы уже лишены возможности сколько-нибудь конкретно и подробно их наметить.

III.

Переход к патриархату.

Охота постепенно, но неуклонно становилась все труднее и труднее. Этим вызывались усиленные заботы мужской половины населения матриархального общества дикарей о подъеме ее техники. Все более усложнялось и улучшалось

---

[1]) Там же, стр 54 и сл.

[2]) Там же, стр. 60 и сл.

[3]) *В. Анучин*, Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 3. Сюда же относится и почитание женщин-домовых (алалт) у тех же остяков: см. там же, стр. 84 и след.

[4]) *Липперт*, История культуры, стр. 180, 185.

охотничье оружие. Самым важным в этом отношении приобретением был бумеранг—метательная дубина, издали сильно поражавшая зверя [1]). Но и этих технических изобретений было недостаточно, чтобы помочь беде, так как беда заключалась главным образом в дальности расстояний, которые приходилось преодолевать при доставке убитого зверя. Здесь весьма существенным фактом, знаменовавшим целый переворот, было приручение первых животных и приспособление их к перевозке тяжестей.

Первым животным, которое приручил человек, является собака [2]). Повидимому, она не сразу стала животным вьючным, а раньше была помощницей человека на охоте и охранительницей от хищников — зверей и людей — дома: это видно из того, что наблюдалось в свое время в жизни, напр., сибирских инородцев [3]). Но именно нужда в доставке издали тяжелой охотничьей добычи заставила возить ее на собаках волоком, а потом повела к изобретению саней [4]), чтобы облегчить волок и устранить порчу добычи от неровностей пути Позднее стали перевозить тяжести на оленях [5]) — также всегда в упряжи [6]), наконец, были приручены осел и лошадь [7]) Рогатый скот вошел в число домашних животных сравнительно поздно, уже при частичном переходе к земледелию [8]) позднее даже свиней [9]).

Что приручение животных было делом именно мужчин, а не женщин, — это видно и из связи этого приручения с мужским занятием — охотой, и из целого ряда прямых наблюдений: так, у дикарей Африки разведение скота—дело мужчин [10]), у юкагиров домашними животными заведует в хозяйстве старший в роде мужчина [11]).

---

[1]) *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 468.

[2]) *Липперт*, История культуры, стр. 177; *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 335.

[3]) *Jochelson*, The Koryak, стр. 502.

[4]) *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 629—630.

[5]) Там же, стр. 627; ср. *Jochelson*, The Koryak, стр. 471, 475; *Bogoras*, The Chukchee, стр. 168.

[6]) *Jochelson*, The Koryak, стр. 475; *Шурц*, Ист. перв. культ., стр. 628.

[7]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 371.

[8]) Там же, стр. 369.

[9]) Там же, стр. 373.

[10]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 348.

[11]) *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 108.

Все эти новшевства, сущность которых сводится к *появлению скотоводства*, существенно видоизменили соотношение общественных сил того времени — мужского союза и женской группы; они укрепили хозяйственную самостоятельность и мощь мужских союзов и дали им перевес над женскими. Это повело к падению матриархата.

Отсюда, конечно, не следует, что матриархат сразу превратился в патриархальный род. Нет, сначала возникли переходные формы, о которых у нас уже шла речь выше, как о пережитках матриархата: то были авункулат — власть дяди, и левират — обязанность жениться на вдове умершего брата. В том или другом случае определенно заметен рост мужской власти, мужского господства. Но ни род, ни племя в критическую эпоху перехода от матриархата к патриархату или в период патриархальной революции еще не образовались.

От критических, революционных эпох далекого прошлого до нас дошло вообще гораздо меньше конкретных фактов, касающихся материального быта и духовной культуры, чем от соответствующих органических эпох. Это понятно: переходные, ломающиеся формы общественной жизни большею частью скорее исчезают, полнее стираются в действительности и в памяти людей, чем явления уже устоявшиеся, принявшие прочный облик. Тем не менее у нас есть некоторые важные, существенные черты, характеризующие изучаемый нами сейчас период жизни и развития дикарей и в духовно-культурном отношении. Все эти черты указывают на перемены в религиозных верованиях и обрядах, особенно жертвах.

Победа мужчины над женщиной в хозяйственной области нашла себе отражение в мифологии дикарей: так, по мифу енисейских остяков, высшее мужское божество Есь восторжествовало над божеством-женщиной Хосьадам, принизило, низринуло ее [1]). Характерно затем тотемистическое освящение нового мужского главенства верованием многих племен и народов в происхождение их от собаки; такое верование существует, напр., у одного из эскимосских племен [2]), а также у монголов [3]). Коряки и чукчи веруют, что прирученный

---

[1]) *В. Анучин*, Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 3.
[2]) *Kohler*, Zur Geschichte der Ehe, стр. 42.
[3]) *Потанин*, Очерки северо-западной Монголии, вып. II, Спб. 1881, стр. 161.

олень дал людям, по мнению первых, их предком Big Raven [1]), а по мнению вторых — творцом мира [2]).

Из обрядовых остатков изучаемой критической эпохи следует указать, напр., на обычай коряков [3]) и чукчей [4]) приносить в жертву собаку при отправлении на охоту: по верованию этих народов, такая именно жертва обеспечивала удачу на охоте. Кувада в ее измененной форме, т.-е., будучи перенесена от времени зрелости юноши к времени его рождения, когда отец и стал симулировать родовые муки, поститься или самоистязаться, также является признаком перехода к патриархату [5]): этим обрядом отец закреплял свои родительские права и отцовскую власть над ребенком. Возможно, что брак посредством похищения — превращение жены в собственность мужчины, — несомненно, древнейшая форма патриархальных брачных отношений [6]), —произошел также в период перелома от матриархального быта к патриархату. Наконец, сюда же относится уничтожение обычая приносить в жертву первенца и замена этой жертвы жертвоприношением животных, классически выраженные в истории жертвоприношения Исаака Авраамом, не состоявшегося и отмененного по воле Ягве [7]). Ясно происхождение этой замены: нужда уменьшилась, потомство уже не тяготило, а было дорого как рабочая производительная сила, и появились домашние животные, которые удобны для принесения в жертву.

IV.

Патриархат.

Органическая эпоха патриархата—время, когда на-ряду с охотой и рыболовством, которые остаются господствующими,

---

1) *Jochelson*, The Koryak, стр. 475.

2) *Bogoras*, The Chukchee, стр. 168.

3) *Jochelson*, The Koryak, стр. 90 — 97, 519.

4) *Bogoras*, The Chukchee, стр. 525.

5) *Hartland*, The legend of Perseus, стр. 402 и сл.; *Липперт*, История культуры, стр. 186 и сл.; *Kohler*, Zur Geschichte der Ehe, стр. 61.

6) *Липперт*, История культуры, стр. 179; *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 178; *Westermarck*, The history of the human marriage, Lond. 1903, стр. 383 и сл.

7) *Липперт*, История культуры, стр. 186 и сл.

выдвигается все более скотоводство [1]), тогда как земледелие существует попрежнему лишь в виде самого элементарного зародыша, в эмбриональной, зачаточной форме. Можно указать также на некоторое развитие домашней обрабатывающей промышленности, продукты которой, разумеется, предназначены для собственного потребления. Гончарным делом заняты у дикарей преимущественно женщины [2]). Мужчины выделывают вещи, имеющие отношение главным образом к войне и охоте,—приготовляют оружие, на дереве производят резьбу [3]). Плетенье и ткачество—занятие обоих полов [4]). Обыкновенно сначала обрабатывающей промышленностью из мужчин занимаются старики и калеки, не способные к войне и охоте [5]). Только кузнецы специализируются до некоторой степени в своем деле [6]), да и то специализацию надо понимать расширенно: в круг кузнечного искусства входят все металлические изделия.

Технический прогресс наблюдается в период патриархата в сущности только в области скотоводства. Сначала, как мы уже видели, скотоводство имеет подсобное значение для охоты. Потом оно начинает довлеть само себе, приобретает самостоятельную ценность, в особенности с приручением свиньи, лошади и рогатого скота—крупного и мелкого. В качестве самостоятельной отрасли хозяйства оно до некоторой степени служит продовольственным резервом, хотя к употреблению в пищу мяса домашних животных прибегают сначала редко, лишь в исключительных обстоятельствах [7]). Гораздо важнее становится скотоводство, когда переходят к потреблению молока кобылиц и рогатого скота [8]).

И этот-то именно рост экономического значения скотоводства наложил неизгладимую печать на все общественные отношения,—он и создал патриархальный строй и быт.

---

[1]) *Grosse*, Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft.
[2]) *Шурц*, История первобытн. культуры, стр. 380 и сл.
[3]) Там же, стр. 382.
[4]) Там же, стр. 383.
[5]) Там же, стр. 385.
[6]) Там же, стр. 386.
[7]) *Hildebrand*, Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen, I-r Teil, Jena, 1896, стр. 23, 24; ср. *Jochelson*, The Koryak, стр. 519.
[8]) *Hildebrand*, Recht und Sitte, I, стр. 24; *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 347.

Теперь уже, кажется, не подлежит спору, что из патриархальных групп сначала создалась более обширная, называемая со времен Моргана греческим термином фратрия, и затем уже менее широкая кровная группа — род [1]). Что касается племени, то оно образовалось еще позднее и не приобрело еще в это время господствующего значения, которое окончательно стало принадлежать роду [2]). Последний мы и сделаем центром нашего внимания в последующем изложении.

Фратрия и была, вероятно, переходной общественной формой от матриархата к патриархату. Возможно, что в ней, если не вполне, то отчасти, господствовало материнское право, и тотем был женский [3]). Но когда в силу новых, более постоянных и правильных брачных отношений, созданных похищением женщин мужчинами, фратрия разбилась на роды, во главе рода. естественно, стал мужчина, старший в нем, родовой старейшина, образовалось отцовское право, и появился мужской тотем, его освящающий, а затем исчезло и материнское право, и утратился первоначальный женский тотем [4]).

Род, конечно, в основе своей был кровной единицей, был связан происхождением от одного родоначальника. Но не следует преувеличивать значение этого кровного начала. Наряду с ним и здесь действовало начало территориальное, — в род вступали приселенцы-чужаки. Состав родовых групп юкагиров и смысл соответствующего термина на юкагирском языке не оставляют в этом сомнения и, повидимому, довольно точно выражают действительное положение дела в родовом быту дикарей. У юкагиров род является и кровной и территориальной группой; центральная группа рода состоит из нескольких семей, имеющих общего предка [5]).

Различные племена и народности современных дикарей находятся на различных ступенях развития патриархально-родового быта, сообразно различным степеням развития у них скотоводства, тому месту, какое скотоводство занимает между другими отраслями хозяйства. Где скотоводство слабо, где

---

[1]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 144, 148.
[2]) *Hildebrand*, Recht und Sitte, I, стр. 40.
[3]) *Kohler*, Zur Geschichte der Ehe, стр. 54.
[4]) Там же.
[5]) *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 116.

оно лишь играет вспомогательную роль по отношению к охоте — там слаба и родовая и еще более слаба племенная организация. Типичный в этом отношении пример — коряки [1]). При таком строе отец имеет всю полноту власти в роде не в том смысле, что эта власть абсолютна, неограничена по отношению к членам родового союза: нет, он с ними советуется во всех делах, — но он не ограничивается почти совсем племенной властью и племенной организацией, которая в это время зачаточна, и племенные старейшины и их совет, обычные всегда, когда слагается племя, и являющиеся старейшинами отдельных родов, собирающимися вместе для решения общих дел [2]), не приказывают отдельному родовому старейшине, а только дают ему советы [3]). Отсюда — из слабости племенной власти — и проистекает право и обязанность кровной мести [4]), а также происходят ордалии или суд богов в тех случаях, когда преступление разбирается на племенном суде, т.-е. в его совершении обвиняется лицо, принадлежащее к другому роду. Сущность ордалий заключается всегда в том, что обвиняемый подвергается испытанию, в котором должна сказаться воля божества. При этом часто сохраняются следы тотемизма. Напр., если тотемом рода обвиняемого является кобра, то она допускается к укусу обвиняемого, и если укус заживает в определенный срок, — обвиняемый считается оправданным [5]). С течением времени, с развитием скотоводства, власть племени расширяется, но вообще она не выходит за известные пределы, и реальное значение племенной связи в области материальной культуры сводится главным образом к тому, что племя владеет определенной, довольно обширной территорией, в пределах которой отдельные роды вольно, свободно, сообразно своим интересам, пользуются теми или иными участками [6]). Налоги из подарков выборным вождям племени появляются уже довольно поздно [7]).

---

[1]) *Jochelson*, The Koryak, стр. 761.

[2]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 200.

[3]) *Hildebrand*, Recht und Sitte auf den verschied. wirtsch. Kulturstufen, стр. 39.

[4]) *Шурц*, Ист. первоб. культуры, стр. 140; *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 132.

[5]) *Frazer*, Totemism and Exogamy, стр. 21.

[6]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 242; *Jochelson*, The Koryak, стр. 746.

[7]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 197.

Быт при этом — кочевой, причем в соответствии с переменами времен года, обыкновенно дважды в год, меняются и места в интересах лучшего прокорма скота и более удачного ведения охоты [1]). Выбор стоянок и является первой и главной обязанностью отца, родового старейшины [2]), причем он, конечно, действует в согласии и по совету со старшими или взрослыми членами рода. В хозяйственной области отец специально ведает еще скот [3]) и, конечно, общую организацию охоты, а мать заведует хранением продуктов потребления, прежде всего охотничьей добычи [4]). Кроме хозяйственных функций, родовой старейшина, отец, патриарх имеет еще функции жреческие — жреца и иногда гадателя [5]), а также, конечно, и слабый зародыш судебных функций, т.-е. разбирает ссоры, возникающие в пределах рода, между родичами. Но иногда бывают особые жрецы и чаще всего — шаманы, колдуны, гадатели [6]), а также кое-где имеются особые „герои“, военные защитники рода из сильных, возмужалых и храбрых людей [7]).

Женщина при патриархате занимает подчиненное, но, как мы отчасти уже говорили, когда речь шла о правах хозяйки, не бесправное положение [8]). Но господин, новый владыка, мужчина использовал свое преобладание в том смысле, что ввел полигамию — многоженство, отрицая полиандрию, многомужество [9]). Были, однако, и серьезные хозяйственные основания для полигамии: с одной стороны, патриархальное общество, благодаря скотоводству, стало богаче производительными силами, и выгодно оказалось увеличение населения [10]);

---

[1]) *Hildebrand*, Recht und Sitte, стр. 26; *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 49; *Jochelson*, The Koryak, стр. 438.

[2]) *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 119.

[3]) Там же, стр. 108.

[4]) Там же.

[5]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 198; *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 119.

[6]) *Шурц*, Ист. первоб. культуры, стр. 199; *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 120.

[7]) *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 121.

[8]) См., напр., *Bogoras*, The Chukchee, стр. 546.

[9]) *Липперт*, История культуры, стр. 194; *Jochelson*, The Koryak, стр. 752; *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 110; *Bogoras*, The Chukchee, стр. 539; *Westermarck*, The history ot the human marriage, стр. 431 и след.

[10]) *Липперт*, История культуры, стр. 180.

с другой, и в домашнем хозяйстве у хозяйки оказалось так много дела, что она не прочь была иметь помощниц в достаточном количестве и потому поощряла приобретение мужем других жен, тем более, что они не лишали ее преимущественного положения старшей жены и хозяйки [1]). Вероятно, наряду с похищением и преимущественно перед ним обычной формой брака в это время стала покупка [2]).

Сохранена была, конечно, старая патриархальная традиция ограничения брачных связей, возникшая из существования возрастных классов,—именно,—запрещение брака матери с сыном, к которому теперь присоединился и специальный запрет брака отца с дочерью: у них стал при патриархате один тотем [3]). Позднее запрещается соединение свекра со снохой и тещи с зятем [4]). Словом, вырабатываются правила, в настоящее время регулирующие брачные отношения и вносящие ограничения, диктуемые определенной степенью родства и свойства.

Одной из любопытных новых черт, проявляющихся иногда в патриархате, надо признать так называемый минорат—привилегию младшего сына при наследовании отцу: он именно получает его дом при разделе с братьями. Некоторые исследователи ставят минорат в связь с многоженством, при котором естественно предпочтение сына самой молодой из жен [5]).

Наконец, чем дальше шло развитие скотоводства, чем более оно превращалось в самостоятельную хозяйственную отрасль, особенно в скотоводство молочное, тем сильнее сказывалось в патриархальном обществе социальное неравенство: сначала появились рабы, несвободные члены рода [6]), главным образом из пленников, а потом началось кое-где и имущественное неравенство между отдельными родами и принижение отдельных родов,—стала выделяться родовая аристократия, знать [7]). Появление рабов было результатом, конечно, стремления уве-

---

[1]) Там же, стр. 194.
[2]) *Hildebrand*, Recht und Sitte, стр. 31.
[3]) *Kohler*, Zur Geschichte der Ehe, стр. 64.
[4]) Там же, стр. 55.
[5]) *Lang*, The secret of the totem.
[6]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 214; *Липперт*, История культуры, стр. 204, 207.
[7]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 208.

личить рабочую производительную силу родовых патриархальных союзов, что было так необходимо теперь при развитии скотоводства.

Охотничье-скотоводческие дикие племена имели за собой уже весьма продолжительную историю. И это создавало в их анимистическом миросозерцании и их тотемически-родовых верованиях не мало наслоений, причем некоторые из этих наслоений ближайшим образом относятся именно к эпохе патриархата, являются непосредственно ее плодом.

Любопытным примером анимистических наслоений является верование енисейских остяков, что, тогда как у животного и растения имеется по одной душе, у человека всего семь душ: находясь во чреве матери, он получает до шести душ из тех животных и растений, которые употреблены в пищу матерью, и только незадолго до рождения в человека, извне, через половые органы беременной, вселяется главная душа [1]).

Из наслоений тотемических обращают на себя внимание не только специальные праздники в честь тотемических животных [2]), но и праздники огня, как покровителя рода и семьи [3]), а также почитание домашних фетишей, считающихся специальными покровителями скотоводства, способствующими тому, чтобы скот водился хорошо [4]).

В погребальных обрядах сказалось не только традиционное представление о будущей жизни, протекающей в материальных условиях жизни настоящей, но и отражение особенностей данного периода в жизни дикарей. Так, енисейские остяки погребают умерших с лодками, ножами, посудой, но также уже и с санями [5]). Монголы не только одевают покойника в полную одежду, дают ему даже шубу, чашку и ложку, но закалывают и зарывают вместе с ним и лошадь [6]).

Самое камлание шаманов получает в подробностях своих истолкование, заимствованное из новых хозяйственных условий: у монголов, напр., бубен шамана объясняется как конь, на котором шаман улетает в мир духов и прилетает оттуда

---

[1]) *В. Анучин*, Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 10.
[2]) *Jochelson*, The Koryak, стр. 88; *Анучин*, Очерк шаманства, стр. 13.
[3]) *Jochelson*, The Koryak, стр. 33—36.
[4]) *Потанин*, Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 102.
[5]) *В. Анучин*, Очерк шаманства у енисейских остяков, стр. 12.
[6]) *Потанин*, Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 36.

обратно, а колотушка—как плеть или нагайка, которою он погоняет этого коня [1]).

Но при всем том попрежнему существует не столько религия, сколько ее предшественница магия, сущность которой, по определению Фрэзера, заключается не в том, чтобы умилостивить высшие силы, а чтобы принудить их к определенному действию,—заклясть, подчинить человеку. Соответственно этому енисейские остяки, в сущности, не молятся, а стремятся заклясть злого духа, чтобы предотвратить несчастия и принудить доброго духа помочь счастью [2]).

Тотемизм, магия, колдовство, вообще магически-религиозная стихия владеют и искусством и словесностью диких народов патриархального времени. Орнамент приобретает геометрический характер и усваивает магическое значение [3]). В поверьях и сюжетах народно-поэтических произведений тотемизм играет первенствующую роль: рассказывается о происхождении людей от зверей и растений, о браках животных с людьми, о зверях-кормильцах и помощниках [4]).

В искусстве—скульптуре и живописи—сохраняется прежний реализм, свежий и здоровый, в отношении к изображениям животных: хорошо изображаются, напр., у коряков [5]) и чукчей [6]) медведь, заяц, белуха, животные, изваянные из мамонтовой кости. Бывают, но уже далеко худшие, изображения людей, особенно шаманов во время камланья [7]). Но нет перспективы [8]). При изображении охоты и рыбной ловли у киряков звери слишком малы сравнительно с людьми, а рыба слишком велика [9]). Композиция детская. Правы исследователи, утверждающие, что искусство времен патриархата у диких народов не возвышается над уровнем искусства мадленской эпохи [10]).

---

[1]) Там же, вып. II, стр. 87, 88.

[2]) *В. Анучин,* Очерк шаманства, стр. 20.

[3]) *Шурц,* История первоб. культуры, стр. 744—751.

[4]) *Александр Веселовский,* Собрание сочинений, т. II, вып. I. Спб. 1913, стр. 34.

[5]) *Jochelson,* The Koryak, стр. 657, 658.

[6]) *Bogoras,* The Chukchee, фиг. XIX и XX.

[7]) *Jochelson,* The Koryak, стр. 650—653.

[8]) *Леббок,* Начало цивилизации, изд. 2-е, Спб. 1896, стр. 35.

[9]) *Jochelson,* The Koryak, стр. 663, фиг. 179.

[10]) Там же, стр. 646.

Со времен появления книжки Бюхера „Работа и ритм" происхождение ритма из рабочей песни является прочно установленным. Но не следует думать, что рабочая песнь того времени создала достаточно правильный, тем более развитой ритм: ведь и рабочая организация и песня были еще для этого слишком просты, несложны, неразвиты. Поэтому ритмы слабо развиты [1]). Музыка негров представляет собою унылый, одуряющий шум [2]). Тонов мало [3]). В поэзии и песне вместо рифмы — аллитерация [4]), и встречаются постоянные повторения одного и того же с незначительными изменениями в форме, расстановке слов и т. д. [5]).

Умственное развитие проявляется прежде всего в языке. Нам уже известно, что, по верному мнению Нуарэ, язык образовался еще в первобытное время из настроений, вытекающих у человека при хозяйственной деятельности и под влиянием этой последней. В период патриархата хозяйственная деятельность уже значительно осложнилась, — развился, следовательно, и язык. Теперь это — язык определенного родового соединения [6]), обыкновенно образный по форме и дополняемый жестами [7]), причем часто встречается много слов для обозначения одного понятия, и, с другой стороны, одно слово иногда выражает множество понятий и вещей; причина этого заключается в том, что сначала каждый род вырабатывает свой язык, а потом общение между родами приводит к обмену словами и названиями [8]). Вот почему у коряков, напр., в их языке до пяти диалектов, несмотря на всю немногочисленность этого племени [9]).

Зародышем письма и письменных знаков являются рисунки и узлы, имеющие сначала то магическое [10]), то хозяйственное значение: напр., посланный, имея известное число поручений, завязывает соответствующее количество узлов, или,

---

[1]) *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 723.
[2]) Там же.
[3]) Там же, стр. 702.
[4]) Там же, стр. 723.
[5]) Там же, стр. 724 — 728.
[6]) *Липперт*, История культуры, стр. 268.
[7]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 669.
[8]) *Липперт*, История культуры, стр. 269, 270.
[9]) *Jochelson*, The Koryak, стр. 429.
[10]) *Липперт*, История культуры, стр. 287; *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 673.

напр., на куске кожи делается изображение тех предметов, за которыми послан [1]). У индейцев рукописи заменялись шкурками, на которые нанизаны раковины; их различали по величине и цвету раковин и по сочетанию разноцветных шнурков; через известные сроки вождь собирал молодых людей и беседовал с ними, заставляя запоминать значение шнурков [2]). Ясно, что это лишь элементарные зародыши письменности, не возвышающиеся даже до идеографического изображения до гиероглифов в их первоначальном значении, ибо гиероглифы впоследствии получили уже значение буквенное.

Не менее элементарен был и счет дикарей. Многие дикари считают всего до трех или шести, а что свыше того, — называется неопределенным выражением „много“, „множество“[3]). Много помогают счету пальцы рук и ног, „пять“ — это „руки“, „двадцать“ — „человек“ [4]). Любопытны остатки двух систем счета — старой, древнейшей на основе цифры три и позднейшей — пятеричной или десятичной [5]).

Чрезвычайно характерен счет времени, утвердившийся у дикарей патриархального периода. Год лунный [6]), время считают ночами, а не днями [7]). Отсюда происходит исчисление по *месяцам*, т.-е. по ночному небу [8]). И это превосходно объясняется новыми хозяйственными условиями изучаемого нами сейчас времени: ведь для кочевого скотовода дождь, облачное небо, ночь с ее прохладой, луна — благо [9]). У номадов облачное, ночное небо — симпатичное лицо в мифе; оно побеждает, а если терпит поражение, то это признается трагедией [10]). В связи с этим, очевидно, находится и то, что бог-предок, дед у енисейских остяков отожествляется с луной [11]).

---

[1]) *Шурц*, История первоб. культуры, стр. 673.

[2]) *Липперт*, История культуры, стр. 290.

[3]) *Шурц*, История порвоб. культуры, стр. 873.

[4]) Там же, стр. 875; *Jochelson*, The Koryak, стр. 427.

[5]) *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 38, 39.

[6]) *Coldziher*, Der Mythos bei den Hebräere, Leipzig, 1876, стр. 80; *Jochelson*, The Koryak, стр. 428; *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 41; *Bogoras*, The Chukchee, стр. 51.

[7]) *Goldziher*, Der Mythos bei den Hebraern, стр. 74.

[8]) Там же, стр. 75 — 76.

[9]) Там же, стр. 67 — 68.

[10]) Там же, стр. 74.

[11]) *В. Анучин*, Очерк шаманства у енис. остяков, стр. 3.

Пространство всегда определяется дикарями сначала в терминах времени: напр., столько-то дней пути и т. д. [1]).

Наконец, лечение болезней всегда имеет религиозный магический характер: изгнание болезни — это изгнание демона, злого, вредного духа [2]); это дело шаманов [3]), причем шаман должен найти и определить, что случилось с душой человека: если у человека болят ноги, значит его дух защемил себе ногу; попадет дух в холодное место — человека знобит и пр. [4]).

Мы обозрели целый ряд различных проявлений духовной жизни дикарей. Теснейшая связь их с материальной обстановкой не подлежит сомнению и выяснена выше с достаточной полнотою. Но эти проявления связаны с материальными — хозяйственными и социальными—условиями не только каждое в отдельности, а и все вместе, в целом. И эта связь становится понятной, если мы обратим внимание на общий психический склад дикарей.

Чукчи, напр., часто безпричинно боязливы, часто от мелочных причин приходят в раздражение, как дети [5]). Самая примитивная музыка сильно действует на коряков [6]). Эта импульсивность, слабость задерживающих центров, отсутствие способности контролировать и перерабатывать впечатления — в высшей степени характерны для дикарей. В этом отношении особенно типичны бытовые сказки дикарей: в них нет ни типических тем, ни строгого плана наших сказок; это — ряд расплывчато-реальных или фантастических приключений, без органической связи и костяка, в них господствует бесформенность [7]),

Понятно при таких условиях и то непосредственное влияние хозяйственных условий на разные проявления духовной жизни, которое мы наблюдали почти все время выше: эти условия не преломлялись в психической среде, не перерабаты-

---

[1]) *Jochelson*, The Koryak, стр. 428; *Jochelson*, The Yukaghir, стр. 39.

[2]) *Frazer*, The golden Bough, part IV, London, 1913, стр. 109 и сл.

[3]) *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 885; *Bogoras*, The Chukchee, стр. 43.

[4]) *В Анучин*, Очерк шаманства у енис. остяков, стр. 11.

[5]) *Bogoras*, The Chukchee, стр. 45.

[6]) *Jochelson*, The Koryak, стр. 427.

[7]) *Ал-др Веселовский*, Собрание сочинений, т. II, вып. I, стр. 6.

вались чувством и умом и отражались в чистом, первоначальном виде в верованиях, искусстве, языке, счете, поэзии и т. д.

V.

Появление мотыжного земледелия.

Еще у некоторых диких племен нашего времени, напр., у индейцев Гвианы, земледелием занимаются одни только женщины [1]. И в мифологии есть много пережитков, указывающих на то, что земледелие было сначало специальностью женщины [2]. При полном господстве первоначальной охоты, как мы видели, и это примитивное земледелие было важно и в свое время повлияло на создание матриархата. Но значение женского земледелия было сильно принижено успехами охоты и рыболовства, связанными с применением собаки, оленя, наконец, лошади к перевозке тяжестей. С этого времени надолго охота опять почти полностью стала удовлетворять потребностям дикарей.

Но наступает момент, когда и скотоводство для целей перевозки тяжестей, охотничьей добычи и рыбачьего улова, и даже для потребления молока и мяса оказывается недостаточным подспорьем для охоты и рыболовства. Охота и рыболовство, первоначальная добывающая промышленность продолжают господствовать, составлять главный экономический фонд. Но, кроме скотоводства, они нуждаются в подсобном содействии уже и земледелия. Тогда и мужчина принимается за это дело. Живые примеры тому папуасы [3], буряты [4], монголы [5].

С этим связано, повидимому, важное для своего времени техническое усовершенствование в земледельческом труде. Мужчины издавна, как мы видели, посвящали часть своего времени домашней обрабатывающей промышленности, в особенности выделке орудий и оружия. Это должно было изощрять их навыки к элементарным техническим изобретениям. И вот,

---

[1] *Шурц*, История первобытной культуры, стр 343.

[2] *Frazer*, The golden Bough, part V, vol. I, Lond, 1912, стр. 113 и след.

[3] *Шурц*, История первоб. куудьтуры, стр. 344.

[4] Личные наблюдения автора этих строк в Иркутской губ.

[5] См. *Потанин*. Очерки северо-зап. Монголии; *Позднеев*, Монголия и монголы.

когда мужчина впервые наряду с женщиной взялся за кривую палку для вскапывания земли, ему не трудно было заменить ее палкой с железным наконечником или деревянной лопатой, мотыгой, потом заступом, киркой. До плуга и сохи и до пахоты при помощи скота еще не додумались, но возникло и упрочилось мотыжное земледелие.

Возникновение мотыжного земледелия явилось той вехой, которая знаменует собой начало новой критической или революционной эпохи в жизни дикарей, эпохи переходной к варварству, тому древнейшему состоянию, в каком мы застаем, напр., германцев, славян, кельтов на заре их истории.

Новый хозяйственный перелом не преминул сказаться и на социальных отношениях и положил некоторое основание также политическим связям.

Уже раньше мы наблюдали слабые зачатки имущественного неравенства и появление несвободного состояния, рабства у дикарей. В критические эпохи расстройство, падение старых хозяйственных отношений сказывается прежде и больше всего именно на элементах хозяйственно-маломощных, принижает их, обездоливает. И более сильные хозяйственные единицы их именно и обращают на подсобные земледельческие занятия. Без нужды за земледелие сначала не берутся, его презирают, как низшее занятие сравнительно с охотой, и берут в руки мотыгу или кирку только по необходимости, за пособие от богатых на пропитание [1]). И теперь при зачаточном переходе к земледелию, напр., у монголов, им заняты беднейшие и притом несвободные элементы населения, так называемые шабинары [2]).

Способствуя дальнейшему, хотя, конечно, и не сильному еще, социальному расчленению родового общества, мотыжное земледелие помогало также укреплению политически-племенного союза, возвышая власть и значение племенного старейшины, выбиравшегося всеми родовыми старейшинами племени. Определяющую, главную роль здесь сыграла большая, чем прежде, потребность в сколько-нибудь очерченной племенной территории. Конечно, и теперь скотоводство и земледелие

---

[1]) *Hildebrand*, Recht und Sitte auf den verschied. wirtsch. Kulturstufen, стр. 46, 47.

[2]) См., напр., *Позднеев*, Монголия и монголы, т. I, Спб. 1896, стр. 38 и др.

оставались кочевыми, господствовало вольное для отдельных родов землепользование, но уже в пределах племенной территории. Оказалось необходимым установить право племени на область, территориальное право, которое принадлежит лишь тем, кто причисляется к соответственному народу или племени [1]). Наблюдать за целостью и неприкосновенностью этой территории должен племенной старейшина вместе с советом старейшин родовых. Отсюда уже недалеко и до того, что наблюдается у некоторых современных нам диких племен: племенной князь дает разрешение на возделывание свободной земли [2]). Но, конечно, это уже позднейшая стадия развития территориального права. В данный момент оно понимается не так широко: просто территория одного племени противополагается территории другого.

Если раньше, когда одни лишь женщины занимались земледелием, божество земледелия и зерна было женским, как, напр., Деметра и Персефона у греков [3]), то теперь появляется и мужское земледельческое божество, подобное греческому Дионису [4]). По старой тотемической привычке земледельческое божество нередко представляется воплощенным в животное — собаку, кошку, петуха и проч. [5]). Но особенно возвышается почитание солнца, света и дня [6]): ведь ночь, мрак, избыток дождя для земледельца — зло, а солнечный свет и тепло — благо [7]). Поэтому в земледельческих мифах сияющее дневное небо всегда одерживает победу над ночной тьмой [8]). Убийство Каина Авелем есть победа изготовителя земледельческих орудий над пастухом [9]). Возникают и земледельческие праздники весны, подобные римским сатурналиям [10]), позднейшим карнавалу и масленице, зародыши этих позднейших празднеств.

---

[1]) *Hildebrand*, Recht und Sitte, стр. 50.
[2]) *Шурц*, История первобытной культуры, стр. 245.
[3]) *Frazer*, The golden Bough, part V, vol. I, стр. 39—59.
[4]) Там же, стр. 1—5.
[5]) Там же, стр. 270 и след.
[6]) *Frazer*, The golden Bough, part VII, vol. I, стр. 106 и след. 336 и след.; *Goldziher*, Der Mythos bei den Hebräern, стр. 71.
[7]) *Goldziher*, Der Mythos bei den Hebräern, стр. 71.
[8]) Там же, стр. 74.
[9]) Там же.
[10]) *Frazer*, The golden Bough, part VI, стр. 407—409.

VI.

Общие выводы.

Результаты сделанного на предыдущих страницах сжатого обзора развития жизни дикарей могут быть выражены в следующих общих выводах:

1. В развитии жизни дикарей следует различать четыре периода: матриархат, начало приручения животных, патриархат и появление мотыжного земледелия. Первый и третий из этих периодов — эпохи органические, второй и четвертый периоды представляют собою критические эпохи.

2. Период матриархата характеризуется усилением экономического значения первобытного женского земледелия. Вместе с тем после сближения двух орд образуются мужские дома или стоянки, отдельные от женских поселений, затем образовались четыре возрастных класса: 1) дедов и бабок, 2) отцов и матерей, 3) молодежи и 4) детей. Интересы обеспечения наибольшей трудоспособности населения повели к смене беспорядочных половых отношений, существовавших в орде, групповым возрастным браком, исключавшим во всяком случае брачные отношения между матерью и сыном. Остатки полной половой распущенности наблюдаются только в классе молодежи. Появилась особая мужская и женская частная собственность на орудия, одежду и украшения. В области духовной культуры матриархат дал почитание высших женских божеств, куваду в ее первоначальном смысле обряда, при принятии созревшего юноши в мужской дом, женский и вообще половой тотемизм и жертвоприношение первенцев.

3. Начало приручения животных — прежде всего собаки и оленя—вводит в хозяйственный обиход скотоводство, как подсобную отрасль хозяйства в отношении к охоте; становятся возможными далекие охотничьи экспедиции и привоз добычи издалека волоком или на изобретенных для этого санях — зародыше всех позднейших экипажей. Приручение животных было делом мужчины, дало поэтому перевес мужчине над женщиной и создало формы, переходные от матриархата к патриархату—власть дяди по матери или авункулат, женитьбу брата умершего на его вдове, затем фратрию, как более упорядоченную кровную единицу, чем орда с матриар-

хатом и возрастными классами. В религии произошла победа мужских божеств над женскими, верования в происхождение племен от собаки и в дарование божеством-предком людям оленя; вместе с тем было введено жертвоприношение собаки для удачи в охоте, кувада превратилась в обряд симулирования родовых мук отцом при рождении ребенка для укрепления отцовских прав на него, утвердился брак посредством похищения женщин и уничтожен был обычай жертвоприношения первенцев.

4. В период патриархата скотоводство из вспомогательной отрасли хозяйства постепенно—особенно с приручением осла, лошади, свиньи и, главное, рогатого скота—превращается в самодовлеющую. Под влиянием этого сложился патриархальный род с многоженством, хозяйственной, жреческой и отчасти судейской властью отца, патриарха, с низшим, но все же не угнетенным положением старшей жены-хозяйки, с слабостью племенных связей, что наиболее ярко выражается в кровной мести и ордалиях, знаменующих собою лишь совещательную и наблюдательную роль племенного союза. В брачных связях сложилась родовая экзогамия. Появился миноритет, преимущественное право наследования младшего сына, связанное с полигамией. Начало обозначаться социальное неравенство: появились рабы. Всему этому в духовной культуре соответствовало усложнение анимистических воззрений, почитание огня, как покровителя рода, и домашних фетишей—покровителей скота, важная роль скота в погребальных обрядах и обряде камланья, в поверьях и сюжетах народной поэзии. Искусство в его различных проявлениях не делает успехов сравнительно с первобытными временами, но появился родовой язык, возникли самые элементарные зародыши будущих письменных знаков в виде рисунков и узлов, а также элементы счета, лунный год и магическое лечение болезней.

5. Когда охота и с помощью животных и самодовлеющее скотоводство перестали полностью удовлетворять потребностям дикарей, появилось мужское мотыжное земледелие, усилившее рабство и обратившее к земледельческой работе именно производительные силы несвободного населения, развившее территориальную власть племени и установившее верования в мужские земледельческие божества, почитание солнца, света и дня и земледельческие праздники.

6. В психологии дикарей за все время развития их жизни наблюдается крайняя импульсивность, отсутствие способности задерживать, контролировать, перерабатывать и систематизировать впечатления, т.-е. господствует попрежнему хаотический конкретизм.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Родовое и племенное общество (состояние варварства).

I.

Древнейшая Русь.

Древнейшая Русь — это Русь с VI до половины X века. Целый ряд несомненных и достоверных свидетельств - источников убеждает в том, что основною отраслью производства в то время была добывающая промышленность в разных ее видах. Важнейшим из этих видов добывающей промышленности является охота или звероловство. Свидетельства о первостепенном значении звероловства дошли до нас еще от VII, VIII и IX веков. Кий, Щек и Хорив, по преданию, занесенному в Начальную Летопись, были звероловами[1]. Северяне платили дань хозарам по шкуре белки с дыма[2]. Олег, подчинив в 883 г. древлян, положил на них дань по черной кунице с дыма[3]. По словам арабского писателя Ибн Хордадбе, жившего во второй половине IX века, русские вывозили из своей страны меха выдры и черных лисиц[4], т.-е. продукты звероловства. В 945 г. Игорь, отпуская от себя византийских послов, заключивших с ним договор, одарил их тем, чем сам был богат, главным образом мехами[5]. То же самое

[1]) Начальная Летопись: рассказ о полянах (без хронол. дат).
[3]) Начальная Летопись под 883 г.
[2]) Там же.
[4]) *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб. 1870.
[5]) Начальная Летопись под 945 г.

обещала дать в дар византийскому императору при своем крещении княгиня Ольга [1]). Ей же приписывается устройство княжеских „ловищ“, т.-е. приспособлений для охоты на зверей, в землях древлянской и новгородской и „перевесищ“, приспособлений для птичьей охоты, по Днепру и Десне [2]). Древляне, осажденные Ольгой в Коростене, предлагали ей дань „скорою“, т.-е. мехами [3]). По словам Святослава, одним из главнейших богатств Руси были меха [4]).

Важно было также и пчеловодство: в числе даров Игоря и Ольги грекам был воск [5]); перечисляя предметы, которыми изобиловала в его время русская земля, Святослав называет, между прочим, мед и воск [6]).

Археологические раскопки дают несомненные указания на занятие рыболовством: при раскопках находят часто остатки рыбьих костей, рыболовных крючков, удочек, острог, грузил для сетей [7]). По договору Игоря с греками, русским разрешалось ловить рыбу в устье Днепра [8]).

Утверждают, что восточные славяне уже в VII и VIII веках были совершенно земледельческим народом, что земледелие было основным их занятием [9]). Нет, конечно, сомнения, что славяне VI, VII и VIII веков знали земледелие. По известию византийского писателя императора Маврикия, у славян того времени было много проса и пшеницы. В северянских и полянских могильниках археологами открыты зерна ржи, ячменя, пшеницы и гречихи, а также такое земледельческое орудие, как серп [10]). В IX веке упоминается „рало“, т.-е. плуг, у радимичей [11]), в X веке при Святославе и Владимире, у вятичей [12]). В правление Ольги встречаем известие,

---

1) Начальная Летопись под 955 г.

2) Там же, под 947 г.

3) Там же, под 946 г.

4) Там же, под 969 г.

5) Там же, под 945 и 955 гг.

6) Там же, под 969 г.

7) См., напр., *Голубовский*, История северской земли, Киев, 1881, стр. 27; *Грушевский*, История киевской земли, Киев, 1891, стр. 372.

8) Начальная Летопись под 945 г.

9) В „Очерке истории труда в России“, напечатанном в V книге „Архив истории труда“ мною дан подробный разбор этого взгляда.

10) *Голубовский*, История северской земли, стр. 28; *Грушевский*, История киевской земли, стр. 374, 375.

11) Начальная Летопись под 883 г.

12) Там же, под 964 и под 981 г.г.

что древляне „делали нивы своя“ [1]). Но *существование* земледелия и его *господство* — не одно и то же. И как раз приходится признать, что земледелие в древнейшей Руси не господствовало, не было даже очень важной отраслью хозяйства. Это явствует из того, что, как мы только что видели, в числе хозяйственных благ, составлявших главное богатство Руси, ни разу не называется хлеб, а упоминаются только продукты добывающей промышленности — меха, мед и воск. Есть и прямое известие о второстепенной роли земледелия: арабский писатель Ибн-Даста сообщает, что славяне совершенно не имели пашен [2]), что, разумеется, надо признать просто гиперболическим способом выражения, тем более, что ниже сам же Ибн-Даста прибавляет, что они „более всего сеют просо“. Посевы проса также доказывают примитивность земледелия: просо наименее прихотливый из земледельческих продуктов, требует меньшего ухода и труда.

Первые, дошедшие до нас, указания на важность скотоводства относятся к X веку: они заключаются в свидетельстве Ибн-Даста [3]) и в летописном известии о бывшем у Олега „старейшине конюхом“ [4]); если были конюхи и над ними старший, то были, очевидно, и большие стада.

Некоторые очень авторитетные исследователи [5]) склонны придавать первостепенное значение внешней торговле дофеодальной Руси. И на первый взгляд кажется, что такое мнение подтверждается источниками. Торговля с арабами и хозарами началась, несомненно, еще в VIII веке, как о том свидетельствуют найденные клады с серебряными арабскими монетами — диргемами, самые ранние из которых относятся к последним годам VII века, немало монет VIII столетия, но особенно много диргемов, чеканенных в IX и X веках [6]), потому что этот период был временем наиболее оживленных сношений между Русью и азиатским востоком. От IX и X столетий уцелели и литературные известия об этой торговле: арабский писатель второй половины IX века Ибн-Хордадбе рассказывает, что русские торгуют с хозарами в их столице

---

[1]) Там же, под 941 г.

[2]) *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей.

[3]) Там же.

[4]) Начальная Летопись под 912 г.

[5]) *Ключевский*, Курс русской истории, ч. I; его же, Боярская Дума древней Руси, изд. 2, М. 1883, стр. 29.

[6]) *Ключевский*, Курс русской истории, ч. I.

Итиле при устье реки Волги, что они ездят к юго-восточной части Каспийского моря, иногда доставляют свои товары на верблюдах даже в Багдад [1]). О таких же торговых связях говорят в X веке Ибн-Фадлан, Аль-Масуди, Аль-Истархи и Ибн-Хаукаль [2]).

Тот же Ибн-Хордадбе оставил нам известие о торговле Руси с Византией в IX веке [3]). Наша летопись подтверждает это косвенно рассказом о походе на Царьград утвердившихся в Киеве Аскольда и Дира [4]), которые, по словам патриарха Фотия, были раздражены умерщвлением в Константинополе своих соплеменников. Очевидно, что соплеменники попали в Византию с торговыми целями. Временем расцвета торговли с Византией надо считать X век, от которого сохранился в этом отношении ряд известий: об оживленных торговых сношениях русских с греками в X столетии свидетельствуют араб Ибн-Хаукаль [5]), наша Начальная Летопись, сохранившая известия о походах Олега, Игоря и Святослава и даже тексты торговых договоров, заключенных этими князьями с Византией [6]), наконец, византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении „Об управлении империей“.

Наконец, о торговле с немецким западом — с Ригой и о. Готландом — свидетельствуют клады IX и X веков с западными монетами, известными в древнейшей Руси под именем шлягов, и сообщение Ибн-Фадлана в X веке [7]).

Предметами русского вывоза были, по единогласному свидетельству всех источников, меха, мед, воск и рыба. Ввозились на Русь оружие, металлические изделия, шелковые материи, вина, плоды, разного рода украшения из серебра и глины и, наконец, монета: арабские диргемы, византийские солиды или „золотники“ и немецкие шляги.

При всем том внешняя торговля не была в древнейшей России господствующей, первенствующей отраслью хозяйства.

---

[1]) *Гаркави,* Сказания мусульманских писателей.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) Начальная Летопись под 866 г.

[5]) *Гаркави,* Сказания мусульманских писателей.

[6]) Начальная Летопись под 907, 912, 941, 944, 967, 970 и 971 годами.

[7]) *Данилевич,* Очерк истории Полоцкой земли, Киев, 1896, стр. 219; *Гаркави,* Сказания мусульманских писателей.

В этом легко убедиться, анализируя два важнейших по данному вопросу источника—рассказ Константина Багрянородного и договоры Олега и Игоря с греками. Константин Багрянородный говорит о том, что князь и дружина торговали, не покупая товаров, а забирая их у населения даром, в виде дани [1]). По договорам с греками, по приезде в Византию, послы, т.-е. торговые приказчики князей и их дружинников, и гости, т.-е. частные торговцы, представляли грекам опись своих кораблей и людей, составленную киевским правительством, получали от греков месячное содержание и при отъезде снабжались пищей, питьем и оснасткой кораблей [2]). Значит, торговля была занятием исключительно одних общественных верхов—князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан, масса же населения не принимала в ней участия; в действительности торговля не затрагивала и насущных нужд высших классов: все необходимое они получали натурой, отправляя на внешний рынок лишь избытки и выменивая там только предметы роскоши; наконец, торговля имела караванный и—надо еще прибавить—разбойничий характер: и от грабежей и захватов были непрочь эти торговцы, да ведь и самая дань была грубым захватом.

При наличности такого рода данных и некоторые новые попытки выдвинуть внешнюю торговлю в экономической жизни древнейшей России на первый план [3]) не могут быть признаны обоснованными тем более, что, как увидим ниже, и государственный строй—варяжское княжество—обязан был своим существованием в меньшей степени торговле, чем другим хозяйственным и общественным условиям, действительно господствовавшим в то время.

Итак, господство добывающей промышленности и скотоводства не подлежит сомнению. Этому соответствовала и вольная или захватная форма землевладения. На нее ясно указывает известие Начальной Летописи о полянах: „живяху кождо своим родом на своих местех“ [4]). Род—обширный родственный союз—имел „свои места“, собственную террито-

---

[1]) „De administrando imperio“.

[2]) Начальн. Летопись под 912 и 945 г. г.

[3]) *Покровский*, Русская история с древнейших времен, т. I, ч. 1; *Довнар-Запольский*, История русского народного хозяйства, т. I.

[4]) Начальная Летопись — в рассказе о полянах, Кие, Щеке и Хориве.

рию. А далее, в виде иллюстра и, Летопись приводит известный рассказ о Кие, Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди: они, вместе со своими семьями, очевидно, и составляли род и пользовались свободно, вольно, где хотели, путем трудового захвата землею в пределах родовой территории для своих хозяйственных целей.

Звереловы и пчеловоды искали простора для своих хозяйственных нужд, не теснились поэтому друг к другу, а селились вразброд, на более или менее возвышенных местах сырой и болотистой, лесной страны, по близости к рекам, самым удобным путям сообщения. Поэтому господствующей хозяйственной единицей того времени была семья, довольно тесный родственный союз, обыкновенно не делившийся на более мелкие хозяйства и по смерти отца. Семья, вследствие того, что подавляющее большинство населения занималось одним и тем же, почти ничего не продавала на сторону, все производила для собственного потребления и ничего не покупала у других. При таких условиях не оставалось места для сколько-нибудь широкого развития несвободного, рабского труда. Недаром византские писатели, сообщающие нам сведения о славянах в эпоху их выселения из Прикарпатского края, оставили нам свидетельство о том, что рабов у славян было мало, обращались они с этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю [1]). Вообще нет недостатка в несомненных указаниях на господство семейной формы хозяйственных предприятий среди массы населения. Начальная Летопись сообщает, что различные племена восточных славян, подчиненные Олегом и Святославом, платили дань этим князьям „с дыма“ или „с дома“ [2]). Что такое этот дым или дом, как не семейный поселок? До нас дошли и материальные остатки таких семейных хозяйственных единиц в виде раскапываемых археологами городищ. Эти городища обыкновенно треугольной или круглой формы; площадь их окружена валом; окружность обыкновенно от 300 до 450 шагов, но встречаются и менее 200 и, с другой стороны, до 1.000 шагов. Эта незначительность площади как раз и указывает на то, что городище—остаток старинного семейного поселения [3]). Громадное количество городищ—они считаются сотнями в

[1]) Таковы известия Прокопия и Маврикия.
[2]) Начальная Летопись под 883 и 964 годами.
[3]) *Ключевский*, Курс русской истории, ч. I.

каждой из населенных в то время нынешних губерний—также свидетельствует в пользу такого объяснения и против взглядов на городища как на остатки древних городов [1]) или мест для богослужения [2]). Нас не должно смущать название „городище“, потому что, во-первых, неизвестно точно время применения этого названия к данному предмету: повидимому, это позднейший термин, введенный в обиход первыми исследователями вопроса и потому ничего не доказывающий, а, во-вторых, если бы даже и оказалось, что в древнее время всякий такой незначительный семейный поселок назывался городом,—все-таки теперь его так назвать нельзя, потому что современный термин „город“ имеет совсем другое значение; в то время это были просто укрепленные однодворные поселки.

При свете сделанных нами выводов, касающихся экономического быта дофеодальной Руси, для нас становится вполне понятною и ясною техника или система хозяйства в то время. Она, как показывает обилие даров природы и господствующая форма землевладения, отличалась хищническим, экстенсивным характером. Охота сводилась к беспощадному, нерасчетливому истреблению зверей. Древнейшее пчеловодство носит характерное название бортничества. Это—такое пчеловодство, при котором совершенно не заводится искусственных приспособлений для пчел—ульев или пасек,—а пчеловоды пользуются медом и воском, которые складываются дикими пчелами в дуплах лесных деревьев, называемых бортными или бортями. Для занятия таким пчеловодством не надо никакого капитала и необходимо очень мало труда: нужно только поставить на бортном дереве „знамя“, т.-е. знак собственности, и своевременно вынуть мед и воск, при чем чаще всего пчелы просто истребляются, давятся или выгоняются дымом от горящей головни. Понятно, что мед и воск оказываются невысокого качества. Далее: при обилии лесов и болот и при крайней редкости населения, в земледелии возможна была только одна подсечная, огневая или лядинная система, состоявшая в том, что вырубался и выжигался лес и на образовавшемся таким образом „пале“, „огнище“ или „лядах“, высушенном и покрытом пеплом пространстве, сеялся год или два хлеб,

---

[1]) *Самоквасов,* Древние города России, Спб. 1873, стр. 98—100, 112.

[2]) Это мнение высказано Ходаковским.

потом повторялась та же операция с другим участком, через такой же срок переходили к третьему и т. д.

Распределение хозяйственных благ. Понятно, что предметы необходимости распределялись в дофеодальной России приблизительно равномерно между отдельными слоями населения. И если внешняя торговля создавала некоторое неравенство, выделяя верхи общества, то это неравенство проявилось в распределении одних лишь предметов роскоши: вино, византийские парчи и шелковые изделия, дорогое оружие—вот что получали дружинники и купцы в Византии и у арабов.

Существовало ли в дофеодальной России деление на классы? Ответ на этот вопрос ясен из предшествующего изложения. Мы видели, что до VIII века, отчасти даже до IX, в сущности все восточные славяне занимались одним и тем же—добывающей промышленностью и скотоводством. Более или менее заметным некоторое разделение труда становится лишь в VIII столетии и еще более в IX, когда, как мы убедились, появилась внешняя торговля, сделавшаяся исключительным достоянием высших слоев населения и проведшая таким образом между этими последними и народной массой известную экономическую, т.-е. классовую грань. Очевидно, однако, эти высшие слои общества, занятые второстепенной в то время отраслью хозяйства, были не особенно многочисленны и влиятельны. Договоры с греками и сочинение Константина Багрянородного свидетельствуют, что сюда принадлежали княжеские дружинники („слы“ или „послы“ договоров) и купцы („гости“ договоров).

Но это и все различие в социальном отношении, какое можно подметить в столь древнее время. Никаких следов юридических, сословных различий или преимуществ наши источники не содержат.

Переходя к политическому строю, к устройству государства, мы должны прежде всего решить вопрос, какой общественный союз предшествовал в нашем отечестве образованию того варяжского княжества, которое появилось на Руси, как обыкновенно думают, с приходом Рюрика? Этот научный вопрос принадлежит к числу таких, которые поселяют между различными исследователями русской истории разногласия, совершенно непримиримые. Одни исследователи утверждают, что до варяжского княжества среди славян существовал

исключительно родовой быт [1]); по мнению других [2]), в то время господствовал быт семейно-общинный; третьи определяют этот быт, как задружно-общинный по взгляду [3]); по взгляду четвертых [4]), городская область, основанная на внешней торговле, была древнейшей политической организацией наших отдаленных предков; наконец, пятые [5]) утверждают, что варяжскому княжеству предшествовало княжество племенное. Попытаемся разобраться в этой разноголосице.

Сторонники родовой теории утверждают, что родовой быт был свойствен славянам еще на Карпатах и в период, когда началось их расселение оттуда,—в VI и VII веках,—и в доказательство этого ссылаются, во-первых, на известие византийского писателя, императора Маврикия, сообщающего, что у славян много царьков, во-вторых, на известную Краледворскую рукопись, на рассказ о суде Любуши, где сходка состоится из одних родоначальников, в третьих, на текст Начальной Летописи—„живяху кождо своим родом на своих местех, владеюще кождо родом своим“,—в четвертых, на то, что и позднее, при князьях, вече состояло из одних „старцев градских“, т.-е. родовых старейшин, в пятых, на обычай кровной мести; наконец, в шестых, на такие данные, как название новобрачных князем и княгиней: они назывались так по той причине, что, вступая в брак, становились родоначальниками.

Текст летописи и кровная месть, несомненно, свидетельствуют о существовании в дофеодальной Руси обширных родственных союзов. Но их удобнее называть задругами или вервями, а не родами, потому что в точном научном смысле родовым бытом надо считать такой, который основан на безусловной, неограниченной власти родоначальника над членами рода, власти, включавшей в себе понятие о праве родоначальника подвергнуть всех членов родового союза казни и продать их в рабство, причем по смерти отца старший сын является полным его правопреемником и сохраняет власть (manus) и над матерью. Ничего подобного у славян не было, и потому родовым быт древнейших славян назвать нельзя.

---

1) Эверс, Соловьев и др.
2) К. Аксаков.
3) Леонтович и пр.
4) Ключевский.
5) См. в особ. труды Грушевского, Голубовского и др.

Так же мало в пользу родовой теории говорят и другие изложенные сейчас доказательства. „Царьки“ Маврикия, вероятнее всего, племенные князья, а не родовые старейшины. Достоверность Краледворской рукописи подвергается сомнению. Но если бы она была и достоверна, то не указывала бы на состав веча из одних родоначальников: кроме „владык“ на „снеме“ присутствуют, по словам „Суда Любуши“, еще „кметы“ и „лехи“, т.-е. весь народ. „Старцы градские“, как увидим позднее, вовсе не были родовыми старейшинами. Наконец, новобрачные полагают начало не новому роду, а новой семье.

Итак, мы видим, что все доказательства, приводимые сторонниками родовой теории, вовсе не подтверждают этой теории, а дают материал, имеющий совершенно иной смысл. Материал этот интересен для нас в том отношении, что в значительной степени подтверждает две другие теории — семейно-общинную и задружно-общинную, но подтверждает, однако, именно лишь в значительной степени, а не вполне. Дело в том, что обе эти теории предполагают существование не только семьи и задруги, что — факт несомненный, но и, кроме того, существование территориальной общины, высшего соединения семей и задруг под влиянием необходимости в защите от внешних опасностей. Обыкновенно прибавляют к этому, что одним из основных элементов такой территориальной общины у восточных славян была колонизация, ставившая пригороды, т.-е. позднейшие колонии, и их веча в политическую зависимость от метрополии, от главного города и его вечевой сходки. Это замечание имеет действительно весьма прочное основание, так как опирается на известный летописный текст, гласящий: „новгородцы, и смольняне, и полочане, и киевляне, и все волости изначала на вече, как на думу, сходятся, и на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут“. Но здесь возникает вопрос: не было ли, кроме внешних опасностей и колонизации, каких-либо других элементов, создавших городские территориальные общины? Этот вопрос приводит нас к разбору двух последних из названных выше теорий — теории городской торговой области и теории племенного княжества.

Существует, как нам уже известно, взгляд, что основной отраслью народного хозяйства в дофеодальной Руси была внешняя торговля. Отсюда вытекает и дальнейший вывод: торгово-промышленная территория известного города и послу-

жила основой для образования городской области. Это подтверждается следующими соображениями: во-первых, тем, что большинство древнейших русских городов расположилось по великому водному пути из Балтийского моря в Черное (Нева—Ладожское озеро — Волхов — оз. Ильмень — Ловать — волок к Днепру — Днепр), таковы: Киев, Смоленск, Любеч, Новгород; если некоторые города, как Переяславль, Чернигов, Ростов, и выдвинулись на восток, то лишь потому, что торговля направлялась на восток. Во-вторых, за большим городом обыкновенно идет его округ: Олег взял Смоленск, в силу этого смоленские кривичи признали его власть; он взял Киев, — и ему подчинились киевские поляне. В третьих, позднее, при варяжских князьях, городские области не имели чисто-племенного состава, не составлялись из одного только и притом цельного племени, а состояли из частей разных племен: так, Новгородская область составилась из славян ильменских с ветвью кривичей, центром которых был город Изборск; в состав Черниговской области вошла северная половина северян с частью радимичей и с целым племенем вятичей. Киевская область состояла из всех полян, почти всех древлян и южной части дреговичей с городом Туровом; северная часть дреговичей с городом Минском была оторвана западной ветвью кривичей и вошла в состав Полоцкой области [1]).

Мы знаем уже, однако, что народное хозяйство дофеодальной России покоилось не на внешней торговле, а на добывающей промышленности и скотоводстве. Уже отсюда следует, что городскую область, предшествующую варяжскому княжеству, нельзя выводить из внешней торговли. Но и ближайшее рассмотрение отдельных доказательств показывает несостоятельность разбираемой теории. В самом деле: то обстоятельство, что много городов было расположено по великому водному пути, вовсе не свидетельствует, что эти города возникли под влиянием торговли: не надо забывать прежде всего, что реки в то время были единственными удобными путями сообщения, по ним только и могла совершаться колонизация, так что древнейшие поселения, выросшие потом в города и ставшие метрополиями, и должны были естественно возникнуть по речным путям; притом города были и к западу от великого водного пути и притом не в меньшем количестве,

---

[1]) *Ключевский*, Курс русской истории, ч. I.

чем к востоку: укажем на Псков, Изборск, Туров, Коростень, Пересечен; они не могли возникнуть под влиянием торговых потребностей. Наконец, соглашаясь с тем, что внешняя торговля могла содействовать дальнейшему росту приречных городов и сосредоточению в них торгового населения, никак нельзя признать, что торговля *создала* эти города уж и потому, что некоторые из них возникли до начала развитой торговли, да и предание об основании Киева, занесенное в Начальную Летопись и носящее в изображении бытовой обстановки все признаки достоверности, не отметило влияния внешней торговли, тогда, очевидно, еще не существовавшей, а указало, что Киев возник на месте первоначальных поселений трех братьев-звероловов. Так падает первое доказательство.

Второе—тесная связь города с его областью—не является решительным фактом в деле определения влияния внешней торговли: ведь эта связь могла быть следствием и не торговых интересов, а, напр., племенного родства.

Наконец, третье доказательство—сложный племенной состав отдельных княжеств—факт позднейшего времени, имеющий тем меньше значения, что при князьях городские области или княжества постоянно перекраивались. Как мало значения в данном вопросе имеют эти позднейшие территорильные деления,—это показывает уже наблюдение, что Новгород считался позднее непременною частью владений киевского князя, а ведь нельзя же отсюда сделать вывод, что новгородская и киевская земли составляли до прихода варяжских князей одно политическое целое. Также Туров имел особого князя до Рюрика, а потом он вошел в состав Киевской области, как и земля древлян, где были свои князья еще при Игоре.

Итак, нельзя признать внешнюю торговлю силой, создавшей древнейшие русские городские области. Быть может, этой силой надо признать племенную кровную связь? Повидимому, на этот вопрос можно ответить только утвердительно. В этом именно смысле нужно понимать известие Прокопия и Маврикия о множестве царьков у славян и об отсутствии политического единства. Арабский писатель X века Аль-Масуди прямо указывает на племенных князей у славян [1]). И наша Начальная Летопись помнит, что у каждого восточно-славян-

---

[1]) *Гаркави*, Сказание мусульманских писателей.

ского племени было „свое княжение“ [1]). Они рассказывают и предание о происхождении племенного княжения у полян, и из этого рассказа нельзя не сделать заключения, что племенные князья были не выборные, а наследственные, потому что у полян княженье стал держать „род Кия“ [2]). Наконец, и позднее, по крайней мере у некоторых племен, сохранялись свои князья: у древлян, напр., при Игоре был свой князь Мал [3]), и, повидимому, до него княжили его предки, о которых древляне выражаются так: „наши князи добры суть, иже роспасли суть Деревскую землю“ [4]). Упоминаемые в договоре Олега с греками „светлые князья, под рукою Олега сущие“ [5]),— не кто иные, очевидно, как те же племенные князья, кое-где еще уцелевшие. У дреговичей в Турове был свой князь Тур [6]). В Полоцке еще во второй половине X века княжил Рогволод [7]). У вятичей даже в XII веке был свой князь Ходота [8]).

Итак, ход политического развития восточных славян со времени начала их расселения по равнине до появления варяжских князей представляется в следующем виде: славяне расселялись отдельными мелкими поселками по берегам рек; из первоначальных поселений выделялись позднейшие, и образовывались задруги или верви, о которых позднее говорит Русская Правда; количество вервей увеличивалось, главным образом, путем естественного размножения населения, но также и посредством посторонней примеси из позднейших приходцев; родственные между собой верви сомкнулись в племена с племенными князьями во главе; племенное княжество появилось отчасти под влиянием внешних опасностей, но главным образом вследствие потребности предотвратить внутренние раздоры. Внешним опасностям отдельные племена, впрочем, не в состоянии были противостоять: северные племена были покорены варягами, южные — хозарами. В таком состоянии находились восточные славяне в начале IX века. *Государ-*

---

[1]) Начальная летопись — рассказ в начале без годов.
[2]) Там же.
[3]) Начальная Летопись под 945 г.
[4]) Там же.
[5]) Начальная Летопись под 912 г.
[6]) Начальная Летопись под 980 г
[7]) Там же.
[8]) *Корсаков*, Меря и ростовское княжество.

ства — даже самого примитивного — не существовало, потому что племя — союз кровный по существу своему, и власть в племенном союзе имеет кровную основу.

Известно предание об образовании русского государства — о призвании Рюрика с братьями, об утверждении Олега в Киеве. Нет сомнения, что в этом предании много недостоверного. Недостоверной прежде всего надо признать хронологию: она искусственна и приставлена позднее, как видно из того, что придаточное предложение иногда отделяется хронологическими датами от главного: как год нападения Аскольда и Дира на Константинополь указан 866 год, а по греческим источникам это произошло в 860 или 861 г.; недостоверен и исходный пункт всех хронологических вычислений — 852 г., который ошибочно сочтен началом царствования императора Михаила. Таким образом нельзя признать достоверной и дату прибытия Рюрика с братьями в Новгород — 862 год. Затем самый рассказ о *призвании* князей отличается слишком идиллическим характером, чтобы можно было принять его безусловно на веру. Но все остальное: мотивы, вызвавшиие появление варягов, — именно внешние опасности и внутренние неурядицы, — имена пришельцев, данные об их завоеваниях, повидимому, сомнение возбудить не могут. Государство в конце-концов образовалось путем завоеваний, сделанных Рюриком и особенно Олегом, а успех этих завоеваний был обусловлен, во-первых, потребностью в установлении внутреннего порядка и, во-вторых, необходимостью защититься от иноземного владычества и вражеских нападений. Племенные князья отчасти были уничтожены, отчасти подчинены варяжским князьям. Власть варяжских князей вытекала уже не из кровного родства, а из завоевания. Поэтому варяжское княжество и может быть признано государством.

Первой политической силой и в старых племенных княжествах, и в княжестве варяжском было вече. Факт существования и даже господства, первенствующей роли веча в племенных княжествах засвидетельствован еще византийским писателем Прокопием, сообщающим, что славяне живут в демократии, не имеют единоличной власти и совещаются вместе о всяких делах[1]). О том же говорят и летописи не только

---

[1]) Конечно, это не надо понимать буквально в смысле несуществования племенных князей.

в приведенном уже выше тексте о существовании веча изначала у всех племен, но и в рассказе о том, как хозары потребовали с полян дани, а те, „здумавше“ (очевидно, на вече), дали им меч [1]). Конечно, постоянства в составе вечевой сходки не было: всякая сходка считалась нормальной и правильной, в каком бы количестве ни собрались ее участники. Решались вопросы единогласно, а в случае разногласия оставался один выход: междоусобная борьба, вооруженное столкновение.

Что касается вечевого ведомства, то известно, что вече призывало князей: например, Рюрика призвало новгородское вече [2]), Олега призвало вече киевское [3]). Вече давало князьям указание в их правительственной деятельности: так, в 968 г. киевляне, стесненные печенегами, отправили посольство к Святославу, находившемуся в Болгарии, со словами: „ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив“ [4]). Итак, вече, несомненно, принимало участие в делах верховного управления, но, конечно, участие это не было постоянным, систематическим, организованным. Это лучше всего видно из того, что дань, т.-е. налоги, устанавливались обычно односторонней волей князя. Дань собиралась двумя способами: или сам князь за ней ходил, меняя размеры ее, как Игорь в 945 г., по произволу [5]),—это так называемое полюдье, известное еще Константину Багрянородному [6]), или ее привозили сами жители, что называлось повозом: о таком повозе у радимичей в X веке говорит Летопись [7]).

Во всяком случае ясно, что сколько-нибудь прочно и определенно сложившихся взаимоотношений веча к князю не было. В этом смысле полной почти государственной аморфности следует понимать известие Маврикия, что славяне не знают правительства. Это подтверждается и полной неустановленностью какого бы то ни было порядка княжеского владения

---

[1]) Начал. Лет. перед 862 г.

[2]) Начал. Лет. под 862 г.

[3]) Там же, под 879 г.

[4]) Там же, под 968 г.

[5]) Там же, под 945 г.

[6]) Константин не понял этого термина и перевел его по созвучию „εἰς τά πολίσιχ“ — „в городки“. Верно объяснил это недоразумение первый Ламбин в „Журн. Мин. Нар. Просвещ.“ за 1874 год, январь, стр. 71.

[7]) Нач. Лет. под 984 г.

в изучаемый период русской истории [1]): мы тщетно стали бы искать общих начал, руководящих правил в смене Рюрика Олегом, его родственником, в наследовании Олегу сына Рюрика Игоря, в опекунстве и правлении Ольги при малолетстве Святослава.

Данные о Боярской Думе только подтверждают политическую аморфность того времени. Дружина и Дума, из нее состоявшая, была разноплеменна: в ней были и варяги [2]) и славяне [3]). Она состояла еще в X веке из бояр — старших дружинников и из старцев градских — выбиравшихся вечем начальников ополчения свободных людей [4]). И князь советовался с ней тогда, когда хотел, и по делам, им определявшимся. На местах были посадники: уже Рюрик посадил своих „мужей“ в Ростове, Белоозере и Полоцке [5]), а Олег — в Смоленске и Любече [6]). Но, конечно, не может быть речи ни о какой сколько-нибудь прочной и правильной организации и местного или областного управления.

Конечно, никакого понятия о благе общем, как цели государственного союза, не существовало. Яркое тому доказательство — деятельность Святослава: в своем тяготении к Болгарии он, по собственным его словам, руководился стремлением к личному обогащению, — хотел овладеть ею, потому что туда „вся благая сходятся“, свозятся товары из Венгрии, Руси, Византии [7]).

Все это понятно: преобладание добывающей промышленности и скотоводства, господство вольного землепользования и хищнических приемов хозяйства, сводящихся в сущности к полной бессистемности, — словом, отсутствие порядка, стройности и связности в экономической жизни вело к неорганизованности и политического строя, к его бессвязности и бесформенности.

Наконец, та же бесформенность, „хаотический конкретизм“ [8]) составляет отличительную черту и духовной культуры дофеодальной России.

---

[1]) *Ключевский,* Курс русской истории, ч. I.
[2]) Ср. Рус. Правду и Начал. лет.; *Соловьев,* История России, т. I.
[3]) Там же.
[4]) *Ключевский,* Боярская Дума древней Руси, изд. 2, стр. 31.
[5]) Начал. Лет. под 862 г.
[6]) Начал. Лет. под 879 г.
[7]) Там же, под 969 г.
[8]) Цитировавшееся уже выше выражение Виппера.

Старая мифологическая теория сущности древнейшей русской языческой религии [1]) должна быть теперь уже окончательно отвергнута. В соответствии с хозяйственными и вообще материальными условиями жизни хаотический конкретизм нашел себе наиболее ясное выражение прежде всего в анимизме, в анимистическом мировоззрении, представлявшем себе весь мир, как вместилище бесчисленного множества отдельных, конкретных одушевленных существ и предметов. В сказках анимистически изображается Смерть в виде страшной старухи, Горе-Злосчастье, вскакивающее на плечи человеку, Обида, Сон, Угомон, Говорок, Ходунок, Гром, Ветер [2]). Душа человека, животного, растения, всякого предмета — материальна: это или пчела, или мышь, или мотылек, или птичка, живущая у человека в горле [3]). Анимизмом проникнуты и представления о лешем, водяном и проч. [4]).

На почве анимизма возник фетишизм, тоже характерный как один из признаков хаотического конкретизма. Сказки указывают на животный фетишизм [5]). Фетишизм растительный — поклонение деревьям — виден в почитании рябины, дуба, березки [6]).

В связи с фетишизмом развивается тотемизм — поклонение не отдельным конкретным существам и предметам, а целому роду их. Так, у белоруссов есть следы тотемического почитания собаки, в сказках есть указания на медведя, как тотем, и теперь часто уж считается священным животным [7]).

Тотемизм, как известно, связан с почитанием предков, следы которого в древнейшей Руси достаточно обильны. Род (Дед) или Щур и Рожаницы — бабушки, поклонение упырям, т.-е. мертвецам, тем же предкам, — наиболее яркие тому доказательства, Сюда же относятся дедушка — Домовой и белорусские „дзяды“ деды [8]).

В соответствии с этим гадание, волхвование, жертвенный и молитвенный формализм, заговоры, приметы, талисманы

---

1) См. *Афанасьев*, Поэтические воззрения славян на природу.

2) См. *Никольский* в „Русской истории“ Покровского, т. I, кн. 2, стр. 157.

3) Там же, стр. 159.

4) Там же, стр. 156, 157.

5) Там же, стр. 153.

6) Там же, стр. 156.

7) Там же, стр. 155.

8) Там же, стр. 166.

составляли обрядовую сторону религии древнейшей Руси [1]), а загробная жизнь рисовалась в материальной обстановке: думали, что мертвецу необходимо в его будущей жизни то же, в чем он нуждался на земле. Это всего яснее видно из рассказа Ибн-Фадлана: по его словам, покойника клали на скамью, покрытую коврами, в лодку, вместе с ним клали напитки, мясо, хлеб, плоды, лук, зарезанных собаку, двух лошадей, двух быков, петуха, курицу, оружие; наконец, вместе с ним сжигалась также одна из его наложниц, которая должна была быть его женой за гробом [2]).

Наконец, хозяйственные условия жизни древнейшей Руси отразились и непосредственно на религиозных верованиях. Перун — первоначально гром, а потом бог войны — стал естественным покровителем верхов общества, дружинников, промышлявших войной и разбойничьей торговлей [3]): не даром они, заключая договоры с греками, клялись „Перуном, богом своим“ [4]). Но характерно, что здесь же прибавлено: „и Волосом, скотьим богом“ [5]): очевидно, Перун был больше всего богом дружинников, „слов“ (послов), а богом „гостей“, купцов был славянский Волос — бог скота и охоты. Почитание солнца — Даждь-бога, Хорса — как огня под овином [6]), сушащего хлеб, и как солнца, греющего землю, и матери-сырой земли несомненное следствие того, что стало пробиваться рядом с охотой, рыболовством и пчеловодством и земледелие [7]).

В общем таким образом хаотический конкретизм древнейших русских религиозных верований несомненен: они „не складывались в какую-либо цельную картину“, „были колеблющимися, непостоянными“ [8]).

Таковы же были и другие проявления духовной культуры в древнейшей России. Едва ли, напр., деревянная архитектура носила на себе следы эстетизма, стремления к красоте. Несомненно, уже тогда выработался тип русской деревянной избы, делящейся на клеть, т.-е. неотапливаемое помещение, и избу

---

1) Там же, стр. 157 и след.
2) *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей.
3) *Никольский* в „Русской Истории“ Покровского, т. I, ч. 2, стр. 176.
4) Начал. Лет. под 945 г.
5) Там же.
6) *Аничков*, Язычество и древняя Русь, Спб. 1914, стр. 290.
7) Там же.
8) *Никольский* в „Русской Истории“ Покровского, т. I, кн. 2, стр. 159.

в собственном смысле, „истьбу“, или „истопку“, т.-е. помещение, снабженное печью для отопления. Упомянутый в 945 году терем Ольги был, вероятно, таким же деревянным сооружением, только двухэтажным, т.-е. имел поруб или подклеть, т.-е. нижний этаж, и горницу, т.-е. верхний этаж. Непременной принадлежностью всех жилых построек были сени — крытое более или менее обширное пространство между отдельными клетями или избами [1]).

О литературе в древнейшей Руси не может быть и речи: восточные славяне долго не знали письменности и, несомненно, заимствовали азбуку из Болгарии. Это видно из того, что первыми памятниками письменности на Руси были договоры Олега и Игоря с греками. Договоры эти — несомненный перевод с греческого: по мнению лингвистов [2]), выражение „равно другого свещанья“, которым начинаются договоры, значит „ἴσον τοῦ πρωτοτύπου“, т.-е. „точный перевод (или копия) с подлинника“, и, наконец, перевод этот сделан с массою болгаризмов. Если бы была своя азбука и письменность у восточных славян, то незачем было бы прибегать к такому посредству болгар. Но в языческое время письменность, вероятно, и ограничивалась одними текстами договоров.

Древнейшая русская словесность была, таким образом, устной и сводилась к разного рода проявлениям народной поэзии. Исследователи различают целый ряд видов этой поэзии, тогда существовавших. Таковы исторические песни, мифологический эпос, обрядовые песни, сказки, заговоры, загадки, причитания, лирические песни. Остановимся для примера только на заговорах и исторических песнях. Сущность заговора — „сравнение данного или нарочно произведенного явления с желанным, имеющее целью произвести это последнее“ [3]). В основе возникновения заговоров лежит, следовательно, представление о возможности навязать божеству человеческую волю путем чародейства. Ясно, что существование заговоров служит признаком крайней примитивности религиозных воззрений. Значительное количество исторических песен или сказаний сохранено нам в Начальной Летописи:

---

[1]) Нач. Лет. под 945 г.

[2]) Таково мнение *Лавровского*, О виз. элем. в языке договоров с греками, Спб. 1853.

[3]) Это определение принадлежит Потебне.

рассказы о призвании князей, об Олеге, об Игоре, об Ольге, о Святославе—народные сказания, подвергшиеся, впрочем, в том виде, как они дошли до нас, позднейшей книжной, литературной переработке. В них отразились политические потребности времени: потребность в порядке, в объединении племен, в борьбе с окружающими народностями. В них много первобытной свежести и наивности и все того же хаотического конкретизма.

Понятно, что хаотический конкретизм характеризовал и душевный склад древнейшего русского человека или, вернее, отражал его душевную нескладицу. Как в хозяйстве, обществе и государстве не было стройной системы, прочного порядка, так не было их и в психологии общества и отдельных лиц, это общество составлявших. Это обнаруживалось даже в верхах общества, в княжеской среде. Первых русских князей—Рюрика, Олега, Игоря,—несомненно, реально существовавших, окутывает полусказочная дымка. Но Ольга и Святослав рисуются уже вполне определенно, реалистически. И что же мы видим?

Ольга—„мудрейшая из людей". Но ведь она—полудикарка: она хитрит и с древлянами, и с византийским императором, она свирепо мстит убийцам мужа, она хозяйственна—заботится об устройстве „становищ" и „ловищ",—и она же христианка. Какая смесь разнообразных, противоречивых свойств! А Святослав? Он прост в обращении, образе жизни, пище, одежде, он храбр, честен, прям—и в то же время перекати-поле, искатель приключений и жаден: стремится к Болгарии, где „вся благая сходятся"; и, наконец, он стыдится сделаться христианином и характерно—почему: засмеет дружина. Везде тут нет системы и порядка: первое же сильное впечатление определяет, как поступит человек. Переработке, претворению, систематизации впечатления не подвергаются.

II.

Древнейшие славяне.

Древнейший период истории других славян, кроме восточных, хронологически почти совпадает с первым периодом истории Руси: для поляков, поморян и полабских славян он

оканчивается в X веке, для чехов и сербов в IX веке. Болгары в счет не идут, так как славянской эта народность сделалась собственно уже в VIII и IX столетиях, когда и у них начался новый период исторического развития.

Исследователи славянской старины всего меньше занимались вопросом о древнейшем хозяйстве славян, считая почему-то общепринятым, что славяне издавна, даже изначала, были земледельцами. Тем не менее и они не отрицают важного значения охоты и рыболовства у древних славян [1]). А если мы припомним факт расселения славян в VI веке и переселений их в последующие столетия, то поймем, конечно, что охота, рыболовство и даже скотоводство, столь тесно связанные с полукочевым образом жизни, несомненно у всех славян преобладали над земледелием.

Об отношении славян к земле и вместе об основной ячейке их общественного строя можно судить по дошедшим до нас достаточно определенным данным, касающимся задруги или верви. Правда, данные эти большею частью относятся к более позднему времени, но, снимая и отбрасывая позднейшие наслоения, мы можем восстановить первоначальную природу задруги и верви.

Задруга была обширным родственным, кровным союзом,—вот первая ее черта. Позднее она имела судебное значение в том смысле, что являлась истцом и ответчиком, и если убийца принадлежал к ее составу и скрывался, то отвечала за него, как отвечала вообще на общем суде за преступления всех своих членов. Кроме того, задруга имела еще землевладельческое значение; земля считалась собственностью всей задруги, и существовали две формы пользования этой общей собственностью—нераздельная эксплоатация и равный раздел [2]).

Не подлежит сомнению, что раздел земли между членами задруги—явление позднейшее. Но сначала земли было так много, а задруга была столь обширным союзом, что эксплоа-

---

[1]) *Krek*, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, Graz, 1887, стр. 110 и сл., 126—127, 131; *Будилович*. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Ч. I, вып. 2, Киев, 1879, стр. 372.

[2]) *Нидерле*. Человечество в доисторические времена. Спб. 1898, стр. 529 и сл.; *Krek*, Einleitung in die slav. Literaturgesch., стр. 155 и сл.; *Пресняков*, Княжое право в древней Руси, стр. 6.

тировать ее всю вместе было невозможно. Единственно, что было возможно — это занятие задругой определенной обширной территории, на которой каждая семья, входящая в задругу, вольно, свободно пользовалась любым участком для охоты, выгона или пашни.

Представительство на суде племени или народа стало принадлежать задруге, как следствие ее древних самостоятельных прав в отношении суда над своими членами.

Уже это позволяет нам считать задругу славянской разновидностью рода, родового союза. И такой вывод вполне подтверждается данными о верви так называемого Полицкого статута [1]).

От 1400 г. до нас дошел статут далматской общины Полицы. В этом статуте речь идет о верви, как учреждении, которое «почело од искони», т.-е. очень древнем, первоначальном. Состав верви или верной дружины — братья верные или «дионики» (совладельцы) одного села. Вервь имеет разные формы: первая из них — братья вервные живут на общей «племенщине» (хозяйстве) без разделов по дворам и хозяевам; вторая форма — они делят между собою пахотную землю на участки, владея сообща лишь лесом и пастбищами; наконец, третья форма — «дионики» делят и пахотную землю, и леса, не разделяя пастбищ. Итак, полицкая вервь имела землевладельческое значение такое же, как задруга, и носящее, очевидно, те же позднейшие наслоения, как и последняя.

Но она имела также, подобно задруге, и значение судебное: имела право суда и расправы по всем внутренним делам, члены верви отвечали друг за друга во всех убытках и платежах.

Полицкая вервь была, наконец, кровным союзом: на это указывает выражение «*братья* вервные», да и самое слово «вервь» означает «родственный союз», так как по-сербски «вървник» значит «родственник».

Итак, вервь и задруга — это одно и то же.. Их существование вскрывает перед нами порядки вольного землепользования у древнейших славян и задружный или родовой быт

---

[1]) *Леонтович*, О значении верви, «Журн. Мин. Нар. Пр.» за 1867 г., № 4, стр. 2 — 19. При всей верности отдельных поправок Преснякова, они не меняют существенно выводов Леонтовича.

их — одну из существеннейших черт социальных связей и отношений того времени.

У славян существовало многоженство и брак посредством умыкания и покупки [1]). Мы знаем, что подобного рода отношения не исключают зачаточного социального расчленения — существования рабства. И у славян были рабы, но их было сравнительно немного, обращались с ними хорошо и часто отпускали на волю [2]).

В политическом отношении основной единицей у славянских народов в древнейший период их истории было племя. Известны польские племена — силезцы, великополяне, малополяне или висляне, мазовшане, куявы, ленчицане, серадзане [3]), — чешские — чехи, лучане, зличане, хорваты, дулебы, дечане и пр. [4]), — были племена у сербов [5]), полабских и поморских славян [6]).

Во главе племен стояли племенные князья с советом родовых старейшин при них. Как и родовые старейшины, племенные князья были судьями, военачальниками и жрецами. Но судебная власть их, конечно, была ограничена судебной автономией родов [7]).

Более обширные, всенародные объединения племен каждой отдельной славянской народности были явлением редким и скоропреходящим, притом всегда поверхностным, фактически номинальным или имевшим лишь значение для целей военной защиты. Таково было чешское государство Само, которое скоро распалось, и чешские племена оказались неза висимыми еще в X веке [8]). Жупы и банства — племенные об'единения сербов — были связаны очень слабо, и власть великого жупана существовала только по имени [9]). У поля-

---

1) *Нидерле*, Человечество в доисторич. времена, Спб. 1898, стр. 530.

2) Там же.

3) *Кутшеба*, Очерк истории общественно-госуд. строя Польши, Спб. 1907, стр. 5.

4) *Lippert*, Social-Geschichte Böhmens, I B., стр. 27.

5) *Погодин*, История Сербии, стр. 16.

6) *Павинский*, Полабские славяне, стр. 13 – 21; *Перволъф*, Германизация балтийских славян, стр. 4 — 5.

7) *Krek*, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, стр. 363 и сл.

8) *Томек*, История Чехии.

9) *Погодин*, История Сербии, стр. 17; *Kallay*, Geschichte der Serben, стр. 22, 26.

ков, повидимому, долго не было единого национального князя, и Попель в Гнезне был племенным князем [1]). Все это вполне естественно при натуральном хозяйстве и преобладании добывающей промышленности и вольного землепользования. Для охраны племенной территории, на которой уже размежевались и отдельные роды (задруги, верви), достаточно было и власти племенного князя.

Анимистические воззрения древнейших славян не подлежат сомнению так же, как и поклонение фетишам [2]). Слабы у славян следы тотемизма. Впрочем, можно считать ими рассказы о змеях и крылатых людях, которых немало у сербов [3]). Почитание предков у всех славян было распространено повсеместно [4]). Только поляки и балтийские славяне имели некоторое подобие храмов [5]). Трупы умерших или сжигались или погребались со всем, что необходимо было для жизни за гробом, совершенно уподоблявшейся жизни земной: трупосожжение было древнее погребения [6]).

III.

Древние германцы.

Древние германцы — те самые, главными источниками наших знаний о которых являются Цезарь и Тацит — переживали до поселений и завоеваний своих в пределах Западной Римской империи, до IV — V в.в. по Р. Хр., дофеодальный период своего исторического развития. В этом смысле их история за то время является первой главой истории народов и государств материка Западной Европы — Франции, Италии, Испании, Германии.

---

1) *Morawsky,* Dzieje narodu polskiego, I, стр. 17, 24.

2) *Будилович,* Первобытные славяне, I, 2, стр. 389; *Krek,* Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, стр. 318.

3) *Krek,* Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, стр. 694 и сл.

4) Там же, стр. 170; *Нидерле,* Человечество в доисторические времена, стр. 531.

5) Там же; *Krek,* Einleitung in die slav. Literaturg., стр. 413.

6) *Нидерле,* Человечество в доисторические времена, стр. 532—533.

Охота и скотоводство, полукочевое натуральное хозяйство с небольшой примесью примитивного земледелия [1]) — вот хозяйственная почва, на которой зиждилась вся жизнь древних германцев. Известные тексты Цезаря и особенно Тацита, подвергавшиеся таким многочисленным комментариям и вызывавшие такие ожесточенные споры, теперь не могут уже быть истолкованы иначе, как в смысле вольного или захватного землепользования [2]). Исследователи установили также с полною точностью и прочностью и господство подсечной или, самое большее, переложной системы земледельческого хозяйства, особенно подчеркиваемое ясным указанием Тацита: «пашни меняют по годам, и остается еще (нераспаханное) поле» (залежь, перелог) [3]). Приблизительно равномерное распределение хозяйственных благ вытекает из слабого расчленения общества, первенствующего значения свободных и из немногочисленности рабов — пленных или впавших в долги соплеменников [4]).

Родовое и племенное устройство общества естественно вытекало из описанных хозяйственных основ. Конечно, род и племя осложнялись уже чужеродцами («qúi una coierunt» — «которые сошлись вместе», по Цезарю) [5]). Но общая кровная основа племенных герцогств и королевств несомненна; недаром «древние германцы обыкновенно соединяли понятие о власти с понятием о старшинстве» [6]), недаром vicus — это родовое поселение, а pagus — волость [7]), недаром «конунги» (короли) были, по самому происхождению и значению этого слова, представителями рода или племени, наиболее близкими

---

[1]) *Meitzen*, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven, I Band, Berlin 1895, стр. 136, 144; *Hildebrand*. Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen, I Theil, стр. 57—59; *Ковалевский*, Экономич. рост Европы, т. I, стр. 34, 36.

[2]) *Hildebrand*, стр. 50, 86, 139; *Ковалевский*, стр. 37, 44 — 46.

[3]) *Tacitus*, Germania, cap. 26. Особенно это видно из сопоставления этой главы с главой 15-й. Мы намерены посвятить этому вопросу особый специальный очерк.

[4]) *R. Hildebrand*, Recht und Sitte in den verschidenen wirtschaftlichen Kulturstufen, I Teil, Jena, 1896, стр. 104; *М. Ковалевский*, Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I, М. 1898, стр. 47, 48.

[5]) *Hildebrand*, Recht und Sitte, стр. 50.

[6]) *Грановский*, О родовом быте у древних германцев.

[7]) Там же.

по происхождению к родоначальнику, и выбирались они народной сходкой, вечем у каждого племени из таких особо-благородных родов [1]). Ко временам Тацита местами отдельные германские племена стали уже иногда смыкаться в более обширные союзы — зародыши настоящей государственной связи [2]). Характерны также известия о дружине, как временном объединении для единичных набегов [3]).

Соответственно слабой организованности хозяйства, общества и политических связей и духовная культура отличалась хаотическим конкретизмом. Анимизм в миросозерцании древних германцев засвидетельствован фактами существования у них огромного количества богов [4]). Почитание деревьев и рек [5]) указывает одинаково и на анимизм и на фетишизм, как и почитание вообще растений и животных [6]). Остатками тотемизма следует считать посвящение волка Одину (Вуотану) и Циу, вепря Фрейе, козы и коня Тору (Доннару) [7]). Культ Тора был связан, как известно, и с культом предков [8]). Весьма важным в смысле понимания религии древних германцев, как религии племенной, является как то, что не все племена поклонялись даже такому важному божеству, как Вуотан [9]), так и многозначимость многих богов: так, Вуотан чтился то как бог неба, то как бог войны, то, наконец, как бог воды [10]). Вообще появление и более или менее широкое распространение культа таких божеств, как Вуотан, Фрейя, Циу, Тор, Бальдер, знаменуют уже несколько более высокую ступень культурного и общественного развития, — соединение отдельных племен между собою или, по крайней мере, упрочение связей между ними. Что касается в частности Фрейи и Бальдера, то они указывают уже на некоторые успехи

---

1) Там же.

2) *Inama-Sternegg,* Deutsche Wirtschaftsgeschichte, I Band, Leipzig, 1879, стр. 7.

3) *Грановский,* О родовом быте у древних германцев.

4) *Jacob Grimm,* Deutsche Mythologie, vierte Ausgabe, besorgt von Elard Hugo Meyer, I Band, Berlin, 1875, стр. 85.

5) Там же, стр. 86.

6) Там же, II Band, Berlin, 1876, стр. 539 и след.

7) Там же, I Band, стр. 122, 171, 153.

8) Там же, стр. 140.

9) Там же, стр. 133.

10) Там же, стр. 111, 112, 123.

земледелия: оба они—земледельческие божества [1]), но в мифе о Бальдере — его смерти и воскресении — один из новейших исследователей справедливо усматривает и остатки тотемизма[2]).

Особых жрецов, как и храмов, у германцев, в сущности, не было: существовали лишь гадатели и гадальщицы [3]), а местами молений и жертвоприношений были леса, священные рощи [4]). С гаданиями связан был, конечно, и формализм ритуала, необходимость колдовства, магического воздействия на таинственные, неведомые, нездешние силы [5]).

Это приводило в области народного творчества к заклинаниям и заговорам [6]). Даже народные песни при погребении умерших имели колдовской или заклинательный характер [7]). С культом связаны были и все произведения народной поэзии: гимны богам — короткие и простые, но обыкновенно заключавшие в себе много древне-религиозных формул [8]), эпико-мифические песни [9]). Наконец, религиозное же происхождение имели и древне-германские хоровое пение и танцы [10]). Несравненно позднее, только со времен победы Арминия над римлянами в Тевтобургском лесу при Августе, начинает у германцев развиваться эпико-историческая народная поэзия [11]), которая, как и везде, не была чистым эпосом, а содержала в себе также немало и лирических элементов.

Неудивительно, что и те живые лица из числа германских вождей, которых мы встречаем в изображении Цезаря и Тацита, и сам Арминий—рисуются нам не как сложившиеся личности, определенные характеры, а как импульсивные полудикари, поддающиеся первым впечатлениям, немедленно и быстро на них реагирующие.

---

[1]) Там же, стр. 177, 183; *Frazer*, The golden Bough, part VII, vol. I, London, 1913, стр. 336 и след.

[2]) *Frazer*, The golden Bough, part VII, vol. II, London, 1913, стр. 225 и след.

[3]) *Jacob Grimm*, Deutsche Mythologie, I Band, стр. 77, 78.

[4]) Там же, стр. 58.

[5]) *Jacob Grimm*, Deutsche Mythologie, II Band, Berlin, 1876, стр. 861 и след.

[6]) *Koegel*, Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgange des Mittelalters, I Band, Strassburg, 1894, стр. 78 и сл.

[7]) Там же, стр. 47.

[8]) Там же, стр. 12 и сл., 30.

[9]) Там же, стр. 96, 98 и сл.

[10]) Там же, стр. 6.

[11]) Там же, стр. 111—112.

IV.

Англия в дофеодальную эпоху.

В истории Англии время до конца V века—эпоха дофеодальная, когда господствовал еще родовой и племенной строй. Это было время, когда преобладавшей народностью были еще кельты.

Родовой и племенной строй кельтской Британии обрисовывается перед нами в чистом виде и в хозяйственном, и в социальном, и в политическом отношениях.

По Цезарю и Страбону, среди кельтов в Британии господствовало скотоводственное хозяйство, и существовала большая подвижность, бродячесть [1]). В землевладении, социальном строе и управлении основное влияние имели кланы—обширные родственные союзы, роды, разросшиеся семьи иногда с некоторою примесью чужеродцев [2]). Власть, значит, всецело почти носила характер кровный: государственного союза в собственном смысле этого слова тогда еще не было, если не считать господства римлян, продолжавшегося, впрочем, недолго и бывшего чуждым наслоением.

В кельтскую эпоху земледелие было незначительно [3]), хотя имения (villae) римлян вывозили уже некоторое количество хлеба в Галлию. Бритты владели тогда землей вольно или захватным порядком: каждый клан захватывал большое, уже более или менее определенное, однако, пространство, а в пределах этой родовой территории отдельные семьи брали себе любые участки и пользовались ими, пока это было им удобно, свободно переходя затем на другие места в пределах той же клановой территории [4]). Мы здесь, как и везде, избегаем называть такие порядки общинными, чтобы не вносить терминологической путаницы, сильно затемняющей всегда дело

---

[1]) *Meitzen,* Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven, II Band, Berlin, 1895, стр. 98.

[2]) Там же, стр. 98; ср. I Band, стр. 182—193.

[3]) Там же, I Band, стр. 191.

[4]) *Виноградов,* Средневековое поместье в Англии, Спб., 1911, стр. 22—23.

В общественном строе господствовало относительное равенство, преобладали свободные [1]). Никакой власти, кроме родовой и племенной, не было. Конечно, не существовало и сколько-нибудь строго организованных средств управления.

Таким образом, в общем и целом положение хозяйства и состояние общества и государства в кельтской Британии, т.-е. в дофеодальной Англии, отличалось большой хаотичностью, неорганизованностью, бессистемностью. Основой этого были, конечно, элементарные формы хозяйствования.

Понятно, что это отражалось и на психологии общества, придавая ей характер хаотического конкретизма. Первобытные анимизм, фетишизм, колдовство, магия, господствовавшие не только в язычестве кельтов, но и в принятом ими христианстве, служат ярким тому доказательством.

Недаром в первоначальном кельтском остове поэм об Артуре и рыцарях Круглого Стола фигурируют страшные чудовища. Первые кельтские проповедники христианства в Ирландии и Англии IV века, ученики св. Патрика, сами отчасти были друидами и бардами. Из них Бригитта была даже прямо колдуньей. И все они, даже и став христианами, все же гадали по звездам, чертили таинственные рисунки, были татуированы, как волшебники [2]).

V.

Дофеодальная Венгрия.

Мадьяры или венгры и во время своих странствий между Уралом и Доном и между Доном и Днепром и позднее, вплоть до второй половины X века, были, главным образом, охотниками и особенно скотоводами; земледелие было примитивно [3]). И туземное, паннонское население было пастушеским, занималось скотоводством [4]). „Земля была собственностью рода и находилась в общем пользовании“ [5]), говорит

---

[1]) Там же, стр. 40 и сл.

[2]) См. *Виппер*, Учебник истории средних веков, М., 1903.

[3]) *Moldovanyi*, Die Entstehung der Monarchie in Ungarn, Budapest 1896, стр. 13, 14.

[4]) Там же, стр. 8.

[5]) Там же, стр. 9.

один из исследователей истории Венгрии, и в этой неясной формуле мы, имеющие для того достаточное количество сравнительно-исторического материала, усматриваем указание на господство вольного землепользования.

В Европу пришли семь мадьярских племен и по дороге к ним прибавилось восьмое [1]). Племена разделялись на роды, которых, по древнейшему венгерскому летописцу, было 108 [2]). Во главе каждого племени и каждого рода стояли племенные и родовые старейшины [3]). Отдельные племена были все время—вплоть до X века—независимы [4]) и подчинялись лишь ненадолго Арпаду, одному из племенных старейшин, по смерти которого всякое единство исчезло, и полная раздельность племен была восстановлена [5]), да и при Арпаде главную роль играл совет племенных и родовых старейшин, и внутренняя самостоятельность племен сохранялась [6]).

Фетишизм, как основа мадьярской религии, также установлен исследователями [7]) и, следовательно, в обычном смысле характеризует состояние духовной культуры и психологии мадьярского народа в древнейший период его истории.

VI.

Древнейшие финны.

История дофеодальной Финляндии завершается приблизительно в начале XII века, во всяком случае не позднее половины этого века.

Не подлежит сомнению, что в это время среди финнов господствовали охота и рыболовство [8]). Значительно, даже весьма важно было и скотоводство: финны знали в виде домашних животных собаку, корову, лошадь, свинью, овцу и

---

[1]) Там же, стр. 1.
[2]) Там же, стр. 2.
[3]) Там же, стр. 2.
[4]) Там же, стр. 2, 7, 17.
[5]) Там же, стр. 3, 14, 16.
[6]) Там же, стр. 7.
[7]) Там же, стр. 19.
[8]) *Koskinen*, Finnische Geschichte, Leipz., 1874, стр. 16

козу [1]). Невысокий, примитивный уровень техники этих отраслей хозяйства засвидетельствован, между прочим, тем фактом, что выделка масла и приготовление сыра были финнам того времени совершенно неизвестны [2]). Одежда из кож, иглы из костей указывают разом и на важность охоты и рыболовства, и на первобытную технику хозяйства. Земледелие существовало лишь в виде посевов ячменя и только лядинное, подсечное, огневое [3]). Из металлов знали лишь медь [4]).

Понятны при таких условиях и социальное равенство, и политическая бесформенность, даже продолжительная несвязанность, раздельность разных финских племен [5]). Ничего прочного, устойчивого здесь, как и везде, не было.

Хаотический конкретизм в общественной психологии выступает весьма заметно. Непреложное о том свидетельство — финская языческая религия.

Тут были и почитание предков [6]), и следы тотемизма, особенно ясные в поклонении богине—медведице Отаве, в запрещении убивать лягушек и ласточек [7]). Характерно, как отражение хозяйственных отношений, почитание бога охоты Сторьюнкаре [8]). На анимизм указывает дух ячменного или овсянного поля Виронканнас [9]). Многочисленность богов также характерна для анимистического фетишизма: кроме названных, были боги: Юмала (бог предок), Укко (гром), Пейва (солнце), Кут (месяц), Техти (звезды), Ахти (бог моря), Веламмо (его жена), Лиеккио (леший) и т. д. [10]). И все это дополняется обрядовым шаманизмом или религиозным колдовством [11]).

---

1) Там же, *Schybergson*, Finlands Historia, Helsingfors, 1888, стр. 5 и сл., 67.

2) Там же.

3) *Koskinen*, Finnische Geschichte, стр. 16.

4) Там же.

5) Там же, стр. 18.

6) Там же, стр. 19; *Schybergson*, Finlands Historia, стр. 15.

7) *Koskinen*, Finnische Geschichte, стр. 20, 21.

8) Там же.

9) Там же, стр. 26.

10) Там же, стр. 22 и сл.

11) Там же, стр. 19.

VII.

Древняя Аравия.

История дофеодальной Аравии охватывает огромный период времени с 1000 года до Р. Хр. до VI века после Р. Хр.,— по меньшей мере 1600 лет, хотя надо заметить, что до Р. Хр. населенной и исторически действенной можно пока, при современном состоянии наших знаний, признать, главным образом, только часть страны—именно южную Аравию.

Издавна Аравия была страной номадов, кочевых скотоводов и охотников, с слабой примесью земледелия, дававшего скудную жатву [1]). Несколько более оседлым задолго до Р. Хр. было лишь население юга, где важную роль играла торговля с Индией. Сухопутный торговый путь шел еще с X века до Р. Хр. из южной Аравии, из главного города хатрамотитов (Хадрамаут) Сабота к Мариту, столице Сабейского царства, потом через центр Аравии в Мекку, через страну миднапитов и Синайский полуостров до Петры и Газы на Средиземном море [2]). Эта сухопутная торговля вскоре после Р. Хр., хотя и не исчезла, продолжала существовать [3]), но сильно сократилась, уменьшилась в своих размерах: ее заменила в главной части морская торговля—по Красному морю [4]). Однако, никогда эта внешняя торговля — сухопутная и морская — не захватывала масс населения: она подчиняла своему влиянию лишь верхи общества. Недаром и предметами ее были предметы роскоши, а не первой необходимости: из Иемена долго вывозили только золото, лишь с VI века кожи, Абиссиния поставляла слоновую кость и пряности, Индия—обезьян и павлинов [5]). Понятно, что хозяйство все время оставалось натуральным: еще в VI веке по Р. Хр. меновой единицей в Аравии был верблюд, о золоте и серебре, как платежных средствах,

---

[1]) *А. Мюллер.* История Ислама с основания до новейших времен, I, Спб. 1895, стр. 8; *Hartmann,* Der islamische Orient, Band II, ·ipzig, 1909, стр. 10.

[2]) *Мюллер,* История Ислама, стр. 26.

[3]) Там же, стр. 28.

[4]) Там же, стр. 27.

[5]) Там же, стр. 27, 28.

имели «весьма слабое понятие»[1]). Слабо развивалась и обрабатывающая промышленность: потребности, вызывавшие ее существование, удовлетворялись в каждой семье трудовой энергией ее собственных членов, и лишь в Иасрибе (Медине) после Р. Хр. появились первые ремесленники из иудеев—и то работавшие лишь на богатых: ювелиры[2]).

Таково было соотношение разных отраслей хозяйства в дофеодальной Аравии: преобладание охоты и скотоводства, слабость земледелия и ремесл, примесь внешней торговли при полном господстве натурального хозяйства—все черты, типичные для всех дофеодальных культур.

Типичны для них и семейная форма производства[3]) и вольно-захватное землепользование[4]), несомненно существовавшие и констатированные исследователями у древнейших арабов. Нужно ли прибавлять, что техника должна была быть неизбежно примитивной. Что касается, наконец, сравнительного благосостояния масс и выделения богатого меньшинства, как характерных черт распределения хозяйственных благ, то они засвидетельствованы источниками и не подвергаются специалистами ни малейшему сомнению[5]).

Таким образом пять классических признаков дофеодального хозяйственного быта имеются налицо в древнейшей Аравии.

Понятно, что они сопровождаются характерными последствиями и в общественном строе: нет сословий с точно определенными правовыми различиями, но намечаются экономические отличия, разница в степени состоятельности, в богатстве[6]); семья, род, племя и во главе их власть отца и племенного старейшины, шейха[7]) — все в обществе; патриархальному быту соответствует и кровная месть, подвергающаяся часто замене выкупом[8]).

А государство, политические отношения? И они были так же слабо организованы, как хозяйство и общество.

---

1) Там же, стр. 6.

2) Там же, стр. 40; *Hartmann*,, Der islamische Orient, Band II, стр. 17.

3) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 39.

4) *B. Hildebrand*, Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen, Erster Theil, Jena, 1896, стр. 50, 53.

5) *Мюллер*, История Ислама, т. I, стр. 39.

6) Там же, стр. 39.

7) Там же, стр. 1, 4, 11; *Hildebrand*, Recht und Sitte auf den verschied. wirtsch. Kulturstufen, I-er Theil, стр. 33.

8) *Мюллер*. История Ислама, т. I, стр.

Между племенами существовали непримиримые, постоянные междоусобные распри [1]). Чтобы смягчить их, а также, чтобы этим путем обеспечить торговые пути для торговли общественных верхов, возникали слабо организованные, плохо связанные, непрочные, постоянно колебавшиеся и часто распадавшиеся государства. Таковы были задолго до Р. Хр. три государства южной Аравии: государство Хадрамаут или хатрамотитов, государство сабеев и государство минеев [2]). С ослаблением значения сухопутного торгового пути с юга на север в I веке по Р. Хр. вместо сабейского царства возникло царство химьяров или „гомеритов“, как их называли греки и римляне, со столицей Зафар у моря [3]). На северной окраине политическому объединению пограничных арабских племен, естественно намечавшемуся и внутренними условиями, содействовали и соседи — Рим, Византия, Персия, пытавшиеся сдержать хищнические набеги кочевых арабов вассальными государствами, образованными из арабских же племен. Так, в III веке образовалось государство в Пальмире во главе с шейхом Узейной, которого римляне звали Оденатом, а после него с его супругой Бат-Сабиной или Зенобией [4]). Тогда же персы образовали Хирское царство во главе с арабской династией Лахмидов, арабское и по всему составу населения [5]). Когда в 273 г. римляне сокрушили Пальмиру, так как Зенобия обнаружила явное стремление к самостоятельности, на смену Пальмирского царства в южной Сирии появилось царство Гассанидов [6]). И Лахмиды, и Гассаниды сохраняли свои государства в IV, V и VI веках, постоянно враждуя между собою [7]). В начале V века и в центральной Аравии возник союз племен, во главе которого стало племя Кинда: союз этот существовал с перерывами до конца первой трети VI столетия и все время боролся с хирскими Лахмидами [8]).

Уже все эти усобицы, распадения, непрочность организации указывают на неустойчивость политического строя, на его элементарность, эмбриональное состояние. То же видно

---

[1]) Там же, стр. 7.
[2]) Там же, стр. 26—27.
[3]) Там же, стр. 28.
[4]) Там же, стр. 10.
[5]) Там же, стр. 12.
[6]) Там же. стр. 12.
[7]) Там же, стр. 13—18.
[8]) Там же, стр. 19—21.

и из неустойчивости преемства власти и из способа, каким народ влиял на государственные отношения: племенные шейхи не были наследственны никогда [1]), цари Хиры получали престол то от отца, то от брата [2]), народное собрание существовало, но фактически в нем преобладали богатые [3]). Государственная власть — и власть царей и власть собрания — была очень ограничена; племена и их шейхи, роды, семьи были вполне самостоятельны в пределах занимаемой ими территории [4]). Словом, неопределенность, неоформленность, неорганизованность, отсутствие государственных целей и понятия об обществе, как носителе, субъекте властвования — основной тон государственной связи того времени, связи настолько слабой, что ее лучше назвать государственной бессвязностью.

И, наконец, та же бессвязность сказывается в хаотическом конкретизме общественной психологии и духовной культуры. Почитание деревьев, метеоритов, грубых идолов, свойственное древнейшей арабской религии [5]), свидетельствует разом и об анимизме, и о фетишизме, и о тотемизме, особенно если принять во внимание вместе с этим ряд фактов, указывающих на культ предков, на родовую и племенную религию: были племенные божки [6]); Иль или Илях почитался как всеотец богов-предков [7]). Наконец, хозяйственные потребности, экономические нужды отразились на религии древних арабов в том, напр., что Кааба в Мекке почиталась как храм боговпокровителей торговли [8]). Важность скотоводства нашла себе выражение и в лунном годе у арабов, и в измерении времени ночами [9]).

И в поэзии царил тот же хаотический конкретизм. Религиозный анимизм и фетишизм нашел себе выражение в сказаниях о мифических поэтах, которые, как Шанфара и Теаббата Шарран, были будто бы исполинами-скороходами,

---

1) Там же, стр. 11.
2) Там же, стр. 11.
3) Там же, стр. 39.
4) Там же, стр. 39.
5) Там же, стр. 33: *Hartmann*, Der islamische Orient, II, стр. 14.
6) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 34.
7) Там же, стр. 34.
8) Там же, стр. 32.
9) *Goldziher*, Der Mythos bei den Hebräern, стр. 74—76.

общались с волнами и ночными привидениями [1]). Цикл сказаний сложился и вокруг имени поэта Антары [2]). Певцами отдельных племен и межплеменной вражды являлись Харис и Алер-Ибн-Кулсум [3]). Из прочих поэтов замечательны Имрууль-Кайс, Зухейр, Набига [4]). У всех их мало фантазии, бедность чувства, сжатые описания — с эпизодическими рассказами о животных (верблюде, лошади), о любовной страсти, бо́льшею частью элементарной, с окраской скабрезности; местами попадаются злые насмешки [5]). Нет эпоса, драмы, даже настоящей лирики [6]): все грубо, первоначально, хаотично.

Понятно, что, когда заходит речь о психологии древнейших арабов, в характеристиках исследователей перед нами мелькают, как в калейдоскопе, сочетания несовместимых, органически несоединимых, противоположных свойств: дикое упорство и жадность сочетаются с великодушием, смелость с коварством [7]). Очевидно, это сочетание было лишь внешним, механическим, не слагалось во внутренно связную систему, в духовный организм, в цельные, отлившиеся характеры.

VIII.

Дофеодальная Эллада.

Так-называемое вторжение дорян в Пелопоннес, относящееся к XI веку до Р. Хр., является заключительным моментом движения с севера на юг, происшедшего после разделения греков и италиков, первоначально живших совместно где-нибудь в Иллирии или к северу и северо-востоку от нее до Карпат. XI век и служит начальной датой истории дофеодальной Эллады. Заключительная дата этой истории для передовых частей древней Греции — конец VIII века

---

[1]) *Мюллер*, История Ислама, т. I, стр. 43.
[2]) Там же, стр. 46.
[3]) Там же, стр. 43.
[4]) Там же, стр. 43.
[5]) Там же, стр. 42, 43, 45.
[6]) Там же, стр. 42. Ср. *Huart*, Litterature arabe, Paris, 1902, стр. 11 и 12.
[7]) *Мюллер*, История Ислама, т. I, стр. 8.

до Р. Хр., что же касается частей отсталых, то дофеодальные отношения, как увидим, длились в них еще долго спустя после VIII века.

Такое определение хронологических пределов дофеодального периода истории древней Греции противоречит определению, данному талантливым историком древности и гласящему, что гомеровская эпоха — „греческое средневековье“ [1]). Эллинский феодализм — явление более позднего времени. Последующее изложение будет подтверждением сказанного здесь нами.

Земледелие и в частности уже обработка земли посредством плуга существовали у греко-италиков еще в то время, когда они жили нераздельно: на это указывает общее им название плуга — aratrum, αρατρον [2]). В гомеровское время существовали уже местами унавоживание земли и искусственное орошение. Издавна известны были виноградарство и виноделие [3]).

Было бы, однако, крупной ошибкой считать земледелие господствовавшей в дофеодальной Греции отраслью хозяйства, тем более, что и унавоживание и искусственное орошение и теперь свойственны отчасти областям, где скотоводство играет видную, даже главную роль [4]). А первенство скотоводства в эпоху окончательного образования поэм Гомера (IX и VIII в.в. до Р. Хр.) не подлежит сомнению [5]). Цари имеют огромные стада. У Одиссея, напр., было 72 стада, из которых 24 стада свиней в 1.200 голов [6]); стада составляли и главное богатство Приама [7]). Особенно много было лошадей, конских табунов [8]). Рабы были не полевыми рабочими, а или домашними слугами, или, что чаще, пастухами [9]).

---

[1]) *Eduard Meyer*, Geschichte des Altertums, II-r Band, Stuttgart, 1893, стр. 291 и след. Впрочем, Э. Мейер причисляет к средневековью и VII столетие.

[2]) *О. Шрадер*, Сравнительное языковедение и первобытная история.

[3]) *Белох*, История Греции, т. I, М. 1897, стр. 68.

[4]) Примеры можно найти в некоторых скотоводственных частях Забайкальской области.

[5]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, т. II, стр. 79 и сл., 361; *Белох*, История Греции, т. I, стр. 52, 67, 87.

[6]) Одиссея.

[7]) Илиада.

[8]) Там же.

[9]) *Виппер*, Лекции по истории Греции, ч. I, М. 1905, стр. 40.

В поэмах часто встречаются сравнения, взятые из языка скотоводов: напр., бегущие ахеяне сравниваются со стадом баранов [1]). Наконец, цены определяются количеством быков: Диомед и Главк поменялись доспехами, причем доспехи Диомеда стоили 9 быков, а цена доспехов Главка была 100 быков [2]). Важное значение имела также охота: сыновья Приама отправлялись на охоту не как на забаву, а как на серьезное дело, и удачная охота имела большое хозяйственное значение [3]).

Второй основной хозяйственной чертой гомеровской Эллады является господство натурального хозяйства. Фукидид в начале своего сочинения указывает на слабость торговли именно в то время и причинами этого считает дурные пути сообщения и разбойничество [4]). Говоря точнее, выражаясь современным научным языком, приходится признать в X и IX веках господство так называемой, известной уже нам, разбойничьей торговли (Raubhandel), при которой купец и разбойник отождествлялись, соединялись в одной личности: напр., мессенские купцы грабили Итаку и увозили людей в рабство. Типичны в этом отношении и сын Язона на о. Лемносе, и правитель тафийцев, под именем которого явилась богиня Афина [5]). Как всегда бывает при разбойничьей торговле, круг обращающихся товаров был неширок и часто случаен. Предметы первой необходимости отдельные греческие государства производили для себя сами, и потому обмен между ними был весьма слаб. Невелика была и существовала лишь в высших слоях населения потребность в мануфактурах Востока, ввозимых финикийцами, которые также и вывозили из Греции вино, масло, хлеб и рабов [6]). Лучшим доказательством натурального типа эллинского хозяйства гомеровской эпохи надо считать тот несомненный факт, что правительственные средства тогда сводились почти всецело

---

1) Илиада.

2) Там же. Ср. *Белох*, История Греции, стр. 68.

3) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, II. B., Stuttgart, 1893, стр. 79.

4) История Пелопоннеской войны, гл. I.

5) *Виппер*, Лекции по истории Греции, ч. I, стр. 33; *Белох*, История Греции, ч. I, стр. 71, 73.

6) *Francotte*, L'industrie dans la Grèce ancienne, I, Bruxelles, 1900, стр. 13; *Мейер*, Экономическое развитие древнего мира, М. 1910, стр. 22.

к натуральным повинностям — службе, работам на царей, выделу им особых, крупных земельных наделов (θέμενος), приношению им подарков (δωτῖναι) и уплате судебных пошлин (θέμιστες) [1]. Понятна при таких условиях слабость обрабатывающей промышленности: единственный вид мастерской, известный гомеровским поэмам, это — кузница, да и она работала на определенного заказчика, не возвышалась, следовательно, над уровнем мелкого кустарничества; обычно же работали отдельные мастера — плотники, горшечники, кораблестроители, кожевники — на дому у заказчика, на харчах последнего и получая от него также материал. Техника производства была крайне низка: недаром плотники были вместе и столярами, кузнецы — также и оружейниками и даже золотых дел мастерами [2].

Таким образом преобладание первоначальных отраслей хозяйства (скотоводства, отчасти охоты), примитивная техника, слабая оформленность — вот основные черты экономического быта гомеровской Эллады. Соответственно этому и общественный строй отличался слабой организованностью: классовые и сословные группы едва лишь намечались и определялись, были на деле расплывчаты, существовала возможность перехода из одной в другую. Исследователи нередко здесь вносят слишком много определенности и резкой очерченности.

В самом деле: важно уже то прежде всего, что большое значение имеет род, обширная семья, кровное соединение. Но роды группируются во фратрии, а фратрии в филы — тоже кровные первоначально союзы, но уже превратившиеся в объединение соседей, сильно замутившиеся примесью чужеродцев. Личность ничто вне этих общественных и кровных соединений, очевидных носителей и землевладельческих прав: быть вне семьи и семейного очага (ἀνέστιος), вне фратрии (ἀφρήτωρ) и вне закона (αθέμιστος) значило одно и то же [3]. Люди, отбившиеся от рода, фратрии, филы, вынуждены были искать себе особых покровителей и назывались изгоями

---

[1]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, II, стр. 82.

[2]) Там же, стр. 363. *Виппер*, Лекции по истории Греции, I, стр 46.

[3]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, т. II, стр. 87; *Виппер*, Лекции по истории Греции, I, стр. 27.

(μετανάσται))[1]. Понятно, что и в суде клятва родичей соприсяжников имела решающее значение: в сущности, весь центр тяжести уда находится в кровных союзах.

Затем были знатные, свободные и рабы. Между теми, другимии особенно третьими появились правовые различия: только знать участвовала в совете царя и правила областями — повидимому, наследственно, — свободные участвовали в народном собрании и имели гражданскую правоспособность, а рабы, положение которых было, впрочем, не очень дурно, и которые были сравнительно немногочисленны, не имели совершенно прав [2]). Но возможен был переход из одной группы в другую: все зависело от личной доблести [3]) К тому же в основе зарождавшейся и делавшей первые успехи сословной группировки лежали экономические различия: недаром знатные называются жирными, тучными (ἀφνειοί παχέες); в среде самих свободных были многонадельные (πολύκληροι) и малонадельные (ἄκληροι) [4]). Совсем обедневшие свободные люди назывались фетами и жили наймом, может быть брали вперед плату в виде займа. С ними нечто общее имели, хотя и были социально и экономически выше их, демиурги, т.-е. ремесленники: врачи, гадатели, певцы, вестники, плотники, горшечники, кузнецы, кожевники [5]). В общем и здесь недоделанность, незаконченность, текучесть, аморфность.

То же и в устройстве государства. Род, фратрия, фила имели своих судей, жрецов и военачальников в лице старшего в роде, фратриарха из старшего рода и филарха из старшей фратрии. Царь был судьей и жрецом, но, по Аристотелю, военачальниками были часто другие лица при царях, около которых собирались дружины. Народное собрание действует бесформенно, криком одобряет или не одобряет решение царя и совета старейшин. Совет важнее, склонен говорить за народ: члены совета готовы вслед за Гектором предложить грекам выкуп за отступление от Трои [6]). Но все это — дело фактического перевеса в каждом отдельном случае, так же

---

[1]) Это вовсе не „переселенцы", какими их считает Р. Ю. Виппер (Лекции по истории Греции, I, стр. 38).
[2]) *Ed. Meyer*, Gesch. des Altertums, II, стр. 82—84.
[3]) Там же.
[4]) *Виппер*, Лекции по истории Греции, I, стр. 32, 38.
[5]) Там же, стр. 45.
[6]) Там же, стр. 51—52.

случайно, как случайны ссоры вождей, ведшие сплошь и рядом, как ссора Ахилла с Агамемноном, к большим опасностям для общего дела, затеянного теми же вождями.

Понятна, следовательно, при такой материальной основе и психическая аморфность, хаотический конкретизм в духовной культуре.

Боги — те же люди, предки людей, только более сильные, бессмертные и вечно молодые. Крик Афины во время битвы приравнивается крику нескольких десятков человек [1]). Посейдон переходит половину моря, делая всего четыре шага [2]). Боги могут быть ранены, обмануты, усыплены. Они не всеведущи: сам Зевс гадает, кто должен победить, — Ахилл или Гектор [3]). Боги постоянно вмешиваются в людскую жизнь, руководят ею, без них ничего не обходится, в сущности только они и действуют: таинственные, нездешние силы управляют всею жизнью. Отсюда жертвы, гадание, колдовство, жречество. Религия в то время лишь отчасти была земледельческой, охота и скотоводство отражались в почитании таких богов, как Пан, Артемида, Аполлон (волк в Аркадии, бог пастбищ), фавны, нимфы, дриады и проч. [4]). Культ предков-покровителей играл первостепенную роль [5]). Характерно также почитание лебедя на Тенедосе, Гекаты-собаки и т. д. [6]).

Мир казался переполненным чудовищами, грозными и пагубными для человека. И с ними боролись герои-полубоги. Предание о Геракле, мифы о его борьбе с гидрой, львом — эллинский двойник англосаксонской поэмы о Беовульфе — отражают ту же примитивную боязнь, смутную, слепую, почти бессознательную.

Древнейшее поэтическое творчество, соединяемое с именами Орфея, Мусея, Эвмолпа, Фамирида, выражалось в гимнах в честь богов [7]), как и в других странах в дофеодаль-

---

[1]) *Gruppe*, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, II Band, München, 1906, стр. 993 и сл.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, т. II, стр. 98—108; *Gruppe*, Griech. Mythologie, II, стр. 772—807.

[5]) Там же, стр. 261, 427; *Гомперц*, Греческие мыслители, т. I, Спб., 1911, стр. 20.

[6]) *Lang*, The secret of the totem, стр. 276 и сл.

[7]) *Meyer*, Gesch. des Altertums, II, стр. 395.

ный период их развития. Когда затем у Гомера и других народных певцов стали складываться поэмы о героях и их подвигах, то по существу и здесь воспевались, как в гимнах, те же боги: ведь они руководили героями и вдохновляли их. „Илиада“ и „Одиссея“ в своих более древних частях ясно отражают психологию общественных верхов. Здесь характерна именно психическая аморфность, важно отсутствие сложившихся характеров или типов. Ахилл быстро переходит от гнева к мстительности и от злобы к милосердию: он чрезвычайно импульсивен, поддается минутному впечатлению. У Одиссея, правда, заметны уже признаки организованного эгоизма: он хитер, вероломен, жаден до подарков и земли. Но и у него есть способность быстро отдаваться впечатлениям новизны, чувственности, риска, нежности, любви, мести, и у него заметна только некоторая тенденция в сторону эгоизма, не вполне сложившаяся и не отлившаяся в законченные формы. Разумеется, народные массы еще более социальных верхов отличались в своей психологии хаотическим конкретизмом.

Наконец, тот же хаотический конкретизм отличал и древнейшее эллинское искусство. Дворцы были по преимуществу деревянные с глинобитными крышами, грязны и аляповато украшены золотом и медью. Храмы — грубы и тяжелы. Статуи деревянные с вытянутыми по бокам руками, сжатыми ногами и закрытыми глазами. Эстетика здесь и не ночевала, психическая глубина и выразительность так же. Беспорядочное нагромождение непродуманных, непрочувствованных восточных влияний — вот главное.

IX.

Древнейшие Рим и Италия.

Трудно хотя бы с приблизительною точностью определить начальную дату древнейшей истории Италии и Рима. Вероятно, они не далеки в ту или другую сторону от 1000 года до Р. Хр. Конечной датой древнейшей истории Рима надо считать вторую половину VI века до Р. Хр.: важнейшее событие, знаменующее собою перелом уже в духовной культуре, всегда отстающей в своем развитии от культуры материаль-

ной, — это построение храма Юпитера Капитолийского в 508 до Р. Хр., следовательно, в конце VI века [1]).

Тот факт, что древнейшим мерилом ценности в Риме был скот [2]), ставит вне сомнения господство скотоводства в хозяйственной его жизни. Важна была и добывающая промышленность — охота, богом которой был, несомненно, Марс, и солеварение [3]). Земледелие существовало, но имело кочевой характер и появилось позднее, как видно из более позднего почитания соответствующих божеств, какими были сначала Конс и Опс [4]). Вольное, общее землепользование также установлено для того времени, как факт непреложный [5]): так-называемый у римских землемеров ager arcifinius, — не подвергающийся никакому измерению (qui nulla mensura continetur) [6]), — был древнейшим видом отношения к земле. Разумеется, была и соответствующая техника производства и более или менее равномерное распределение и потребление хозяйственных благ. Хозяйство было натуральным: не было божеств промышленности и торговли [7]).

Рознь и особность италийских племен [8]) и их родовой быт [9]) также авторитетно засвидетельствованы первоисточниками. Начинались лишь элементарные, частичные соединения римлян с латинами, выразившиеся в почитании не только римского Марса, но и латинского Квирина и объединяющего их обоих Юпитера [10]).

Существовала в Риме патриархальная царская власть; цари были из знатных родов то из одного, то из другого [11]). Патриции были членами сената, состоявшего сначала из 100 человек; только они одни имели сначала доступ к долж-

---

[1]) *Niese,* Grundriss der Römischen Geschichte nebst Quellenkunde Vierte Auflage, München, 1910, стр. 33.

[2]) Там же, стр. 43.

[3]) Там же, стр. 35.

[4]) *Wissowa,* Religion und Kultus der Römer, München, 1902, стр. 20.

[5]) *Max Weber,* Die Römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats-und Privatrecht, Stuttgart, 1891, стр. 50.

[6]) Там же, стр. 12.

[7]) *Wissowa,* Religion und Kultus der Römer, стр. 24.

[8]) *Nilse,* Grundriss der Römischen Geschichte, стр. 25 — 31.

[9]) Там же, стр. 40.

[10]) *Wissowa,* Religion und Kultus der Römer, стр. 19; *Зелинский* Соперники христианства, Спб. 1907, стр. 24.

[11]) *Niese,* Grundriss der Römischen Geschichte, стр. 39

ностям и жречеству [1]). Пелбси сначала как будто совпадали с клиентами, но потом сами получили родовое устройство и имели клиентов; появились и плебейские сенаторы — conscripti, — и состав сената доведен был до трехсот членов [2]). Выборы, законы и договоры утверждались сенатом. Народное собрание, собиравшееся по куриям (курия — кровная единица выше рода), имело меньше значения, чем сенат [3]).

Полидемонизм, анимизм, тотемизм, родовой и, наконец, скотоводственно-земледельческий характер древнейшей римской религии превосходно выяснены и обоснованы новыми трудами по этому вопросу.

Богов было „безграничное множество" [4]), у каждого предмета, даже каждого действия был свой демон или дух [5]). При посеве покровительствовали разным действиям до 12-ти богов [6]). Была Tellus — богиня поля, были Янус и Веста — боги дома, Фавн — лес, Fons — божество всех источников, но вместе с тем у каждого источника был свой особый бог [7]). Хлеб, посеянный в землю и не взошедший еще, имел божество Сатурн, растущий хлеб — Церера, цветущий — Флора, готовый к жатве — Конс, демоном ржавчины на колосе был Robigus [8]) и т. д. Родовые и семейные божества — лары и пенаты [9]), умершие предки — маны (manes) [10]), общий предок римлян — Марс, тотемическим выражением которого был волк [11]). Объединение племен нашло себе выражение в троице высших богов — Юпитера, Марса и Квирина: образование этой троицы — первый шаг в развитии древне-римской религии. У этих трех богов появились и три высших жреца — фламины [12]).

Строгое соблюдение молитвенного и жертвенного ритуала, обрядовый формализм были отличительной чертой и древней-

---

1) Там же, стр. 40.
2) Там же, стр. 41—42.
3) Там же, стр. 42.
4) *Wissowa*, Religion und Kultus der Römer, стр. 23.
5) *Зелинский*, Соперники христианства, стр. 17.
6) *Wissowa*, Religion und Kultus der Römer, стр. 22.
7) Там же, стр. 21, 22.
8) *Зелинский*, Соперники христианства, стр. 12, 13.
9) Там же, стр. 18.
10) Там же, стр. 20.
11) Там же, стр. 18.
12) Там же, стр. 24.

шей римской религии [1]), как и других религий, находившихся на соответствующей ступени развития. Храмов не было, существовали только непокрытые алтари, священные рощи и fana — священные места; только у Весты — богиня домашнего огня или очага — было покрытое крышей святилище, потому что надо было предохранить этот огонь от угашения [2]). Хаотический конкретизм духовной культуры и психологии выступал таким образом с полною ясностью.

X.

Египет в дофеодальное время.

Хозяйство Египта в конце каменного века рисуется по данным современной археологии и истории первобытной культуры такими чертами: сильно распространена была охота, важно скотоводство (были домашние быки и коровы, ослы, козы, овцы), существовало примитивное земледелие; земля обрабатывалась чаще всего киркой или мотыгой, реже чрезвычайно грубым плугом [3]). Очевидно, охота и скотоводство преобладали, земледелие едва зарождалось.

Такое положение хозяйства было унаследовано, вопреки мнению некоторых исследователей, и дофеодальным Египтом (5000—2900 лет до Р. Хр.). Это видно из следующих данных: по старому египетскому преданию Сэт, злой противник Озириса и вместе его брат, занимался охотой [4]); характерно, что, будучи еще тотемическим божеством, Сэт изображался в виде дикой борзой собаки [5]); то же предание повествует, что люди „вели дикий образ жизни, с трудом оспаривая ее у хищных зверей“ [6]).

Не подлежит также сомнению, что дофеодальный Египет был страной натурального, безобменного хозяйства: известно, что еще в финансах Древнего царства исключительную роль

---

[1]) Там же, стр. 15; *Wissowa*, стр. 32.
[2]) *Wissowa*, Religion und Kultus der Römer, стр. 29.
[3]) *Eduard Meyer*, Geschichte des Altertums, 2-e Auflage, Erster Band, zweite Hälfte, Stuttgart und Berlin, 1909, стр. 63.
[4]) *Морэ*, Цари и боги Египта, М. 1914, стр. 88.
[5]) Там же, стр. 86, прим. 2.
[6]) Там же, стр. 86.

играли натуральные сборы[1]); тем более так должно было быть раньше

В полном соответствии с такой хозяйственной основой находилось и деление древнейшего Египта на самостоятельные части, независимые округа или „номы“, как их потом называли греки. Какова была социальная природа этих округов и их происхождение,—видно из того, что каждый из них имел свое особое божество тотемического характера[2]). Тотем — признак не только анимизма и фетишизма, но и *родового* характера признающих и почитающих его союзов. Значит, в основе номов лежит родственное, кровное начало: это — обширные родовые союзы, осложнявшиеся, вероятно, и примесью чужеродцев. Территории их были различны по размерам, но чаще всего не превышали 20—30 километров во все стороны. Носители власти в номах замещались по очереди или по жребию из круга семей, ближайших к основателям номов. Они соединяли в своих руках и гражданскую власть, и религиозные функции[3]) как всегда в патриархально-родовом обществе. Были, повидимому, и общие собрания членов каждого нома[4]). В общем номы — те же марки древних германцев, кланы кельтов, задруги и верви славян.

Единственными сохранившимися свидетельствами о духовной культуре и психологии эпохи самостоятельности египетских номов являются пережитки первоначального анимизма и тотемизма в религии Египта. Душу египтяне того времени обозначали именем „Ка“, т.-е. „гений“, „двойник“. Двойник этот вполне материален, только невидим и поселяется по выходе из человеческого тела после смерти человека или в неистлевшем трупе (мумии), или в изображении человека (статуе, барельефе, живописном изображении)[5]). Тотемизм виден из того, что каждый бог первоначально изображался в виде животного: Гор — сокол или ястреб, Озирис — бык,

---

[1]) *Брэстед*, История Египта, I, стр. 80; *Erman*, Aegypten und ägyptisches Leben, I, стр. 120 и сл.; *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, I B., 2-e Hälfte, 2-e Aufl., Berl., 1909, стр. 150—151, 181.

[2]) *Meyer*, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 69—73.

[3]) *Брэстед*, История Египта, I, стр. 83 и сл.

[4]) Там же.

[5]) *Meyer*, Gesch. des Altertums, I, 2, стр. 114; *Брэстед*, История Египта, I, стр. 110; *Erman*, Aegypten und ägyptisches Leben, II стр. 415.

Сэт — дикая борзая собака, Амон — гусь, Сэбэк — крокодил, Ририт — гиппопотам, Шу или Тафнуит — львы, Тот — ибис, Хнум — баран, Сехит — львица, Баст — кошка [1]). Известно, в какой тесной связи с тотемизмом находится культ предков: тотем — то животное, в которое вошел дух предка-родоначальника, покровитель всего рода. Хаотический конкретизм психологии, лежащей в основе таких религиозных воззрений, не подлежит сомнению.

XI.

Древнейшая Месопотамия.

Дофеодальный период древнейшей сумеро-аккадо-вавилонской культуры Двуречья длился до 3000-го, может быть даже по 2500 года до Р. Хр. Исследователи, опираясь на совершенно бесспорный материал, считают главной отраслью хозяйства в это время скотоводство [2]). Существовали также рыболовство и земледелие [3]). Платеж дани натурой [4]) лучше всего свидетельствует о господстве натурального хозяйства. Существование следов господства кровных союзов [5]) — признак семейно-родовой формы хозяйства. Полуоседлый-полукочевой быт скотоводственного по преимуществу народа указывает на вольное землепользование. Техника хозяйства, естественно, не могла быть высока, и распределение продуктов народного труда отличалось относительной равномерностью при некоторых лишь резких отклонениях от общей нормы на самой вершине общества.

Слабость социального расчленения лучше всего характеризуется сравнительно свободным положением рабов: с ними обращались мягко, они исполняли иногда важные хозяйственные поручения своих господ, могли заключать договоры; обиды, им наносимые, наказывались даже в том случае, если

---

[1]) *Морэ,* Цари и боги Египта, стр. 81.

[2]) *Ed. Meyer,* Geschichte des Altertums, 2 Auflage, 1-r Band, 2 Hälfte, Stuttgart und Berlin, 1909, стр. 410; *Тураев,* История древнего востока, ч. I, изд. 2-е, Спб. 1913, стр. 82.

[3]) Там же.

[4]) *Тураев,* История древнего востока, ч., I изд. 2-е, стр. 81.

[5]) *Ed. Meyer,* Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 413.

обидчиком был господин [1]). Почетное положение женщины [2])— также признак слабого социального расслоения.

В политическом отношении царил полный распад, совершенная неорганизованность. Князья (патеси) были на деле совершенно самостоятельны [3]), как правители, военачальники и жрецы [4]), и лишь по имени подчинялись царям (лугалям) и то временно, причем цари эти пребывали то в Описе, то в Кише, то в Лагаше [5]).

Хаотический конкретизм, соответственно всей материальной культуре, отличал культуру духовную—религию и зачатки искусства. В религии господствовал полидемонизм или, вернее, пандемонизм: весь мир казался сумерам населенным чудовищами [6]), демонами [7]), многие духи или демоны почитались как местные божества небольших округов [8]). Основой всей религии был анимизм [9]). Черты тотемизма в связи с культом предков сказываются в почитании драконов, птиц с человеческой головой и проч. [10]), а также в посвящении бесчисленным местным божествам львов, орлов и т. п. [11]). Постройки производились сначала из речного ила [12]), древнейшие рельефы были бесформенны и грубы [13]).

XII.

Древнейшие евреи.

До 1400 г. до Р. Хр. „сыны Израиля бродили со своими стадами в пустыне. Они кочевали из оаза в оаз; приходя

[1]) *Morris Jastrow*, The Relidion of Babylonia and Assyria, Boston, 1898, стр. 695.

[2]) *Тураев*, История древнего востока, I, стр. 85.

[3]) *Ed. Meyer*, Geschichte. des Altertums, I, 2, стр. 443; *Jastrow*, The Religion of Babylonia and Assyria, стр. 35; *Тураев*, История древнего востока, I, стр. 79.

[4]) *Тураев*, История древнего востока, I, стр. 79.

[5]) Там же, стр. 79 и 80; *Ed. Meyer*, I, 2, стр. 443.

[6]) *Ed. Meyer*, Gesch. des Altertums, I, 2, стр. 410.

[7]) *Jastrow*, The Religion of Babylonia and Assyria, стр. 265.

[8]) Там же, стр. 266.

[9]) Там же, стр. 48; *Tiele*, Geschichte der Religion im Altertum, I Band, стр. 143, 146; *Frazer*, The golden Bough, part VI, стр. 102 и след.

[10]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 426.

[11]) Там же, стр. 422.

[12]) Там же, стр. 413.

[13]) Там же, стр. 438.

на становище в оаз, они раскидывали там свои шатры, подобно шатру Авраама у дуба Мамврийского“[1]). „Расположившись в палатках у ручья, израильтяне оставались тут до тех пор, пока скот не съедал всю траву. Если оаз был большой, то израильтяне оставались в нем много лет. Тогда они грубым образом разрыхляли землю и сеяли в ней семена. Ячменный хлеб и молоко были их любимой пищей“[2]). В памяти израильтян осталась одна такая долгая остановка в оазе Кадеше, около горы Синая“[3]).

Это сжатое изображение хозяйства древнейшего Израиля, сделанное рукою специалиста, в немногих, но отчетливых чертах характеризует и соотношение отраслей хозяйства, и форму землевладения, и форму организации хозяйственных предприятий, и технику, и распределение хозяйственных благ: очевидно, господствовало кочевое скотоводство со слабой примесью первобытного земледелия; при домашней, семейно-родовой форме хозяйства существовало вольное землепользование; низкий уровень техники явствует из исключительного содержания скота на подножном корму и из мотыжного земледелия, факта „грубого разрыхления почвы“; наконец, имущественное неравенство, очевидно, не было сильно, резко выражено. Торговые сношения — элементарные — существовали по преимуществу с Египтом. Натуральное хозяйство видно из того, что козы и овцы были меновой единицей, заменяли деньги [4]).

Нам известно, что только что описанным хозяйственным отношениям сопутствовало обычно слабое, зародышевое социальное расчленение общества. Существовали слабо-объединенные племена (колена)[5]), состоявшие из отдельных обширных семей[6]), с патриархальною неограниченной властью отца[7]). Равенство свободных глав семей — основное начало общественного строя. Рабов было немного, они считались

---

[1]) *Никольский*, Древний Израиль, М., стр. 21—22.
[2]) Там же, стр. 23.
[3]) Там же. Ср. *Wellhausen*, Israelitische und judische Geschichte. 3-e Ausg., Berlin, 1897, стр. 12—14, 81.
[4]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 31.
[5]) *Wellhausen*, Israelitische und judische Geschichte, стр. 43 и сл.
[6]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 25.
[7]) Там же.

членами семьи, обращение с ними было мягкое[1]. Существовало многоженство[2]).

Не было единой государственной власти, племена и даже отдельные семьи были самостоятельны, почти независимы[3]). Связь между ними поддерживалась только старейшинами племен и отцами семей, собиравшимися вместе для решения общих дел.

Конечно, нравственные понятия выражались в родовой мести[4]). Почитались домашние боги-предки (терафимы); анимизм и фетишизм выражался в поклонении бесам пустыни (шеирим), губителям стад, главным из которых был Азазель[5]). Ягве был лишь одним из богов — грозным богом пустыни[6]). Он любил только кровавые жертвы[7]). Хаотический конкретизм духовной культуры таким образом обозначается вполне определенно, в ярко-типичных чертах. И загробную жизнь рисовали в земных чертах, — почему хоронили мертвецов с кружками и блюдами, наполненными едой и питьем[8]). Важность скотоводства у древнейших евреев отразилась на исчислении месяцев по ночному небу, а также на еврейской мифологии[9]).

XIII.

Финикия.

Что в древнейшей, дофеодальной Финикии преобладала добывающая промышленность — именно тот ее вид, который по местным условиям был наиболее удобен и выгоден, рыболовство[10]), — это прочно установлено специальными исследованиями. Земледелие, несмотря, казалось бы, на благоприятные для него условия, особенно около древнейших финикий-

---

1) Там же, стр. 26—27.
2) Там же, стр. 25.
3) *Wellhausen*, Israelit. und jud. Gesch., стр. 43.
4) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 27.
5) Там же, стр. 34; *Wellhausen*, Israelit. und jud. Gesch., стр. 34.
6) *Wellhausen*, стр. 30; *Никольский*, стр. 33—34.
7) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 32.
8) Там же, стр. 34.
9) *Goldziher*, Der Mythos bei den Hebräern, стр. 76, 109 и сл.
10) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, 2-e Aufl., I, 2, стр. 391. *Movers*, Die Phönizier, Zweiter Band, Erster Theil, Berlin, 1849, стр. 86.

ских центров — Библа, Берита, Триполя, Сидона [1]), — было второстепенным [2]). Верхи общества торговали, вели внешнюю торговлю [3]), хотя господствовало натуральное хозяйство. Торговля была разбойничья или меновая [4]). Важно было, несомненно, еще и скотоводство, так как символом верховного божества еще в Тире и Карфагене был бык — покровитель стад [5]). Имела значение, наконец, и охота: по преданию, Тир был основан богом охотником [6]).

Эти чрезвычайно обильные для столь давнего времени свидетельства о соотношении разных отраслей хозяйства в древнейшей Финикии не оставляют сомнения в том, что и формы хозяйства и землевладения, и техника или система хозяйства, и распределение хозяйственных благ строились здесь так же, как и в других странах в соответствующий период их развития, тем более, что в этом смысле нетрудно подметить и некоторые намеки в прямых известиях источников. Напр., меновой и разбойничий характер торговли — несомненное указание на примитивную технику хозяйства; в том же смысле надо понимать ничтожное значение земледелия при чрезвычайном плодородии почвы.

Понятно, при таких условиях, что не было следов социального неравенства, особенно правового.

В политической области этому соответствовали раздробленность страны на ряд городских самостоятельных областей во главе с местными царями или князьями [7]).

Хаотический конкретизм психологии и духовной культуры засвидетельствован данными о древнейшей финикийский религии. Анимистическое и фетишистическое почитание деревьев, рощ, скал было ей свойственно [8]). В основе храмовой архитектуры финикиян был священный предмет, фетиш, окруженный двором со стеной. Вефили или дома божии—тоже фетиши: это—конусообразные, столпообразные или круглые

---

1) *Movers*, Die Phönizier, II, 1, стр. 248.

2) *Ed. Meyer*, Gesch. des Altertums, I, 2, стр. 391.

3) *Movers*, Die Phönizier, II, 2, Berl. 1850, стр. 15, 108; *Ed. Meyer*, Gesch. des Altert., I, 2, стр. 391.

4) Там же.

5) *Тураев*, История древнего востока, II, 2-е изд., стр. 11.

6) Там же, стр. 21.

7) *Тураев*, История древнего востока, I. стр. 160, 295; *Movers*, Die Phönizier, II, 1, стр. 83—85.

8) *Тураев*, История древнего востока, II, стр. 11, 21.

камни или колоны [1]). Почитание предков выражалось в поклонении местным богам-покровителям, какими первоначально были Мелькарт и Ваал в Тире, Эшмун в Сидоне и Берите [2]), а также в сказаниях о рефаимах—гигантах—аборигенах [3]), т.-е. предках местного туземного населения. Хозяйственные условия непосредственно сказались в том, что местные божества рано стали покровителями морской торговли [4]), что бык почитался как покровитель стад и вместе являлся символом местного верховного божества в Тире [5]), что, наконец, существовало предание об основании Тира богом-охотником [6]). Магический характер первоначального культа виден из широкого применения колдовства и частого употребления амулетов [7]).

XIV.

Древнейший Карфаген.

Финикияне, когда они начали колонизовать северную Африку или Ливию как она тогда называлась, и особенно когда они основали в конце IX века до Р. Хр. Карфаген, были уже относительно довольно культурным народом, стоявшим на несравненно более высокой ступени развития, чем ливийские туземцы. Несомненно, они внесли в местную хозяйственную жизнь нечто новое: сделали более оседлым, менее экстенсивным земледелие, ввели виноделие, разведение оливковых деревьев и добывание из них масла [8]). Но первобытные условия края и туземного хозяйства туго поддавались изменениям по существу, и эти изменения становятся заметными и серьезными только к концу VI или даже к половине V века до Р. Хр. [9]). До этого времени скотоводство и рыболовство играли главную роль в хозяйстве местных жителей [10]). Не

---

1) Там же, стр. 18.
2) Там же, стр. 11.
3) Там же, стр. 24.
4) Там же, стр. 23.
5) Там же, стр. 11.
6) Там же, стр. 21.
7) Там же, стр. 26.
8) *Otto Meltzer*, Geschichte der Karthagen, Banh, Berlin, 1879, стр. 81, 83.
9) Там же, стр. 194.
10) Там же, стр. 68, 85.

меньше значения имела и охота: это видно из того, что финикияне покупали здесь тогда продукты не только скотоводства, но и охоты—шкуры зверей [1]). Земледелие туземцев было кочевым [2]), что, разумеется, делало непрочным и их отношение к земле, обусловливало вольное землепользование.

Семейно-родовые, кровные отношения и в метрополии в то время не были еще окончательно изжиты в качестве основы общественного и политического устройства. Естественно, они сохранили свое значение и здесь под влиянием местных условий, дававших им господство [3]).

Мы не имеем, к сожалению, никаких данных о духовной культуре, в частности даже только о религии ливийских туземцев. Но, конечно, она отличалась обычными в таких обстоятельствах чертами, и косвенным указанием в этом смысле может считаться введение финикиянами поклонения богине земледелия Дидоне-Элиссе [4]).

XV.

Хетиты в первый период их истории

Первый период истории хетитов длился с XIX по XV век до Р. Хр. Они, несомненно, были в это время по преимуществу пастухами [5]), т.-е. основным нервом хозяйственного организма этого народа было тогда скотоводство. Кочевой образ жизни свидетельствовал и о вольном землепользовании, и о семейно-родовой форме хозяйства, и, следовательно, о слабости техники хозяйства. Резкого обеднения масс, естественно, не было. Не могло быть, значит и сколько-нибудь серьезного расчленения общества на классы, тем более на сословия.

Государственного единства у хетитов, живших первоначально к востоку от р. Галиса, в Малой Азии, не существовало продолжительное время. Существовали отдельные княжества [6]).

---

[1]) Там же, стр. 84.
[2]) Там же, стр. 81.
[3]) Там же, стр. 66.
[4]) Там же, стр. 129.
[5]) *Wright*, The empire of the Hittitel. New-Vork, 1884, стр. 86.
[6]) *Garstang*, The lend of the Hittites, London, 1910, стр. 54—55, 320.

Почитание гор, скал, камней, следы которого сохранились и позднее [1]), а также ряд прямых свидетельств источников [2]) указывают на господство фетишизма, а следовательно, и анимизма и тотемизма в религии древнейших хетитов. Множество местных богов—у каждого города впоследствии было свое особое божество [3])—убеждает, что родовой и племенной характер был в высшей степени свойствен хетитской религии в древнейший период. Это тем более так, что и тотемический элемент, выражавшийся в поклонении зверям и змеям, был сильно представлен в религиозных верованиях этого народа [4]), как и культ предков [5]).

XVI.

Древнейший Иран.

Древнейший Иран — Мидия и Персия — переживал первый период стоей истории до VII века до Р. Хр. Скотоводство и примитивное земледелие составляли тогда основу его хозяйственного быта [6]), племенная и родовая обособленность характеризовали общественные и политические отношения, причем племенные князья пользовались полною самостоятельностью [7]). В частности, Персия представляла собою одно из племенных княжеств Ирана, подчиненное верховной власти мидийских царей, причем Кир был потомком нескольких поколений местных князей из рода Ахеменидов [8]). Предания, рассказываемые о нем и его происхождении у Геродота, являются поэтому баснословными и доверия не заслуживают. Из сказанного ясно, что и кочевой образ жизни и, следовательно, вольное землепользование не подлежат сомнению.

---

[1]) Там же, стр. 349, *Тураев*, История древнего востока, ч. I, стр. 332; *Wright*, The empire of the Hittites, стр. 77.

[2]) *Wright*, The empire of the Hittites, стр. 73 и сл.; *Тураев*, История древнего востока, ч. I, стр. 332, 161.

[3]) *Wright*, The empire of the Hittites, стр. 77; *Тураев*, История древнего востока, ч. I, стр. 333.

[4]) *Garstang*, The land of the Hittites, стр. 356.

[5]) Там же, стр. 359 и сл. Ср. *Tiele*, Geschichte der Religion im Altertum, I Band, стр. 250 и сл.

[6]) *Eduard Meyer*, Geschichte des Altertums, III Band, Stuttgarts, 1901. стр. 19.

[7]) Там же.

[8]) *Тураев*, История древнего востока, II, стр. 152.

Наконец, и „родовые боги“ [1]), вообще родовой, племенной и в связи с этим анимистический и фетишистский характер первоначальной религии Ирана также являются фактически прочно установленными. Так, семь Ahyras, составившие впоследствии свиту Аурамазды, верховного бога добра в позднейшей религии Зороастра, были сначала семью главными духами древне-иранской религии [2]). Перед нами, следовательно, в основных, типических чертах рисуется обычная картина первоначальной неорганизованности во всех областях общественной жизни.

XVII

Дофеодальная Грузия.

Дофеодальный период в истории Грузии так же длителен, как и в истории многих других стран и народов: он продолжается от XI века до Р. Хр. до IV века по Р. Хр., т. е. охватывает полторы тысячи лет.

Новейший историк Грузии усиленно подчеркивает, что грузины издревле отлично знали ковку металлов, виноградарство и земледелие [3]). Но известно, что в старину, когда ремесленники были в редкость, всякий кузнец считался художником и чудодеем; при неумении получать вино из винограда самую простую, нехитрую, кислую выделку этого рода готовы были признать чудом исскуства; наконец, при зачаточности земледелия первые в нем успехи принимали за „отличное знание“. А так как грузины долго не сидели на одном месте, а странствовали сначала в Месопотамии и Малой Азии, потом под давлением кимвров к северу от этих мест и, по собственному признанию того же новейшего исследователя, у них в IV веке до Р. Хр. заметен был низкий уровень („упадок“) культуры [4]), то при наличности таких данных и

---

[1]) *Meyer*, Gesch, des Altertums, III, стр. 19; *Tiele*, Geschichte der Religion im Altertum, II Band, стр. 154 и др.

[2]) *Тураев*, История древнего востока, стр. 207.

[3]) *Джавахов*, — в XVII томе „Энциклопедич. Словаря“, изд. бр. Гранат, столб. 193. Статья основана на собственных работах Джавахова, изданных на грузинском языке.

[4]) Там же.

соображений не может быть сомнения, что и в дофеодальной Грузии охота и особенно скотоводство играли более важную роль, чем земледелие, виноградарство и тем более ковка металлов. Это подтверждается и бытовыми чертами народных сказаний: напр., из сказаний об Амиране [1]) видно первенствующее значение охоты и скотоводства.

И отношения к земле отличались подвижностью и непрочностью, необычными при господстве земледелия: частной собственности на землю не было или, если она и была, то лишь в зародыше; земля считалась собственностью рода [2]). Конечно, господствовало при этом натуральное хозяйство, и форма ведения хозяйственных предприятий была родовой, несколько позднее семейной. Не могло быть, разумеется, речи и о сколько-нибудь высокой технике производства. Распределение хозяйственных благ должно было быть приблизительно равномерно между отдельными хозяйственно-родовыми единицами; имущественное развитие между разными родами едва намечалось, выделялись в этом отношении лишь немногие родовые группы.

Социальное неравенство едва зарождалось [3]). Рабы были только у царского рода [4]). Оформленных юридических различий между социальными слоями не существовало. Свободные люди были полноправны и составляли военное ополчение [5]). Патриархальная власть родового старейшины—мамасахлиси—была чрезвычайно велика: он распоряжался и управлял всем родовым имуществом [6]).

Были племенные князья, и затем появились цари. В начале I века по Р. Хр. образовались два грузинских царства—Колхида на западе и Иберия на востоке [7]). Помпей подчинил оба грузинских царства высшей власти Рима, а в III веке они подпали зависимости от Персии [8]). Но при царях уже слагались кадры будущей аристократии из старейшин более

---

[1]) *Хаханов*, Очерки истории грузинской словесности, вып. I, М. 1895, стр. 21, 24, 30, 40.

[2]) *Джавахов*, в „Словаре“ бр. Гранат, XVII, 194.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

[5]) Там же.

[6]) Там же.

[7]) Там же.

[8]) Там же, стр. 194.

богатых родов. Это выражалось во власти сановника, во многом напоминавшего древних киевских тысяцкого и посадника: он был предводителем на войне и ведал высший суд [1]). Вероятно, существовал и совет при царе, и народное собрание свободных, причем, конечно, функции всех названных лиц и учреждений не были сколько-нибудь строго очерчены и определены.

Анимистически - фетишисткий и тотемистически - родовой характер древнейшей грузинской религии не подлежит сомнению. Даже и культ месяца, о котором особенно много говорят исследователи [2]), носит на себе явные следы этого. Но у нас и сверх того имеется достаточно данных для утверждения, что у древних грузин анимизм и фетишизм господствовали. Анимизм в сказках и животном эпосе проглядывает совершенно ясно [3]). В том же смысле замечательны рассказы об оборотнях—о превращениях в животных, щепку, тополь [4]). Почитание предков выразилось в рассказах о борьбе великанов Амирана и Дэва и вообще в сказаниях об Амиране [5]). Колдовство, магия нашли себе выражение и в языческих песнях-молитвах, и в заклинаниях, и в заговорах, причем заговоры, по верованиям древних грузин, имели лечебную силу [6]). Хаотический конкретизм в духовной культуре древнейшей Грузии, очевидно, царил всецело. С первыми успехами земледелия и культ луны стал отступать на второй план сравнительно с культом солнца: песня о споре луны с солнцем и некоторые сказки, а также земледельческие праздники и земледельческие песни ясно говорят об этой победе солнца над луной [7]).

---

[1]) Там же, стр. 193.

[2]) Там же.

[3]) *Хаханов*, Очерки по истории груз. словесности, вып. I, стр. 77, 105.

[4]) Там же, стр. 94, 97.

[5]) Там же. стр. 19, 22, 25.

[6]) Там же, стр. 5, 100, 125, и сл., 135 и сл.

[7]) Там же, стр. 6 (прим)., 77, 14 и сл., 18.

XVIII.

Дофеодальная Индия.

Говоря о дофеодальной Индии, мы имеем в виду, конечно, культуру арийцев или индусов, а не культуры других народов Индостана, пока совершенно неизвестные на начальных ступенях их развития. С этой точки зрения дофеодальная Индия — это Индия с 2000 до 1000 г. до Р. Хр. Сначала — до 1200 г. — это Пенджаб, потом также долина Ганга, но не дальше [1]).

Первая черта хозяйственной истории того времени — преобладание скотоводства, при особенно большом количестве рогатого скота, и второстепенная роль земледелия [2]). В древнейших частях Вед, особенно в Риг-Веде, нередко встречаются черты и выражения, характерные для скотоводческого хозяйства: таковы сравнения, „как корова с теленком“ [3]), утверждение, что „люди имеют пропитание от коров“ [4]), название богов „рожденными коровой“ [5]); Ашвины в Риг-Веде называются „господа кони“ [6]). Агни — „хозяин, к которому возвращаются молочные коровы, сильные кони“ [7]).

Это последнее выражение — „возвращаются“ — содержит в себе несомненный, прозрачный, невольный намек на низкий уровень развития скотоводственной техники: очевидно, имеется в виду исключительно вольная пастьба скота на подножном корму.

Есть, наконец, следы и отношений к земле, господствовавших в то время: не было крупного землевладения [8]); более того: повидимому, не было и сколько-нибудь прочных, отвержденных прав собственности на землю; если существовала

---

1) *De la Mazeliére*, Essai sur l'evolution de la civitisation indienne, t. I, Paris, 1903, стр. 18, 22.

2) *Herman Oldenberg*, Die Religion des Veda, Berlin, 1894, стр. 1; *De la Mazeliére*, Essai sur l'evol. de la civilisation indienne, том I, стр. 14.

3) *Oldenberg*, Die Religion des Veda, стр. 137.

4) Там же, стр. 146.

5) Там же, стр. 73.

6) Там же, стр. 73.

7) Там же, стр. 132.

8) *Рис-Дэвидс*, Буддизм, Спб. 1899, стр. 10; *De la Mazeliére*. Essai sur l'évol. de la civil. indienne, т. I, стр. 14.

частная земельная собственность, то лишь в зародыше и в виде небольших кусочков земли, да и то едва ли, преобладало же почти одно только вольное землепользование: по крайней мере древнейшие гимны Риг-Веды говорят исключительно о кочевом образе жизни [1]).

Отмеченные три черты хозяйственного быта — преобладание скотоводства, низкий уровень техники, вольное землепользование, — органически связанные между собою, естественно, предполагают и семейную форму производства, и приблизительно равномерное распределение хозяйственных благ в обществе.

Эта последняя черта встречала, однако, уже некоторый противовес во внешней торговле, примесь которой к натурально-хозяйственным отношениям, тогда господствовавшим, порождала некоторое материальное выделение общественных верхов из общей массы населения. Известно, что финикияне более чем за 1000 л. до Р. Хр. ездили в Офир — страну при устье Инда — и вообще вели торговлю с Индией [2]). Не следует только преувеличивать значение этой торговли: из Индии финикияне вывозили только такие товары, как драгоценные камни и ароматы [3]), и кроме того заметной эта торговля становится только к концу первого периода истории Индии.

Логически и социологически неизбежным отражением описанных хозяйственных отношений является древнеиндийский общественный строй. Каст в то время еще не было [4]), т.-е. не существовало сословности, юридических, правовых различий между отдельными слоями общества: господствовало равенство прав [5]).

Едва выделялись в неясных еще очертаниях военная знать и жрецы [6]). Существовал патриархально-родовой быт [7]),

---

[1]) *Albrecht Weber*, The History of Indian Literature, London, 1878, стр. 37.

[2]) *Movers*, Die Phönizier, Zweiter Band, Dritter Theil, Berlin, 1856, стр. 22.

[3]) Там же.

[4]) *Weber*, The History of Indian Literature, стр. 38; *Winternitz*, Geschichte der indischen Literatur, I Halbband, Leipzig, 1904, стр. 59.

[5]) *Рис-Дэвидс*, Буддизм, стр. 10.

[6]) *Oldenberg*, Die Religion der Veda, стр. 1.

[7]) *Weber*, The History of Indian Literature, стр. 37; *Oldenberg*, Die Religion der Veda, стр. 1; *De la Mazelière*, Essai sur l'evolution de la civilisation indienne, т. I, стр. 15.

с враждой отдельных родов между собою: так, много говорится о вражде двух родов — Васиштха и Васвамитра [1]). Женщина пользовалась довольно широкой свободой [2]), муж и жена считались оба хозяевами в доме [3]). Но существовало и многоженство, хотя лишь одна жена считалась законной, остальные признавались наложницами [4]).

Так, соответственно элементарности хозяйственных связей и отношений несложившимся, неорганизованным, недифференцированным в общем и целом оказывается и общество: нет еще ни сложившихся классов, ни сословий, господствует первоначально-демократическое равенство, не организованное, не отвержденное, бесформенное.

Понятна при таких условиях и политическая аморфность, постоянное колебание государственных единиц, неустойчивость, непрочность их, отсутствие объединения всей страны, наконец, колебания и непрочность состава и ведомства разных государственных учреждений, которые, в сущности, не заслуживают даже и того, чтобы к ним прилагался этот последний термин. Существовало множество племенных княжеств [5]), враждовавших между собою [6]). Цари были военачальниками и жрецами [7]), но рядом с ними стояло народное собрание [8]) и, повидимому, также совет военной знати, дружина. И, конечно, фактический перевес того или другого элемента этой первоначальной государственности зависел от случайностей каждого данного момента и каждой отдельной местности.

Наконец, материальная культура отображалась в культуре духовной в виде типичного хаотического конкретизма, переживавшего уже, конечно, последний момент своего развития, когда все отдельные культурные приобретения, с огромным трудом дававшиеся и накапливавшиеся, как мы видели, постепенно в течение многих тысячелетий, имелись уже на-

---

[1]) *Weber*, The History of Indian Literature, стр. 37.
[2]) Там же, стр. 38.
[3]) Там же, стр. 38: *Winternitz*, Geschichte der indischen Literatur, I Hlb, стр. 59; *De la Mazeliere*, Essai sur l'evol. de la civil. ind., I, стр. 16.
[4]) *De la Mazelière*, Essai sur l'evol. de la civil. ind., I, стр. 16.
[5]) Там же, стр. 15; *Weber*, The History of Ind. Literature, стр. 37.
[6]) Там же, стр. 114.
[7]) Там же, стр. 38.
[8]) Там же.

лицо, оказались достигнутыми, только еще не сложились в стройную систему, вследствие отсутствия психической организации общества, несуществования сложившихся характеров, психических типов, связанных и внутренно единых духовных индивидуальностей, возможных только тогда, когда осуществляется социальная дифференциация, когда общество расчленяется на отдельные слои — классы или сословия.

Хаотический конкретизм в духовной культуре древнейшей Индии находит наиболее яркое свое выражение в религии, которая на заре истории вообще играет почти всеобъемлющую духовно-культурную роль.

Четыре основные черты, внутренно связанные взаимно, отличают древнейший ведаизм в религиозном отношени: это — анимизм, культ предков, фетишизм и тотемизм.

Древнейшему индусу весь мир представлялся одушевленным, везде присутствующими казались духи [1]). Агни — огонь — тоже дух, одушевляющий все живое и даже неживое, как землю камни [2]). Он — и покровитель семьи [3]). И характерно, что огонь — земной, жертвенный огонь, каким обыкновенно признавался Агни [4]), — и является представителем духовного, одухотворяющего начала: это — признак, что и дух, душа понимались как нечто материальное, как тонкий, едва видимый, быстро исчезающий, но все же вещественный предмет, двойник видимой вещи, предмета или живого существа. Характерно в этом отношении и отсутствие раздельной линии между живой и неживой природой: для анимиста — все живое.

И всюду для него поэтому боги, все — боги, конкретные фетиши, одушевленные предметы все полны таинственной силы, опасной или полезной, благодетельной или вредной, чаще вредной и опасной, чем благодетельной и полезной. Поэтому нет единого высшего бога, а множество богов [5]). Конечно, тут сказалась хозяйственная беспомощность человека перед лицом природы вследствие низкой техники и господства примитивных отраслей хозяйства.

---

[1]) *Oldenberg*, Die Religion der Veda, стр. 39; *Weber*, The History of Indian Literature, стр. 35.

[2]) *Oldenberg*, Die Religion der Veda, стр. 121.

[3]) *De la Mazelière*, Essai sur l'évol. de la civil. ind., I, стр. 15.

[4]) *Weber*, The History of Indian Literature, стр. 40.

[5]) *Oldenberg*, Die Religion der Veda, стр. 3, 233, 261.

Эти отрасли прямо и ясно отразились в религии: религия древнейших индусов носит на себе следы влияния охоты [1]. и в особенности скотоводства. Мы уже отмечали выше некоторые признаки последнего влияния. Приведенные наблюдения можно дополнить другими: богиня Адити, мать богов,—корова [2]), Ашвины—кони [3]), Рудра—бог скота, господствует над скотом [4]).

К числу анимистических фетишей принадлежат и предки, культ которых, как покровителей, родоначальников, отцов [5]), занимал видное место в древнейшем ведаизме. Почитался Яма — предок человечества и потому бог [6]). Расположить мертвых к живущим — одна из главных задач культа [7]), Ангиры почитались как предки жреческих родов [8]). Человек во власти отцов-богов и должен быть смиренным [9]).

С культом предков связан и тотемизм - представление, что определенное животное — предок данного рода, и в него переселяются души предков, почему оно священно и неприкосновенно. В ведаизме много следов и тотемизма: боги часто изображаются в виде зверей или существ, представляющих смесь человека и животного [10]); у богов есть особо посвященные им звери или животные — отображения первоначальной тотемистической сущности богов: таков, напр., орел у Индры [11]); Рудра произошел от антилопы [12]).

Так как каждое племя и каждый род имеют своих предков-богов, то оказывается, естественно, несколько ведаистических божеств с одинаковым значением: так, и Индра, и Агни, и Рудра — боги скота [13]), Маруты — ветры, но и Вайту или Вата — тоже богиня ветра [14]). Поэтому между разными

---

[1]) Там же, стр. 55.
[2]) Там же, стр. 73.
[3]) Там же.
[4]) Там же, стр. 218.
[5]) *Барт*, Религии Индии, стр. 38; *De la Mazelière*, Essai, стр. 17, 18.
[6]) *Oldenberg*, Die Religion der Veda, стр. 265, 275.
[7]) Там же, стр. 65.
[8]) Там же, стр. 146.
[9]) *Барт*, Религии Индии, стр. 38.
[10]) *Oldenberg*, Die Religion der Veda, стр. 68
[11]) Там же, стр. 74.
[12]) Там же, стр. 218.
[13]) Там же, стр. 121, 218.
[14]) Там же, стр. 225.

племенными богами идет борьба, соответствующая происходящей в действительности борьбе племен, почему и возвышаются то одни боги, то другие: то Индра, то Варуна, то Агни [1]). Победа индусов над туземцами, напр., отразилась в мифе о победе Индры над дасиями [2]). Тот же Индра победил богиню Ушас [3]): признак победы одного племени над другим или, может быть, патриархата над матриархатом.

Боги от людей в сущности отличаются только силой, могуществом: Вишну проходит мир в три шага [4]), Индра побеждает чудовище — змею Вртра [5]).

При таких условиях и культ является колдовством, шаманством, магией: жертва — магическое средство, колдовское [6]), она поддерживает физическое существование богов, насыщает, усиливает, радует их и заставляет отдаривать людям [7]). Люди как бы говорят богам: „вот вам масло, — дайте нам коров“ [8]); „дай мне, и я тебе отплачу“ [9]). И будущая жизнь, жизнь по смерти рисуется в чертах, свойственных жизни настоящей, здешней, земной: сожигая и погребая умерших, никогда не забывали положить с ними пищу, одежду, житейскую обстановку, — все, что необходимо для жизни [10]).

До нас не дошли памятники искусства ведийской эпохи: они были из глины и дерева и погибли бесследно. Нет и следов научных знаний. Но зато сохранилась, по крайней мере отчасти, древнейшая литература — в древних частях („самхитах“) Риг-Веды и Сама-Веды. В Риг-Веде — лирические песни и гимны [11]), в Сама-Веде — стихотворные жертвенные формулы [12]). Отличительная черта тех и других — простота формы [13]), соответствующая хаотическому кон-

---

[1]) Там же, стр. 94; *Weber*, The History of Indian literature, стр 40.

[2]) *Oldenberg*, Die Religion der Veda, стр. 152.

[3]) Там же, стр. 169.

[4]) Там же, стр. 139.

[5]) Там же, стр. 74.

[6]) Там же, стр. 40, 311, 315.

[7]) Там же, стр. 309, 310; *De la Mazelière*, Essai, стр. 17.

[8]) *Барт*, Религии Индии, стр. 32.

[9]) *Weber*, The History of Indian literature, стр. 38.

[10]) *Oldenberg*, Die Religion der Veda стр., 570, 571, 575; *De la Mazeliere*, Essai sur l'evol. de la civil. ind, I, стр. 16.

[11]) *Weber*, The History of Indian literature, стр. 8.

[12]) Там же, стр. 9.

[13]) *Oldenberg*, Die Religion der Veda, стр. 6.

кретизму общественной психологии. Содержание по преимуществу религиозное: восхваление богов [1]). Но есть черты, указывающие специально и на моральные понятия эпохи, весьма примитивные, отличающиеся тем же хаотическим конкретизмом: любовь — естественная чувственность, без всякой примеси духовного, морального элемента [2]); умерщвление врага не считается убийством, а похищение чужой, вражеской собственности признается доблестью [3]). Колдовские песни обычны в Риг-Веде [4]).

От столь древних времен до нас не дошло хотя бы в смутных очертаниях ни одного изображения отдельной личности. Поэтому конкретная иллюстрация психологии древнейшего ведаизма невозможна. Но приведенных данных о духовной культуре древне-ведаистической эпохи совершенно достаточно, чтобы у читателя не могло возникнуть никаких сомнений в том, что о сложившейся личности, о цельном характере, о господствующем типе не может быть и речи для того времени. В душе древнего ведаиста-индуса царил хаос отдельных инстинктов, чувств и мыслей, среди которых те или другие приобретали временный перевес, в зависимости от впечатлений данного момента. Такая впечатлительность, импульсивность, отсутствие постоянной прочной психической почвы, основы, стержня, господствующего настроения, внутреннего, духовного единства личности — непосредственное выражение и отражение того же хаотического конкретизма, беспорядочной смены отдельных настроений.

XIX.

Дофеодальный Китай.

История древнейшего, дофеодального Китая длилась приблизительно до конца XII века до Р. Хр., до династии Чжоу, причем начальную ее дату хотя бы условно трудно определить. Но во всяком случае едве ли можно считать китайскую культуру не только более древней, чем египетская, но

---

1) Там же, стр. 4.
2) *Weber*, The Historyof Indian literature, стр. 38.
3) *Рис-Дэвидс*, Буддизм, стр. 10.
4) *Winternitz*, Geschichte der indischen Litteratur, стр. 127 и след.

даже и равной ей по древности: китайская культура гораздо моложе. Вопреки китайской баснословной хронологии, китайцы появились в нынешнем Китае лишь за 2000 — 3000 лет до Р. Хр., не раньше [1]).

Само собой разумеется, что первые времена китайской истории окутаны баснословием,—о них повествуется в народных сказаниях, занесенных в летописи, причем рассказ, поскольку речь идет о событиях, династиях и лицах, совершенно недостоверен. Однако, сквозь фантастическую оболочку можно разглядеть некоторые подлинные черты быта. К сравнительно позднему времени относится известие, что „государь Янь-ди научил земледелию и виноделию, основал ярмарки и торговлю“ [2]). И если сопоставить с этим сообщения, что в Китае долго не было домов, а люди жили в пещерах [3]) и одевались в шкуры зверей [4]), то будет ясно, что в хозяйстве преобладала добывающая промышленность, по преимуществу охота, и, следовательно, господствовал кочевой или полукочевой образ жизни, экстенсивное хозяйство и вольное землепользование. Землей владели „группы семейств‘, как это установлено исследователями [5]). Раньше появления земледелия уже существовали также рыболовство и скотоводство [6]). Словом, основы хозяйственного быта древнейших китайцев были те же, что и везде.

Господство родового, патриархального быта и предшествовавшего ему матриархата явствует из того, что, по словам предания, Тай хао (он же Фу-си) основал правильный брак, а до того сын мог указать мать, но не отца [7]). С полной несомненностью засвидетельствовано также, что отцы семейств исполняли у себя в семье жреческие обязанности [8]), что также указывает на патриархально-родовое устройство общества.

---

[1]) *Legge*, The Chinese Classics, т. III, ч. 1, стр. 189.

[2]) *Георгиевский*, Первый период китайской истории. Спб., 1885, стр. 11.

[3]) Там же. стр. 6.

[4]) Там же.

[5]) *Георгиевский*, Первый период китайской истории, стр. 268.

[6]) *Георгиевский*, Первый период китайской истории, стр. 8; *Hirth*, The ancient history of China, New-York, 1908, стр. 7 — 8.

[7]) *Георгиевский*, стр. 7; *Hirth*, стр. 9.

[8]) *Hirth*, The ancient history of China, стр. 79; ср. *Георгиевский*, стр. 268 — 269, 273.

Понятны при таких условиях дробность власти, отсутствие политического единства и частые усобицы [1]).

Наконец, как ни фантастичны, ни скудны данные народных преданий, но и в духовной культуре ими отмечаются черты, знакомые нам из древнейшей истории других стран и народов: не подлежат сомнению в религии древнейшего Китая анимизм и фетишизм [2]), почитание предков [3]), крайний формализм в жертвах и обрядах [4]). Фантастичность содержания преданий о первых временах китайской истории — о всех этих „государях неба", „государях земли" и пр. [5]) — находит себе соответствие и в рассказах о страшных чудовищах и борьбе с ними [6]), напоминающих и англо-саксонского Беовульфа, и эллинского Геракла, и другие подобные подвиги. Хаотический конкретизм и здесь, следовательно, выступает с совершенною ясностью в соответствии с хаотическим состоянием материальной жизни.

XX.

Древнейший период истории древне-американских народов.

Под древне-американскими народами мы разумеем здесь перуанских инков и мексиканских ацтеков, а равно и те племена, которые были покорены теми и другими и которые, как то, повидимому, надо считать доказанным, в расовом отношении не были особенно далеки от покорителей [7]). Первый, древнейший период истории этих древне американских народов, оканчивается приблизительно в XIVвеке после Р. Хр.

Он отличается обычными, привычными уже для нас чертами. В хозяйстве преобладают, прямо господствуют охота,

---

[1]) *Георгиевский*, Первый период китайской истории, стр. 10—12.

[2]) *Hirth*, The ancient history ol China, стр. 79; *Георгиевский*, стр. 283.

[3]) *Hirth*, The ancient history of China, стр. 81.

[4]) Там же, стр. 83 и сл.

[5]) Там же, стр. 5; *Георгиевский*, Первый период китайской истории, стр. 5 и 6.

[6]) *Hirth*, The ancient history of China, стр. 85 и сл., особенно 87.

[7]) *I. G. Muller*, Geschichte der americanischen Urreligionen, Basel, 1867, стр. 342.

рыболовство, скотоводство [1]). Судя по тому, что и позднее натуральные поборы были обычной формой извлечения государственного и частного дохода [2]), — хозяйство было натуральным. Племенная самостоятельность, рознь и борьба были действительными и притом постоянными явлениями [3]). Объединение сколько-нибудь прочное было создано лишь позднее ацтеками и инками.

Наибольшей обстоятельностью отличаются дошедшие до нас данные о религии всех древне-американских племен, обитавших в пределах нынешней Мексики, с одной стороны, и Перу и Чили — с другой. И здесь мы опять встречаем знакомые нам черты.

Местное население Перу до покорения его инками поклонялось львам, тиграм, змеям, деревьям, камням, рекам, скалам, червям, насекомым [4]). Анимизм, фетишизм, тотемизм проглядывают здесь с полною ясностью, как и вообще в пандемонизме древних перуанцев [5]). Племенной и родовой элемент религии — почитание предков — также был резко выражен: племенные боги и герои чтились всюду [6]), а бог Гуанакаури считался дедом инков [7]). Обрядовая сторона религии была пропитана гаданиями, колдовством, заклинаниями, формализмом [8]). Храмов до инков не было, жертвы и моления приносились на высотах [9]). Были колдуны и гадатели, но, повидимому, долго не было жрецов [10]). Погребение носило на себе следы представления о загробной жизни, как во всем подобной жизни земной [11]).

Масса богов была и у древних мексиканцев — у племени Майя и других племен [12]). И там также элементы анимизма,

---

[1]) *A. Bastian*, Die Culturländer der alten America, I Band, Berlin, 1878, стр. 560, 572 и сл., 578 и сл.; II Band, стр. 427.

[2]) Там же, I B., стр. 561.

[3]) Там же, II Band, стр. 405, 419, 423.

[4]) Там же, I Band, стр. 443.

[5]) Там же, стр. 513 и сл.; *Müller*, Geschichte der americ. Urreligionen, стр. 304.

[6]) *Bastian*, Die Culturländer der alten America, I B., стр. 444.

[7]) Там же, стр. 445.

[8]) *Müller*, Gesch. der amer. Urreligionen, стр. 361.

[9]) Там же, стр. 361.

[10]) Там же, стр. 397.

[11]) Там же, стр. 379.

[12]) *Bastian*, Die Culturländer der alten America, II Band, Berl., 1878 стр. 611.

фетишизма [1]), колдовства и магии [2]) были сильны даже позднее, что свидетельствует, разумеется, о полном их господстве в более раннее время

XXI.

Общие выводы.

Перед нашими глазами прошли, следовательно, несколько десятков (считая народности, образовавшиеся из древних славян и германцев) родовых и вместе племенных варварских обществ. О некоторых из них, несомненно, существовавших, как критско-минойское или эгейское, ассирийское, халдео-вавилонское, японское, мы совсем не говорили вследствие того, что нет или слишком мало конкретного материала, иллюстрирующего их древнейшее состояние. Но собранные трудом ряда исследователей жизни других варварских народов данные, настолько многочисленны, что не подлежит сомнению, что все народы, достигшие состояния варварства, жили в приблизительно одинаковых условиях.

Мы, следовательно, исходим из предположения, что все варвары в прошлом пережили первобытное и дикое состояния, что варварские народы произошли от первобытных людей и дикарей. Разумеется, в этой длинной цепи тысячелетий, в течение сотен тысяч лет, прошедших в первобытном и диком состоянии, многие группы людей — семьи, орды, фратрии, роды, племена — погибли бесследно. История ведь жестокая могильщица и, так как в процессе исторического развития не было совсем участия сознания, то могилы напрасно погибших более или менее элементарных человеческих организаций еще до достижения варварского состояния были бесчисленны.

Однако, несколько десятков этих организаций все же выжили и достигли ступени варварства. На этой ступени человеческие общества были уже несравненно прочнее, были более приспособлены к окружающей среде. Но это, конечно, не гарантировало их от гибели. И наверное очень многие

---

1) *Muller*, Gesch. der americ. Urreligionen, стр. 571.

2) Там же, стр. 625; *Bastian*, Die Culturlander alten America, III Band., Berl., 1886, стр. 7 и сл.

из варварских обществ погибли, может быть о многих из них мы еще узнаем, как относительно недавно узнали о варварском состоянии всего древнего востока—азиатского и африканского, — как открыли целую хетитскую культуру, возникшую в восточной части Малой Азии и потом, как увидим в свое время, сильно распространившуюся, как, наконец, и сейчас знаем о том, что эгейская, ассирийская, халдео-вавилонская, японская культуры пережили период варварства, хотя и не можем иллюстрировать варварское состояние этих культур минимально-необходимым количеством конкретных данных.

К чему сводился поступательный ход общественного развития первобытных людей и дикарей? Главным образом, даже исключительно к накоплению отдельных приобретений в области культуры как материальной, так и духовной. В этом отношении период варварства дал многое.

Но и первобытные люди, и дикари, и варвары не достигли еще того уровня развития, когда материальная культура — и прежде всего хозяйство — вырабатывают сложившиеся, цельные характеры и придают всей духовной культуре внутреннюю связность, единство, цельность, хотя бы и не исключающую классовых и вообще групповых различий, а, напротив, даже эти различия предполагающую соответственно с собой, но уже сложившейся, классовой или групповой психологии.

В общем конечные выводы из обзора истории варварских обществ могут быть выражены следующим образом:

1. В хозяйстве варварских обществ наблюдается преобладание уже не только добывающей промышленности (охоты, рыболовства, пчеловодства), но также и скотоводства при второстепенном значении земледелия и иногда еще внешней торговли.

2. Техника всех отраслей хозяйства продолжает оставаться крайне экстенсивной: орудия охоты, рыболовства и пчеловодства несложны, скотоводство — выгонное, земледелие — подсечное, торговля — разбойничья или, в лучшем случае, меновая.

3. Господствует семейная форма производства и вольное землепользование отдельных семей, причем, однако, территория племени и рода оказывается хотя и обширной, но уже более или менее определенной, так или иначе отграниченной.

4. Приблизительно равномерное распределение хозяйственных благ обеспечивало преобладание свободному населению; расчленение общества на зарождавшиеся классы и сословия было еще очень слабо.

5. Новые хозяйственные условия усилили племенную связь, создали прочные племенные княжества, сохранив, однако, весьма значительную самостоятельность родов; политические объединения целых народностей или хотя бы нескольких племен или не существовали, или были случайны и преходящи, непродолжительны. Но и племенные княжества не отличались сильной, сколько-нибудь выработанной системой организации правительственных средств.

6. Неорганизованность общества в экономическом, социальном и политическом отношениях имела последствием по-прежнему психологическую аморфность общества, отсутствие сложившихся и резко выраженных характеров.

7. Психологическая аморфность общества повлекла за собой, наконец, хаотический конкретизм всей духовной его культуры и содействовала непосредственному отражению хозяйственных отношений и интересов в области духовной культуры.

Итак, период варварства дал большее, чем прежде, значение скотоводству, появление меновой и разбойничьей торговли, большую определенность племенной и родовой территории и семейное хозяйство, более прочное племенное княжество и накопление целого ряда новых отдельных духовно-культурных приобретений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Феодальная революция.

I.

Русь X, XI и XII веков.

И в X, XI и XII веках добывающая промышленность продолжала играть важную роль в русском народном хозяйстве.

Это прежде всего верно в отношении к охоте. Рассказывая о происхождении междоусобной борьбы между сыновьями Святослава — Ярополком киевским и Олегом древлянским, летописец указывает, что поводом к этой борьбе было убийство Олегом Люта, сына Ярополкова, воеводы Свенельда: Лют охотился, „лов деял“, „гна звери в лесе“, и заехал при этом во владения Олега [1]). Арабские писатели X века Ибн-Даста, Ибн-Хаукаль, Аль-Истархи говорят о вывозе русскими мехов собольих, горностаевых, беличьих [2]). И в XI веке летопись придает охоте первостепенное значение, смотрит на нее не как на забаву, а как на очень серьезное занятие: напр., в нее заносится, как нечто замечательное, сообщение, что Всеволод „ловы деял звериные за Вышгородом“ [3]). В краткой редакции Русской Правды, составлявшейся именно в XI веке, находится постановление о каре за кражу охотничьего пса,

---

[1]) Начальная Летопись под 975 г.
[2]) *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей.
[3]) Начальная Летопись под 1088 г.

а также ястреба и сокола[1]), птиц, употреблявшихся при птичьей охоте. Даже XII столетие не отодвинуло охоты на второй план. Чрезвычайно характерно уже то, что Владимир Мономах в своем „Поучении" на-ряду с военными подвигами и делами управления славит свою охотничью удаль и охотничьи удачи и упоминает о ловчих, соколах и ястребах, как важной статье княжеского хозяйства[2]). Еще в конце XII ст. князья отправлялись на охоту надолго, с женами и дружиной, как это рассказывается, напр., о князьях Давиде Ростиславиче и Святославе Ольговиче[3]). В пространной Русской Правде говорится об охоте на бобров и назначается наказание за порчу „перевеса", устроенного для птичьей охоты[4]). В церковном уставе новгородского князя Всеволода 1135 г. упоминается „лов княж" и сбор доходов архиепископом с Заволочья „сорочками", т.-е. сороками мехов[5]). В литературном памятнике XII века, в вопросах Кирика, говорится о ловле птиц силками[6]). В конце того же столетия Варлаам Хутынский дал основанному им в Новгородской области монастырю „ловища гоголиные", т.-е. гагачьи[7]). Наконец, по жалованной грамоте князя Ростислава Мстиславича смоленской епископии, данной в 1150 г., епископ получал с жителей меха и имел тетеревник[8]).

Что касается пчеловодства, то мед, как один из важнейших предметов русского вывоза, упоминается арабским писателем X века Ибн-Хаукалем[9]). Другой араб того же столетия Ибн-Даста прямо говорит, что русские много занимаются пчеловодством[10]). В XII веке князья имели особые погреба, или „медуши", с громадными запасами меда: в одном из таких погребов в Путивле хранилось, напр., 500 берковцев, т.-е.

---

[1]) Русская Правда, четыре списка разных редакций, изданные Калачевым, М. 1847: Академич. список, ст. 37 (и дальше Р. Правда цитируется всегда по этому изданию).

[2]) Начальная Лет. под 1096 г.

[3]) Ипатьевская Лет. под 1180 г.

[4]) Русская Правда, изд. Калачева: Троицкий список, ст. 62, 74, 75.

[5]) *Митр. Макарий*, История русской церкви, т. II, Спб. 1857, прим. 457.

[6]) Древние Русские Достопамятности, ч. I.

[7]) Дополнения к Актам Историческим, т. I, № 5.

[8]) Там же, № 4.

[9]) *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей.

[10]) Там же.

5.000 пудов меда [1]). Ростислав смоленский грамотою 1150 г. передал епископу сбор меда и дал ему бортника [2]). В пространной Русской Правде встречаем ряд статей о борти, пчелах и меде: назначен штраф за срубку бортного дерева, за уничтожение знака на борти, за перепахивание бортной межи, наконец, за похищение пчел и меда [3]).

Наконец, важное значение рыболовства видно из того, что в Русской Правде—краткой [4]) и пространной [5])—говорится о получении двумя должностными лицами—вирником и городником — в пост с населения, в виде корма, рыбы. В половине XII века смоленский епископ получил от князя Ростислава рыбные ловли в Торопце [6]). Тогда же св. Антоний Римлянин купил „рыбную ловлю" на Волхове [7]), а Варлаам Хутынский дал рыбные ловли в основанный им монастырь [8]).

Из других видов добывающей промышленности встречается упоминание только о солеварении и то лишь в XII веке, и притом на крайнем севере: именно, уставная грамота, данная в 1137 г. новгородскому Софийскому собору князем Святославом Ольговичем, определяет доход с соляных варниц „на мори от чрена и от салгы по пузу" [9]) (чрен или црен—сковорода, салга—котел для выварки соли, пуз—мешок соли в 2 четверика).

Все более видное положение приобретало скотоводство. В XI и XII веках часты указания на княжеские стада, иногда чрезвычайно многисленные: в 1087 г. упоминаются стада Ярополка Изяславича Волынского [10]), в 1145 г. конский табун из 4.000 голов, принадлежавший черниговским Ольговичам [11]), в 1149 г. встречаем известие о стаде Изяслава

---

[1]) *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, Киев, 1891, стр. 372—373.

[2]) Доп. к Актам Ист., т. I, № 4.

[3]) Русская Правда, изд. Калачева: Троиц. список, ст. 68, 64, 65, 69.

[4]) Там же, Акад. список, ст. 42.

[5]) Там же, Троиц. сп., ст. 7, 90.

[6]) Доп. к Актам Ист., т. I, № 4.

[7]) *Владимирский-Буданов*, Хрестоматия по истории русского права. вып. I, изд. 2-е, Киев, 1876, стр. 113.

[8]) Доп. к Актам Ист., т. I, № 5.

[9]) Ср. *Аристов*, Промышленность древней Руси.

[10]) Начальная Лет. под 1087 г.

[11]) Полное Собр. Рус. Лет., I, под 1145 г.

Мстиславича [1]), в 1158 г.—Андрея Боголюбского [2]), в 1169 г.— Мстислава [3]). Но всего важнее в данном вопросе Русская Правда. В ней упоминаются почти все виды домашнего скота, известные и в настоящее время: лошади, быки, коровы, волы, телята, овцы, бараны, козы, свиньи, поросята [4]), отмечается существование конюхов и даже тиунов конюших [5]), говорится о стаде [6]), наконец, — что особенно здесь важно,— указаны цены на скот. Переводя эти цены на наши деньги [7]), находим, что хорошую рабочую лошадь можно было купить в XI и XII веках за 14—16 руб., вола за 7—8 р., корову за 5—6 р. с чем-нибудь; овца стоила от 40 до 80 к., как и баран и поросенок [8]). Цены все очень низкие, что указывает на большое количество скота в то время, т.-е. на важность скотоводства.

Всего замечательнее, однако, то, что огромные успехи обнаруживала другая отрасль сельского хозяйства—земледелие. Известно, что уже в предыдущий период оно перестало быть мотыжным: появилось „рало“ — деревянный плуг, в который, очевидно, впрягался скот, чаще всего волы. В X веке, при Владимире, плуг употреблялся уже даже у такого отсталого племени, как вятичи [9]). Большое значение земледелия в XII веке, приближение его в этом отношении к добывающей промышленности и скотоводству, особенно ясно видно из летописного рассказа о съезде князей у Долобского озера: здесь дружина Святополка указывала на неудобства похода на половцев весной, когда крестьяне заняты полевыми работами, а Владимир Мономах в ответ на это нарисовал яркую картину разорения половцами именно крестьянского земледельческого

---

[1]) Там же, под 1149 г.

[2]) Там же, под 1158 г.

[3]) Там же, под 1169 г.

[4]) Акад. сп., ст. 11, 12, 25, 26; Троиц. сп., ст. 7, 27, 28, 30, 41, 53, 56, 80, 91; Карамзинск. сп., ст. 50, 52, 53, 57. Ср. *Аристов,* Промышленность древней Руси, стр. 43.

[5]) Троиц. сп., ст. 9 и 10.

[6]) Акад. сп., ст. 21.

[7]) Перевод произведен по весовой стоимости серебра, так как рыночная его стоимость в то время неизвестна; под нашими современными деньгами разумеются деньги до войны 1914 г. и след. годов. Ср. *Прозоровский,* Монета и вес в России до конца XVIII ст. в „Записках Имп. Археологического Общества“, т. XII, стр. 707 и 708.

[8]) Акад. сп., ст. 25, 26; Троиц. сп., ст. 41.

[9]) Начальная Лет. под 981 г.

хозяйства[1]). Стало бысь, земледелие действительно было уже тогда одним из обычных и важных занятий народа. Понятно, что в летописях XII века находим свидетельство о посевах пшеницы, пшена и проса[2]). У одного северского князя было однажды захвачено до 900 стогов жита[3]), т.-е. ячменя. В житии св. Феодосии упоминается рожь, лен и мак[4]), в Патерике Печерском, т.-е. собрании житий святых подвижников Киево-Печерской лавры, — горох[5]). В Русской Правде говорится о ратайном (т.-е. земледельческом) старосте или тиупе, о ролейном закупе или земледельческом рабочем, о о ролейной или пашенной меже, о хлебе, пшене, жите, солоде, горохе, овсе, о хозяйственных приспособлениях, необходимых для земледелия,—гумне и яме, где хранилось жито, наконец, о земледельческих орудиях—бороне и плуге[6]).

Вопреки мнению многих археологов, обрабатывающая промышленность X—XII веков была ничтожна. Прежде всего и по археологическим данным лишь в курганах X и XI веков не ранее, можно найти остатки изделий, которым можно было бы хотя бы с некоторою вероятностью приписать местное происхождение: так, в древлянских и полянских могильниках встречаются глиняные ожерелья и сосуды, железные части плуга, серпы, косы, молоты, гвозди, ножи, замки, ключи, стрелы и, что главное, каменные формы для металлического литья; попадаются также остатки шерстяных тканей и холста[7]). Все это, однако, не отличается особенным обилием и тем более сколько-нибудь высоким качеством работы, хотя и указывает на существование гончарного дела и ковки металлов, а также на производство шерстяных и льняных изделий. Мы имеем, впрочем, указания на эти отрасли промышленности и в памятниках письменности, есть летописное известие конца

---

[1]) Там же, под 1103 г.

[2]) См., напр., *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, стр. 374.

[3]) *Голубовский*, История Северской земли до полов. XIV ст., Киев, 1881, стр. 28.

[4]) *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, стр. 374.

[5]) Там же.

[6]) Акад. сп., ст. 22, 42; Троиц. сп., ст. 11, 53, 65, 7, 90, 105, 39, 46 67, 91, 78, 79.

[7]) *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, стр. 375, 378, 379; Ср. *Довнар-Запольский*, История русского народного хозяйства, т. I. Киев, 1911, стр. 266 и сл

X века о гончарном производстве близ Новгорода [1]); по Патерику Печерскому монахи „копытца (т.-е. чулки) плетяще и клобуки (т.-е. шапки)“, а Феодосий прял волну (шерсть) „на сплетение копытцам“ [2]). Ибн-Даста сообщает, что русские выделывали стрелы, череты и копы [3]). Мало того, мы имеем сведения о производстве на Руси X века деревянных, кожаных и даже золотых и серебряных изделий; так, по Ибн-Фадлану [4]) и Летописи [5]), выделывались деревянные изображения богов, причем идол Перуна был с серебряной головой и золотыми усами; в летопись X века занесено также предание о силаче-кожемяке Яне Усмошвеце [6]); Владимир Святой велел сделать для своей дружины серебряные ложки [7]). Но на-ряду со всем этим есть несомненные признаки слабости обрабатывающей промышленности. Напр., Ибн-Фадлан говорит, что русские покупали такое примитивное гончарное изделие, как зеленые бусы из глины, и очень дорого их ценили [8]). По словам Ибн-Дасты [9]), подтверждаемым и археологическими данными [10]), кроме стрел, щитов и копий, все остальное оружие было привозное. А разве не доказывает рассказ о замене Владимиром деревянных ложек серебряными, что последние были редкостью даже и при княжеском дворе?

Можно только заметить, что к концу периода, в XII веке, обрабатывающая промышленность сделала некоторые успехи, не особенно, впрочем, значительные. К тому времени новгородцы стали известны, как искусные плотники [11]). Производство лодок из дерева достигло некоторого разнообразия: в Русской Правде различаются морская ладья, ценившаяся в 24 руб. на наши деньги, набойная—ценою в 16 руб., челн около 3 руб. и струг, ценившийся в 8 руб. [12]). Один из печерских подвижников Исаия носил „свиту вотоляну“, т.-е.

---

[1]) Новг. 1 лет. под 990 г.
[2]) *Аристов*, Промышленность древней Руси.
[3]) *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей.
[4]) Там же.
[5]) Нач. Лет. под 980 г.
[6]) Там же, под 992 г.
[7]) Там же, под 996 г.
[8]) *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей.
[9]) Там же.
[10]) *Голубовский*, История северской земли стр. 30.
[11]) Нач. Лет. под 1016 г.
[12]) Троиц. сп., ст. 73.

сотканную из собственноручно сотканного холста или вотолы [1]). По грамоте Ростислава 1150 г. торопчане доставляли смоленскому епископу скатерти и убрусы (платки) [2]). Летописи указывают на запасы железа и меди у князей XII века [3]) и на существование кузнецов в Киеве и Курске [4]). К XII столетию относятся первые упоминания о русских мастерах золотого и серебряного дела: Лазарь Богша сделал крест св. Евфросинии Полоцкой [5]), а в Новгороде назван Страшко *середряник* [6]). Наконец, в Киеве был найден драгоценный клад, принадлежавший, повидимому, кому-либо из княжеской семьи и свидетельствующий об успехах золотого и серебряного дела, ювелирного искусства: тут встречаются диадемы, кольца, серьги и ряд предметов с изображениями, украшенными перегородчатой эмалью; клад относится к самому концу XII века [7]).

Остается рассмотреть вопрос о торговле. Во внешней торговле XI и XII веков произошли изменения, которые отнюдь не свидетельствуют о том, что она увеличилась, — скорее наоборот. В XI веке, с падением хозарского царства и торжеством половцев в южных и юго-восточных степях, торговля с арабами слабеет и, наконец, совершенно прекращается, потому что половцы перерезывают и уничтожают существовавший раньше путь для этой торговли, так-называемый *залозный*, т.-е., как обыкновенно объясняют [8]), проходивший за лозами или камышами берега Днепра и поворачивавший затем на восток.

Торговые связи с греками поддерживались и в XI веке, когда для защиты интересов русского купечества был предпринят поход сыном Ярослава Мудрого Владимиром [9]), и в XII ст., что доказывается уцелевшими в некоторых рус-

---

[1]) *Аристов*, Промышленность древней Руси.

[2]) Доп. к Актам Историч., т. I, № 4.

[3]) *Хмыров* и *Скальковский*, Металлы, металлические изделия и минералы в древней России, Спб. 1875, стр. 51, 62. 63.

[4]) Там же.

[5]) *Хмыров* и *Скальковский*, Металлы, металлич. изделия, стр. 60.

[6]) Там же.

[7]) *Беляшевский*, Замечательный клад великокняжеской эпохи: „Киевская Старина“ за 1901 г., № 10, стр. 120—132.

[8]) *Аристов*, Промышленность древней Руси.

[9]) Нач. Лет.

ских кладах византийскими монетами того времени [1]). В Византию вел так называемый греческий путь, — известный великий водный путь, с единственным волоком от Ловати до Днепра, из Балтийского моря в Черное.

От XI века уцелело не мало кладов и с западными монетами — „шлягами". Кроме них о торговле с Ригой и о. Готландом свидетельствует торговый договор новгородцев с Готландом, заключенный в 1195 г. [2]). Торговая дорога здесь шла, во-первых, через великий водный путь по Балтийскому морю, во-вторых, по западной Двине. Можно еще заметить, что существовал соляной путь в Галицию, из копей которой, по Патерику Печерскому, привозилась в Киев соль [3]).

В общем ясно, что попрежнему глубины народного хозяйства не затрагивались внешней торговлей, она не захватывала народных масс, хозяйство в целом оставалось натуральным.

Господство натурального хозяйства выступает на вид еще явственнее при изучении торговли внутренней. Наши источники ясно показывают, что эта торговля на Руси X — XII веков существовала, главным образом, в виде продажи небольшого количества продуктов на соседнем базаре. В этом, очевидно, смысле надо понимать известный рассказ Новгородской Летописи о том, как, во время низвержения идола Перуна в Волхов, житель подгородного Пидебского погоста вез горшки на продажу в Новгород и оттолкнул идола от берега, к которому он было пристал [4]). То же можно наблюдать и по Патерику Печерскому, в котором рассказывается о продаже монахами на киевском базаре собственноручно связанных ими шерстяных „копытцов", т-е. чулок, и таких же „клобуков" или шапок [5]). „Торг", упоминаемый в Русской Правде [6]), равно как и торги в Киеве, Курске, Торопце и Новгороде, о которых говорят другие источники [7]), не что иное, очевидно, как именно такие местные базары, обслужи-

---

1) *Довнар-Запольский,* История русского народного хозяйства, т. I.

2) *Владимирский-Буданов,* Хрестоматия по истории рус. права, стр. 89 — 92. „

3) *Аристов,* Промышленность древней Руси.

4) Новг. 1 лет под 990 г.

5) *Аристов,* Промышленность древней Руси.

6) Троиц. сп., ст. 28.

7) *Аристов,* Промышленность древней Руси.

вавшие очень незначительный окрестный район. Но особенно характерны в этом отношении статьи пространной Русской Правды, трактующие о так называемом „своде". Одна из этих статей гласит: „Если кто-либо опознает свое потерянное или украденное имение, коня ли или оружие, или скотину, то не говорить ему: „это мое", но говорить: „пойди на свод, где взял"; сведитесь, и кто будет виноват, на того падает обвинение в воровстве"[1]). В другой статье читаем: „Если в одном городе, то итти истцу до конца того свода; если свод будет по области, тянущей к этому городу, то итти ему до третьего свода; за наличное этому третьему платить деньгами, а с наличным итти до конца свода»[2]). Наконец, третья статья свидетельствует: „А из своего города в чужую область свода нет"[3]). Таким образом, в случае находки кем-либо пропавшей у него вещи в руках у другого, этот последний был обязан указать лицо, у которого им приобретена спорная вещь; лицо, им указанное, в свою очередь должно было указать продавца и т. д. Это и называлось сводом. Но уже тогда, когда свод переходил из города в его область, он сокращался: истец шел только до третьего свода; третий продавец платил истцу деньгами, а затем свод продолжался до конца. Это, конечно, можно объяснить стремлением облегчить положение истца, лица, потерявшего вещь и затем нашедшего ее в руках другого, но уже в этом постановлении нельзя не видеть и другой стороны дела: при переходе свода из города в область третий продавец терпел убыток, уплачивая деньги; очевидно, на него падало некоторое подозрение. Почему? Потому, конечно, что случаи таких продаж в области были редки. Но особенно замечательно, что свод в чужую землю, в область другого города, прямо не допускался; очевидно, такая продажа в чужую область признавалась невероятною вследствие крайней затруднительности и чрезвычайной редкости торговых сношений между отдельными городами и рынками.

Но, кроме прямых свидетельств об изолированности отдельных местных рынков, мы имеем еще другое доказательство слабости внутренней торговли: оно заключается в дороговизне

---

[1]) Троиц. сп., ст. 29.
[2]) Там же, ст. 31.
[3]) Там же, ст. 35.

кредита. Русская Правда знает договор займа, устанавливает форму его заключения, порядок конкурса при несостоятельности, наконец, законную высоту процента. Но высота эта была чрезвычайно велика, капитал в то время был крайне дорог: даже в XII веке Владимир Мономах, сделавшись великим князем киевским, установил рост на два третий, т.-е. в 50% [1]). Капитал был дорог, потому что был редок, а редкость его — следствие слабости меновых сношений.

Наконец, существует еще и третье доказательство господства натурального хозяйства: наблюдения над монетной системой. Несомненно, что и у русских, как и у других народов, первым по времени появления орудием обмена был скот. Еще в краткой Русской Правде XI века [2]) и даже в договорной грамоте Новгорода с о. Готландом конца XII века [3]) слово „скот" употребляется в смысле денег. Иностранная монета ценилась, главным образом, как украшение, а не как меновое орудие. Гораздо важнее ее оказалась в качестве орудия обмена литра или византийский фунт, равняющийся $^3/_4$ современного нашего фунта. Уже в X веке литра была принята на Руси, как мера веса. Из литры в Греции чеканилось 72 золотые монеты — 72 солида; солиды в договоре Игоря называются золотниками: вот происхождение этой русской меры веса. Византийскую литру на Руси называли гривной. Гривна и стала основною монетною единицей в России X — XII веков. Но эта монетная единица была не чеканная, а весовая, как и ее подразделения: гривна состояла, как видно из Русской Правды, в XI веке из 25 кун [4]), а в XII веке [5]) из 50 кун или из 20 погат, 50 резан, 480 векш. Нетрудно заметить, что название некоторых подразделений гривны носят на себе следы той эпохи, когда меха зверей были орудием обмена: куна — куница, векша — белка. Важно то, что все эти денежные знаки не имели чекана, а принимались по весу. Это возможно лишь тогда, когда торговля ничтожна.

---

[1]) Троиц. список, ст. 48.

[2]) Академич. список, ст. 13.

[3]) *Влад.-Буданов,* Хрестоматия по истории рус. права, стр. 89—92.

[4]) Ср. Акад. сп., ст. 26, и Троиц. сп., ст. 41; *Прозоровский,* Монета и вес в России — в „Зап. Археологич. Общества", т. XII, стр. 707.

[5]) Карамз. сп., ст. 49 — 56; *Прозоровский,* Монета и вес в России — в „Зап. Арх. Общ.", т. XII, стр. 566, 567, 532; *Ланге,* Исследование об уголовном праве Русской Правды, стр. 28 и след.

При свете всех этих данных и соображений для нас становится понятен смысл тех известий, которые указывают на первый взгляд на оживленные торговые сношения между отдельными областями Руси того времени. Когда мы встречаем, напр., в Русской Правде указание на „гостинец великий“ [1], т.-е. большую торговую дорогу, или читаем в Патерике, что св. Феодосий приехал в Киев из Курска с купеческим обозом, и что печерский монах Исакий был в миру богатым торопецким купцом [2]), то мы должны все это понимать в отношении, главным образом, к *внешней* торговле: по большим торговым дорогам свозили товары в приречные города, чтобы отправить их через Киев в Византию; из Курска везли в Киев продукты, предназначенные также для вывоза на внешние рынки; торопецкие богатые купцы обогощались тоже от иностранной торговли.

Недавно высказано, напротив, мнение, что „вся древнерусская жизнь была проникнута интересам торга, промысла“ [3]), причем, однако, почти все факты, на которые опирается это положение, оказываются относящимися к XIII и XIV векам [4]), а некоторые доказательства, вроде отыскания в костромских могильниках *трех* (!) византийских монет, явно говорят против такого взгляда: ясно, что если в могилах богатых и знатных людей встречается так мало византийских монет, — это лучше всего доказывает не силу, а слабость внутренней торговли, которою они могли передаваться на север. Наконец, приводятся соображения уже совершенно несостоятельные, вроде существования в древней России 300 городов да еще многих городищ [5]): известно, что не всякий город был местом торговли, — чаще всего он был просто убежищем для окрестного населения при внешних нападениях, — а городища никогда местами торга и городами не были: это были, как выше указано, семейные поселки.

Таким образом, рассматривая в целом соотношение разных отраслей хозяйства в России X, XI и XII веков, надо признать, что основною новою чертою здесь являлось быстрое

[1]) Троиц. сп., ст. 70.

[2]) *Аристов*, Промышленность древней Руси.

[3]) *Довнар-Запольский*, История русского народного хозяйства, т. I, стр. 351.

[4]) Там же, стр. 173—193.

[5]) Там же, стр. 172.

увеличение удельного веса земледельческого производства: оно по своему значению стало почти уже равняться добывающей промышленности и скотоводству.

То была целая экономическая революция, из которой последовательно, с железной необходимостью, произошел целый ряд крупных перемен в хозяйстве, обществе и государстве.

Перемены обнаружились прежде всего в формах землевладения. Конечно, и род или вервь, и семья, как часть этого рода, сохраняли в массе населения старое обычное отношение к земле: род занимал определенную территорию, а отдельные семьи вольно, свободно пользовались ее частями, проводя „межи ролейные“ [1]), т. е. образованные путем опахивания при временной заимке под пашню, и делая дубы „знаменными“ [2]), т. е. ставя на них „знамя“, знак собственности, „зачерчивая“ или „затяпывая“ лес. Это видно из того, что в Русской Правде нет гражданского оборота с землей, т.-е. земля почти не продавалась и не закладывалась. И, однако, на-ряду с эти мпоявилась новая форма отношения к земле — полная собственность. Обладателями этих прав собственности на землю — это очень характерно и важно — оказались князья, бояре и монастыри.

Первые следы княжеского землевладения становятся заметны уже во второй половине X века, когда Ольга устроила по всей земле свои „места“ и „села“, „ловища“ и „перевесища“ [3]). У той же княгини упоминается город Вышгород и село Ольжичи [4]). У матери Владимира Святого, ключницы Святослава Малуши, было село Будятино [5]). У Рогнеды — город Изяславль [6]). Белгород и Берестово были подгородными княжескими селами при Владимире [7]). Владимир Мономах в XI веке проявлял очень большую заботливость о хозяйстве в своих селах, как то видно из его Поучения [8]). В XII веке часто говорится о земельных владениях князей:

---

[1]) Троиц. сп., ст. 65.
[2]) Там же, ст. 66.
[3]) Начал. Лет. под 947 г.
[4]) Полное собр. Рус. Летописей, т. I, стр. 25.
[5]) *Добряков*, Русская женщина в домонгольский период, Спб. 1864, стр. 33.
[6]) Там же.
[7]) Начал. Лет. под 980 и 1014 г.г.
[8]) Там же, под 1096 г.

в 1128 г., по житию св. Евфросинии, было княжеское село около Полоцка [1]; в 1146 г. упоминаются княжеские села в земле северян [2]; в 1150 г. — в смоленском княжестве [3]; Любеч и Чернигов в XII веке были окружены княжескими селами [4]; у Андрея Боголюбского в ростовско-суздальской земле был город Боголюбов и много „слобод купленных и сел лепших“ [5].

В том же XII веке неоднократно встречаются известия о разорении сел боярских [6], а Изяслав Мстиславович упоминает о селах своей дружины в киевской земле [7].

Наконец, в XI веке возникло и монастырское землевладение: в рассказе о Печерском монастыре говорится о пожаловании монастырю князем Изяславом Ярославичем горы [8], а затем находим известие о даче каким-то Ефремом (очевидно боярином) сел в монастырь [9]. В XII веке церковные и монастырские земли уже далеко не редкость: Антоний Римлянин купил в основанный им монастырь у посадничих детей Смехна и Прохна землю, границы которой точно указаны в купчей [10]; под 1123 г. упоминается митрополичий город Синелица [11]; князь Ростислав дал смоленскому епископу в 1150 г. три села [12]; в 1169 г. упомянут город св. Богородицы Десятинной [13]; Андрей Боголюбский щедро одарял землями церковь св. Богородицы Златоверхую во Владимире на Клязьме [14].

Нет сомнения, что внешняя торговля общественных верхов и их правительственное положение, создавая для них значительные доходы, имели долю своего влияния на образо-

---

1) *Голубинский,* История русской церкви, I, 1, стр. 522, прим.
2) *Голубовский,* История северской земли, стр. 28.
3) Доп. к актам Историч., I, № 4.
4) *Голубовский,* Очерк истории северской земли, стр. 28.
5) Полное Собр. Рус. Лет. I, под 1176 г.
6) Летопись по Ипатскому списку, стр. 24, 26.
7) Там же, стр. 54.
8) Полное Собр. Рус. Летописей, I, стр. 68.
9) Там же, стр. 108.
10) *Владимирский-Буданов,* Хрестоматия по истории рус. права, стр. 113.
11) *Голубинский,* История русской церкви, I, 1, стр. 520.
12) Там же, стр. 520.
13) *Голубинский,* История русской церкви, т. I, половина первая, изд. 2, М., 1901, стр. 520.
14) Там же.

вание частной земельной собственности: эти доходы и богатства дали князьям и боярам средства покупать в значительном количестве холопов или рабов и ссужать деньги с обязательством отработать долг с процентами: такие ссуды приводили к образованию полусвободного класса, так-называемых закупов. Но рабы же были и у монастырей. И к тому же самый факт существования закупов и холопов еще не вызывал появления земельной собственности: труд их мог найти и иное применение.

Важно здесь именно то, что холопы и закупы стали земледельцами: очевидно, земледелие созрело до более высокой, чем прежде, ступени развития, стало экономической необходимостью. Поэтому и княжеское, боярское, монастырское землевладение, неизбежно связанное с новыми земледельческими занятиями через эксплоатацию несвободного и полусвободного труда, обязано своим существованием именно росту значения земледелия. Самое зарождение идеи полной собственности на землю не без основания объясняется тем, что земля занималась и разрабатывалась князем, боярином, монастырем посредством поселения на ней несвободных или полусвободных, своих собственных людей; отсюда и строился вывод: земля моя, потому что на ней сидят мои люди [1]).

Уже то, что только что сейчас сказано о происхождении княжеского, боярского и церковного землевладения, свидетельствует, что новым видам земельного владения соответствовали и новые формы хозяйства: труд несвободный, холопский и полусвободный, закупнический. Это явственно выступает на вид из Русской Правды. которая знает холопов княжеских, боярских и „чернечьих“ [2]), т.-е. монастырских. Уже в XI веке упоминаются холопы у новгородских епископов Луки Жидяты и Стефана [3]). Митрополичий город Синелица в 1123 г. был усадьбой и имением с холопами [4]). Тем же в сущности был и Боголюбов у князя Андрея Суздальского. В некоторых списках Русской Правды, вместо выражения „княж муж“, т.-е. боярин, встречается термин „огнищанин“ [5]). В толко-

---

1) *Ключевский*, Курс русской истории, ч. I.
2) Троицк. сп., ст. 42.
3) *Голубинский*, История рус. церкви, ı, 1, стр. 513, примечание.
4) Там же, стр. 512.
5) Акад. сп., ст. 18, 19, 20.

вании этого слова исследователи не сходятся между собою: все производят его от слова „огнище“, но, по мнению одних, „огнище“ значит „двор“ и даже „княжеский двор“, и, следовательно, огнищанин то же, что дворянин, дружинник [1]). По другим, основывающимся на современной северной дружинной терминологии, огнище — земля, на которой выжжен лес и которая предназначена для пахоты, так что огнищанин — землевладелец [2]). Но существует еще третье объяснение, которое следует предпочесть, потому что оно опирается на очень древний текст: в XI веке появились в переводе с греческого 12 слов (т.-е. проповедей) св. Григория Богослова; здесь выражение подлинника οἱ πλήθει γαυριῶντες τῶν ἀνδραπόδων καὶ τετραπόδων передано так: „гърдящиеся многы огнищи и стады“; итак, огнищи = ἀνδράποδα, т.-е. рабы; следовательно, огнищане—рабовладельцы [3]). Это показывает, что бояре в России XI—XII в.в. обыкновенно много пользовались рабским трудом.

Можно догадываться, что главною задачею этого зарождавшегося тогда владельческого хозяйства была доставка продуктов земледелия и скотоводства для непосредственного потребления лиц, составлявших высший слой населения: это видно из того, что в Русской Правде несвободные люди фигурируют не в качестве охотников, рыболовов, пчеловодов, а по преимуществу в виде „тиунов конюших“ [4]), т.-е. приказчиков, заведующих конскими табунами или „тиунов ратайных“ [5]), т.-е. земледельческих приказчиков. Закупы—полусвободные рабочие — носят в Русской Правде характерное название „ролейных“ [6]), т.-е. пашенных, от „ролья“—пашня.

Само собою разумеется, что масса свободного населения оставалась попрежнему при семейной форме производства. По Русской Правде, как видно из ее постановлений о наследстве смердов, хозяйственной единицей была, как и раньше,

---

[1]) *Соловьев*, История России с древнейших времен, т. I, изд. 2, М., 1854, стр. 220; *Ланге*, Исследование об уголовном праве Русской Правды, ст. 54—56 и др.

[2]) *Беляев*, Рассказы из русской истории, книга II, М., 1866, стр. 49

[3]) *Ключевский*, Подушная подать и отмена холопства: „Рус. Мысль“ за 1886 г., июль, ст. 3, 4, примечание. Перевод Григория Богослова — в „Известиях академии наук к отделению русского языка и словесности“ за 1855 г., т. IV, стр. 311.

[4]) Троиц. сп., ст. 10.

[5]) Там же, ст. 11.

[6]) Там же, ст. 53.

семья: „если смерд умрет без сыновей, то наследство князю; если у него в семье будут дочери, то дать им часть; если они замужем, то не дать им части“ [1]). Таким образом, из наследования исключались не только боковые родственники, не принадлежащие к семье в тесном смысле, но и замужние дочери, вступившие посредством замужества в чужую семью. На домашнее или семейное производство для собственного потребления указывают уже известные нам факты, относящиеся к обрабатывающей промышленности: таково, напр., известие Патерика Печерского, что Исаия сделал себе свиту из грубого домотканного холста. Существовали и мелкие кустарные промыслы—тоже семейные по форме производства, но расчитанные на местный сбыт: таково было производство шерстяных шапок и чулок, горшков и пр. Торговля внешняя вела, наконец, к образованию купеческих товариществ: Русская Правда сохранила след существования товариществ на вере или коммандитных, когда участники товарищества отвечают за убытки не всем своим капиталом, а только вложенною в общее предприятие частью его [2]).

Как ни много нового было в землевладении и формах хозяйства,—нельзя, однако, сказать то же о его технике. В земледелии, напр., как видно из послания митрополита Климента смоленскому священнику Фоме, существовала попрежнему „ляда“ [3]), т.-е. господствовала лядинная или подсечная система хозяйства.

Большинство населения, жившее еще в хозяйственных условиях, близких к прежним, не испытывало и в X, XI и XII веках особенной нужды. Но мы видели уже, что умножились рабы и появились закупы. Экономическое расслоение началось, и здесь, вероятно, сказалось всего больше влияние все возраставшей необходимости перехода к земледелию. Очень редко, по встречался и наемный труд: пространная Русская Правда упоминает о срочных рабочих, которые работают из-за хлеба, иногда и с небольшою денежною доплатою [4]); очевидно, это бывало лишь при крайней бедности и по преимуществу в случае голода. Насколько

---

[1]) Там же, ст. 85.

[2]) Там же, ст. 50.

[3]) *Владимиров*, Древняя рус. литература киевского периода, стр. 151.

[4]) Троиц. сп., ст. 105.

незначительна была при этом заработная плата, — видно из одной статьи пространной Правды, относящейся, повидимому, уже к XIII веку: годовой труд двух женщин („жонки с дочерью“) оценивается здесь всего в одну гривну [1]).

Понятно, что прибыль на капитал была высока: недаром, как было уже сказано, процент при займе на год доходил до 50-ти.

Земельная рента стала едва зарождаться с образованием полной земельной собственности в XI веке.

Таким образом, общие выводы о распределении хозяйственных благ в России X—XII веков остаются почти теми же, что и для первого, древнейшего, дофеодального периода русской истории: наибольшее неравенство наблюдалось в распределении не предметов необходимости, хотя и здесь прежняя равномерность уже слабела, а предметов роскоши и денежного капитала. Эта неравномерность распределения денежного капитала хорошо, ярко иллюстрируется одним летописным рассказом: когда в 1018 г. новгородцы произвели денежную складку, собирая войско для защиты Ярослава против Святополка Окаянного, то с простых людей брали по 4 куны, а с бояр по 18 гривен [2]). Так как гривна в XI века содержала 25 кун, то оказывается, что бояре обложены были в 112¹/₂ раз тяжелее простых людей [3]).

Экономические классы, зачатки которых наблюдались и в предыдущий период, в X, XI и XII веках отчасти видоизменили свое содержание, отчасти резче обозначились. Правда, свободный человек, смерд, остался, по крайней мере, наполовину скотоводом и пчеловодом: Русская Правда говорит о коне его [4]) и о борти [5]). Но Начальная Летопись в известном уже нам рассказе о съезде князей у Долобского озера пополняет эту характеристику указанием, что к числу обычных занятий смердов в XII веке принадлежало также и земледелие. Термин „огнищанин“, т.-е. рабовладелец, отмечает перемену в экономическом смысле слов: „княж муж“ или „боярин“: верхи общества стали по преимуществу эксплоа-

---

[1]) Карамзинск. сп., ст. 65.
[2]) Начал. Лет. под 1018 г.
[3]) *Ключевский*, Курс русской истории, ч. I.
[4]) Академ. сп., ст. 25.
[5]) Там же, ст. 30.

таторами несвободного и полусвободного земледельческого труда.

Итак, сделаны были уже некоторые решительные шаги в направлении разделения общества на группы по хозяйственным признакам. Этому соответствовали и зародыши сословного, правового, юридического деления общества.

Личные гражданские права смердов были очень обширны. Прежде всего юридический обычай того времени гарантировал им личную свободу, признавал смерда лицом свободным и граждански правоспособным. Уже в Начальной Летописи слова: „смерд“ и „свободный человек“ — синонимы: так, по рассказу о появлении волхвов в Белозерской волости, княжеский посадник Ян спросил волхвов, чьи они смерды, т.-е. подданные какого князя [1]? Здесь очевидно, разумеются подданные — свободные люди. Затем в конце XI века находим известие, что в 1096 г. князья Святополк Изяславич киевский и Владимир Всеволодович Мономах переяславский отправили посольство к Олегу Святославовичу черниговскому со словами: „поиди Кыеву, да поряд положим о Русьстей земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отец наших, и пред людьми градскыми, да быхом оборонили Русьскую землю от поганых“; Олег на это ответил: „несть мене лепо судити епископом, ли егуменом, ли смердом“ [2]. Очевидно, смердами здесь названы бояре и люди градские, т.-е. свободное население.

Еще более убедительны данные, почерпаемые из Русской Правды. Смерд, по Русской Правде, признавался преступником и потому наказывался штрафом в пользу князя или так-называемой *продажей:* „то ти оуроци смердом, оже платять князю продажю“ [3], читаем в пространной редакции Правды. А между тем в том же источнике есть прямое указание, что холопов „князь продажею не казнить: *зане суть не свободни*“ [4]; следовательно, продажу платили только свободные люди, а так как смерды ее платили, то, значит, они свободны.

---

[1]) Начал. Лет. под 1071 г.
[2]) Там же, под 1096 г.
[3]) Троиц. сп., ст. 41.
[4]) Там же, ст. 42.

Затем Русская Правда признает за смердами имущественные права: упоминается о принадлежащих смерду коне и борти и о наследстве после смерда [1]).

Но некоторые исследователи думают, что смерд — не просто свободный, а крестьянин — арендатор княжеской земли, отбывавший на князя барщину и получивший от него инвентарь. Это объяснение опирается на следующие соображения: 1) за убийство смерда и холопа назначено в Русской Правде 5 гривен: не может быть, чтобы свободный человек сравнен был с рабом; 2) смерда нельзя было подвергать муке без княжа слова, — значит, он зависел от князя не как от государя, а как от хозяина; 3) противоставляются конь княж и конь смерда, а также борть княжеская и борть смерда; очевидно эти кони и борти могли быть смешаны, т.-е. находились в пределах одного хозяйства; 4) наконец, смерд мог передать свое имущество по наследству лишь сыновьям; если же у него были одни дочери, то они не получали наследства: все оно переходило к князю; причина этого заключается в том, что „дочь, как женщина, не могла исполнять все те обязанности, которые лежали на ее отце, а, следовательно, и не могла иметь прав на отцовское имущество, которое было приобретено на земле, из земли и для земли, полученной ее отцом от князя“ [2]).

Ни одно из этих соображений, при ближайшем рассмотрении, не выдерживает, однако, критики. В самом деле: статья „а в смерде и в холопе 5 гривен“ [3]) говорит не о вире и продаже, т.-е. не о штрафе в пользу князя, а о частном вознаграждении за убийство чужого холопа. Это видно уже из того, что штраф князю за убийство чужого холопа равнялся, по Русской Правде, 12 гривнам [4]), за убийство же смерда платилась вира в 40 гривен [5]), как и за убийство

---

[1]) Акад. сп., ст. 25, 36; Троиц. сп., ст. 85.

[2]) *Никольский*, О началах наследования в древнейшем русском праве, стр. 350 и сл.; *Цитович*, Исходные моменты в истории русского права наследования, стр. 33—36; *Ведров*, О денежных пенях по Русской Правде, стр. 66; *Владимирский-Буданов*, Обзор истории русского права, вып. II, стр. 152; *Романов*, в „Известиях отд. рус. яз. и словености“, т. XIII, кн. 3.

[3]) Акад. сп., ст. 23; Троиц. сп., ст. 15.

[4]) Троиц. сп., ст. 48.

[5]) Троиц. сп., ст. 3; ср. *Сергеевич*, Русские юридические древности, т. I, Спб. 1890, стр. 170 и сл.

всякого свободного. А в том, что за смерда частное вознаграждение, поступавшее его семье, равнялось частному вознаграждению, получавшемуся господином за убийство его холопа, нет ничего удивительного: в XVI веке честь высших боярских холопов ценилась впятеро выше чести свободных крестьян [1]). Так падает первое соображение.

Переходя ко второму, посмотрим прежде всего, что разумеется в Русской Правде под словом „мука". „Мукой" в одной из статей Правды называется испытание железом, один из видов суда Божия или ордалии, употреблявшейся в судебном процессе того времени [2]). Это испытание не могло производиться без княжа слова. Очевидно, что князь тут действовал не как хозяин, а как государь, как судья. Но если даже понимать под мукой не только испытание железом, а вообще всякое истязание, то и в таком случае статья о муке смерда не может быть объяснена в смысле особой хозяйственной зависимости смерда от князя: она органически связана с следующей статьей — о муке огнищанина [3]), — и никто не решится толковать эту последнюю статью в том смысле, что огнищанин был лицом, зависимым от князя, подобно холопу.

Неосновательным является, далее, и третье соображение: статьи о коне или о борти [4]) вовсе не свидетельствуют ни о каком смешении имуществ князя и смерда; из них ясно только одно: собственность князя ценится выше собственности смерда; следовательно, статьи эти скорее указывают на раздельность той и другой собственности, нежели на их смешение. Заметим, что высшая оценка княжеского имущества — не единственная гражданская привилегия князя: Русская Правда признает еще за князем право первому получить сполна долг с несостоятельного должника при конкурсе [5]).

Что касается, наконец, факта отсутствия наследственных прав у замужних дочерей смерда (незамужние получали часть, при переходе всего остального князю, если не было сыновей), — то самый этот факт не подлежит сомнению [6]),

---

[1]) *Сергеевич*, Русские юридические древности, т. I, стр. 173

[2]) Троиц. сп., ст. 81.

[3]) Там же, ст. 71 и 72.

[4]) Акад. сп. ст. 25, 30.

[5]) Троиц. сп., ст. 51.

[6]) Там же, ст. 85.

но его объяснение в том смысле, что земля, на которой работал смерд, принадлежала князю, — надо признать ошибочным. Почему, в самом деле, замужние дочери не наследовали в классе смердов? Ответ на этот вопрос не будет подлежать сомнению, если мы обратим внимание на характер завещания в эпоху, нами изучаемую. Завещание, по Русской Правде, вовсе не римское testamentum, где господствует исключительно личная воля, а „ряд“, т.-е. договор, взаимное соглашение всех членов семьи под руководством отца, выражение коллективной воли всего семейного союза [1]). Соответственно этому, обычной формой завещания была словесная, устная: „*без языка* ли оумреть“ [2]), говорится о смерти матери без завещания. Роль завещателя — отца семейства — ограничивалась лишь распределением семейного имущества между готовыми, законными наследниками, и то по совету с членами семьи. Итак, субъектом имущественных прав является среди смердов целый семейный союз, а не отдельное лицо: поэтому право наследования принадлежало лишь тем членам семьи, которые не порывали с ней связи, которые были „в дому“ [3]). При таких условиях замужние дочери смерда, порвавшие старую семейную связь и вступившие в новую семью, естественно, теряли право наследования.

Итак, ясно, что смердом назывался всякий свободный в противоположность, с одной стороны, несвободным и полусвободным, с другой — княжеской дружине и духовенству. Следовательно, чтобы полнее и яснее изобразить юридическое положение смердов, мы имеем полное право воспользоваться всеми статьями Русской Правды, трактующими о правах свободных людей.

Уже из только что изложенных соображений видно, что к числу личных гражданских прав смердов принадлежит право личной свободы. Это подтверждается также рядом статей Русской Правды, трактующих о наказаниях за разные преступления. За убийство смерда в XI веке, как и раньше, полагалась кровная месть; если же никто из родственников не мстил, то убийца платил виру или штраф

---

[1]) Там же ст. 87; ср. *Цитович*, Исходные моменты в истории русского права наследования, стр. 68; *Владимирский-Буданов*, Обзор истории рус. права, вып. II, стр. 148, 150.

[2]) Троиц. сп., ст. 96.

[3]) Там же, ст. 89.

князю в 40 гривен [1]). Сыновья Ярослава во второй половине XI века отменили кровную месть и установили денежный выкуп: виру в 40 гривен князю и головничество, т.-е. частное вознаграждение семьи убитого [2]), определенное, как мы видели, для смердов в 5 гривен [3]). Этими постановлениями ограждалась, следовательно, жизнь свободных людей. Ограждалось затем также и их здоровье: за тяжкое увечье—отсечение руки или такую рану в руку, которая лишала потерпевшего возможности владеть ею, краткая, древнейшая Правда, составленная в XI веке, назначала 40 гривен виры [4]); но если вместе с тем была отсечена нога или повреждена настолько, что пострадавший стал хромать, то за такое увечие мстят дети потерпевшего [5]). По пространной Правде XII в., за лишение руки, ноги, глаза и носа назначено полувирье — 20 гривен и 10 гривен потерпевшему за увечье [6]). За все остальные преступления против здоровья свободных людей — за побои до синяков и крови, отсечение пальца и удар мечем, не причинивший смерти, — платилась продажа князю в 3 гривны и частное вознаграждение (урок) потерпевшему в 1 гривну [7]). Впрочем, краткая Правда за побои до синяков и крови допускала месть [8]). Наконец, при драке зачинщик ее должен был платить 60 кун продажи, причем, однако, если бы зачинщиком оказалось лицо, получившее синяки или окровавленное в драке, то оно свободно от платежа продажи [9]). Юридический обычай ограждал далее честь свободных людей: 12 гривен продажи назначалось за удар необнаженным мечом или рукояткой, палкой, жердью, рукой, чашей, рогом, кулаком, за вышибленный зуб и вырванный клок бороды или ус [10]); трехгривенной продажей оплачивались истязания смерда и толчки [11]). Затем свобода смерда ограждалась постановлением, по которому за продажу в раб-

---

[1]) Академич. список, ст. 1.
[2]) Троиц. сп., ст. 2.
[3]) Акад. сп., ст. 23.
[4]) Там же, ст. 5.
[5]) Там же, ст. 5.
[6]) Троиц. сп., ст. 21.
[7]) Там же, ст. 22 — 25.
[8]) Акад. сп., ст. 2.
[9]) Троиц. сп., ст. 23.
[10]) Там же, ст. 18 и 20.
[11]) Там же, ст. 71 и 25.

ство без законных к тому оснаваний, помимо, конечно, возвращения прав свободного человека потерпевшему, была назначена продажа в 12 гривен [1]). Наконец, за каждым свободным человеком признавалось право быть свидетелем на суде: „ты тяжи все судят послухи свободными“ [2]), говорит Русская Правда.

Мы уже отметили раньше и второе гражданское право смердов — право собственности на движимое и недвижимое имущество, причем характеризовали и природу этого права: в сущности, оно принадлежало не лицу, а семейному союзу, так что здесь мы имеем дело уже не с личным, а корпоративным гражданским правом, принадлежащим известной группе лиц или корпорации. Мы знаем также, что к числу таких корпоративных гражданских прав принадлежало тогда и право верви на занятую ею территорию. В подтверждение того, что имущественные права ограждались обычным правом того времени, можно указать еще на разные наказания за нарушение прав собственности: за поджог и конокрадство назначались поток и разграбление [3]), т.-е. смертная казнь или изгнание и конфискация имущества [4]); продажею в 12 гривен наказывались увод холопа или рабы [5]), кража бобра[6]), злоумышленное истребление чужого скота [7]), уничтожение знака собственности на борти [8]), уничтожение бортной или пашенной земли или перегораживание тыном дворной межи[9]), срубка „знаменного“ (т.-е. со знаком собственности) или межного дуба [10]); 3 гривны или 3 гривны и 30 кун продажи назначалось за кражу хлеба с гумна или из ямы [11]), скота из хлева [12]), пса, ястреба и сокола из перевеса [13]), за по-

---

1) Там же, ст. 55.
2) Там же, ст. 81.
3) Троиц. сп., ст. 79 и 30.
4) *Попов*, Русская Правда в отношении к уголовному праву, стр. 65, 66.
5) Троиц. сп., ст. 34.
6) Там же, ст. 62.
7) Там же, ст. 80.
8) Там же, ст. 64.
9) Там же, ст. 65.
10) Там же, ст. 66.
11) Там же, ст. 39.
12) Академич. сп., ст. 29; Троиц. сп., ст. 37.
13) Акад. сп., ст. 37; Троиц. сп., ст. 45.

хищение пчел и меда [1]), посечение перевесной веревки [2]), посечение борти [3]) злонамеренный, неплатеж долга [4]) и пользование чужим конем без спроса хозяина [5]). Свобода наконец, считалась необходимым условием заключения всякого рода договоров [6]), что также подтверждает права собственности смердов.

Заканчивая обзор личных и корпоративных гражданских прав смердов, мы должны теперь задать себе вопрос, поскольку отразились в них начала, свойственные родовому быту, с одной стороны, и семейному — с другой. Материал, нам уже известный, вполне достаточен для решения этого важного вопроса, служащего предметом разногласия между разными исследователями. Мы видели остатки родового быта только в верви и наблюдали, как они побледнели, и отступили на второй план среди смердов перед семейным началом. Род, очевидно, разложился уже, по крайней мере, в области хозяйства и в сфере гражданского права, на отдельные семьи. Чрезвычайно характерно также, что личность, как субъект гражданского права, не выделилась, по крайней мере в области имущественных отношений, из семьи.

Переходя к изучению политических прав смердов, мы не будем останавливаться на личном политическом праве каждого свободного человека — главы семейства — участвовать в вече: речь о нем пойдет при изучении политического строя. Спрашивается: имело ли свободное население X—XII веков, и прежде всего население сельское, корпоративные политические права? Этот вопрос сводится, в сущности, к рассмотрению политических прав верви, к определению, сохранились ли остатки родового или задружного быта в политических правах смердов.

Русская вервь, как и вервь далматских славян, и задруга, и род, была кровным союзом, не без примеси уже, конечно, чужеродцев. И, как таковая, она имела важные судебные права. Если в пределах верви найдено было тело убитого человека, причем убийца был неизвестен, то вервь обязана

---

[1]) Троиц. сп., ст. 69.
[2]) Там же, ст. 74.
[3]) Там же, ст. 68.
[4]) Там же, ст. 43.
[5]) Акад. сп., ст. 11; Троиц. сп., ст. 27.
[6]) Ср. Троиц. сп., ст. 32, 112, 110, 45, 44.

была или принять деятельное участие в следствии, в поисках преступника по следам преступления, или, если она не желала этого, заплатить виру, т.-е. поступавшую в княжескую казну пеню за убийство; если убийца принадлежал к верви и преступление было совершено в ссоре или на пиру, а не умышленно, то вервь платила также виру, распределяя платеж между всеми членами своими поровну, считая в том числе и убийцу, уплачивавшего таким образом одинаковую с другими сумму; на убийце же одном лежала только обязанность уплатить родственникам убитого частное вознаграждение или головничество; только тогда вервь не участвовала в платеже виры за убийство в ссоре или на пиру, совершенное ее членом, когда оказывалось, что этот виновный в убийстве член ее раньше в подобном же случае отказался от участия в платеже по раскладке [1]); вервь, наконец, должна была участвовать в следствии по делам об имущественных преступлениях, когда преступник неизвестен, а в пределах вервной территории остались следы преступления; если вервь в этом случае уклонялась от участия в следствии, то была обязана уплатить пеню князю и частное вознаграждение потерпевшему [2]).

Все эти постановления не могли быть созданы княжеской властью с целью предотвращения преступлений, как думают некоторые исследователи [3]): ведь если бы это было так, то круговая порука распространена была бы на все преступления или на все виды убийства, или, по крайней мере, на более тяжкий вид убийства — на убийство умышленное. Нет сомнения, что судебные права верви — остатки древнего задружного быта: очевидно, члены верви считали себя нравственно обязанными помогать друг другу в уплате пень за менее важные, случайные преступления, именно, по той причине, что они первоначально были связаны между собою узами родства. Не даром Русская Правда прямо называет уплату виры вервью „*помощью* убийце“ [4])

---

[1]) Троиц. сп., ст. 3, 4.

[2]) Там же, ст. 70.

[3]) *Калачов*, Предварительные юридич. сведения для полного объяснения Русской Правды, отд. III, глава I; *Грыцько*, Участие общины в суде по Рус. Правде — в „Архиве историч. и практич. сведений“ Калачова, кн. 5, Спб. 1863, стр. 156; *Ведров*, О денежных пенях по Рус. Правде, стр. 94, 100; *Ланге*, Исслед. об уголовн. праве Рус. Правды, стр. 72.

[4]) Троиц. сп., ст. 6.

Но, внимательно рассматривая эти постановления, нетрудно прийти к выводу, что судебное значение верви тут ограничивается почти исключительно обязанностью участвовать в следствии, причем и от этой обязанности вервь могла откупиться. Правда, надо заметить, что судебное значение верви проявлялось иногда и на самом суде: члены верви выступали иногда в виде „послухов“. Послухи — это не очевидцы преступления, не свидетели в собственном смысле слова — такие свидетели назывались тогда „видоками“, — послухи в известных случаях приводились обвиняемым на суд, как свидетели о его добром поведении, являлись его защитниками, близко подходившими к coniuratores, „соприсяжникам“ варварских прав начального средневековья на западе Европы [1]). И это нельзя рассматривать иначе, как остаток древнего задружного быта. Но мы тщетно стали бы искать в наших источниках каких-либо следов собственно-вервной юстиции, суда верви для разбора дел между членами вервного союза. Таким образом, можно признать, что корпоративные политические права смердов не были значительны.

Что касается обязанностей смердов, то одной из них несомненно была военная служба. В рассказе о съезде князей у Долобского озера прямо говорится, что смердов для похода на половцев приходилось отрывать от их обычной работы [2]). Вторая обязанность смердов — это давать дань князю. Князь при сборе дани и объезде для этого своей земли получал особые дары на собственное содержание — „полюдье даровное“ [3]). На обязанности смердов лежал еще корм различных должностных лиц во время исполнения ими обязанностей [4]). Далее, платились торговые пошлины (гостиная дань — с личности купца, торговая — за право торговли), мыт, т.-е. пошлина за провоз товаров, и ряд различных судебных пошлин [5]).

---

[1]) *Дювернуа*, Источники права и суд в древней России, стр. 100 — 103, 193.

[2]) Начал. Лет. под 1103 г.; впрочем, некоторые (Романов, Пресняков) думают, что для войны брался не сам смерд, а только конь его.

[3]) *Владимирский-Буданов*, Хрестоматия по истории рус. права, стр. 112.

[4]) Русская Правда, Акад. и Троиц. списки — уроки мостникам и городникам и т. д.

[5]) *Осокин*, Внутренние таможенные пошлины в России, Казань 1850, стр. 6

По свидетельству предисловия к одной из позднейших летописей, относящейся к половине XIII в., древние князья не отличались „несытством", не брали много дани, вир и продаж [1]). Это дает право думать, что обязанности смердов XI и XII веков особенною тяжестью не отличались.

Каково было юридическое положение свободной женщины? Не все исследователи одинаково понимают это положение. Разногласие происходит от различного толкования статьи пространной Русской Правды „О жене" [2]). Вот текст этой статьи: „Аже кто оубиеть жену, то темь же судомь судити, якоже и мужа; аже будеть виноват (в других списках: „виновата"), то полвиры, 20 гривен". По мнению некоторых исследователей, смысл этой статьи тот, что полувирье платится за убийство женщины вообще, а не жены в смысле супруги [3]). Если бы это было так, пришлось бы признать, что женщины пользовались ограниченною правоспособностью, что их жизнь ограждалась вдвое слабее, чем жизнь мужчин. Но каково основание этого взгляда? Оно состоит вот в чем: указывают [4]), что за статьей „О жене" следует статья „а в холопе и в робе виры нетуть", где говорится о платеже урока господину убитого холопа, т.-е. о плате за убийство чужого, а не своего холопа; значит, и предыдущая статья говорит об убийстве женщины, а не своей жены. Это основание чрезвычайно шатко. Система в Русской Правде есть, но чисто внешняя, и невозможно предположить внимание составителя сборника к таким тонкостям. Кроме того, в каком смысле нужно в таком случае понимать выражение „тем же судом судити"? Очевидно, если в разбираемой статье речь о женщине, а не о супруге, то слово „суд" можно понимать лишь в смысле судебного присутствия или судебного учреждения. Но такое понимание невозможно: во-первых, Русская Правда, как увидим в свое время, есть сборник судебных решений или приговоров; содержанием приговора не мог быть вопрос о подсудности, потому что при возникновении такого вопроса и приговор не мог состояться; во-вторых, — и это главное —

---

[1]) См. предисловие к „Софийскому Временнику".

[2]) Троиц. сп., ст. 83.

[3]) *Карамзин*, История Государства Росс., т. I, изд. 5, Спб. 1842, ст. 25 и прим. 67; *Иванишев*, О плате за убийство, ст. 93; *Неволин*, Полное Собрание Сочинений, т. III, стр. 78—79 и др.

[4]) *Неволин*, Полное Собр. Соч., т. III, стр. 78, прим. 185.

слово „суд“ в Русской Правде имеет значение только „приговора“, „судебного решения“: сказано „суд Ярослава Владимировича“ [1]), т.-е. его приговоры, судебные решения. Значит, выражение „тем же судом судити“ следует перевести: „подвергать тому же наказанию, как и за убийство мужчины“. А если так, то первая половина статьи находится в непримиримом противоречии со второй. Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что по другим славянским законодательствам и по позднейшему русскому праву убийство женщины и мужчины наказывается одинаково [2]). Итак, в разбираемой статье говорится о жене-супруге, и ее следует перевести следующим образом, приняв за правильное чтение „виновата“: „если кто-нибудь убьет свою жену, то подвергать тому же наказанию, как и за убийство мужчины; если она виновата (т.-е. нарушила супружескую верность), то полвиры 20 гривен“ [3]). Ясно таким образом, что жизнь свободной женщины защищалась юридическим обычаем не меньше, чем жизнь мужчины. То же самое относится, конечно, и к другим преступлениям против личности.

Весьма важное значение для понимания положения женщины имеет вопрос о браке. Здесь было не мало остатков старины. Почитание Рода с рожаницами, т.-е. родоначальника с его женами, указывает на многоженство не только в княжеской среде, но и среди масс населения. Без сомнения, кроме законных, „водимых“ [4]) жен, были у смердов и наложницы. И самый обычай брачного „умыкания“ с платой вена за невесту [5]) — несомненный остаток старого похищения и покупки женщин, а отсутствие всякого „стыдения“ перед родственницами у большинства восточных славян, по свидетельству летописца [6]), указывает на преобладание кровосмесительных браков. И с принятием христианства такое

---

[1]) Заголовок Троицкого списка Русской Правды.

[2]) *Владимирский-Буданов*, Обзор истории рус. права, вып. II стр. 14.

[3]) Ср. *Болтин*, „Правда Русская“, стр. 84; *Эверс*, Древнейшее русское право, стр. 394; *Рейнц*, Опыт истории росс. законов, стр. 180; *Калачов*, Предварит. свед.; *Ланге*, Иссл. об уголовном праве Рус. Правды, стр. 112.

[4]) Начал. Лет. под 980 г.

[5]) Начал. Лет.: рассказ об обычаях славян в „Повести временных лет“.

[6]) Там же.

положение не изменилось: по словам послания митрополита Иоанна монаху Иакову, смерды вступали в брак без церковного обряда, не венчались, а брали себе жен „с плясанием, гудением и плесканием“ и имели по две и по три жены [1]). В былинах Владимирова цикла многоженство оставило свои следы: напр., у Ильи Муромца по былинам, были дети от разных женщин — Авдотьи Горынчанки, Омельфы Тимофеевны, бабы Латыгорки [2]).

Таковы темные стороны в положении женщины, ставившие ее, как личность, в низшее сравнительно положение, чем мужчину. Но имущественные права женщины — как девушки, так и замужней и вдовы — тщательно ограждались. Если кто, умирая, разделит свое имущество между детьми, то этого и держаться; если же умрет без завещания, то всем детям, а часть дать на помин души его самого [3]). Кого здесь следует разуметь под детьми, сыновей и дочерей вместе, или только одних сыновей? Несомненно, только одних сыновей, потому что несколько ниже в той же Русской Правде читаем: „если будет сестра в семье, то ей не получать наследства, но братья, сообразно со своим достатком, снабдят ее приданым при замужестве“ [4]). Итак, хотя незамужняя девушка при братьях не получала равной с ними доли в наследстве, очевидно, по той причине, что у нее не было своей семьи (имение тогда, как мы знаем, было семейной собственностью), — однако, ей обеспечивалось достаточное по средствам братьев приданое при замужестве. Мы имели уже возможность раньше исследовать вопрос о наследовании дочерей в классе смердов при отсутствии сыновей и видели, что незамужние женщины не наследуют в таком случае всего имущества, большая часть которого переходит к князю, но получают все-таки часть наследства. К этому надо прибавить, что замужние дочери не наследовали после отца ничего, были ли у них братья или нет, — все равно [5]). Но ошибочно было бы выводить отсюда, что их имущественное положение было совершенно не обеспечено: из приведенных уже сейчас статей Русской Правды видно, что при замужестве девушки всегда

---

[1]) Русские Достопамятности, т. I, стр. 89.
[2]) *Добряков,* Русская женщина в домонгольский период. стр. 105.
[3]) Троиц. *сп.*, ст. 87.
[4]) Там же, ст. 89.
[5]) Там же, ст. 85.

получали приданое из состава семейного имущества. Приданое было, однако, только одной из составных частей имущества замужней женщины. Кроме него, Русская Правда знает еще другую составную часть этого имущества: то, что ей муж передал [1], — вероятно, вено, платившееся прежде женихом за невесту в семью последней. Этим имуществом замужняя женщина не могла распоряжаться при жизни мужа; оно входило в состав семейной собственности, и муж-вдовец после смерти жены пользовался им на общих основаниях; но если он женился во второй раз, то имущество первой жены шло только *ее* детям, а не детям от второй жены [2]. Это все понятно и естественно: имущество ведь было семейной собственностью, а с вступлением вдовца во второй брак основывалась новая семья, которая, естественно, лишь постольку приобретала права на имущество прежней семьи, поскольку это последнее имущество принадлежало непосредственно отцу, составлявшему связующее звено между обеими семьями.

Особенного внимания заслуживает имущественное положение вдовы. Здесь надо различать два случая: во-первых, когда дети были совершеннолетними и, во-вторых, когда они совершеннолетия еще не достигли. В первом случае вдова получала часть наследства и то, что ей дал муж при жизни [3]. Во втором вдова делалась домоправительницей и распоряжалась всем имением детей, если не выходила замуж во второй раз, и даже по достижении детьми совершеннолетия могла остаться в доме, пользуясь своей долей наследства, но не управляя уже семейным имением [4]. Эта роль домоправительницы свидетельствует, несомненно, о довольно высоком положении женщины. Наконец, характерно, что вдова могла совершенно свободно распоряжаться своей долей имения: „часть матери не принадлежит всем детям“, говорит Русская Правда, „но взять ее тому, кому даст мать; если она даст всем, то все разделят; если умрет без завещания, то взять тому, у кого она была в доме, и кто ее кормил“ [5]. И это положение органически связано с идеей принадлежности

---

[1]) Там же, ст. 88.
[2]) Там же, ст. 88.
[3]) Там же, ст. 88.
[4]) Там же, ст. 93.
[5]) Там же, ст. 96

имения семье: вдова, перестав быть домоправительницей, не имела уже семьи после раздела сыновей и потому могла свободно распоряжаться своей частью; в случае смерти ее без завещания, ее часть, естественно, поступает в ту семью, членом которой она фактически была в последнее время своей жизни. Все это подтверждается и еще одной статьей Русской Правды, указывающей вместе с тем, что долю матери-вдовы могла получить и дочь, даже и при наличности сыновей: „мать отдаст свое имение тому сыну, который был к ней добр, будь он от первого мужа или от второго; если все сыновья будут дурно с ней обращаться, она может дать имение даже дочери, которая ее кормит“ [1]).

Ко всему сказанному о смердах остается прибавить, что к числу смердов относились и купец, русин (т.-е. норманн), славянин и изгой [2]). Из этих терминов необходимо объяснить лишь последний. Точное и полное определение изгоев находится в церковном уставе новгородского князя Всеволода-Гавриила 1135 года: „изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает; и се и четвертое изгойство о себе приложим: аще князь осиротеет“[3]). Изгои были, значит, люди, отбившиеся от прежнего своего состояния, вышедшие из него и не примкнувшие ни к какой другой общественной группе или союзу; слово „изгой“ производится от древнего глагола „гоить“, т.-е. „давать жить“, и значит „изживший человек“ [4]). Единственным юридическим преимуществом изгоев можно было бы признать подсудность их и преступлений против них церковному суду; но это невозможно, потому что, во-первых, Русская Правда устанавливает виру за убийство изгоя, а Правда составилась из решений светского суда; во-вторых, грамота смоленского князя Ростислава епископу в 1150 г., устанавливающая пространство церковного суда, не отдает изгоев в руки церковной юстиции. Свидетельство церковного устава 1135 г. о подсудности изгоев церковному суду является исключением.

---

[1]) Там же, ст. 97.

[2]) Там же, ст. 1.

[3]) *Митр. Макарий*, История рус. церкви, т. II, прим. 467.

[4]) *Калачев*, О значении изгоев и состоянии изгойства в древней Руси: „Архив ист.-юрид. сведений о России“, 1-я полов., кн. 2-я. стр. 59 — 60.

Но, может быть, сословием, т.-е. группой, обладающей специальными правами, следует признать княжескую дружину? Прежде, чем ответить на этот вопрос, надо заметить, что дружина не была единым, неделимым целым, что в ней различались два слоя: во-первых, княжие мужи или бояре и, во-вторых, отроки или детские. Различие между тем и другим слоем касалось прежде всего занятий. Наиболее кратко и ясно занятия бояр формулируются образным языком „Слова о полку Игореве“, которое, называя бояр иногда „былями“, говорит о „боярах, думающих и мужах храборствующих“ [1]): „думать“, т.-е. давать совет князю, и „храборствовать“, т.-е. воевать, вот главные занятия бояр или княжих мужей, которые в награду за услуги получали долю в княжеских доходах и вели торговлю через княжеских „слов“ или послов. Позднее, когда у нас пойдет речь о Боярской Думе, мы увидим, что дачу боярами совета князю никак нельзя понимать в смысле постоянного сословного права. С другой стороны, мы знаем, что на войну отправлялись не только княжие мужи, но и простые смерды. Отроки или детские, повидимому, не участвовали в Думе, не были княжескими советниками; занятия их, как видно из источников, сводились к исполнению всякого рода служебных поручений: отроки или „гриди“ были телохранителями князя и его дворцовыми слугами; детские или отроки присутствовали на суде и ведали полицейски-исполнительную деятельность по поручению главного судьи: делили наследство по судебному решению, ловили и связывали беглых холопов и т. д. [2]).

Итак, ясно, что каких-либо особых *политических* прав личных и корпоративных мы тщетно стали бы искать, рассматривая юридическое положение княжеской дружины в киевской Руси. Но может быть у дружинников того времени существовали какие-нибудь специальные *гражданские* права? Что касается отроков, то у них таких специальных гражданских прав не было почти совершенно: их жизнь, здоровье, честь, имущество ограждались теми же штрафами и вообще уголовными карами, как и соответствующие личные права смердов: общие, известные уже нам, нормы гражданского права — права наследования и договоров — применялись без

---

[1]) Слово о полку Игореве.
[2]) Троиц. сп., ст. 16, 82, 108, 100.

всяких ограничений, но и без каких-либо преимуществ ко всем членам младшей княжеской дружины. Единственным зародышем некоторой привилегии можно признать только повышенный уровень головничества при убийстве отрока: тогда как при убийстве смерда головничество равнялось всего 5 гривнам, при убийстве отрока оно достигло 40 гривен [1]. Но это трудно признать сословной привилегией, потому что за высших княжеских холопов частное вознаграждение доходило до 80 гривен [2], что, однако, не создает им особого сословного положения: высота частного вознаграждания, каким было головничество, определялась, очевидно, не сословным положением лица, а степенью близости его к князю. Оставляя поэтому в стороне преимущество бояр относительно головничества — за них оно платилось в размере 80 гривен [3], — мы обратим внимание на другие особенности их гражданско-правового положения. Прежде всего вира за убийство боярина или княжего мужа в XII веке простиралась до 80 гривен [4], тогда как лишение жизни смерда оплачивалось вирой только в 40 гривен. Это — несомненный зародыш аристократической привелегии, юридически отделяющий бояр от массы свободных. Но нельзя забывать, что такая привилегия — дело сравнительно позднего времени, потому что Правда XI века не знает 80-гривенной виры, а при Ярославе за убийство всегда полагалась месть, так что господствовало полное равенство [5]. Вторым зародышем аристократической привилегии надо признать более сильное ограждение чести боярина, чем чести смерда: при истязании смерда платилась продажа только в 3 гривны, а при истязании огнищанина в 12 гривен [6]. И так было еще в XI веке. Наконец, в области наследственного права, по крайней мере, в XII веке можно наблюдать третью гражданскую привилегию у бояр и даже, быть может, всей княжеской дружины (т.-е. и у отроков). „Если относительно бояр и дружины, то князю наследство не идет, — говорит пространная Русская

---

[1] Троиц. сп., ст. 9.
[2] Там же, ст. 10.
[3] Там же, ст. 3.
[4] Там же, ст. 1.
[5] Академич. сп., ст. 1.
[6] Троиц. сп., ст. 71, 72.

Правда, — но если не будет сыновей, то дочери возьмут“ [1]). Мы видели, что при отсутствии сыновей у смерда его имущество переходило к князю, и только незамужние дочери получали часть. Но мы видели также причину этого: имение было не личной собственностью смерда, по обычному праву того времени, и собственностью всей семьи; так как со смертью отца, при отсутствии сыновей, семья прекращала свое существование, то имение и считалось выморочным, почему его и получал князь, как орган власти. Это дает нам теперь ключ к пониманию того нового явления, с которым мы только что познакомились: очевидно, дочери боярина, даже при отсутствии сыновей, наследовали именно по той причине, что в боярском классе личность в отношении своих имущественных прав успела уже выделиться из семейного союза, по крайней мере до некоторой степени и притом в XII веке.

Итак, невозможно отрицать существование зародышей сословного строя в древнейшей России. Но, во-первых, эти зародыши были весьма немногочисленны, во-вторых, некоторые из них образовались поздно, в третьих, наконец, — и это в данном случае особенно важно — не было никаких юридических преград к переходу из одного состояния в другое. Всякий смерд мог, если хотел и был в состоянии, переселиться в город для занятия торговлей и даже поступить в княжескую дружину, сделаться старшим дружинником, боярином. Припомним характерный в этом отношении рассказ Начальной Летописи о Яне Усмошвеце: однажды, когда Владимир вышел со своим войском, состоявшим из дружины и „воев“, т.-е. народного ополчения, навстречу печенегам, перед битвой выехал вперед печенежский богатырь громадного роста и стал вызывать кого-либо из русских на единоборство; охотников не находилось, и князь опечалился; тогда к нему подошел простой воин-смерд из ополчения и сказал, что у него остался младший сын необычайной силы: однажды, когда он мял руками кожу, отец за что-то разбранил его; тот так был раздражен этим, что разорвал пополам кожу: князь, выслушав этот рассказ, обрадовался и тотчас послал за молодым силачем; Ян Усмошвец — так звали силача — без труда справился с печенежским богатырем и *сделался после этого подвига дружинником князя Владимира* [2]). Как бы низко мы ни

---

[1]) Там же, ст. 86.
[2]) Начал. Лет. 992 г.

ценили достоверность самого предания, — одна возможность того, что оно сложилось именно в таком смысле, показывает, что поступление смерда в бояре или старшую княжескую дружину было заурядным в то время явлением: была бы только для этого надлежащая удаль и сила; юридических преград не существовало. А если так, то нельзя не признать, что в киевской Руси едва лишь мелькали слабые зародыши будущего сословного строя, в сущности же общественный строй тогда почти всецело основывался па экономических признаках и лишен был юридических оснований: существовали лишь экономические классы — и то в сущности не развитые и слабо сплоченные, — но не было политических сословий.

Все до сих пор сказанное о социальном строе древнейшей России касается только свободного большинства населения. Но существовало еще несвободное и полусвободное меньшинство, — *холопы* и *закупы*. Мы должны теперь заняться изучением их юридического положения.

Не все исследователи одинаково понимают *юридический источник* закупничества. Некоторые считают таким источником договор *найма*, что доказывается следующим образом: во-первых, закуп в Русской Правде прямо называется наймитом, т.-е. наемным рабочим; во-вторых, „купить" в старину значило „нанять", а вместо „купить" говорилось „купить в дернь, в век, в прок", в третьих, закуп получал плату или купу [1]). Самое серьезное из этих доказательств первое: закуп, действительно, называется в „Русской Правде" наймитом, но, во-первых, существует мнение, что термин „наймит" заимствован, представляет собою перевод греческого μισθωτος [2]), а во-вторых, если бы даже он был и оригинален, — из одного факта его применения к закупу нельзя было бы заключать еще о юридической природе закупничества, и самый больший вывод, на который нас уполномачивает этот факт, заключался бы лишь в том, что в изучаемый нами период русской истории наем сливался иногда с другими гражданскими сделками, плохо от них различался. Второе доказательство совершенно не выдерживает критики: в той же Русской Правде слово „купить"

---

[1]) *Калачев*, Предварит. юридич. свед., отд. III, гл. II, объяснение статей XVII и след.; *Сергеевич*, Русские Юридич. Древности, т. I, стр. 177—178.

[2]) *Ключевский*, Подушная подать и отмена холопства: „Рус. Мысль" за 1886 г., № 9, стр. 78.

употребляется всегда в обычном смысле в том же, как и теперь а вовсе не в значении „нанять“; чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить такие выражения, как „паки ли будет что татебно купил в торгу“ [1]), „аже начнеть не знати, оу кого купил“ [2]), „познать ли надолзе, оу кого купил“ [3]), „а то есть не скот, нелзе рчи: не ведаю оу кого есмь купил“ [4]), „но такоже вывести ему послухи либо мытника, перед кимь же купивше“ [5]), и т. д. Наконец, в третьих, купа — вовсе не наемная плата, а заемная сумма, получавшаяся закупом, что подтверждается и словом „прикуп“, означающим, между прочим, то, что человек „срезить“ [6]), т.-е. прибыль от роста, от дачи в долг.

Уже это объяснение слова „купа“ дает нам право присодиниться к объяснению источника закупничества из договора займа, обеспеченного самозалогом [7]): свободный человек заключал заем и обязывался его отработать; заняв деньги и взяв на себя такое обязательство, он становился закупом. Весьма убедительные наблюдения подтверждают такую теорию. Прежде всего „купа“ в некоторых статьях Русской Правды заменяется словом „куны“: так, закуп имел право „искать кун“ [8]); при незаконной продаже закупа господином его в холопство, „наймиту свобода во всех кунах“ [9]). Под „кунами“ здесь нельзя разуметь плату, жалованье, потому что последнее называлось в Русской Правде „милостью“ [10]); слово „куны“ употребляется в Русской Правде только в трех значениях: в смысле денег вообще, в значении определенной денежной единицы (сначала $^1/_{25}$, потом $^1/_{50}$ части гривны), наконец, в смысле долга или суммы, отданной в долг: напр., „аще кто взищеть кун на друзе“ [11]), „аще кто многим должен будет,

---

[1]) Троиц. сп., ст. 32.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же, ст. 33.
[5]) Там же, ст. 35.
[6]) Там же, ст. 93.
[7]) *Мейер*, Древне-русское право залога: „Юридич. Сборник“ Мейера, Казань, 1855, стр. 225; *Неволин*, Полн. Собр. Соч., т. V, стр. 147: *Чичерин*, Опыты по истории рус. права, стр. 154 и т. д.
[8]) Троиц. сп., ст. 52.
[9]) Там же, ст. 55.
[10]) Там же, ст. 105.
[11]) Там же, ст. 43.

а пришед гость из иного города или чужеземець, а не ведая запустить зань товар, — а опять начнет не дати гостю кун"[1]) и т. д. Итак, закуп мог идти и искать займа на стороне: его заем погашался фактом посягательства господина на его свободу: оба постановления возможны лишь при том условии, если источник закупничества — заем. Что „закуп" значило „заложившийся человек", т.-е. обеспечивший свой заем самозалогом, это видно еще из купчих грамот позднейшего времени (XVI в.), убеждающих нас, что „закуп" тогда еще значило „залог": „волен Дмитрей и его дети село и деревни кому дати, и продати, и променити, и в закуп дати"[2]).

Таким образом, источником закупничества был договор займа, обеспеченного самозалогом должника[3]). Этим вполне объясняется *юридическое положение закупа* и отношение его к господину. Господину принадлежали следующие права по отношению к закупу: во-первых, право бить закупа за дело, т.-е. если он провинится: „аже господин бьет закупа про дело, то без вины есть", говорит Русская Правда[4]); во-вторых, право обратить закупа в обельного (т.-е. полного) холопа за его бегство от господина или за кражу, совершенную им у третьего лица; в последнем случае господин мог, не оставляя закупа у себя, продать его в рабство для уплаты за кражу: „аже закуп бежит от господы, то обель"; „аже господин выведет что, то господин в немь; но аже где и налезуть, то преди заплатить господин его зань или что будеть ино взял, а ему холоп обелныи, а паки ли господин не хотети начнеть платити зань, а продасть и отдасть же переди или за конь, или за вол, или за товар, что будеть чюжего взял, а прок ему самому взяти собе"[5]); в третьих, наконец, господин имел право привлекать закупа к судебной ответственности за причиняемые им убытки: за потерю военного коня закуп, правда, не платил, но он должен был оплатить утрату принадлежащих господину плуга и бороны, если только они не потерялись тогда, когда господин услал его по своему делу; точно также закуп не платит в случае кражи

---

[1]) Там же, ст. 51.

[2]) Акты Археологич. Экспедиции, т. I, № 160.

[3]) Ср. еще *Яковкин*, Закупы Русской Правды: „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1913 г., апрель, стр. 252, 260: май, стр. 119.

[4]) Троиц. сп., ст. 55.

[5]) Там же, ст. 57.

кем-либо скота из хлева, но если он потеряет скот в поле, не вгонит его во двор и не запрет там, где велит господин, или потеряет скот вследствие того, что занят был своим делом, а не работой на господина, то должен платить [1]). Таковы были права господина по отношению к закупу: они были велики, но не беспредельны и поставлены под защиту общего права. На господине в его отношениях к закупу лежали, кроме того, еще и обязанности, нарушение которых влекло за собою уголовную кару и даже прекращение закупнических отношений. Первая из этих обязанностей формулируется Русской Правдой в следующей статье: „аже господин переобидить закупа, а оуередить купу его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун“ [2]). Что такое купа, — нам известно: это сумма, даваемая закупу в долг для отработки. Смысл слова „отарица“ открывается из грамоты суздальского архиепископа Дионисия псковскому Снетогорскому монастырю, где „отарица“ означает то же, что греческое πεκούλιον [3]), т.-е. земельный участок, уступаемый господином в пользование несвободному человеку. Следовательно, приведенные слова Русской Правды надо перевести так: „если господин обидит закупа, а именно: уменьшит даваемую ему в долг денежную сумму или земельный участок, уступаемый ему в пользование, то он обязан возвратить все это, а за обиду заплатить 60 кун продажи“. Стало быть, первая обязанность господина по отношению к закупу состояла в том, чтобы заплатить закупу сполна условленную сумму, даваемую ему в долг для отработки, равно как и снабдить его определенным земельным участком. Затем господин обязан был не лишать закупа личной свободы и ничем ее не стеснять: он не мог ни передавать третьему лицу свои права на закупа, ни продавать закупа в холопы без законных оснований: „паки ли прииметь на нем куп, то опять ему воротити куны, что будет принял, а за обиду платити ему 3 гривны продажи, продасть ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продажи“ [4]). Далее господин был обязан уважать личность

---

[1]) Там же, ст. 53, 54.
[2]) Там же, ст. 55.
[3]) *Ключевский*, Подушная подать и отмена холопства в России.
[4]) Троиц. сп., ст. 55.

закупа, не оскорблять его чести: он не мог его бить без достаточных оснований: „биеть-ли не смысля пьян, а без вины, то, якоже в свободном платеж, такоже и в закупе“ [1]). Наконец, на господине лежала обязанность отвечать перед судом за нарушение прав закупа: если закуп, говорит Русская Правда, „к судьям бежить обиды деля своего господина, то про то не робять его, но дати емоу правдоу“ [2]). Сказанное сейчас об обязанностях господина в отношении к закупу показывает, что личные и имущественные права закупа ограждались юридическим обычаем того времени, что закуп не был несвободным человеком и может быть признан только лицом с ограниченной правоспособностью, полусвободным. Ограниченная правоспособность закупов ясно выступает на вид также в постановлении Русской Правды, по которому закуп мог быть свидетелем лишь „по нужде“, т.-е. за отсутствием лиц вполне свободных, которые могли бы выступить в качестве свидетелей [3]).

Недавно в научной литературе высказано мнение, что только Владимир Мономах в 1113 г. дал закупу право иска по отношению к своему господину, и в связи с этим развита целая теория „революции“, происшедшей будто бы в это время в интересах деревенского населения [4]). Ничем, однако, не доказано ни то, что это было нововведение Мономаха, ни то, что тогда произошла какая-либо деревенская революция.

„Холопьство обельное трое: аже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставить, а ногату дасть перед самем холопомь. А второе холопьство: поиметь робу без ряду; поиметь-ли с рядом, то како ся будет рядил, на том же стоять. А се третье холопьство: тивунство без ряду или привяжеть ключь к собе без ряду; с рядомь-ли, то тако ся будеть рядил, на том-же стоять“ [5]). В этих словах Русской Правды отмечены три важнейших источника полного или обельного (от „облый“ — круглый) холопства: продажа в рабство, женитьба на рабе без договора и поступление в тиуны, т.-е. приказчики, также без договора. Но эти указания юридических источников холопства далеко не полны. Сама же

---

[1]) Там же.
[2]) Троиц. сп., ст. 52.
[3]) Там же, ст. 59.
[4]) *Покровский*, Русская история с древн. времен, 1, стр. 128 и слэд
[5]) Троиц. сп., ст. 102.

Русская Правда, а также Начальная Летопись указывают еще и на другие источники несвободного состояния, в то время существовавшие. К числу их принадлежит, несомненно, рождение от несвободных родителей, от брака обельного холопа с рабой: Русская Правда говорит о принадлежности отдельным лицам „от челяди плода“ [1]). Таков четвертый юридический источник холопства. Пятым надо признать незаконное бегство закупа от господина без расплаты с ним и кражу, закупом совершенную: мы уже видели, что в этих случаях закуп обращался в полного холопа [2]). Наконец, существовал еще шестой источник холопства — плен: в летописях нередки известия о том, как князья по времени своих междоусобий уходили после победы, „ополонившись челядью“ [3]).

Обращаясь к изучению юридической сущности древнейшего русского холопства, мы должны несколько ограничить существующий у некоторых исследователей взгляд, что холопы не признавались лицами и не имели ни личных, ни имущественных прав. На самом деле холоп не был вполне бесправен; он был только лицом с чрезвычайно ограниченными правами, несравненно более еще ограниченными, чем закуп. Правда, холоп был совершенно лишен личной свободы, но юридический обычай того времени все-таки признавал его личность: так, по Русской Правде, если холоп ударит свободного человека, то отвечает не только господин, который, если не хочет его выдать, платит 12 гривен потерпевшему, но и холоп, которого потерпевший при встрече, с ним, мог убить, по закону Ярослава, а по закону его сыновей — связать, бить, раздевши, или взять гривну кун „за сором“ (т.-е. за бесчестие) [4]); уже здесь признается личность холопа, потому что *закон* назначает *определенную* кару ему за преступление; то же признание личности холопа видно и в постановлении о его значении, как свидетеля на суде: во-первых, за отсутствием свободных свидетелей, можно было сослаться на „боярского тиуна на дворского“ [5]), т.-е. на холопа высшего ранга; во-вторых, свидетельство обыкновенного, рядового холопа, как очевидца преступления, не имея полной силы, не

[1]) Там же, ст. 93.
[2]) Там же, ст. 52.
[3]) Полн. Собр. Рус. Лет., т. I, под 1096 и др. годами.
[4]) Троиц. сп., ст. 58.
[5]) Там же, ст. 59.

считаясь вполне достоверным, могло, однако, навести на подозрение, и ответчик мог быть на этом основании подвергнут испытанию железом [1]). Но если личность холопа признавалась, хотя и в очень слабой степени, то имущественных прав у него совершенно уже не было: все имущество, приобретенное холопом, принадлежало господину; холоп самостоятельно не мог заключать долговые обязательства: если ему давали в долг, зная, что он холоп, то кредитор лишался денег; действительным считался только долг, сделанный холопом от имени господина, если последний поручил холопу ведение своих торговых дел [2]); кража, совершенная холопом, не признавалась уголовным преступлением: за нее не платилась продажа князю; за нее отвечал господин, уплачивая частное вознаграждение потерпевшему [3]).

В Русской Правде есть некоторые указания на разные занятия холопов: кроме обыкновенных рабочих, холопы могли быть поверенными своих господ по торговым делам, заведывали хозяйством, служа в тиунах, занимались ремеслами, холопы бывали дядьками-воспитателями, а рабы—кормилицами [4]).

Остается заметить, что и холопов, и закупов трудно назвать политическими сословиями. Закупы — в сущности экономический класс, притом класс, так сказать, текучий, постоянно менявшийся в своем составе. Особенности их юридического положения вытекают всецело из хозяйственной нужды, нашедшей себе правовое выражение в договоре займа, обеспеченного самозалогом должника. Холопы, строго говоря, не имели места на социальной лестнице, так как за ними едва начинали признавать личность; с юридической точки зрения они рассматривались, как вещи, принадлежавшие своим господам на праве полной собственности, как живой хозяйственный инвентарь господского имения; в сущности, изучая положение холопов, мы почти не выходим из сферы частного права.

Невозможно дать точный ответ на вопрос, велико ли было количество холопов и закупов в киевской Руси. Несомненно только следующее: во-первых, закупы — явление довольно позднее: в развитом состоянии их можно наблюдать только

---

1) Там же, ст. 81.
2) Там же, ст. 113, 110, 111.
3) Там же, ст. 42.
4) Там же, ст. 111, 104, 14, [illegible], академич. сп., ст. 24.

в XII веке; во-вторых, с XI века и особенно в XII столетии число холопов на Руси стало быстро расти.

Произведенное нами исследование социальных отношений в России X, XI и XII в.в. приводит к таким главным заключениям: 1) Общество того времени почти совершенно лишено было сословных начал, и некоторое значение имело лишь деление его на классы, к XII веку сделавшее несколько шагов вперед. 2) Основным классом, наиболее многочисленным и влиятельным, притом юридически-полноправным, были смерды. 3) Общая тенденция социального развития в изучаемый период сводится к постепенному и медленному возрастанию численности и значения купцов и особенно бояр. 4) Этому соответствовали образование класса закупов и развитие холопства к концу периода. Все это — в связи с увеличением значения земледелия.

В политической истории России XI и XII веков обращают на себя внимание прежде всего судьбы веча.

Что касается его состава, то, конечно, на нем присутствовали все свободные и князь с дружиной [1]). По одному летописному известию, на вече собрались все „от мала до велика" [2]), так что, очевидно, возраст не был препятствием для посещения вечевой сходки. Но одно дело — присутствие на вече, другое — право решающего на нем голоса: это последнее право принадлежало, повидимому, лишь главам семейства, как показывает рассказ о том, что, когда Изяслав Мстиславич, внук Владимира Мономаха, уговаривал киевское вече идти походом на Мономахова сына, Юрия Долгорукова, то киевляне сказали: „на Владимирово племя не можем поднять руки, а на Ольговичей пойдем, *хотя и с детьми*" [3]). Отцы здесь отвечают за детей по той, очевидно, причине, что решающий голос был только у первых [4]). Но это, конечно, не определяло постоянства состава вечевой сходки, не обеспечивало вечу какого-либо кворума, необходимого для его законности. Непостоянство состава вечевых сходок и неорганизованность способа решения на них дел приводили к крайнему разнообразию внешней обстановки веча: не существовало одного постоянного места для его собраний. Так,

---

[1]) *Ключевский*, Боярская Дума древней Руси.
[2]) Летопись по Ипатскому списку, стр. 245.
[3]) *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, стр. 311.
[4]) Там же.

в Киеве вече собиралось, то на площади перед собором св. Софии, то на Ярославове дворе, то на Угорском [1]). В Полоцке вечевые сходки бывали и около церкви Богородицы, и на площади Софийского собора [2]).

Значительной неопределенностью отличалось и ведомство веча, чаще всего вече выбирало и изгоняло князей. В 1023 г. киевляне не приняли к себе князя Мстислава Владимировича после победы его над Ярославом [3]). В 1068 г. киевское вече изгнало Изяслава Ярославича и возвело на стол полоцкого князя Всеслава [4]). В 1095 г. новгородцы прогнали князя Давида и призвали Мстислава, а муромцы в то же время возвели у себя на стол Изяслава [5]). В Киеве были выбраны в 1113 г. Владимир Мономах [6]), в 1132 г. Ярополк [7]), в 1146 г. Изяслав Мстиславич [8]), в 1154 г. Ростислав [9]), в 1157 г. Изяслав Давидович [10]), в 1168 г. Мстислав Изяславич [11]). В Полоцке в 1127 г. вече выбрало в князья Рогволода [12]), в 1132 г. Василька Святославича [13]), в 1151 г. Ростислава Глебовича [14]), в 1157 г. Рогволода Борисовича [15]) и т. д. В Друцке вечем был выбран в 1146 г. Глеб Ростиславич [16]); в 1158 г. он был изгнан и заменен Рогвалодом Борисовичем [17]). Как ни внушителен этот ряд фактов, но все же нельзя сказать, что выбор и изгнание князей в России XI и XII в.в. принадлежали к числу постоянных и непререкаемых функций веча, невозможно возводить в принцип это фактическое участие веча в распределении князей по городам и областям. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить

---

[1]) *Грушевский,* Очерк истории Киевской земли, стр. 312.
[2]) *Данилевич,* Очерк истории Полоцкой земли, стр. 181.
[3]) Начал. Лет. под 1023 г.
[4]) Там же, под 1068 г.
[5]) Там же, под 1095 г.
[6]) Там же, под 1113 г.
[7]) Полное Собр. Рус. Лет., I, под 1132 г.
[8]) Там же, под 1146 г.
[9]) Там же, под 1154 г.
[10]) Там же, под 1157 г.
[11]) Там же, под 1168 г.
[12]) *Данилевич,* Очерк истории Полоцк. земли, стр. 185.
[13]) Там же.
[14]) Там же.
[15]) Там же.
[16]) Там же.
[17]) Там же.

внимание на то обстоятельство, что из 50-ти князей, занимавших киевский стол до нашествия татар, только 14 были призваны вечем.

Но вече не только выбирало и изгоняло князей, оно делало им нередко указания в их правительственной деятельности и заключало с ними „ряды“ или договоры по тем или другим вопросам, касавшимся княжеского управления: в 1015 году Ярослав собрал новгородцев на вече, чтобы посоветоваться с ними о том, что предпринять против Святополка [1]); в 1068 г. киевское вече потребовало от князя Изяслава Ярославича, чтобы он шел на половцев, разорявших русскую землю [2]); в 1097 г. вече во Владимире-Волынском заставило Давида Игоревича выдать Ростиславичам — Володарю и Васильку — их врагов [3]). В XII-м веке киевское вече заключает „ряд“ с Игорем Ольговичем о том, чтобы князь судил сам, а не поручал суда притеснявшим народ тиунам [4]); черниговское вече в 1139 году заставило Всеволода Ольговича помириться с победившим его Ярополком киевским [5]). Но опять приходится отметить, что вече не часто решалось на указания князьям, вмешивалось в их распоряжения в исключительных, экстренных случаях и еще реже заключало с князьями формальные договоры: киевское вече за все время до татарского нашествия только 4 раза заключило ряд с князьями [6]).

Бывали, далее, случаи, и опять-таки далеко не всегда и не повсеместно, когда вече объявляло войну и заключало мир: в 997 г. белгородское вече вело мирные переговоры с печенегами [7]); в 1096 г. муромцы и рязанцы заключили мир с Мстиславом Владимировичем [8]); в 1186 г. встречаем случай заключения мира полоцким вечем [9]) и т. д.

Наконец, тогда, когда приходилось учреждать экстренные денежные сборы с свободных людей, они решались обыкновенно вечем: напр., в 1018 г. новгородское вече установило сбор

---

[1]) Начал. Лет. под 1015 г.
[2]) Там же, под 1068 г.
[3]) Там же, под 1097 г.
[4]) *Грушевский,* Очерк истории Киевской земли, стр. 305.
[5]) Полн. Собр. Рус. Лет., т. I, под 1139 г.
[6]) *Грушевский,* Очерк истории Киевской земли, стр. 309.
[7]) Начал. Лет. под 997 г.
[8]) Начал. Лет. под 1096 г.
[9]) *Данилевич,* Очерк истории Полоцкой земли, стр. 189.

денег для помощи Ярославу против Святополка Окоянного [1]). Однако, обычные дани в пользу князя устанавливались, как сейчас увидим, одностороннею волею последнего, без прямого, по крайней мере, участия вечевого собрания.

Из всего сказанного о ведомстве веча видно, что оно несомненно, принимало участие в делах верховного управления, но участие это не было постоянным, систематическим, организованным, ведомство веча отличалось чрезвычайной неопределенностью и неустойчивостью: в сущности вече действовало лишь в исключительных случаях, когда положение казалось ему ненормальным и требовало вмешательства; вот почему в княжение Владимира Мономаха в Киеве почти не упоминается о деятельности веча: Мономах чутко прислушивался к голосу общественного мнения и всегда старался идти навстречу потребностям и запросам народа.

Итак, вече не имело ни постоянного состава, ни упорядоченного способа решения дел, ни раз навсегда установленного места собрания, ни, наконец, определенного ведомства. Ясно, следовательно, что *учреждением* в собственном смысле этого слова вечевую сходку киевской Руси назвать нельзя ни в каком случае: это был лишь первоначальный зародыш учреждения.

Второй политической силой в древнейшей России был *князь*. Исследование порядка княжеского владения — первая задача при изучении княжеской власти и ее политического значения. До последнего времени существовали две главных теории о порядке княжеского владения в киевской Руси, родовая, утверждающая, что князья распределялись по городам по очереди старшинства и по смерти старшего передвигались на лучшие столы в том же порядке [2]), и теория добывания столов князьями, сводящаяся, в сущности, к полному и безусловному отрицанию каких бы то ни было правил о распределении столов и их наследовании; самое большее, что готовы признать последователи этой теории, — это некоторое влияние понятия об „отчине", т.-е. о наследовании волости сыном от отца, а также участие веча в замещении княжеских столов [3]).

---

[1]) Начал. Лет. под 1018 г.

[2]) Таково мнение, основанное Соловьевым. См. его „Историю России" и „Историю отношений между рус. князьями Рюрикова дома".

[3]) Это — мнение Сергеевича. См. его „Вече и князь".

По утверждению сторонников родовой теории, в XI веке идеалом княжеского владения было известное соответствие между степенью старшинства князей и степенью богатства волостей, ими занимаемых, причем Киев всегда должен был доставаться старшему из всех князей, а определение лестницы остальных волостей, по степени их достоинства, установилось не сразу. Все это видно как из фактов замещения княжеских столов при нормальных условиях, без борьбы князей между собою и без участия веча, так и из некоторых прямых заявлений князей. Святославу в 972 году наследовали три сына: старший, Ярополк, сел в Киеве, второй, Олег, в земле древлянской, третьему, Владимиру, достался Новгород [1]); когда в 1015 году умер Владимир Святой, то старший его сын Святополк занял киевский стол, а другие сыновья распределились, насколько это нам известно, следующим образом: в Новгороде был Ярослав, в Ростове — Борис, в Муроме — Глеб, в древлянской земле — Святослав, во Владимире на Волыни — Всеволод, в Тмутаракани — Мстислав [2]). Когда дружина Владимира предлагала Борису ростовскому занять силой Киев, Борис отказался, сказав: „не буди мне възняти рукы на брата своего старейшего [3]), — так прочно сидело в нем убеждение, что Киев должен был принадлежать старшему. Позднее, когда из всех сыновей Владимира Святого остались живы только два — Ярослав и Мстислав, последний, исходя из того же убеждения объявил Ярославу: „седи Кыеве, ты еси старейший брат“ [4]). Сыновья Ярослава в 1054 году разместились следующим образом: старший Изяслав, стал княжить в Киеве и Новгороде, Святослав — в Чернигове, Всеволод — в Переяславле, Вячеслав — в Смоленске и Игорь — во Владимире на Волыни [5]). Дольше всех сыновей Ярослава жил Всеволод, который занял киевский стол после смерти старших братьев, последовательно княжив сначала в Переяславле, потом в Чернигове. Он умер киевским князем в 1093 году [6]). Тогда выступили на первый план внуки Ярослава, старшим из которых был Святополк, сын старшего Ярославича Изяслава.

---

1) Начал. Лет. под 972 г.
2) Начал. Лет. под 1015 г.
3) Там же.
4) Начал. Лет. под 1026 г.
5) Там же, под 1054 г.
6) Там же, под 1093 г.

Сын Всеволода, Владимир Мономах, беспрекословно признал старшинство Святополка: „аще сяду на стол отца своего, — говорил он, — то имам рать с Святополком взяти, яко есть стол преже отца его был“ [1]). Чувствуя себя и после смерти Святополка младше Олега Святославича, Владимир Мономах долго не хотел и тогда занимать киевский стол [2]). Как глубоко было в изучаемый период убеждение князей, что они имеют право перехода на лучшие столы по очереди старшинства, это видно особенно ясно из следующего факта, относящегося к концу XII века: когда киевский князь Ярослав Изяславич (из потомства Мономаха) заметил Святославу Всеволодовичу черниговскому (происходившему от Олега Святославича): „к чему тебе наша отчина? Тебе эта (т.-е. киевская) сторона (Днепра) не надобна“, то Святослав ответил: „я не угрин и не лях, мы единого деда внуки, и сколько тебе до него, столько и мне“ [3]).

Но идеал и действительность, право и факт и теперь далеко не всегда совпадают. Еще в меньшей степени такое совпадение существовало в старину. На-ряду с главным руководящим началом действовали другие принципы, второстепенные, производившие ряд исключений, доводивших чрезвычайно часто действительность до полного извращения, до диаметральной противоположности общепринятой норме. Первым из таких второстепенных начал является *начало договора или ряда*, определявшее нередко порядок княжеского владения в киевской Руси на-ряду с очередью старшинства: ряды князей между собою были одним из средств восстановления попранного права старшинства и, сверх того, в сомнительных случаях установляли распределение волостей. Так, напр., мы имеем известие о ряде Ярослава с Мстиславом в 1026 г. [4]), Изяслава с Всеволодом в 1077 г. [5]), Владимира Мономаха с Олегом Святославичем в 1094 г. [6]), в 1097 г. состоялся княжеский съезд и ряд между князьями в Любече [7]), а в 1100 г. в Витичеве [8]); в 1102 г. был ряд у Святополка Изяславича

[1]) Там же.
[2]) Полное Собр. Рус. Лет., I, под 1113 г.
[3]) Там же.
[4]) Начал. Лет. под 1026 г.
[5]) Там же, под 1077 г.
[6]) Там же, под 1094 г.
[7]) Там же, под 1097 г.
[8]) Там же, под 1100 г.

с Владимиром Мономахом: по условиям этого ряда, сын Святополка должен был сесть в Новгороде, а сын Мономаха — во Владимире Волынском [1]). Другим принципом, приводившим к исключениям из общего правила о порядке наследования столов по старшинству, надо признать *начало добывания столов*, несправедливо объявлявшееся некоторыми исследователями исключительно господствующим. Княжеские усобицы имели целью или восстановление попранного права старшинства или удовлетворение личного честолюбия. Примеров добывания столов можно много найти в наших источниках. Известны, напр., в X веке усобицы сыновей Святослава, кончившиеся утверждением Владимира в Киеве [2]), борьба Святополка с Ярославом в 1016 г. и следующих [3]), борьба Мстислава с Ярославом в 1024 г. [4]), попытка Брячислава полоцкого захватить Новгород в 1021 г. [5]). захват Тмуторокани Ростиславом в 1064 и 1065 годах [6]), захват Новгорода Всеславом и Полоцка Изяславом в 1069 г. [7]), изгнание Изяслава Святославом и Всеволодом в 1073 г. [8]); много внимания уделяет Начальная Летопись шумной и продолжительной борьбе Ольговичей и Давидовичей с Святополком и Владимиром Мономахом в конце XI века [9]). В XII веке Всеволод Ольговович завоевал киевский стол, а внук Мономаха Изяслав Мстиславич прямо говорил: „не место идет к человеку, а человек к месту“, и вел ожесточенную борьбу с Юрием Долгоруким за Киев [10]). Некоторые князья стремились добыть целый ряд волостей для своей семьи и старались утвердить их за своим потомством: так, Всеволод Ярославич в последней четверти XI века соединил в руках членов своей семьи более половины всех русских волостей: Киев, Чернигов, Переяславль, Смоленск, ростовско-суздальскую землю, потом Нов-

---

[1]) Там же под 1102 г.
[2]) Там же под 972 — 980 г.г.
[3]) Там же под 1016 г. и след.
[4]) Там же под 1024 г.
[5]) Там же под 1021 г.
[6]) Там же под 1064 и 1065 гг.
[7]) Там же под 1069 г.
[8]) Там же под 1073 г.
[9]) Там же под 1096 г. и сл.
[10]) П. С. Р. Лет., т. I.

город [1]); в начале XII века Владимир Мономах собрал в своей семье $^3/_4$ тогдашней Руси [2]).

Эти последние факты приводят к констатированию третьего исключения из общего правила о порядке княжего владения,—к утверждению между князьями *мысли об отчине*, т.-е. о наследовании сыном владений отца, другими словами — о наследовании по нисходящей прямой, а не боковой ломаной линии, как то следовало по общему правилу об очереди старшинства. В 1096 г. Олег Святославич объявил Изяславу Владимировичу, захватившему Муром: „иди в волость отца своего Ростову, а то (т.-е. Муром) волость отца моего“; и Летопись прибавляет: „Олег же надеялся на правду, яко прав бе в семь“ [3]). В Любече в 1097 году было решено: „кождо да держит отчину свою“ [4]). Полоцк в XI веке сделался отчиной потомства Изяслава, сына Владимира Святого и Рогнеды [5]). В одном из полоцких пригородов Изяславле в том же столетии стол был занят князем Брячиславом, „того бо бяше отцина“, замечает Летопись [6]). В XII веке упоминавшийся уже нами внук Мономаха Изяслав Мстиславич сделал Волынь отчиной своего рода; после него здесь княжил сын его Мстислав Изяславич, потом внук Роман Мстиславич и т. д. [7]).

Четвертым второстепенным условием, влиявшим на распределение волостей между князьями, было *выделение князей-изгоев*. Изгои — это преждевременно осиротевшие князья, отцы которых умерли или при жизни их дедов, или хотя и по смерти последних, но раньше, чем достигли старшего киевского стола; такими изгоями в XI веке были, напр., полоцкие Изяславичи: Брячислав, Всеслав и их потомство; еще при жизни Ярослава Мудрого умер его старший сын Владимир; сын этого Владимира Ростислав и дети Ростислава Рюрик, Володарь и Василько были также изгоями; изгоем считался и Давид Игоревич, сын Игоря Ярославича. Обыкновенно изгоев наделяли какой-нибудь второстепенной волостью

---

1) См. Начал. Лет.
2) *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, стр. 130.
3) Начал. Лет. под 1096 г.
4) Там же под 1097 г.
5) Нач. Лет.
6) Лет. по Ипатск. сп., стр. 340.
7) *Иванов*, Историч. судьбы Волынской земли, стр. 264.

в потомственное владение, и у них не было надежды передвинуться на лучший стол. Это сильно тяготило изгоев и нередко заставляло наиболее энергичных и честолюбивых из них решаться на преступления: так, в конце XI в. Давид Игоревич, княживший в одной половине волынской земли, опасаясь воинственного Василька Ростиславича, который вместе с братом своим Володарем владел другой половиной той же земли, задумал и осуществил известное ослепление Василька [1]). И Давид и Василько с Володарем были изгоями.

Наконец, пятое условие нам уже известно из обзора деятельности веча: то было *влияние народа*, который на вечевой сходке нередко выбирал и изгонял князей. Факты, сюда относящиеся, были уже приведены в свое время.

Уже эта теория указывает на отсутствие прочных оснований княжеского владения. О том же свидетельствует и новейшая теория, по которой Ярослав пытался установить некорый компромисс, устранить распад владения введением подчинения старшему брату, а потом происходила борьба начал отчины и старшинства киевского князя [2]).

Каковы же были взаимные отношения князей в древнейшей России? Быть может, тут, по крайней мере, установились прочные и устойчивые юридические обычаи? Присматриваясь к имеющимся в нашем распоряжении данным, нельзя это признать. Отношения младших князей к старшему в XI и XII веках определялись весьма неясной формулой, обязывавшей младших почитать старшего, как отца: в 1015 г. Борис говорит о старшем своем брате Святополке Окаянном: «аще и отец ми умре, то сь ми буди в отца место» [3]); Ярослав в 1054 г. завещает детям: «се же поручаю в себе место стол старейшему сыну моему... сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будеть в мене место» [4]). Родственные отношения младших к старшему не имеют характера государственного подчинения и потому строго отличаются князьями от отношений подданнических: когда во второй половине XII века старший из князей, Андрей Боголюбский,

---

[1]) Начал. Лет. под 1097 г.

[2]) *Пресняков*, Княжое право в древней Руси, Спб. 1909, стр. 32—35, 47, 57, 68, 92.

[3]) Начал. Лет. под 1015 г.

[4]) Там же под 1054 г.

потребовал от Ростиславичей смоленских, посаженных им в киевской земле, выдачи некоторых бояр и получив отказ, пригрозил им изгнанием из южной Руси, то те отвечали: «мы тебя признали вместо отца, а ты стал обходиться с нами не как с князьями, а как с подручниками (т.-е. подданными): так бог нас рассудит» [1]). Приказывать старщий князь, следовательно, не имел права, и это ясно видно еще из следующих слов Ярослава своему старшему сыну Изяславу: «аще кто хощеть обидети брата своего, то ты помогай, егоже обидять» [2]). Правда, отдельные сильные князья подчиняют себе иногда всех других князей; так, Владимир Мономах требовал от князей полного повиновения: он потребовал, чтобы на его зов явился в Киев Ярослав Святополчич [3]), Глебу минскому отдал его княжество под условием подчинения —«наказа ему о всем» [4]),—Святославичи черниговские участвовали, по его требованию, во всех походах [5]); сын Мономаха Мстислав также призывал князей в походы и наказывал за неповиновение [6]). Но все это случаи проявления фактической силы и не опираются ни на какое юридическое основание. Подчинение носит тут временный и случайный характер. Понятно, что при таких условиях некоторую объединяющую роль могли играть только княжеские съезды: они устанавливали до некоторой степени порядок княжеского владения, как съезды в Любече в 1097 г. и Витичеве в 1100 г. [7]), судили провинившихся князей, как то было в 1100 г. в Витичеве по поводу ослепления Василька Давидом Игоревичем [8]), решали некоторые общерусские дела, например, о походах на половцев, как на съезде у Долобского озера в 1103 г. [9]). Но и съезды нельзя назвать постоянными и организованными учреждениями: во-первых, они были редки, во-вторых, некоторые князья отказывались на них являться, как, например, Олег Святославич

---

[1]) Полн. Собр. Рус. Лет., т I.
[2]) Начал. Лет. под 1054 г.
[3]) *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, стр. 130.
[4]) Там же.
[5]) Там же.
[6]) Там же, стр. 137.
[7]) Начал. Лет. под 1097 и 1100 г.г.
[8]) Начал. Лет. под 1100 г.
[9]) Начал. Лет. под 1103 г.

в 1096 г. [1]); в третьих, князья не всегда подчинялись решению съездов: так, Василько и Володарь Ростиславичи не согласились с решением витичевского съезда, лишившего их Волыни [2]). Таким образом, взаимные отношения князей в киевской Руси, подобно порядку княжеского владения, отличались неопределенностью и неустойчивостью.

Остается познакомиться с ведомством князей, чтобы закончить речь о княжеской власти. *Законодательство*—в том ограниченном смысле, в каком нужно понимать это слово в столь древнюю эпоху, несомненно, входило в круг ведения князя. Начальная Летопись говорит о том, что Владимир Святой много заботился «о уставе земленем» [3]). Русская Правда дает нам несколько конкретных примеров законодательной деятельности князей: Изяслав, Святослав, Всеволод „отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати“ [4]); Владимир Мономах определил максимальный процент при займе: „а се аже холоп оударит свободно мужа..., то Ярослав был оуставил оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны“ [5]). Но само собою разумеется, что эту законодательную деятельность князей трудно признать правильной, постоянной и организованной: она была вообще редким явлением, сопровождалась участием Боярской Думы и лишена была, в сущности, творческого характера, черпала свое содержание исключительно в господствовавшем тогда юридическом обычае. Одним из существенных элементов, творивших право или, по крайней мере, применявших и иногда несколько изменявших юридический обычай, было судебное решение. Это обстоятельство ставит в связь *судебную власть* князя с его законодательной деятельностью. На вершение суда князем указывает Русская Правда, предполагающая жалобу закупа *князю* на обиду от господина [6]) и говорящая о тяжбе братьев *перед князем* о наследстве [7]); о наказаниях от князя за разные преступления, о приводе вора, пойманного на ме-

---

1) Начал. Лет. под 1096 г.
2) Там же под 1101 г.
3) Там же под 996 г.
4) Троиц. сп., ст. 2.
5) Там же, ст. 48, 58.
6) Там же, ст. 52.
7) Там же, ст. 100.

сте преступления, на княж двор и т. д. [1]). В Летописях также встречаем неоднократные указания на княжеский суд: тв1024 г. Ярослав судил и казнил волхвов в Суздале [2]), в 1071 г. белозерские волхвы требовали, чтобы их судил сам князь Святослав [3]). Всеслав полоцкий, по „Слову о полку Игореве“, „людем судяше“ [4]). Наконец, и из „Поучения Владимира Мономаха“ видно, что суд входил в ведение князей [5]). Не надо только забывать, что, во-первых, на-ряду с князем и подчиненными ему органами тогда суд вершили очень часто третейские судьи, по выбору сторон, так что всеобъемлющей, определенной и постоянной судебную власть князя назвать нельзя; во-вторых, князь ценил в суде по преимуществу фискальную сторону его,—виры, продажи и судебные пошлины; в третьих, наконец, как мы скоро убедимся, самая роль судьи в процессе того времени была крайне ограничена. Собственно *административная деятельность* князей имела совершенно ничтожное значение и сводилась к назначению должностных лиц разного рода, ведавших управление. Полиция безопасности, не говоря уже о полиции благосостояния, не существовала в древнейшей России. Сохранилось, правда, известие, что Владимир Святой поддерживал нищих и убогих, кормил их [6]), но это известие нельзя понимать в смысле организованной общественной благотворительности с особыми учреждениями, больницами и богадельнями; это была простая милостыня в виде раздачи нищим пищи, одежды и денег. По главной отраслью правительственной деятельности князя был *сбор налогов.* Нам уже известно, что основным налогом того времени была прямая подать или дань, известия о которой в летописях и актах идут сплошным, непрерывающимся рядом. Другим важным источником княжеских доходов были, как нам уже известно, собиравшиеся князьями судебные штрафы—виры и продажи. Нормы дани, как и вир и продаж, установились обычаем и к концу периода достигли некоторой прочности. Это, по крайней мере, можно с полной уверенностью сказать о вирах и продажах, виры были трех

---

1) Там же, ст. 36.
2) Налач. Лет. под 1024 г.
3) Там же под 1071 г.
4) Слово о полку Игорове.
5) Начал. Лет. под 1096 г.
6) Начал. Лет. под 996 г.

родов—в 80, 40 и 20 гривен, а продажи также имели три размера: в 12 гривен, в 3 гривны и в 60 кун. Некоторые источники, как, напр., грамота Ростислава смоленской епископии 1150 г., указывают и на утверждение размеров дани напр., в Торопце дань бралась в размере 400 гривен [1]). Большая определенность финансовой деятельности князя и его доходов объясняется первостепенным значением этой стороны дела в глазах князей, преимущественным вниманием их к фискальным интересам, совершенно естественным при первобытном государственном строе.

Наконец, *внешняя деятельность* князей киевского периода слагается из завоеваний, стремления защитить русскую землю от внешних врагов и заботы о поддержании правильных торговых сношений. Завоевания не были значительны; особенно известна борьба между Польшей и киевскими князьями из-за Червонной Руси: в 981 г. Владимир Святой завоевал ее у Польши [2]), при Святополке Окаянном она вернулась к Польше и снова была завоевана Ярославом и Мстиславом в 1038 году [3]). В 1038 и 1040 годах упомянуты походы Ярослава на ятвягов [4]). В 1030 г. он победил Чудь и основал Юрьев [5]). Известна непрерывная и очень упорная борьба Руси в X, XI и XII веках сначала с печенегами, потом с половцами, без набегов которых обходился редкий год. Приходилось защищаться также от камских болгар, напр., в 1088 г. [6]), литовсних и финских племен: так, в 1106 г. говорится о набеге литовского племени Зимиголы [7]), в 1054 г.—Голяди [8]), в 1103 г.—Мордвы [9]).

Окидывая общим взглядом имеющийся в нашем распоряжении материал о княжеской власти, трудно признать и эту власть правильно организованной: и порядок княжеского владения, и взаимные отношения князей отличались неопределенностью и непрочностью, отсутствием твердых и нерушимых

[1]) *Влад.-Буданов*, Хрест. по ист. р. права.
[2]) Начал. Лет. под 981 г.
[3]) Там же под 1038 г.
[4]) Там же под 1038 и 1040 г.г.
[5]) Там же под 1030 г.
[6]) Там же под 1088 г.
[7]) Там же под 1106 г.
[8]) Там же под 1054 г.
[9]) Там же под 1103 г.

основании, деятельность князей была мало развита, несложна и проникнута была по преимуществу фискальными началами. Ясно таким образом, что хотя князья и проявляли более энергичную и постоянную деятельность, чем вече, но учреждением в собственном смысле этого слова княжеская власть не была.

Еще менее можно назвать учреждением *Боярскую Думу*, совет из старших дружинников, состоявший при князе. Изучая состав Боярской Думы киевского периода, необходимо различать два периода—до XI века и с начала этого века. До XI века советники князя состояли из двух групп, бояр и старцев градских: так, в рассказе Начальной Летописи о крещении Владимира под 987 годом два раза упоминается о совещании его с боярами и старцами градскими [1]). Бояре—это старшие дружинники, старцы градские—это выбиравшиеся вечем начальники ополчения смердов, тысяцкие и сотские. Но в XI и XII веках тысяцкие и сотские сливаются с дружиной, не выбираются вечем, а назначаются распоряжением князя: так, тысяцкие причислены к дружине Владимира Мономаха в пространной Русской Правде [2]), в рассказе о битве при реке Супое между киевским князем Ярополком Владимировичем и черниговскими Ольговичами в 1136 г. киевский тысяцкий причислен к княжеским боярам [3]). Причина слияния старцев градских с боярами заключается в том, что немногочисленный высший слой городского купечества, из которого выходили эти „старцы“, чувствовал себя ближе к князю и его дружине, чем к смердам, потому что торговал и воевал, как и князь с дружиной. Вот почему по источникам XI и XII веков дума состоит исключительно из одних бояр: так, по свидетельству Русской Правды, сыновья Ярослава отменили кровную месть по совету „*мужей* их“ [4]), т.-е. бояр; *бояре* Туряк, Лазарь и Василь посоветовали Давиду Игоревичу ослепить Василька [5]). В 1097 г. Святополк созвал бояр, чтобы посоветоваться по поводу мнимых замыслов Василька [6]). Слово о полку Игореве говорит о «*боярах*

---

[1]) Нач. Лет. под 987 г.
[2]) Троиц. сп., ст. 48.
[3]) Полное Собрание Рус. Лет., I, под 1136 г.
[4]) Троиц. сп., ст. 2.
[5]) Начал. Лет. под 1096 г.
[6]) Там же.

думающих» [1]). Но нельзя вместе с тем не признать, что постоянного состава дума не имела: с кем посоветоваться, это решал в каждом отдельном случае сам князь. Вот почему число советников по отдельному вопросу обыкновенно было очень невелико: дума Давида Игоревича по вопросу об ослеплении Василька состояла всего из трех бояр [2]); четверо или пятеро бояр участвовали в решении отменить месть [3]); Мономах установил законную высоту процента при займе по совету с шестью боярами [4]). По этнографическому своему составу дружина, в том числе и старшая, отличалась разноплеменностью, что также препятствовало ей образовать из себя плотную корпорацию: в составе ее были варяги, упоминающиеся даже еще и у Владимира и Ярослава [5]); Добрыня был боярином Владимира [6]), а, между тем, он был славянин; в 992 г. Ян Усмошвец, несомненный славянин, сделан был „великим мужем" за победу над печенежским богатырем [7]); в 1015 г. в дружине Бориса упоминается Георгий *Угрин* [8]), т.-е. венгр по происхождению; в 1024 г. Мстислав, разбив Ярослава при Листвине, сказал: „кто сему не рад? се лежит северянин, а се варяг, а дружина своя цела" [9]); значит, дружина его состояла не из северян и не из варягов, а, вероятно, из тмутороканцев и касогов (он раньше победил касожского князя Редедю); в Русской Правде встречается боярин по прозванию „Чюдин" [10]), несомненно, финн по происхождению. Та же неопределенность наблюдается и в ведомстве Боярской Думы киевского периода: князь советовался не только с теми, с кем хотел, но также и по тем делам, по каким ему было угодно. В сущности, не было сферы деятельности князя, в которой не принимала бы того или иного участия дума; всего полнее и яснее ведомство Боярской Думы характеризовано в известных словах Начальной Летописи о Владимире Святом:

---

1) Слово о полку Игореве.
2) Начал. Лет. под 1097 г.
3) Троиц. сп., ст. 2.
4) Троиц. сп., ст. 48.
5) Начал. Лет. под 980 и 1018 г.г.
6) Там же под 985 г. и др.
7) Нач. Лет. под 992 г.
8) Там же под 1015 г.
9) Там же под 1024 г.
10) Академич. сп., заголовок перед ст. 18-й.

„бе бо Володимер любя дружину и с нею думая о *строи земленем и о ратех и о уставе земленем*“ [1]). И в самом деле: условия войны и мира иногда определялись князьями по совету с боярами; так, Игорь советовался с дружиной о том, следует ли принять мирные предложения византийского императора Романа [2]); в 1093, 1095, 1096 и 1103 годах князья совещались с боярами о военных делах [3]); с участием бояр издаются законы сыновьями Ярослава и его внуком Владимиром Мономахом [4]); Владимир Святой не обходится без совета думы в деле принятия христианства [5]). Но уже из того, что нам известно о деятельности веча и князя, видно, что любой из этих разнообразных и очень важных вопросов управления мог решаться без всякого участия княжеских советников—бояр.

Итак, и Боярская Дума нисколько не походила на сколько-нибудь организованное, правильное учреждение, потому что не отличалась ни постоянством состава, ни определенностью ведомства.

Вече и князь были несомненными носителями верховной власти в киевской Руси; Боярская Дума содействовала князю в его правительственной деятельности. Таким образом, мы познакомились с такими зарождавшимися уже в то время учреждениями, которые, по современной терминологии, должны бы были называться учреждениями верховными или высшими. Насколько можно было применить это название к князю, вечу и Боярской Думе, т.-е. насколько в то время верховное управление отличалось и отделялось от подчиненного, — это мы узнаем, познакомившись с органами центрального и местного или областного управления в киевской Руси. Но верховными органами политически были только князь и вече, а не Боярская Дума, вопреки мнению некоторых исследователей [6]): решающего значения, обязательного для князя и веча, приговоры думы не имели [7]).

---

1) Начал. Лет. под 996 г.

2) Там же под 945 г.

3) Там же под 1035, 1006 и 1103 г.

4) Троиц. сп., ст. 2, 48.

5) Начал. Лет. под 987 г.

6) *Влад.-Буданов*, Обзор ист. рус. права, стр. 40; *Малиновский*, Рада в кн. Литовск., ч. I, стр. 50, 57, 58.

7) *Рожков*, Происхождение самодержавия в России, стр. 11—42.

Центральное управление в древнейшей России отличалось полным отсутствием всякой правильной организации: не было в сущности не только центральных учреждений, но и отдельных лиц, которые постоянно ведали бы определенную категорию дел на всем пространстве княжества. Составляя по нашим источникам список разного рода должностных лиц, состоявших непосредственно при князе, и обращая внимание на их деятельность, легко убедиться, что все это были органы хозяйственного управления, которым лишь временно могли даваться те или другие отдельные поручения по общему управлению. Едва ли не самым важным должностным лицом при князе был *дворский*, заведывавший княжеским дворцом и двором, а также дворцовым хозяйством [1]). Но на-ряду с ним существовал уже — по крайней мере в XII веке — ряд лиц, ведавших какую-либо отдельную отрасль хозяйственного управления: *казначей* заведывал княжеской казной, *печатник* был секретарем князя, *мечноша* хранил оружие, *стольник* ведал съестные припасы и напитки, *покладник* или *спальник*, — домашнюю обстановку княжеского дворца [2]), *подъездной княж*, упоминаемый в Русской Правде [3]), был, по всей вероятности, начальником княжеской охоты. Кроме того, существовал еще целый ряд *тиунов* или приказчиков, принадлежавших нередко к числу несвободных слуг, челяди или рабов. Русская Правда знает несколько разновидностей этих тиунов: кроме общего термина «княж тивун» [4]), в ней встречается еще тиун огнищный [5]), заведывавший, очевидно, «огнищами», т.-е. княжескими холопами, которых он судил и наказывал, тиун конюший [6]), которому были подчинены рядовые или простые конюхи и который был, вероятно, тожествен с конюхом старым или конюшенным старостой, сельский тиун [7]), соответствовавший, несомненно, сельскому старосте и управлявший княжескими селами, и тиун ратайный или ратайный староста [8]), ведавший специально земле-

---

[1]) *Грушевский*, Очерк истории Киевск. земли, стр. 333.
[2]) Там же.
[3]) Акад. сп., ст. 18.
[4]) Акад. сп., ст. 21.
[5]) Троиц. сп., ст. 10.
[6]) Там же.
[7]) Троиц. сп., ст. 11.
[8]) Там же.

дельческие работы. Не различая хозяйственного управления от управления общего, князья нередко поручали тиунам и суд в городах и даже в столице: известен, напр., рассказ Начальной Летописи о ряде киевлян с Игорем Ольговичем, причем киевляне требовали, чтобы князь не поручал суда в Киеве тиунам, притеснявшим народ [1]).

Несколько больше зародышей порядка — разумеется, весьма примитивного — наблюдается в другой сфере администраций, известной теперь под именем управления областного или местного. Прежде всего необходимо выяснить вопрос об *областном делении.* Четыре термина указывают на областное деление в изучаемый период. Эти термины — «город», «торг», «мир» и «земля». Впрочем, торг обыкновенно совпадал с городом, что, однако, не было постоянно, так как были торги и вне городов. Торг был важным местом не только в хозяйственной, но и в гражданской жизни того времени: здесь, по Русской Правде, совершались разного рода сделки: купля-продажа, заем, конкурс при несостоятельности и т. д. [2]); здесь начинался «свод» [3]), здесь «закликали» или «заповедывали» о пропаже своей собственности [4]). Это придавало торгу и известное административное значение. Все, что сказано о торге, относится и к городу, так как в городе обыкновенно, даже, вероятно, всегда, был торг. Но город был гораздо более важным административным пунктом, чем торг. Города делились на концы, о которых упоминается в Киеве, Смоленске, Ростове, Новгороде [5]). Город был средоточием известной волости или волостей, «земель», как их называет Русская Правда [6]). «Земля», надо думать, соответствовала «миру», упоминаемому в краткой Правде [7]), хотя очень возможно, что под «миром» разумелся и город.

Итак, основной административной единицей был город с его волостью или «землей», к нему тянувшей; кроме того, некоторое административное значение имели внегородские

---

[1]) *Грушевский,* Очерк истории Киевской земли, стр. 305.
[2]) Троиц. сп., ст. 32, 51 и др.
[3]) Там же, ст. 32.
[4]) Там же, ст. 28.
[5]) *Голубовский,* История Смоленск. з., стр. 58 и др.
[6]) Троиц. сп., ст. 35.
[7]) Акад. сп., ст. 12.

торги или погосты [1]). Рассмотрим теперь, каковы были органы областной администрации.

Важнейшим органом администрации в городе был *посадник*. В наших источниках сохранилось множество известий о посадниках в различных русских городах. В 977 г., после бегства Владимира из Новгорода, Ярополк поставил туда своих посадников [2]); в 980 г. Владимир отправил Добрыню посадником в Новгород [3]). Ярослав в летописи под 1014 г. назван посадником в Новгороде [4]), что дает повод думать, что и другие сыновья Владимира, получившие при его жизни в управление города, были посадниками отца. В 1018 и 1036 г.г. и в начале XII века упоминаются посадники в Новгороде, назначенные киевским князем [5]). В 1071 г. встречаем посадника Яна на Белоозере [6]), в 1079 г. посадника Ратибора в Тмуторокани [7]). В 1096 г. Олег Святославич посадил посадников по городам в ростовско-суздальском крае [8]), а в 1097 г. Святополк сделал посадником во Владимире Волынском Василия [9]). В XII веке в волынских пригородах также упоминаются посадники [10]). Наконец, пространная Русская Правда говорит о должности посадника, как обычной для каждого города [11]). Посадник был заместителем князя в области; поэтому ведомство его вполне совпадало с ведомством князя, так что говорить об этом подробно после всего нам известного о правительственной деятельности князя было бы излишне.

Русская Правда несколько раз говорит о *вирнике*. Некоторые исследователи считали вирника за особого финансового чиновника, за сборщика податей, но другие отожествляли его с посадником. Это последнее мнение надо принять

---

1) Едва ли можно вместе с Т. П. Ефименко («Ж. М. Н. Пр.» за 1910 г., май, стр. 298 и сл.) признать за *областное* деление сотню: для этого нет достаточных доказательств.

2) Начал. Лет. под 977 г.

3) Там же под 980 г.

4) Там же под 1014 г.

5) Там же под 1018 и 1036 г.г.

6) Там же под 1071 г.

7) Там же под 1079 г.

8) Там же под 1096 г.

9) Там же под 1097 г.

10) *Иванов*, Ист. судьбы Волынск. з., стр. 269.

11) Троиц. сп., ст. 108.

потому, что во-первых, по Лаврентьевской летописи, в 1176 году ростовская земля роздана была в *посадничество* русским (т.-е. киевским) детским, и «они многу тяготу людям твориша *продажами* и *вирами*» [1]); во-вторых, ведомство вирников совпадало с кругом деятельности посадников: финансовое ведомство вирника не вызывает ничьих сомнений, в краткой Русской Правде прямо сказано, что вирники сбирают виру [2]); но нельзя отрицать и его судебное значение: он не только сбирал виру и получал при этом «поклон» или «покони», т.-е. корм натурой и отчасти деньгами [3]), но ему шла значительная часть самой виры: из двойной 80-ти гривенной виры 16 гривен, а из простой 40-гривенной 8 [4]); не может быть, чтобы столь значительные суммы получались, как вознаграждение за сбор виры; судебная роль князя и его органов заключалась, как было уже сказано и как скоро будет доказано, только в формальной оценке доказательств,—центр тяжести для них находился в доходе от суда; финансовая или фискальная и юридическая стороны суда сливались в одно нераздельное целое, не могла, следовательно, и финансовая власть по сбору судебных пошлин быть отделенной от власти судебной.

Но если вирник и посадник — одно и то же, то никак нельзя согласиться с некоторыми исследователями, которые отожествляют с посадниками тысяцких, думают, что тысяцкие заменяли в некоторых городах посадников. Тысяцкие, упоминающиеся в источниках в Киеве, Белгороде, Вышгороде, Переяславле, Новгороде, Смоленске, «держали воеводство», как выражается Начальная Летопись [5]), т.-е. были начальниками городского ополчения и, по крайней мере в некоторых городах, существовали на-ряду с посадниками; там, где жили князья, посадников не было, но тысяцкие были.

Посадники и в XII веке тысяцкие, раньше выбиравшиеся, назначались князем большею частью из числа старших дружинников — бояр. Но и члены младшей дружины —

---

1) Пол. Собр. Рус. Лет., I, под 1176 г.
2) Акад. сп., ст. 42.
3) Там же и Троиц. сп., ст. 7.
4) Троиц. сп., ст. 7 и 8.
5) Начал. Лет. под 1089 г.

отроки или *детские* — получали нередко административные поручения. Что отрок и детский одно и то же — в этом убеждает нас текст Русской Правды. Отрок, несомненно, участвовал в процессе при поклепе, т.-е. при обвинении по подозрению, так как сказано: «а иже свержеть виру, то гривна кун сметная *отроку*; а кто и *клепал*, а тому дати другую гривну» [1]). Но, как скоро увидим, одним из обычных доказательств в процессе при поклепе был суд божий, испытание железом, водою и рота или присяга. Следовательно, отрок должен был принимать участие и в этих испытаниях. Между тем, известно, что при испытании железом действовал детский: «а железного платити 40 кун, а мечнику 5 кун, и полгривны детьскому» [2]). Из этого сопоставления следует, что отрок и детский — одно и то же. Затем отрок был подчинен посаднику и употреблялся им для административно-полицейских целей: например, он должен был помочь истцу схватить и связать его беглого холопа [3]), подобное же значение имел и детский по той же Русской Правде, он играл деятельную роль при исполнении приговоров по делам о споре из-за наследства [4]). Вот второе наблюдение, подтверждающее тожество отрока и детского. Русская Правда дает возможность довольно точно определить судебное значение отрока или детского. Он прежде всего, несомненно, участвовал в процессе по делам об убийстве. Это несомненно по следующим признакам: отрок вместе с вирником получал «поконы *вирные*» [5]) натурой или деньгами, а вира платилась, как известно, при убийстве, затем, по словам Правды, «иже свержеть *виру*, то гривна кун сметана *отроку*» [6]); о том же, наконец, свидетельствует и получение детским нолугривны при испытании железом [7]), потому что это испытание применялось чаще всего в процессе об убийстве. Впрочем, и в делах о татьбе, т.-е. в преступлениях против прав собственности, при иске на сумму выше полугривны золотом судебным доказательством, при наличности известных условий,

---

1) Троиц. сп., ст. 16.
2) Там же, ст. 82.
3) Там же, ст. 108.
4) Там же, ст. 100.
5) Там же, ст. 7.
6) Там же, ст. 16.
7) Там же, ст. 82.

служило также испытание железом [1]), откуда можно сделать вывод, что и в разборе этих дел отрок участвовал. Далее: отрок получал «наклады» при продаже в 12 гривен [2]) — деньгами и натурой, следовательно, должен был присутствовать на суде при всех тех делах, по которым платилась такая продажа, а она платилась за оскорбление действием и за нарушение прав собственности. К этому надо еще прибавить административно-полицейскую деятельность отрока или детского: участие его в поимке беглого холопа и в дележе наследства между братьями, тягавшимися о нем перед князем. Таким образом, можно сказать, что все дела вершились на суде при участии отрока. Весьма важен вопрос о том, какое значение на суде имел отрок, был ли он помощником вирника, простым исполнителем его приказаний, или самостоятельным органом судебной власти? Русская Правда заключает в себе некоторые указания на решение вопроса в первом смысле, т.-е. в смысле подчиненности отрока главному судье: князь посылает детского делить наследство между братьями [3]), посадник отправляет отрока поймать и связать беглого холопа [4]), «поклоны» идут не одному отроку, а «вирнику с отроком» [5]). Следовательно, чаще всего отрок был лицом второстепенным на суде. Это не исключает, впрочем, возможности его самостоятельного значения в отдельных случаях. Чтобы убедиться, что эта возможность иногда становилась действительностью, стóит только припомнить цитованное уже место Лаврентьевской летописи под 1176 г., где говорится, что Ростиславичи роздали в ростовской земле *посадничество* русским (т.-е. южно-русским, киевским) *детским*, которые и обременяли население вирами и продажами [6]): посадничество и право налагать виры и продажи ясно указывает на самостоятельное значение детских. Бывали, значит, случаи назначения в посадники членов не старшей, а младшей княжеской дружины.

К числу судебных чиновников принадлежал, далее, метельник или метальник. Некоторые отожествляли метальника

---

[1]) Там же, ст. 81.
[2]) Там же, ст. 67.
[3]) Там же, ст. 100.
[4]) Там же, ст. 108.
[5]) Там же, ст. 7.
[6]) Пол. Собр. Рус. Лет., I, под 1176 г.

с мятельником — от слова «мятель» верхнее платье — и считали его поэтому лицом, заведывавшим княжеским гардеробом [1]), но эта мысль не может быть принята, потому что, во-первых, чтение «мятельник» не встречается в источниках, и, во-вторых, в Русской Правде ясно выступает на вид судебное значение метальника. Это легко усмотреть из следующей статьи: «а се оуроци судебнии: от виры 9 кун, а метельнику 9 векошь, а от бортное земли 30 кун, а о(т) инех о(т) всех тяжь, кому помогуть, по 4 куны, а метельнику 6 векошь» [2]). Из приведенного текста видно, что метельник участвовал при разборе дел об убийстве, так как сказано «от виры», затем дел о бортной земле, т.-е., вероятно, об уничтожении бортной межи, наконец, «иных всех тяж». Итак, во всех судебных процессах играл какую-то роль метельник. Повидимому, метельник не был самостоятельным судьей, а состоял при вирнике. Мы видели уже, что для исполнения административно-полицейских поручений посылались отроки или детские; поэтому нельзя признать метельника тем, чем впоследствии были недельщики и пристава. Остается признать метельника секретарем, записывавшим суммы налагаемых взысканий. По всей вероятности, писец, упоминаемый в другом месте Русской Правды [3]), был тот же метальник или метельник.

При испытании железом 5 кун получал мечник [4]). Следовательно, и он также участвовал в судопроизводстве, по целому ряду преступлений. Некоторые предполагают, что мечник на суде держал эмблему правосудия — меч [5]), другие сближают мечника с метальником [6]).

В краткой Русской Правде упоминается ябетник [7]), которого обыкновенно сближают со скандинавским Aembet, означавшим вообще должностное лицо, чиновника [8]).

---

[1]) *Соболевский*, Язык Русской Правды: «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1886 г., апрель, стр. 377.

[2]) Троиц. сп., ст. 96.

[3]) Там же, ст. 67.

[4]) Там же, ст. 82.

[5]) *Мстиславский*, О полепкной вире: «Юридич. Журнал» Салманова, 1861 г., № 5, отд. V, стр. 2 — 5.

[6]) Таково мнение большинства исследователей.

[7]) Акад. сп., ст. 1.

[8]) Так объясняют Погодин, Калачов, Мрочек-Дроздовский и др.

В привилее, т.-е. уставной грамоте, данной в XV веке смоленской земле, ябетником назван чиновник, занимавшийся отыскиванием воров и покражи по следам преступления, помогавший в этом отношении потерпевшему [1]).

Таковы были чиновники по преимуществу судебные, говорю — „по преимуществу", потому что в круг их ведения, вообще мало определенный, входил не только суд, но и некоторые финансовые функции, как то показывает предшествующее изложение.

По преимуществу *финансовыми* должностными лицами были данники, мытники и осменики. Данники упоминаются, напр., в Летописи под 1096 годом [2]) и, как показывает самое название, заведывали сбором дани. Мытника знает Русская Правда [3]), а мыт, как проезжую пошлину с товаров, упоминает Ростиславова грамота 1150 года [4]). Мытник, очевидно, и заведывал сбором мыта, и присутствовал при этом часто при сделке купли-продажи, как видно из Русской Правды [5]). Сборщиками торговых пошлин были осменики, которые в то же время, как показывают позднейшие источники, ведали торговую полицию.

Нам остается указать еще на мостника и городника, при которых в качестве помощников также, по Русской Правде, были отроки. По прямому свидетельству того же источника, мостник строил и чинил мосты [6]), а городник — городские стены и укрепления [7]). Они получали корм и особое издельное вознаграждение от населения.

Рассматривая ведомство всех указанных выше должностных лиц, мы наблюдали в этом отношении большую неопределенность и неустойчивость, постоянные колебания и отступления, смешение разных функций управления. Но этим дело не ограничивалось: власть органов, замещавших князя в известной области, посадников, была совершенно безгранична до тех пор, пока князь не являлся в область: они судили по всем делам и присуждали ко всем принятым юри-

---

[1]) *Ясинский*, Уставные земские грамоты в Литовском госуд.
[2]) Начал. Лет. под 1096 г.
[3]) Троиц. сп., ст. 32.
[4]) *Владимирский Буданов*, Хрестоматия по истории рус. права.
[5]) Троиц. сп., ст. 32.
[6]) Троиц. сп., ст. 96.
[7]) Там же, ст. 97.

дическим обычаем наказаниям; инстанций не было, апелляция, хотя бы даже самая беспорядочная и неорганизованная, была большею частью невозможна: так, мы видим, что посадник Святослава Ярославича Ян велел убить волхвов на Белоозере, наказал их применением существовавшей еще тогда кровной мести, не обратив никакого внимания на их желание быть судимыми самим князем [1]). Но если без князя посадник был всесилен, то стоило князю приехать в область, и власть посадника немедленно исчезала: все дела, даже самые мелкие, решал сам князь. Следовательно, не только областное управление не было организовано правильно, и не установилась административно-судебная иерархия, но органы управления лишены были, в сущности, всякой самостоятельности в круге дел, ими решаемых; в руках князя сходились все нити власти, верховное и подчиненное управление совершенно не разделялись. Понятно, что о существовании правильных, хотя бы в незначительной степени, учреждений говорить не приходится, средства управления находились, очевидно, на первоначальной ступени своего развития. Постоянные, прочно установленные нормы были чужды древнейшему русскому управлению.

Какова была действительная *цель* русского государственного союза в его первоначальном виде, т.-е. с IX до конца XII века? Предшествующее изложение доставило уже нам значительный материал для правильного решения этого вопроса. Мы видели, что русское государство появилось и утвердилось вследствие того, что оно соответствовало двум настоятельным потребностям общества, потребности во внешней защите от инородцев и потребности в устранении внутренних раздоров. Военная деятельность князей и княжеский суд и должны были удовлетворить этим настоятельным потребностям. Без сомнения, они и удовлетворяли им до известной степени и, следовательно, в известной мере достигали цели общего блага, потому что иначе самое существование государства было бы невозможно. Но степень удовлетворения общественных потребностей и мера достижения идеала общего блага были в то время чрезвычайно невелики, так что очень часто непосредственною целью правительственной деятельности оказывались личные, частные интересы, а не общее благо. Так,

---

[1]) Начал. Лет. под 1071 г.

военная деятельность князей направлена была не только и даже не столько на отражение вражеских нападений, сколько на усобицы, преследовавшие очень узкие задачи, личное обогащение князей, увеличение их владении, собирание земли в руках князей одной какой-либо ветви Рюрикова дома. В администрации и суде, как мы только что убедились, хозяйственный, фискальный интерес преобладал над интересами благоустройства, порядка, справедливости и правосудия. Это видно из того, что в административно-судебном строе древнейшей России одно из первых мест принадлежало органам хозяйственного управления, — приказчикам или тиунам разного рода или таким лицам, которые ведали, разные отрасли княжеского дворцового хозяйства, как дворский, казначей, стольник, подъездной и проч. Сбор штрафов и судебных пошлин— вот к чему стремился, главным образом, судья того времени. Интересы правосудия для него стояли при этом на втором плане. Это всего лучше видно из рассмотрения характера судопроизводства и участия в суде установленной власти. Мы должны обстоятельнее познакомиться с этой стороной дела, потому что она представляет собою яркую иллюстрацию к тому общему положению, что цели общего блага отступали на второй план перед частными интересами и узкими, формальными требованиями.

Уголовный процесс разделяется, как известно, на две части—следствие и суд. Первым необходимым условием для начала следствия во всех уголовных делах, по Русской Правде, была *наличность истца*: без истца было невозможно начало следствия; вот почему, если найдены были кости или труп неизвестного человека, то процесс не возникал, расследование не производилось [1]); государственная власть не принимала на себя инициативы в этом отношении; уже в этом нельзя не видеть слабости понятия об общественных задачах государственного союза. „Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои, *а головника не ищуть*“ [2]), — читаем в пространной редакции Русской Правды; эти слова, несомненно, указывают, что при убийстве для начала следствия не был необходим ответчик. Так как ниже сказано: *„не будеть ли татя*, то по следу

---

[1]) Троиц. сп., ст. 15.
[2]) Троиц. сп., ст. 3.

женуть“ [1]), то, очевидно, и в делах о татьбе, т.-е. во всех преступлениях против прав имущественных, следствие начиналось также без наличности ответчика. Вторым необходимым условием начала следствия при убийстве и нарушении прав имущественных признавалась *наличность следов преступления*, в частности при убийстве, трупа [2]). Но в делах о преступлениях против свободы, чести и здоровья непременным вторым условием для начала процесса была *наличность ответчика* [3]). Таковы были условия для начала следствия: их значительная сложность показывает, что государственная власть того времени мало заботилась об общественной безопасности. Это делается еще яснее, если мы обратим внимание на самое производство следствия, на его ход. В Русской Правде встречаются многочисленные и несомненные указания на производство следствия самим истцом. Вот эти указания: если кто-либо потерпел побои до синяков и крови, „то видока *ему* не искати“ [4]); все статьи о „своде“ показывают, что „свод“ производился самим истцом: он говорил: „поиди на свод, где еси взял“; сам истец также „закликал на торгу“ о пропаже принадлежащей ему вещи или холопа, сам и „познавал“ найденную у другого свою вещь: из его заявления о потере не вытекала необходимость деятельного и самостоятельного производства следствия властями [5]); далее мы имеем свидетельство Русской Правды о том, что при бегстве холопа возможен был случай, „аже кто своего холопа *сам досочиться*“ [6]). Существующие власти только содействовали истцу в некоторых случаях: так, напр., посадник должен был помогать при поимке беглого холопа, давая истцу отрока [7]).

Следствием установлялось обвинение, определялся всегда ответчик. Но строго различались основания такого обвинения, и сообразно этим основаниям изменялся и дальнейший ход процесса: и взаимные отношения сторон, и способы доказательств. Все дело было в том, „в поклепе“ или не в

---

[1]) Там же, ст. 70.

[2]) Там же, ст. 3; ср. *Ланге*, Исслед. об угол. праве Русской Правды, стр. 256.

[3]) Там же, ст. 18—25.

[4]) Акад. сп., ст. 2.

[5]) Троиц. сп., ст. 29, 26, 28.

[6]) Там же, ст. 108.

[7]) Там же.

поклепе было обвинение. Поклепом, как видно из Русской Правды, называлась такая форма обвинения, в которой основанием служило не отыскание поличного и не свидетельство очевидцев преступления из числа свободных людей, а или показание холопа-очевидца, или свидетельство свободных людей, знавших лишь об обстоятельствах, наводивших на подозрение [1]). Короче: поклеп — обвинение по подозрению. Он применялся в делах об убийстве и в преступлениях против прав имущественных. Ход судоговорения при поклепе был таков: во-первых, допрашивались представленные истцом лица, свидетельствовавшие об обстоятельствах, наводящих на подозрение, напр., о том, что обвиняемого видели проходящим ночью около места преступления [2]); во-вторых, ответчик представлял семь или, если ответчик был иностранец, двух свидетелей своего доброго поведения (послухов); если же таковых он не мог найти, то подвергался, смотря по степени важности преступления, испытанию железом или испытанию водой или „роте“ (присяге) [3]); в третьих, произносился приговор. При обвинении без поклепа, т.-е. когда были свидетели-очевидцы, суд заключался лишь в опросе свидетелей и постановлении приговора. Таков был ход самого суда. Но роль судьи была здесь лишь немногим активнее, чем во время следствия. И на суде представитель государственной власти — князь или посадник — был пассивен, что усугублялось еще тем, что судебные доказательства не подлежали спору, считались внушающими безусловное доверие, при соблюдении известных условий. Так, напр., если ответчик был пойман на месте преступления, и истец представил свидетелей-очевидцев (видоков), то ответчик не имел права оспаривать их показания, и судья на их основании обязан был произнести определенный приговор; требовалось только, чтобы показания очевидцев сходились между собою и с показанием истца дословно, „слово противу слова“, по выражению Русской Правды [4]). Только при поклепе, когда выступали не очевидцы преступления, а свидетели об обстоятельствах, наводивших на подозрение, их показания встречали противовес, но и здесь не оставалось

---

[1]) Троиц. сп., ст. 17, 60, 81, 82; *Ланге.* Исслед. об угол. праве Русской Правды, стр. 239—240 и др.

[2]) Троиц. сп., ст. 82.

[3]) Там же, ст. 15.

[4]) Там же, ст. 23.

простора для судейской инициативы и для деятельного вмешательства судьи в судоговорение: выступали послухи—свидетели о добром поведении обвиняемого, которым судья был должен безусловно верить, если их было законное число и они показывали единогласно, или применялись ордалии — испытание железом, водой и присяга, результат применения которых безусловно определял содержание приговора[1]). Обращаясь, наконец, к последнему акту процесса — исполнению судебного решения, — мы наблюдаем здесь те же характеристические черты: исполнение приговора часто принадлежало торжествующей стороне: обиженный холопом сам бьет его, раздев [2]); несостоятельного должника кредитор сам уводит к себе домой в холопство или на торг для продажи[3]); спорную вещь собственник сам берет у ответчика [4]); месть совершалась самим истцом, в чем убеждают такие выражения, как „мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну“ и пр. [5]), „ожеле себе не можеть мьстити“ [6]), „чада смирять“ [7]). Впрочем, в тех случаях, когда исполнение приговора было связано с фискальными интересами, с доходами князя, посадника и других органов судебной власти, — судья проявлял большую активность: так, не истец, а сам князь подвергал преступника „потоку и разграблению“, т.-е. казни или изгнанию и конфискации имущества; князь и его органы взыскивали поступавшие в княжескую казну виры и продажи. Сводя теперь в одно целое все только что сказанное о процессе на Руси XI и XII в.в., можно сказать, что этот процесс отличался резко выраженным формализмом, выражавшимся как в формальном отношении к судебным доказательствам, в безусловном к ним доверии, если была выполнена известная форма, так и в произнесении тяжущимися шаблонных формул: „поиди на свод, где еси взял“, „вдаи ты мне свои челедин, а ты своего скота ищи при видоце“, „по сего речи емлю тя, но яз емлю тя, а не холоп“, и, наконец, в строго формальных действиях сторон, как поиски следа преступления со свиде-

---

1) Там же, ст. 82, 15.
2) Там же, ст. 58.
3) Там же, ст. 50, 51.
4) Там же, ст. 27.
5) Акад. сп., ст. 1; Троиц. сп., ст. 1.
6) Акад. сп., ст. 2.
7) Там же, ст. 5.

телями, заповедь на торгу, клятва свидетелей сделки и т. д. [1]. Характер процесса определяется, как известно, тем, преобладает ли в нем чисто гражданское обвинительное начало, или уголовное — следственное. Нет сомнения, что следственный процесс по уголовным делам уже начинал зарождаться в древнейшей России, потому что, как мы видели, для начала следствия по некоторым уголовным делам не требовалась наличность ответчика, и соответственно этому в этих делах применялась особая форма обвинения—поклеп,—и существовали особые судебные доказательства — послухи и ордалии, — но обвинительное—гражданское начало имело определяющее значение: следствие было в руках частных лиц, господствовал формализм, не было общественного обвинителя, представителя закона вроде нашего прокурора. Все это как нельзя лучше показывает, насколько затемнена была в то время конечная цель государственного союза—общее благо, — как сильно заслонялась она преобладавшими тогда частными и фискальными интересами. Впоследствии, при обзоре нравственных понятий древнейшего русского общества, мы убедимся, что общественный элемент был очень слаб и в понятии преступления, что̀ также свидетельствует, что государство почти не осуществляло в действительности идеи общего блага.

Наконец, *субъектом власти*, ее носителем не был в сущности общественный союз, как целое, и князь и даже вече не являлись выразителями этой коллективной воли; власть принадлежала отдельным лицам над такими же отдельными лицами. Это видно, прежде всего, из того известного уже нам факта, что решение веча признавалось действительным лишь тогда, когда оно постановлялось единогласно; логическим выходом из этого и вместе с тем ярким выражением принципа личной власти служит междоусобие между партиями, составлявшими вече, и физическое насилие над несогласно мыслящими. Когда каждый член общества считает себя в праве не подчиняться закону, с которым он не согласен, вопреки большинству, то этим своим сопротивлением он как нельзя более сильно подчеркивает ту специфическую особенность

---

[1]) *Линовский.* Опыт исторических изысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России, стр. 8; *Пахман,* О судебных доказательствах в древнем русском праве, стр. 24, 25, 26; *И. Беляев,* Очерки права и процесса в эпоху Русской Правды. „Сборник правоведения и обществ. знаний“, т. V, ст. 4, 5, 9, 11.

государства, что оно покоится на начале личного господства. Понятно, при таких условиях, что и князь имел полное право действовать самовольно, без веча и даже вопреки вечу, пока последнее силой не принудило его идти за собой. При преобладании личного господства естественны и нарушения нормального порядка княжеского владения, и взгляд князей на землю как на свою семейную собственность, и зарождение мысли об отчине, которая особенно к концу периода стала все более прививаться к общественной жизни.

И, наконец, это начало личного, княжеского господства нашло себе выражение в падении веча, происшедшем в конце XII века. Крестьянское население практически было мало заинтересовано в сохранении веча, потому что лишено было бо́льшею частью фактической возможности посещать вечевые сходки. Но не все и горожане дорожили вечем; пригороды занимали по отношению к вечу старшего города подчиненное положение—„на чем старшие сдумают, на том и пригороды станут",—таков был древний обычай. Понятно, что эта зависимость не могла нравиться пригородам, в которых отчасти и по этой причине слабы были и вечевые привычки. И потому князья ростовско-суздальской земли, „самовластцы" более, чем все другие князья, бросили старые вечевые города и со времен Андрея Боголюбского переселились в пригород—Владимир на Клязьме. Последний час вечевого строя пробил после смерти Андрея Боголюбского, во время усобицы 1174—1176 годов. Когда был убит Андрей, бояре и ростовцы выбрали князьями его племянников, сыновей давно умершего его старшего брата Ростислава,—Мстислава и Ярополка. Но пригороды—Владимир на Клязьме и Переяславль Залесский—признали князем Михаила, брата Андреева. Сначала победа склонилась на сторону Ростиславичей, но потом Михаил и его брат Всеволод с помощью владимирцев и переяславцев восторжествовали, и Михаил сел во Владимире, а Всеволод—в Переяславле. Когда через год умер Михаил, ростовцы опять было призвали Мстислава Ростиславича, но были окончательно разбиты Всеволодом [1]). Позднее весьма редко встречаются воспоминания о вече и то бо́льшею частью в смысле восстания; два раза говорится о вече простых людей на бояр в Костроме и Нижнем-Новгороде, один раз упомянуто

[1]) Полн. Собр. Рус. Лет., т. I, под 1174—1176 г.г.

вече на татар в Ростове: в Муроме однажды вече вмешалось в княжеские усобицы [1]). Но все это были отдельные отголоски старины, исторические обломки, лишенные жизненного значения и смысла: вече умерло навсегда и окончательно.

Несомненно, на падение веча, на появление ряда органов управления, на росте княжеской власти сказалось то новое хозяйственное явление, которое составляет характерную черту России XI и XII веков, — рост земледелия и происходящее отсюда появление частного землевладения: потребовался больший, чем прежде, порядок и притом в интересах новых землевладельцев и земледельцев, которым вече было не нужно.

Но сильны были еще добывающая промышленность и скотоводство, господствовали крайне экстенсивные системы хозяйства, сводящиеся в сущности к полной бессистемности, слабая расчлененность общества вела к неорганизованности и политического строя. Затем натуральное хозяйство и семейная форма предприятий в состоянии были создать только механическую смесь отдельных хозяйственных единиц, выдвигали на первый план семью и связанную с нею личность, а не общество, как целое. Поэтому и политический строй отличался бессвязанностью, слабостью начала общего блага и отсутствием общественного господства и наличностью господства личного.

Соответственно старым и новым явлениям, в материальной культуре слагалась и культура духовная. И в ней проявлялись две струи: старый хаотический конкретизм, господство грубых, элементарных, неосознанных инстинктов, и нечто новое, образование уже слагавшихся более или менее характеров, по крайней мере тенденций к ним, ясно выражавшихся в разных сторонах духовно-культурной жизни.

Говоря о хаотическом конкретизме и в массе общества и даже в его верхах, приходится прежде всего отметить видную роль в нравственных чувствованиях грубого инстинкта, влекущего к грубым наслаждениям. Мы имеем много известий о крайней распространенности пьянства и в древнейшей России, и на Руси X, XI и XII веков. Еще Ибн-Фадлан говорит о необыкновенно сильной склонности славян к пьянству [2]). Предание о словах, будто бы сказанных Влади-

---

[1]) *Соловьев*, История России с древнейших времен.
[2]) *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей

ром посетившим его мусульманским проповедникам: „Руси есть веселие пити, не можем без того жити“ [1]), не могло бы возникнуть, если бы не имело реальной почвы; в XI веке митрополит Иоанн в своем „Правиле“ к черноризцу Иакову говорит: „в монастырях часто пиры творят, созывающе вокупи (т.-е. вместе) и жены, и в тех пирех друг друга преспевают“ [2]); по свидетельству св. Феодосия Печерского, пьянство доходило до того, что одни ползали на коленах, другие валялись в грязи и навозе, ежеминутно готовые испустить дух [3]); в церковных обличениях того времени, напр., в „Слове“ новгородского архиепископа Илии, жившего во второй половине XII века, много говорится против пьянства [4]). Наряду с этим наблюдается чрезвычайная распущенность и извращенность половых отношений: нам уже известно, как сильно распространено было сначала многоженство, и как часты были кровосмесительные браки; предание о том, что у Владимира, кроме 5-ти законных („водимых“) жен, было 800 наложниц [5]), конечно, преувеличивает то, что было в действительности, но остается верным духу времени; раба и наложница были синонимами не только во времена Ибн-Фадлана, но и позднее, вплоть до XII века, как то видно из пространной Русской Правды [6]). О двоеженстве встречаем известие в грамоте Ростислава 1150 года [7]). Новгородский епископ XI века Нифонт в своих ответах Кирику не решается даже требовать от молодежи сколько-нибудь продолжительного воздержания перед причащением. В этих же вопросах Кирика и ответах Нифонта встречается ряд указаний на самые противоестественные пороки [8]). Высшие классы общества, предаваясь самым разнузданным наслаждениям, заводили необыкновенно роскошную обстановку: одевались в одежды, украшенные жемчугом и драгоценными камнями, носили золотые гривны на шее, золотые обручи на руках, драгоценные пояса, заводили серебряную и золотую посуду, дорогие ковры и скатерти.

---

1) Нач. Лет. под 987 г.
2) *Голубинский*, История русской церкви, 1, 2, стр. 537.
3) Там же, стр. 752.
4) Там же, I. 1, стр. 823.
5) Начал. Лет. под 980 г.
6) Троиц. сп., ст. 92.
7) *Вл.-Буданов*, Хрестоматия.
8) *Голубинский*, История русской церкви, I, 2, стр. 753.

В одном из церковных поучений XII века, так-называемом „Слове о богатом и убогом“, находим такую картину нравов высшего общества того времени: богатый ходит „в багре и паволоке“ (в пурпуре и шелках), кони его тучны, иноходи, седла позолочены; когда он выходит из дому, перед ним идут и за ним следуют множество рабов в монистах (ожерельях), обручах (браслетах), золотых гривнах и роскошной одежде; во время обедов на золотой и серебряной посуде подаются тетерева, гуси, журавли, рябчики, голуби, куры, зайцы, олени, вепри; пьют вина, мед и квас; во время пиров играют на гуслях и свирелях, забавляются шутами и „смехословцами“ и пляской; спит богатый на шелковой постели [1]).

В религии много остатков старины было даже в верованиях дружинной среды. Анимизм свойствен, напр., автору „Слова о полку Игореве“, по изображению которого отдельные явления природы одушевлены и сочувствуют человеческому счастью и несчастью: Игорю в его несчастном походе солнце тьмою путь заступает; звери ревут, чуя беду; кличет зловещая птица Див; никнет от жалости трава. И в былинах киевского или владимирова цикла анимизм господствует: вся природа — живая [2]). Митрополит Иоанн еще в конце XI в. говорит в „Правиле церковном вкратце“ о поклонении болотам, колодцам, бесам (духам) и пр. [3]). Не раз появлялись в XI в. волхвы, смущавшие народную массу своими гаданиями [4]). Языческие праздники слились с христианскими, и свойства языческих богов перенесены были на христианских святых: напр., св. Георгий и св. Власий чтились как покровители скота, подобно Волосу [5]). Наконец, вера в злых богов, чернобогов, сполна перешла в христианство, причем чернобоги отожествились с злыми духами, с диаволом [6]).

Лучшим отражением и выражением хаотического конкретизма в психологии масс является рассказ Патерика Печер-

---

[1]) Там же, стр. 751, 754; *Владимиров*, Древняя рус. литература киевского периода, стр. 168.

[2]) *Келтуяла*, Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 1, Спб. 1906, стр. 548.

[3]) *Голубинский*, История русской церкви, I, 2, стр. 737.

[4]) Там же, I, 1, стр. 211—214.

[5]) Там же, I, 2, стр. 743.

[6]) Там же, стр. 744.

ского о том, как при игуменстве Феодосия вся братия монастыря, обрекшая было себя на монашеский аскетизм, убегала в город, чтобы утолить свои плотские вожделения, и оставляла игумена в одиночестве [1]). Нет более яркого примера психической неустойчивости. И в высшей степени характерно, с другой стороны, что Феодосий мирился с этим, принимал потом обратно блудных духовных сыновей своих.

Это характерно и потому, что свидетельствует об основной черте людей типа св. Феодосия. Он тоже был из низов общества — был сыном княжеского тиуна, т.-е. приказчика, которые чаще всего происходили из рабов. Но княжеские холопы и из них особенно тиуны были уже привилегированными из рабов, приближались к свободным и даже освобождались часто. И потому здесь было больше возможностей для психических новообразований. Они и слагались в обстановке жизни того времени, приучавшей небольших людей — небогатых и незнатных — к терпению, смирению, покорности. Это подкреплялось и религией, получало в ней освящение. В результате получался тип смиренного, пассивного человека, достигавшего в сущности этим способом того же самосохранения, т.-е. пассивного эгоиста с религиозно-моральной окраской. Таков именно и был Феодосий и в его монашеской жизни, и в его борьбе с матерью, не пускавшей его в монастырь, и даже в его отношениях к князьям: будучи сторонником Изяслава, он, однако, примирился, по настоянию братии, и с Святославом при первых же проявлениях суровости со стороны последнего. Но лучшим свидетельством о таком душевном складе Феодосия служат его простые, бесхитростные поучения, проповеди, основными темами которых являются всегда именно терпение, смирение, милостыня [2]).

Люди, подобные Феодосию, были редким исключением в России XI и XII веков. Характерами, слагавшимися в то время и дававшими основной тон всей духовной культуре в особенности дружинных верхов общества, были не натуры пассивно-смиренные, а личности с сильным уклоном к активному эгоизму, особенно к приобретательству, к жадности.

---

[1]) *Милюков,* Очерки по истории рус. культуры, ч. III; *Келтуяла.* Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 1, стр. 658.

[2]) *Келтуяла,* Курс истории рус. литературы, I, 1, стр. 653—660.

Таков был, напр., Святополк Изяславич киевский: он захватил в Киеве монополию на соль, шедшую из Галича, и имел денежные связи с киевскими евреями [1].

Сложнее, богаче оттенками и отчасти остатками старой неорганизованности, отчасти талантами и организаторскими склонностями была личность Владимира Мономаха. Верно отмечено, что он в сущности „не возвышался над своим веком“ [2].

Мы издавна привыкли верить словам южного летописца, горячего поклонника Мономаха, что этот князь был „добрым страдальцем за русскую землю“, которую он постоянно защищал от половцев и в которой устанавливал внутренний мир, устраняя княжеские усобицы. Эта характеристика, если ей безусловно верить, создает впечатление, что Владимир Мономах — настоящий моральный, этический характер, для которого нравственный идеал все в жизни. Но критический анализ его личности далеко не оправдывает такого заключения.

Нет спора: в два последние десятилетия своей жизни Мономах много боролся с половцами, сознательно преследуя при этом защиту и народных интересов. Но в этой борьбе заметны и мотивы иного рода. Прежде всего Владимир был очень чуток к общественному мнению, а оно недвусмысленно указывало на необходимость борьбы с половцами. Затем он хорошо понимал, что борьба эта выдвигает его на первый план между князьями, создает ему славу и дает власть, а к славе и власти, как сейчас увидим, он далеко не был равнодушен. Наконец, Мономах с молодых лет владел Переяславской областью, которая, находясь в ближайшем соседстве со степью, подверглась наибольшей опасности от половцев, так что борьба с кочевниками соответствовала и собственным, личным интересам переяславского князя. В своем „Поучении“ Мономах доставляет нам драгоценный материал, позволяющий понять, что он воевал в своей жизни не столько для защиты родины от хищников, сколько в интересах личных и династических, причем, не колеблясь, направлял свое оружие против того самого народа, добрым страдальцем за который называет его наш южный летописец. Во время одной из таких усобиц, по рассказу Мономаха, он взял русский же

---

[1]) Там же, стр. 579.

[2]) *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, стр. 134.

город Минск и не оставил там „ни челядина, ни скотины — все были вырезаны. И это — добрый страдалец за русскую землю?! Утвердившись в Киеве, Мономах стал вести деятельную и расчетливую политику в пользу сосредоточения русских земель в руках своего потомства и успел собрать три четверти всей Руси [1]). Доказано [2]), как двусмысленно и эгоистично было поведение Мономаха в известном черном деле конца XI в., — ослеплении князя Василька. В самом деле: странно уже то, что, по рассказу Василя, занесенному в летопись, Мономах проливал слезы о преступлении Святополка и Давида над Васильком, а потом сам же наградил Святополка Волынью и хотел лишить волости несчастного Василька. В действительности не нравственные соображения и не стремления восстановить попранное право и оскорбленную справедливость вызвали поход Владимира и Святославичей на Слятополка и Давида: Владимир сблизился с Святославичами и пошел на Святополка, хорошо понимая недовольство Святополка тем, что Мстислав Владимирович сделался князем в Новгороде и желая поддержать там сына. Но не в интересах Мономаха было лишать Святополка киевского стола, потому что это значило расчистить дорогу к этому столу Олегу Святославичу, и потому Мономах и не подумал наказывать Святополка за ослепление Василька и ограничился тем, что расстроил союз Святополка с Давидом, пообещав первому Волынь. Мы имеем вообще немало доказательств того, что эгоистические чувства — простейшие и сложные — играли важную роль в духовной природе Владимира Мономаха. Правда, в скупости его нельзя было подозревать, — он был щедр, — но хозяйственность, практичность составляла одну из его характеристических черт: по его словам, он „творил весь наряд в дому своем“, вел все свое домашнее хозяйство. Мотивы его требований к сыновьям — житейские, утилитарные [3]). Ему не было чуждо честолюбие: он советует быть гостеприимными, чтобы люди разносили добрую славу; он гордится и хвалится своими военными подвигами и своей охотничьей удалью, с удовольствием вспоминая, как он ловил диких коней и какие опасности вытерпел от туров,

---

[1]) *Грушевский*, Очерк истории Киевской земли, стр. 130.
[2]) *Грушевский*, Волынский вопрос, Киев, 1891, стр. 17—35.
[3]) *Келтуяла*, Курс истории русской литературы, I 1, стр. 568.

вепрей, медведей. „Поучение“ свидетельствует о несомненной набожности его автора и его большой начитанности в византийской литературе [1]), но от набожности до глубокого религиозного чувства еще далеко. Правда, по письму к Олегу видно, что Мономах понимал „закон христианина — прощать и миловать“, но едва ли можно признать это примирительное письмо вполне искренним: недаром Олег ему не поверил, да и не надо забывать, что в то время сыновья Мономаха на севере были в большой опасности: по собственным словам Мономаха в письме, Олег мог их всех убить.

В общем при всех еще остатках старой духовной неорганизованности, уклон характера Мономаха в сторону приобретательства, практичности, эгоизма несомненен.

Это психическое новообразование видно и во многих проявлениях новой для того времени духовной культуры. Оно проявляется то сильнее, то слабее, то в сухости и бедности чувства, то в слабости общественного начала, то в проповеди смерения и терпения, исходящего вовсе не от собственного смирения, а от иерархов церкви, блюдущих интересы сильных.

Преобладание слепых, грубых сил и инстинктов при появлении вместе с тем некоторых общественных начал всего яснее выступает на первый план при изучении понятия о преступлении в Русской Правде. Уже в краткой Правде понятию о преступлении не чужды были общественные, этические элементы. Это видно прежде всего из смысла, какой в то время имела кровная месть: она имела несомненное общественное значение, так как была обязанностью, и общество следило за ее выполнением, требуя для ее осуществлении или предварительного судебного решении, или последующей санкции [2]). Другое доказательство существования общественных элементов в понятии о преступлении по краткой Правде состоит в том, что платы краткого текста в количественном отношении соответствуют позднейшим вирам и продажам, следовательно, они соответствуют им и в отношении качественном, т.-е. тоже платились в пользу князя, чем и признается общественное значение преступления. Наконец, в третьих, при Владимире Святом, по летописи, князю поступали виры за разбой [3]),

[1]) Там же, стр. 570, 577.

[2]) *Владимирский - Буданов*, Обзор истории рус. права, вып. II, стр. 21 и 22.

[3]) Полн. Собр. Рус. Лет., т. I, стр. 54.

а в краткой Правде читаем о „поклоне *вирном*“ и о сборе *вир* вирниками при Ярославе [1]). Еще с большей уверенностью можно указать на общественный элемент понятия о преступлении в пространной Русской Правде. Прежде всего „поток и разграбление“, т.-е. смертная казнь или изгнание и конфискация имущества в пользу князя [2]),—наказание чисто общественного характера. Затем виры и продажи поступали князю, как представителю общественной власти, что видно и из летописного известия о сборе вир Владимиром Святым, и из свидетельств разного рода актов: грамоты Мстислава 1125 г., где монастырю св. Георгия князь передает право сбора вир и продаж [3]), или устава новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г., по которому виры и продажи „входят в княж двор“ [4]); наконец, из самой Русской Правды, которая прямо говорит, что смерды „платят *князю* продажю“ [5]), а холопов „*князь* продажею не казнит“ [6]) и т. д. Но, констатируя наличность общественного элемента в понятии о преступлении по Русской Правде, нельзя не признать вместе с тем этот элемент очень слабым. Прежде всего тот факт, что общественная власть брала деньги с преступника в свою пользу, позволяла как бы откупаться, совершив преступное деяние, свидетельствует о слабости общественного, этического элемента в понятии преступления. Не надо притом забывать, что штраф включает в себе еще ненормальность, состоящую в реальном неравенстве кары для различных лиц: штраф платился деньгами, а денежный капитал был распределен крайне неравномерно, так что сумма, которую легко было уплатить одному, оказывалась непосильной тяжестью для другого. Далее: слабость общественного элемента в понятии о преступлении по Русской Правде выступит для нас с еще бо̀льшею ясностью, если мы обратим внимание на то, что в Правде понятие о преступлѐнии почти исключительно материальное: это обида, материальный, а не

---

[1]) Акад. сп., ст. 42.
[2]) *Попов*, Рус. Правда в отношении к уголовн. праву, стр. 65, 66.
[3]) Доп. к Актам Ист., т. II, № 1.
[4]) Там же, № 2.
[5]) Троиц. сп., ст. 41.
[6]) Там же, ст. 42.

нравственный вред [1]). В виду этого вполне понятно, что объектом преступления, по Русской Правде, считаются лишь права лиц физических, что Правда не знает целого ряда преступлений против государства и общества. Наконец, в субъективной стороне преступного деяния по Русской Правде заметно также сильное смешение разных начал: степень участия злой воли преступника различалась, но это различие не было проведено достаточно глубоко и последовательно. Так, различалось убийство „в обиду“ или „в разбое“, т.-е. злоумышленное, от убийства „в сваде“ (ссоре) или на пиру [2]), т.-е. в раздражении, без заранее обдуманного намерения; за имущественные преступления продажа назначается лишь при наличности злого умысла: так, она платилась лишь в том случае, если закличут на торгу о пропаже холопа или покраже вещи [3]); при „своде“ продажу платил лишь действительно виновный [4]), при неосторожной вине, т.-е. отсутствии злого умысла, и закуп платил лишь часть вознаграждения [5]); кто „пакощами“, т.-е. злонамеренно, порежет скот, тот платит продажу [6]); то же назначается и за *злонамеренный* отказ платить долг [7]). Но часто Русская Правда „заключает из внешней обстановки правонарушения на бытие субъективного элемента, так сказать примышляет внутреннюю сторону правонарушения к наличной внешней“ [8]): так, татем считается тот, кто не отвел от себя следа; удар необнаженным мечем или рукояткой всегда признается преступлением и т. д. Степень умысла вообще часто не различалась. Правда знала, напр., сообщничество или соучастие в преступлении, но всех сообщников наказывала одинаково, не отличая главного виновника от остальных [9]). Остается отметить, что и в наказаниях за отдельные преступления ясно видна слабость чисто-

---

[1]) *Эверс*, Древнейшее русское право, стр. 350; *Максимович*, О развитии идеи преступления, стр. 12 и 18; *Чебышев-Дмитриев*, О преступн. действии по рус. праву, стр. 92.

[2]) *Ланге*, Исслед. об угол. праве Рус. Правды, стр. 150.

[3]) Троиц. сп., ст. 26 и 27.

[4]) Там же, ст. 29 и 33.

[5]) Там же, ст. 53 и 54.

[6]) Там же, ст. 80.

[7]) Там же, ст. 43.

[8]) *И. Беляев*, Очерки права—в „Сборн. правовед.“, т. V, стр. 23, 25.

[9]) *Владимирский-Буданов*, Обзор истории рус. права, вып. I, стр. 11.

этического элемента и первенство понятия о материальном вреде, как результате преступного деяния. Известно, напр., что за тяжкое увечье, лишавшее человека работоспособности, назначалось 10 гривен частного вознаграждения [1]), а за убийство смерда семья убитого получала лишь 5 гривен [2]): причина этого заключается в том, что, хотя убийство с нравственной точки зрения является преступлением более серьезным, чем увечье, но материальные интересы семьи при тяжком увечье страдали сильнее, чем при убийстве: в первом случае она не только, как в последнем, лишалась работника, но должна была сверх того содержать увечного.

И в религии мы видим организаторские, общественные стремления верхов общества и ряд обломков старого даже в их верованиях, не говоря уже о верованиях массы народа.

Организаторская задача религии ясно сознавалась Владимиром Святым. Как ни окутана его личность полумифическим, легендарным покровом, — все же видно, что, даже еще будучи язычником, Владимир задумал и попытался осуществить организующую религиозную реформу.

Сущность реформы, повидимому, заключалась в объединении всех или по крайней мере главных племенных и групповых, классовых богов в единый языческий пантеон. Этот пантеон должен был освятить государственное единство всех племен, к которому стремился Владимир. С этою целью и были воздвигнуты Владимиром статуи Перуна, Дажьбога, Стрибога, Хорса, Мокоши, Симаргла [3]). Мы не знаем точно, какому племени принадлежало в отдельности каждое из этих божеств — догадки в этом отношнии [4]) недостаточно обоснованы, — но самый характер, смысл реформы совершенно ясен. Едва ли, впрочем, можно объяснить ее борьбой Владимира против христианства [5]): напротив, Владимир только тогда, повидимому, и пришел к мысли сделать орудием государственного единства христианство, когда убедился, что язычество, даже и реформированное, не приводит к желанным результатам. А что оно к этим результатам не приводило, — неудивительно. Прежде всего, объединив Дажь-

---

1) Троиц. сп., ст. 20.
2) Там же, ст. 13.
3) *Аничков*, Язычество и древняя Русь, Спб. 1914, стр. 327.
4) Там же, стр. 338, 340.
5) Там же, стр. 327.

бога и Хорса, богов солнца, Стрибога, бога воздуха и ветров, неизвестных нам по значению Мокошь и Симаргла, Владимир не включил в свой пантеон даже Волоса или Велеса, не говоря уже о Роде, Рожаницах, упырях, берегинях, лешем, водяном, домовом, Ладе — богине согласия и любви [1]) и пр. Таким образом, первая причина неудачи языческой религиозной реформы Владимира заключалась в том, что он не смог объединить *всех* языческих богов, а это значило подточить в самом корне все объединение.

Но была и вторая причина неудачи — бедность языческой религии организующим, нравственным и общественным содержанием. Праздники — „игрища межю селы" [2]) — были не чем иным, как хозяйственно-земледельческими праздниками солнца: в день нашего нового года праздновалась коляда — поворот солнца на лето; в марте, в нашу масленицу, — встреча весны: торжество лета праздновалось в июне и приурочивается обыкновенно к празднику Иоанна Крестителя или Ивана Купалы (24 июня); не богаты были общественным содержанием и праздники Ярилы, бога любви и веселья, в конце апреля, и Лады на красную горку (в Фомино воскресение) и в семике (Троицын день), и Волоса (23 апреля, день св. Георгия) [3]). Затем и языческое богослужение отличалось бедностью содержания и обрядов. Оно совершалось не жрецами, а главами семейств, и главное в нем было жертвоприношение. Не даром в наших источниках употребляются об этом богослужении выражения „класть требу" и „молиться": слово „молить" первоначально значило „приносить жертву", „давать обет"; поэтому к глаголу „молить" и прибавлено возвратное местоимение; „молиться" значит „приносить себя в жертву" [4]). Практиковавшиеся иногда человеческие жертвы были уже по тому времени противообщественны.

Наконец, и погребальные обряды лишены были всякого морального и общественного характера. Мы знакомы уже с известием Ибн-Фадлана, характеризующим первый существовавший у восточных славян тип погребения — сожжение.

---

1) Начал. Лет. под 980 г.

2) Начальная Лет., рассказ об обычаях славян без годов.

3) *Голубинский*, История русской церкви, I, 2, стр. 741—743.

4) *Буслаев*, Русские пословицы и поговорки: „Архив историко-юридич. сведений о России", 2-я полов. 2 книги, М. 1854, стр. 6.

Открытые археологами курганы с кострищами, т.-е. с остатками костра, на котором сжигался покойник, — остатки и свидетели именно такого погребения [1]). Тем же археологам известны еще, однако, и курганы с сосудами, в которых заключен прах умершего, сожженного не на месте насыпки кургана, и курганы с остатками погребенных несожженных покойников [2]). Сожжение в другом месте — не на месте насыпки кургана — засвидетельствовано Начальной Летописью, по словам которой „творяху краду („крада“ — костер; так надо читать вместо „кладу“) [3]) велику и възложат на краду мертвеца и съжигаху и по сем събравше кости вложаху в ссуд мал и поставляху на столпе на путех“. Слово „столп“ здесь некоторые исследователи понимают в смысле кургана, могилы [4]), так что обнаруживается полное согласие между летописью и данными археологии. Наконец, о погребении без сожжения говорит Ибн-Даста. Похоронам или сожжению предшествовала тризна: летопись свидетельствует, что („аще кто умряше, творяху трызну над нимь и *по сем* (т.-е. после этого) творяху краду велику“. Тризна состояла в военных играх и борьбе и заканчивалась пиром [5]).

Во всех отношениях — и в ритуале, и в отношении загробной жизни, и в учении о едином боге — христианство было несравненно более организующим, общественным и нравственным средством, чем язычество. Поэтому оно и восторжествовало при Владимире, тем более, что оно далеко не было новостью на Руси. Возможно, что еще Аскольд и Дир приняли христианство, потому что, по словам византийского патриарха Фотия, русские, напавшие на Константинополь в 860 г., крестились [6]). Затем нет сомнения, что при Игоре в Киеве существовала церковь св. Илии и были христиане: об этом говорит договор Игоря с греками [7]). Наконец, известен и вполне достоверен факт крещения Ольги. То предание об этом, которое внесено в Начальную Летопись,

---

[1]) *Самоквасов*, История русского права, кн. I, Варшава, 1888, стр. 137.

[2]) Там же, стр. 138.

[3]) *Соболевский*, Несколько мест Начал. Лет.: „Чтения в историч обществе Нестора-летописца“, кн. 5, Киев, 1891, стр. 5.

[4]) Там же.

[5]) *Голубинский*, История русской церкви, I, 2, стр. 736

[6]) *Голубинский*, История русской церкви, I, 1, стр. 39.

[7]) Начал. Лет. под 945.

не заслуживает доверия, потому что, по этому преданию, Ольга крестилась в Константинополе, и восприемниками ее был византийский император, а между тем Константин Багрянородный в своем сочинении о византийских придворных церемониях свидетельствует, что она прибыла в Константинополь уже крещеной и имела при себе священника. Очевидно, Ольга крестилась в Киеве, где ей уже легко было познакомиться с христианством [1]). Как бы то ни было, но ясно, что почва для принятия христианства была совершенно подготовлена к временам Владимира.

О том, как крестился Владимир, рассказывается, как известно, в Начальной Летописи по преданию, причем, по собственному показанию древнего летописца [2]), уже в его время существовали об этом событии различные рассказы: так, некоторые утверждали, что Владимир крестился в Киеве, другие, что в Василеве, а третьи считали местом крещения греческий город Херсонес или Корсунь в Крыму близ нынешнего Севастополя. Летописец считает достоверным только это последнее предание и подробно передает его [3]): сначала к Владимиру прибыли посольства от болгар-магометан, немцев-католиков, хозар, исповедывавших иудейство, и греков-христиан; ознакомившись с их вероучениями, Владимир, по совету бояр и старцев градских, отправил посольство из 10-ти человек к болгарам, немцам и грекам; вернувшись, эти послы выразили недовольство магометанским и католическим богослужением и восхищение богослужением греков; тогда бояре и старцы посоветовали Владимиру принять крещение от греков и сослались при этом на пример Ольги; решившись последовать этому совету, Владимир взял греческий город Корсунь и потребовал у греческих императоров Василия и Константина руки их сестры Анны, заявив вместе с тем о желании своем креститься; в Корсуне и состоялись крещение Владимира и свадьба его с царевной Анной. Таково предание.

Внимателеный критический анализ его убедил, однако, исследователей в полной его недостоверности; даже то, что в нем есть фактически-верного, сильно извращено и пред-

---

1) *Голубинский,* История руской церкви, I, 1, стр. 77
2) Начал. Лет. под 988 г.
3) Там же под 986, 987 и 988 г.г.

ставлено не в том виде, как было в действительности. Прежде всего нельзя признать достоверным прибытие миссионеров разных вероисповеданий к Владимиру, потому что митрополит Иларион в „Слове о законе и благодати", монах Иаков в „Похвале св. Владимиру" и Нестор в „Сказании о Борисе и Глебе", не только не упоминают о миссионерах, но прямо говорят, что Владимир сам решился принять христианство. Затем, недостоверно и посольство от Владимира для испытания вер на месте, потому что, во-первых, не имело никакого смысла наблюдение обрядов, а, во-вторых, такой выбор веры психологически невозможен: религию меняют лишь тогда, когда сначала поверят в истину, несогласную со старой религией. Далее: странным был бы поход на Корсунь при решении креститься от греков, к тому же монах Иаков в „Похвале св. Владимиру" указывает, что поход на Корсунь случился лишь два года спустя после крещения Владимира и имел своим последствием лишь женитьбу на греческой царевне и привод священников для крещения народа; это согласуется и с известием арабского летописца Яхъя, по словам которого Владимир сначала был в дружбе с византийским императором Василием и помог ему во время восстания против него Варды Фоки, но потом произошел разрыв, результатом которого и был поход на Корсунь. Наконец, греческие летописцы не говорят о крещении Владимира, а говорят только о женитьбе его на царевне. Итак, достоверно в предании только следующее: 1) год крещения Владимира — 988, 2) самый факт крещения, 3) факт похода на Корсунь, бывший, однако, позднее крещения Владимира и имевший последствием женитьбу его на греческой царевне и привод священников для крещения народа [1]). Таким образом, остается, приняв во внимание эти достоверные данные, объяснить факт крещения Владимира, пополняя их сведениями из других источников. Прежде всего нельзя не признать, что Владимир с детства был знаком с христианством и мог постепенно проникаться его истинами, потому что он был воспитан Ольгой, и из пяти его законных жен четыре были христианками. Затем много значило и влияние киевских христиан, особенно из варягов. Это обстоятельство подтверждается скандинавской сагой о норвежском конунге

---

[1]) *Голубинский*, История русской церкви, I, 1, стр. 113—132.

Олаве, сыне и Триггвиевом, который помогал Владимиру в борьбе его против Ярополка и, крестившись в Греции, убеждал и его принять христианство. При таких условиях вполне естественно, что Владимир сделался христианином без всякого участия греков и крестился или в Киеве, или в Василеве, что подтверждается и свидетельством монаха Иакова. Это случилось в 988 г., а два года спустя, после разрыва с императором Василием, которому он раньше помогал, Владимир пошел на Корсунь, взял его, женился на царевне, вывел из Корсуня священников и крестил киевлян в 990 году. Так надо представлять себе фактическую сторону дела [1]).

Распространение христианства по всей русской земле не было делом одного Владимира или его ближайших преемников: для этого потребовались усилия нескольких поколений. Наибольшего распространения христианство достигло при Владимире в киевской земле и вообще в южной Руси: есть, напр., известие, что Владимир сам крестил Волынь. Гораздо менее податливым к принятию христианства оказался север: в Новгороде пришлось прибегнуть даже к силе, которую и употребили в дело тысяцкий Путята и дядя Владимира. Добрыня, после прибытия в Новгород епископа Иоакима; сложилась поэтому пословица: „Путята крестил мечом, а Добрыня огнем"; и при всем том новгородская земля сделалась христианской лишь постепенно, в XI и даже отчасти XII веках. Первым епископам ростовским также долго не удавалось распространить христианство, и к лучшему дело пошло здесь только во второй половине XI века, при третьем епископе ростовском св. Леонтии и при его преемнике св. Исаии. В земле вятичей христианство распространено было только в половине XII века св. Кукшей. Еще в XI веке митрополит Иларион называл русских христиан „*малым* стадом Христовым" [2]). Но дело не в одной только малочисленности христиан и в медленности распространения христианства между русскими, дело в том, что самое усвоение истин христианской религии шло очень туго, и вновь воспринятые верования беспорядочно перемешивались со старыми, языческими, в результате чего появлялось *двое-*

---

[1]) Там же, стр. 160, 164.
[2]) Там же, стр. 199—203, 208—210.

верие, одно из важнейших явлений в религиозной жизни киевской Руси. Народ, приняв христианство, продолжал верить в языческих богов и справлять языческие праздники. В обличительных словах того времени часто говорится о „христианах, двоеверно живущих"; митрополит Иоанн в своем „Правиле" черноризцу Иакову упоминает о христианах, которые „жрут бесом и болотом и кладезем"; не раз появлялись в XI веке волхвы, смущавшие народную массу своими гаданиями; языческие праздники слились с христианскими, и свойства языческих богов стали переноситься на христианских святых: напр., св. Георгий и св. Власий чтились, как покровители скота, подобно Волосу. Наконец, вера в злых богов, чернобогов, сполна перешла в христианство, причем чернобоги отожествились с злыми духами, с диаволом [1]).

Итак, в религиозную жизнь русского народа, как и в нравственную, были только заложены новые семена, которые с трудом прививались к почве и терялись в массе старых преданий языческой эпохи. Тот же вывод о беспорядочности и слабой организованности едва проникших на Русь новых начал получается при изучении *эстетической жизни* древнейшего русского общества, при исследовании истории искусства. Остановимся прежде всего на архитектуре и притом сначала на построении каменных зданий. Каменное зодчество в России не восходит к глубокой древности: оно не старее первых лет после принятия христианства. Главным предметом каменной стройки были церкви. Древнейшая каменная церковь — Десятинная в Киеве — была построена Владимиром Святым в период времени между 991 и 996 годами [2]). Вообще каменные церкви не были тогда частым явлением даже в больших городах: в Киеве и Новгороде было по 20—25 каменных церквей при громадном количестве деревянных, особенно домовых церквей — княжеских и боярских [3]). Изучая архитектуру русских каменных церквей киевского периода, можно различить два их типа: характерным представителем одного является собор св. Софии в Киеве, основанный Ярославом в 1037 г.; другой тип представлен

---

[1]) *Голубинский*, История рус. церкви, I, 2, стр. 737—744.
[2]) Там же, стр. 6.
[3]) Там же, стр. 8—10, 4, 5.

Дмитриевским собором во Владимире на-Клязьме, построенном в конце XII века. Софийский собор в Киеве есть произведение чисто византийского архитектурного стиля и близко подходит по типу к константинопольской церкви Пантократора (т.-е. Вседержителя). „Здание построено из кирпича, и лишь на высоте пояса первого этажа выполнен мелкий мраморный карниз [1]). План церкви — четыреугольник из четырех столбов, на которых покоится главный купол. Этот план свойствен византийским церквам не только X и XI, но и VI века, напр., собору св. Софии Юстиниана. Купол на этом последнем соборе, как известно, сферический, прообразующий небесный свод. Но в позднейшем византийском искусстве эта идея утратилась, и купол видоизменился, как изменилось вслед затем и число куполов или церковных глав по той причине, что с утратой первоначальной идеи одного большого сферического купола исчезла необходимость в том, чтобы он был один, и главы стали простыми внешними украшениями храмов. Таким видоизмененным византийским куполом позднейшего времени является и купол киевского собора св. Софии: это уже не сферический в собственном смысле этого слова купол, а так-называемый тамбурный: на столбах четыреугольника помещен барабан или тамбур, покрытый сферическим верхом [2]). Таков в общих чертах первый византийский тип церковной архитектуры киевского периода. Мы тщетно стали бы искать здесь сколько-нибудь значительных оригинальных русских изменений и дополнений. Единственным русским архитектурным мотивом является пристройка к каменным церквам башен или теремов, заимствованная из местного деревянного зодчества. Не следует думать, что это колокольни, потому что хотя у нас в киевский период, по примеру запада и вопреки греческим обычаям, и были колокола, но они были незначительны по весу и размерам, и специальных колоколен для них не строилось, а вешались они обыкновенно на перекладине, укрепленной на двух деревянных столбах. Эти башни и терема устраивались для лестниц на хоры или „полати“ и для цер-

---

[1]) *Айналов и Редин*, Древние памятники искусства Киева, Харьк., 1899, стр. 10.

[2]) *Голубинский*, История рус. церкви, 1, 2, стр. 30—31. Ср. *Грабарь*, История русского искусства, томы I и VI.

ковных ризниц и кладовых. Случалось, что в церковных теремах погребались умершие: так, сохранилось известие, что в 1150 году тело князя Игоря Ольговича, убитого в Киеве, было перенесено в Чернигов и похоронено „у святого Спаса в тереме“, т.-е. в башне черниговского Спасо-Преображенского собора [1]). Впрочем, не следует преувеличивать значение этого оргинального архитектурного мотива: церковные башни или терема были редким явлением и скоро исчезли совершенно, не оставив следов в позднейшем каменном зодчестве.

Другой архитектурный тип, лучшим представителем которого является Дмитриевский собор во Владимире на-Клязьме, так же мало оригинален, как и первый, и может быть назван если не исключительно, то по преимуществу романским, занесенным в наше отечество западно-европейскими мастерами [2]). Известно, что Владимирский Успенский собор, построенный при Андрее Боголюбском, был сооружен мастерами, пришедшими „из всех земель“. Дмитриевский собор был только продолжением и завершением того архитектурного стиля, который впервые на Руси нашел себе выражение в соборе Успенском. Правда, и здесь сохранен был чисто византийский план здания, но отличительной чертой изучаемого стиля является обилие внешних украшений: с внешней стороны каждая стена собора разделена на три части длинными тонкими колоннами во всю высоту собора; вверху эти колонны соединены арками, так что получаются три дугообразных фронтона. На половине высоты церкви устроен на каждой стене карниз, вниз от которого спускаются небольшие колонки, опирающиеся на кронштейны. Между колонками вылеплены фигуры святых. Такие же лепные фигуры помещены и на верхней половине каждой стены, выше карниза: ими окружены здесь окна собора; только здесь мы имеем уже не изображения святых, а фигуры людей, животных — львов, центавров, оленей, — птиц, цветов и листьев растений [3]). Такого же романо-византийского стиля был и дворец князя Андрея в Боголюбове, остатки которого уцелели до нашего времени [4]). Вообще каменная архитектура рус-

---

[1]) *Голубинский,* История русской церкви, I, 2, стр. 65—66.
[2]) Там же, стр. 14.
[3]) Там же, стр. 38, 39.
[4]) Там же. Ср. *Грабарь,* История русского искусства, томы I и VI.

ского северо-востока вся сохраняла этот тип, переходом от которого к южно-русскому, чисто византийскому служило каменное зодчество в Новгороде. Итак, в архитектуре каменных зданий древнейшей России не заметно почти совсем местного, русского творчества: то был ряд иностранных влияний, путем переработки которых в будущем, применительно к местным условиям и вкусам, в киевский период еще не образовавшимся, должно было возникнуть будущее русское строительное искусство.

Другим элементом этого будущего русского зодчества служила деревянная архитектура киевского периода. В этой области строительного искусства христианская эпоха унаследовала от языческих времен некоторые архитектурные традиции, открывавшие простор для более свободного и самостоятельного проявления художественного вкуса. Обилие лесов издавна приучило восточных славян пользоваться этим материалом с строительными целями. Масса церквей, появившаяся с введением христианства, — в Киеве они считались сотнями — была построена из дерева. Большинство их представляло собою нехитрые сооружения, — обыкновенные, даже одноэтажные избы с деревянными куполами и крестами наверху. Церкви эти строились „о клетце“ или „клетцки“, т.-е. так же, как теперь строятся деревянные дома, — путем горизонтальной кладки бревен одни на другие клеткой; но был и другой, более примитивный способ стройки — посредством поставления бревен стоймя [1]). План и купол деревянных церквей работались, повидимому, по византийским образцам: церкви были квадратные и с тамбурными или сферическими куполами. Можно только сказать, что деревянные церкви нередко имели большое количество глав: так, древний новгородский собор, построенный первым новгородским епископом Иоакимом и сгоревший в 1045 году, был о 13-ти верхах [2]). Была ли какая-либо орнаментация, резьба — неизвестно. Во всяком случае, и деревянное строительство открывало лишь некоторые перспективы на дальнейшее образование и развитие русского зодчества, но в изучаемый период не являлось еще сложившейся формой, выражавшей определенный эстетический вкус, потому что такого вкуса

---

[1]) Там же, стр. 112.
[2]). Там же, стр. 111.

еще не было. Элементарные практические, утилитарные соображения играли еще почти исключительную роль в области древнейшего русского строительного искусства. Иностранные влияния механически перемешивались между собою, плохо объединяясь и не подвергаясь оригинальной переработке.

Живопись в дохристианское время совершенно не существовала в киевской Руси. Но и после принятия христианства она появилась лишь в виде иконописания. Ни в какой сфере древнейшего русского искусства влияние византийских образцов не сказалось так сильно, как в иконографии: можно сказать, что здесь это влияние господствовало всецело, совершенно неограниченно. Сохранилось немало известий о византийских иконописцах в киевской Руси; и это можно сказать не только о X веке, когда, при построении Десятинной церкви, Владимир Святой все иконы вывез из Корсуни, или XI столетии, когда греческие иконописцы прибыли в Киев для украшения иконами Печерской Лавры, но и о XII веке: именно в конце его в Новгороде иконы часто еще писались греками [1]). Первые русские иконописцы — Алимпий Печерский, о котором рассказывает „Патерик", и суздальские мастера конца XII го столетия, обновившие в 1194 году церковь Богородицы в Суздале, несомненно, вышли из греческой школы и рабски подражали ее живописным приемам [2]). Греки употребляли два способа изображения святых в церквах, — мозаику или мусию, которая привозилась из Византии и вследствие своей дороговизны применялась в киевской Руси редко — она известна только в четырех киевских церквах, Десятинной, Софийской, в церкви Печерского монастыря и, наконец, Михайловского монастыря, — и фресковую живопись, т.-е. живопись по сухой свежей штукатурке водяными красками на клею или на яичном белке [3]). И в отношении приемов работы, и в смысле самых ее художественных результатов типической для киевского периода является живопись киевского Софийского собора, о которой мы поэтому и скажем несколько слов. В

---

[1]) *Ровинский*, История русских школ иконописания: „Зап. Археолог. общ.", т. VIII, Спб. 1856, стр. 3.

[2]) Там же, стр. 1 и 3.

[3]) *Голубинский*, История рус. церкви, I, 2, стр. 196.

основу иконописи этого собора было положено две идеи: во-первых, представить, как божественная премудрость руководила родом человеческим, проводя его через Ветхий и Новый Заветы к воплощению Иисуса Христа и к искуплению, во-вторых, дать ряд изображений заступников и патронов церкви в виду значения собора как митрополичьей церкви, группировавшей около себя нарождавшееся на Руси христианство [1]). Этой чисто византийской иконописной идеологии соответствовали и исключительно византийские художественные приемы и традиции. Мозаики Киево-Софийского собора, главной из которых является мозаическая икона Богородицы Нерушимой Стены в алтаре, отличаются пестротой тонов, массой складок на одежде, плоскостью и схематичностью изображений, неестественностью движений. Мастер „пользуется для своих изображений шаблоном, передающим традиционный образ или картинную композицию. Здесь все согласно с преданием, все держится старины, главным образом догмата“ [2]). Больше творчества исследователи наблюдают в фресках Софийского собора, но и фрески во многом условны: везде повторяются одни и те же черты — круглое лицо, широко открытые глаза, прямой правильный нос, полные губы. Одним словом, полное и безраздельное господство византийских традиций [3]).

Гораздо больше исторических корней в языческом прошлом имели музыка и пение. Уже Ибн-Фадлан сохранил нам известие, что при похоронах с умершим клали лютню [4]). В 1015 году, по рассказу жития св. Феодосия, при дворе князя Святослава на пиру играли на гуслях. Трубы и бубны были в войске Юрия Долгорукого в XII веке. Раньше, когда у нас шла речь о нравах в древнейшей России, был приведен текст, указывающий на обычай игры на гуслях и свирелях во время обедов у богатых людей. Наконец, по „Слову о полку Игореве“, Баян вещий был великим певцом и музыкантом. Эта светская музыка носила, впрочем, несомненно, очень первобытный характер, и говорить на основании приведенных данных об эстетическом развитии наших отдаленных предков, конечно, не приходится. Еще меньше

---

[1]) *Айналов и Редин*, Древние памятники искусства Киева, стр. 11.

[2]) Там же, стр. 25, 26.

[3]) Там же, стр. 27, 41. Ср. *Грабарь*, История рус. искусства, т. VI.

[4]) *Гаркави*, Сказания мусульм. писат.

значения с точки зрения эстетической имеет церковное пение киевского периода: в нем уже совершенно не было национально русских элементов, какого-либо местного колорита; оно было принесено из Болгарии певчими или „демественниками“, выписанными Владимиром Святым, и из Греции теми византийскими певчими, которые прибыли с царевной Анной. Греки и насаждают в киевской Руси „изрядное осмогласие“, т.-е. систему восьми греческих гласов или напевов. Если в XI и XII веках и были какие-либо попытки русского церковного композиторства, то они, во всяком случае, не выходили из пределов рабского подражания византийским образцам [1]).

Для того, чтобы точно определить уровень эстетического развития древнейшего русского общества, необходимо познакомиться еще с историей изящной литературы или поэзии в киевский период.

Значительное количество исторических песен или сказаний, притом в древней редакции, не позднее XII века, сохранено нам в Начальной Летописи: все рассказы о первых русских князьях, кончая Владимиром Святым, — народные сказания, подвергшиеся, впрочем, в значительной степени книжной, литературной переработке. Таковы сказания о призвании князей, об Олеге, об Игоре, об Ольге, о Святославе и о Владимире. В них отразились политические потребности времени: потребность в порядке, в объединении племен, в борьбе с окружающими народностями, в нравственном подъеме общества. Такими же историческими песнями были, конечно, те, которые составлялись и распевались упоминаемым в „Слове о полку Игореве“ вещим Баяном. Политическая действительность отразилась теми же своими сторонами в былинах (иначе: старинах или старинках) владимирова или киевского цикла [2]). Основа этим былинам была положена в X, XI и XII веках, но в законченном виде они сложились позднее. Признаком древнего возникновения былин является занесение в летописи нескольких имен героев былин — богатырей или витязей, напр., встречается имя Александра Поповича и др. Не следует при этом преувеличивать значение оригинального народного поэтического твор-

---

[1]) Ср. *Разумовский*, Русское церковное пение.

[2]) *Лобода*, Русск. богатырский эпос, Киев, 1896, стр. 2, 12, 180, 203.

чества: в настоящее время можно считать доказанным, что былинные сюжеты отличаются международным характером, что они представляют собою повторение по преимуществу восточных, азиатских сказаний, с известными местными видоизменениями [1]). И здесь мы наблюдаем таким образом, как народ, находящийся на первых ступенях эстетического и умственного развития, пользуется чужеземными духовными богатствами, слегка перерабатывая их под влиянием реальных условий времени.

Переход от исключительного господства устной словесности к литературе стал возможен только тогда, когда заложены были первоначальные основы русского просвещения, а это случилось лишь после принятия христианства. Первые русские христианские князья — Владимир Святой и Ярослав Мудрый — много заботились о насаждении грамотности. По летописи, Владимир велел собрать сыновей бояр — „нарочитой чади", — чтобы обучить их грамоте; Ярослав в 1030 году собрал 300 детей „от старост", т.-е. из крестьян через посредство старост, и из детей священников, чтобы научить их грамоте, определить в священники. Эти известия не следует понимать в том смысле, что были учреждены училища, школы грамотности, содержимые на правительственные средства: во-первых, в наших источниках нет ни слова о таких правительственных школах, а говорится лишь об отдельных частных учителях: напр., Нестор в житии св. Феодосия говорит, что Феодосий был отдан не в училище, а „единому от учитель"; во-вторых, и Византия не знала в то время казенных учебных заведений, хотя бы самых элементарных, и обучение производилось там частными учителями [2]). Ярослав не ограничился тем, что содействовал распространению грамотности, он положил также начало переводной литературе: собрал писцов, которые переписывали готовые славянские (болгарские) переводы, нашел переводчиков, переводивших с греческого на русский язык, и, составив таким образом собрание рукописей, библиотеку, нашел для этого собрания помещение в соборе св. Софии [3]). Так положено было начало русской грамотности и русской письменности.

---

[1]) Это мнение впервые было высказано Стасовым. См. особенно *В. Миллер,* Очерки русской народной словесности, М. 1897.

[2]) *Голубинский,* История рус. церкви, I, 1, стр. 711, 712, 721, 723.

[3]) Там же, стр. 190.

Переходя к обзору этой письменности, остановимся, прежде всего, на тех произведениях, которые называются теперь беллетристическими и служат предметом приятного чтения, развлечения, доставляют известное эстетическое наслаждение. В этом отношении заслуживает, прежде всего, внимания то обстоятельство, что древнейшая русская литература знает целый ряд переводных беллетристических произведений. Так, весьма возможно, что уже в XII веке появился сборник под названием „Пчела"—перевод существовавшего в Византии еще в VII веке сборника того же названия „Μέλισσα": на-ряду с отрывками из Священного Писания, отцов церкви и древних философов, в „Пчеле" встречаются и отрывки из поэтов и ораторов, басни и рассказы [1]). К XII веку исследователи относят и появление русского перевода так называемой „Александрии", т.-е. романа о происхождении Александра Македонского от египетского бога, о его завоеваниях и чудесах, виденных им на востоке; „Александрия" или „Книги Александр" известна была и позднее и подвергалась неоднократным переделкам впоследствии; выходили и новые переводы по новым редакциям, появившимся потом в Сербии, но в изучаемый нами период она была известна лишь в первоначальной редакции, без многих вставочных эпизодов, в редакции, отличавшейся большой простотой и представлявшей собою простой перевод текста Псевдокаллисфена [2]). Затем, в XII веке существовали еще следующие беллетристические произведения, переведенные с греческого, но попавшие в Византию с востока: во-первых, „Троянская история" — краткий рассказ о Троянской войне не Гомера, а Дареса Фригийского, во-вторых, история о Девгении Акрите, в третьих, об Акире Премудром, в четвертых, Стефанит и Ихнилат п, в пятых, Варлаам и Иоасаф [3]). Все эти произведения переполнены любовными приключениями, подвигами и чудесами, везде сказывается восточная фантазия. Их переводы в киевский период, несомненно, указывают на некоторый рост эстетического вкуса, на зарождение интереса к занимательному чтению, но, само собой разумеется, уровень эстетических требований был не велик — сводился, главным образом, к фантастичности

---

[1]) *Владимиров,* Древняя рус. литература Киевск. периода, стр. 49
[2]) Там же, стр. 89.
[3]) Там же, стр. 93.

сюжета, притом многие из названных произведений (напр., „Александрия“, „Троянская история“) известны были в редакциях, мало удовлетворявших и этим требованиям; наконец, переводная беллетристика появляется только к концу периода, в XII веке: очевидно, лишь в это время стала сказываться сколько-нибудь заметная потребность в ней.

XII век подарил нашей литературе и оригинальное поэтическое произведение, знаменитое „Слово о полку Игореве“. Эта поэма — несомненный памятник дружинной поэзии, совершенно естественный продукт дружинной жизни. Важен нравственный идеал певца „Слова“: основные черты его — удаль, молодечество, славолюбие, честолюбие. Политический идеал того же певца не отличается особенной широтой, не возвышается над уровнем реальной политики того времени: поэт желает единодушия князей для борьбы с кочевниками, но это единение мыслится им только в старых, существовавших уже в действительности, неопределенных формах родственного подчинения князей тому князю, который сидит на „златокованном“ киевском столе. „Слово о полку Игореве“ является также одним из любопытнейших памятников двоеверия: в нем постоянно упоминаются имена языческих богов, силы природы тесно связываются с человеком нравственными узами; природа сочувствует человеческому счастью и несчастью: солнце тьмою путь заступает; звери ревут, чуя беду; кличет зловещая птица Див; никнет от жалости трава. С эстетической точки зрения „Слово о полку Игореве“, несомненно, произведение весьма выдающееся, чему, кроме поэтического дарования автора, содействовала его духовная близость к мотивам народно-поэтического творчества: в лирических местах „Слова“, напр., в знаменитом плаче Ярославны, нельзя не видеть следов влияния этих мотивов, о том же свидетельствуют и характерные для народной поэзии заимствования образов и картин из жизни природы; напр., четверо князей, застигнутых половцами, уподобляются четырем солнцам и т. п.[1]). Но исследователи отмечают также и книжные литературные влияния на „Слово о полку Игореве“, главным образом, влияние апокрифов и тех произведений переводной беллетристики, с которыми мы только что познакомились[2]).

---

[1]) Там же, стр. 278—333. Ср. *Келтуяла*, Курс истории рус литер., I, 1, стр. 581—605, 609, 612.

[2]) *Келтуяла*, Курс ист. рус. лит., стр. 603—607.

История в древнейшее время никогда не рассматривается, как наука, а служит материалом или для развлечения, для того же удовлетворения первоначальных эстетических потребностей, или для нравственного поучения, для назидания. Поэтому знакомство с исторической литературой удобнее всего поставить в связь с изучением литературы изящной, поэзии. И здесь почва для появления оригинальных исторических произведений разного рода была подготовлена довольно обширной переводной литературой.

До конца XV века в русской литературе не было полной Библии: кроме Евангелия, Апостола и Псалтири, существовали только извлечения из книг Ветхого Завета или так-называемые Паремейники; реже встречались книги царств, судей и пророков [1]). Для обыденного знакомста с библейской историей пользовались большею частью не Библией, а так-называемой Исторической Палеей. Историческая Палея — краткий рассказ о библейской истории с прибавкой некоторых апокрифов. Это так сказать популяризация Библии, чтение которой в целом объеме было затруднительно для простого, среднего человека [2]). Историческая Палея пользовалась значительной популярностью среди читателей: славянский перевод ее был сделан два раза. Много читались и сильно повлияли на иконографию и литературу народную и книжную апокрифы, из которых особенно известно „Хождение Богородицы по мукам". Под апокрифами разумелись такие рассказы о ветхозаветных и новозаветных событиях, которых не находилось в священных книгах. Некоторые из апокрифов рано внесены были в Греции в индексы (указатели) запрещенных или „отреченных" книг, и эти греческие индексы в русском переводе проникли в киевскую Русь, что, впрочем, не мешало апокрифам распространяться, читаться [3]). Критики у читателей в подавляющем большинстве случаев не было, и они принимали слепо на веру все предания, излагавшиеся в апокрифах, простодушно приравнивая их по значению к тому, что изложено в канонических книгах. Третьим элементом переводной исторической литературы были жития греческих святых в Минеях XI и XII веков,

---

1) *Владимиров*, Древ. рус. литература, стр. 11.
2) Там же, стр. 43.
3) Там же, стр. 54—55.

от которых дошли отрывки, и в сокращенном виде в так-называемых Синаксарях, т. е. сборниках, называвшихся по русски Прологами [1]). Наконец, четвертым отделом исторической литературы, переводной с греческого, надо признать византийские хроники или хронографы. Из этих хроник известны были в переводе хроника Иоанна Малалы, хроника Георгия Амартола с ее продолжением, составленным Симеоном Логофетом, и так-называемый „Летописец вскоре“ или „вкратце“ Никифора [2]). Спорным является вопрос, была ли переведена в изучаемый период хроника Константина Манасия. Особенно популярна была хроника Георгия Амартола: древнейшие русские читатели переводной литературы почти исключительно из нее приобретали исторические знания. Все эти хроники отличаются одним очень определенным характером, вовсе не свойственным *всей* византийской исторической литературе: это хроники монашеские, авторы их интересовались, главным образом, церковной жизнью, а не светской, на первый план ставили религиозный элемент.

Описанные сейчас виды переводной исторической литературы пришлись как раз по плечу русским грамотеям киевского периода и потому весьма сильно отразились на оригинальном русском творчестве в этой литературной области. Палея и апокрифы, правда, не встретили ничего себе подобного на русской почве, но они послужили, как сейчас увидим, источниками для русского летописания. Но подражанием переводным житиям святых явились жития святых оригинальные, а византийские хроники встретили отклик в русских летописях. Из русских житий святых киевского периода известны, прежде всего, сочинения монаха Иакова — „Сказание о св. Борисе и Глебе“ и „Память и похвала“ св. Владимиру. С точки зрения стилистической и риторической они не блещут достоинствами, но важны как исторические источники; особенно можно сказать это о „Памяти и похвале“ Владимиру [3]). Большою подражательностью греческим образцам отличаются сочинения Нестора — Житие св. Бориса и Глеба“ и „Житие св. Феодосия“: здесь много выписок из переводных сочинений, ряд уподоблений, многословные всту-

---

1) Там же, стр. 37.
2) Там же, стр. 31—36.
3) *Голубинский*, История русской церкви, , 1, стр. 745—746,

пления и заключения, патетические восклицания с поучительными целями [1]). Это жития XI века. Отличительный признак сказания о св. Леонтии Ростовском, составленного в конце XII века, — это его краткость, соединенная с сильнейшим в здействием на него византийских житий [2]). Наконец, к XII же веку, может быть, даже и к концу XI, надо отнести и сказание об основании Киево-Печерского монастыря и рассказ о смерти св. Феодосия, занесенные в Начальный Летописный Свод и послужившие основой так-называемого Патерика Печерского, сложившегося в полном виде уже в следующий период [3]). Исследователями хорошо установлены важнейшие черты происхождения и характера древнейших житий XI, XII и XIII веков: во-первых, в большинстве случаев это так-называемые проложные жития, являющиеся распространением кондака, т.-е. краткого рассказа о подвигах святого, и икоса, т.-е. похвалы святому [4]); во-вторых, цель житий — нравственное назидание, а не историческая истина [5]), что вполне соответствует и характеру византийской агиографии: доказано, что иногда в рассказ о русском святом вносились факты, заимствованные из греческого жития соименного ему византийского святого.

Но самым важным историческим сочинением киевского периода является, несомненно, Начальный Летописный Свод, на котором мы и должны остановиться подробнее. Древнерусские летописи возбуждают двоякий интерес: историко-критический и историко-литературный. Специальной задачей исторической критики является определение степени достоверности источника, главная цель литературной истории — изучение миросозерцания писателя, его психологических свойств в связи с условиями времени и места, и изучение формы произведения в ее отношении к содержанию. Повидимому, задачи разные, но не следует преувеличивать их различие; на самом деле оно количественное, а не качественное: то, что для историка-критика стоит на первом плане,

---

[1]) *Владимиров*, Древ. рус. литература, стр. 193.

[2]) *Голубинский*, Ист. рус. церкви, I, 1, стр. 756—757.

[3]) *Абрамович*, Исследование о Киево-Печерском Патерике, Спб. 1902, стр. 1.

[4]) *Ключевский*, Древне-русские жития святых, как исторический источник.

[5]) Там же.

важно и с точки зрения историка литературы, с другой стороны, критикуя источник литературного характера с целью определить степень его достоверности, невозможно игнорировать и литературные приемы писателя, и его миросозерцание. В конце-концов дело изучения летописей сводится к трем задачам: во-первых, к определению источников дошедших до нас летописей, во-вторых, к изучению этих летописей в целом, к ознакомлению с тем, как они составлялись, и что прибавляли составители к элементам, из которых слагались их произведения, и, наконец, в третьих, к изучению тех идей и страстей, которые волновали и вдохновляли летописателей. Разрешение этих трех вопросов затрудняется значительно тем обстоятельством, что все дошедшие до нас летописи не первообразные, а летописные своды, составленные из различных элементов. Это следует прежде всего сказать о Начальной Летописи, которую поэтому правильнее называть Начальным Летописным Сводом.

Начальный Летописный Свод составлен, несомненно, в начале XII века, что доказывается целым рядом соображений: многочисленными заявлениями от первого лица при описании событий второй половины XI и начала II века, знаменитой припиской игумена Сильвестра в 1116 году, указывающей, что он написал „книгы си, летописець", хронологической таблицей, оканчивающейся 1113 годом, наконец, главное, увеличением в начале XII века разногласия в тексте летописных сборников, включающих в себе Начальную Летопись [1]). В последнее время доказывается, что и этот Начальный Летописный Свод не был древнейшим, что ему предшествовали еще более древние, составленные в XI веке [2]). Это доказывается противоречиями между разными текстами Начальной Летописи: так, вопреки известиям Начального Свода, древнейший киевский свод помещает Аскольда и Дира в Киеве до прихода Рюрика в Новгород, называет Олега не князем, а только воеводой Игоря,

---

[1]) *Бестужев-Рюмин,* О составе русских летописей до XIV века: „Летопись занятий Археографич. Комиссии", вып. 4-й, стр. 25.

[2]) *Шахматов,* Разыскания о древнейших русских летописных сводах, Спб. 1908, особ. стр. 539 и сл. Признавая это исследование в методологическом особенно отношении весьма важным, трудно, однако, признать доказанными и прочно установленными главные выводы автора.

сообщает о войне Игорева воеводы Свенельда с угличами и т. д.; хронология киевского свода основана на Георгии Амартоле, а свода, называемого теперь начальным, на Никифорове „Летописце вскоре“; в Начальном Своде сравнительно с древнейшим киевским много лишнего: больше выписок из Георгия Амартола, вставлены договоры с греками, сказания об обычаях славян, об апостоле Андрее и т. д. Как бы то ни было, но ясно, что летописные своды стали составляться на Руси не позднее начала XII века, а может быть и в XI столетии.

Долгое время в ученой литературе по русской истории господствовало мнение, что автором Начальной Летописи был монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Это мнение основывается на сохранившемся в некоторых литературных памятниках, напр., в Печерском Патерике, предании, что существовал в киевский период Нестор, „иже написа летописец“, и на указаниях заглавий некоторых списков Начальной Летописи, что она составлена „черноризцем Феодосиева монастыря Печерского“, иногда даже прямо говорится „Нестором“ [1]). Но предания не доказывают, что Нестор был составителем именно того самого летописного свода, который теперь называется Начальным. Не доказывают этого и свидетельства заглавий некоторых списков именно потому, что такие заглавия свойственны не всем, а некоторым спискам, следовательно, имя Нестора в них поставлено не самим автором, а переписчиками по их догадкам: будь оно помещено по воле автора, переписчики не имели бы причин его выкидывать [2]). Итак, доказательства в пользу авторства Нестора неубедительны. Но этого мало: это авторство оказывается совершенно невозможным в виду того, что между летописью и несомненными сочинениями Нестора, нам уже известными, существует ряд непримиримых противоречий: в „Житии св. Феодосия“ Нестор говорит, что он был принят в монастырь, пострижен и возведен в диаконы игуменом Стефаном, а в летописи рассказчик о Печерском монастыре свидетельствует, что его принял св. Феодосий; в „Житии“

---

[1]) *Погодин*, Исследования, лекции и замечания по русской истории, ч. 1-я.

[2]) *Кубарев*, Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской: „Русский Историч. Сборник“, т. IV, 1840 г., кн. 4-я.

казано, что Нестор писал о Феодосии по свидетельству очевидцев, а в летописи рассказ составлен учеником Феодосия; по „Житию“ братьи собралось к Антонию 15 человек, а по летописи 12; в „Житии“ сказано, что Феодосий построил монастырь и послал в Константинополь монаха списать устав Студийского монастыря, а в летописи говорится, что монастырь был построен при игумене Варлааме, а в игуменство Феодосия нашелся монах Студийского монастыря Михаил, пришедший из Греции с митрополитом Георгием и сообщивший Феодосию устав Студийского монастыря; Нестор в „Житии“ ни слова не говорит о нежелании Феодосия поставить игуменом Стефана, — в летописи об этом есть; наконец, Нестор с сожалением приводит рассказ об изгнании Стефана из монастыря, а летописец хвалит подвижников, бывших в монастыре при Стефане [1]). В решении вопроса о личности составителя Начального Летописного Свода имеет первостепенное значение знаменитая приписка игумена Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестра, который говорит в ней о себе, что он в 1116 году „написа книгы си, летописець“. Большинство исследователей, основываясь на этой приписке, объявило Сильвестра простым переписчиком, но, во-первых, „написа“ значило не только „переписал“, но и „сочинил“, „составил“ (напр., „Нестор, иже написа летописець“), а, во-вторых, переписчик в то время обыкновенно был и продолжателем, автором, не ограничивался одной пассивной ролью, потому что, интересуясь историей, дополнял, сокращал, исправлял: это особенно должно сказать о таком важном лице, как игумен монастыря близ Киева, сделавшийся потом епископом. Итак, можно почти с полною уверенностью признать составителем Начального Летописного Свода Сильвестра [2]).

Первостепенную важность имеет вопрос об источниках Начального Летописного Свода. Прежде всего нет сомнения, что в числе источников этого свода были первообразные летописи, существовавшие на Руси раньше его. Так, имеются прямые указания на новгородского летописателя. И вообще в Начальном Летописном Своде попадается много известий,

---

[1]) *Бестужев-Рюмин*, О составе русских летописей до конца XIV в. Спб, 1868.

[2]) *Бестужев-Рюмин*, О составе рус. летописей, стр. 26.

несомненно записанных в Новгороде. Много известий записано также в Киеве, так что можно считать доказанным существование местных записей в этих двух главных центрах древнейшей русской жизни [1]). Некоторые исследователи идут, однако, дальше и утверждают, что к числу источников Начального Свода принадлежали летописные записи, сделанные еще в Чернигове, на Волыни, в Галиче, Переяславле, Полоцке, Тмуторокани и Муроме [2]). Основанием для таких заключений служит то соображение, что годы смерти знаменитых людей, войны, небесные знамения могли быть записаны только во время совершения событий и на месте, где они совершались. Надо признать это основание весьма шатким в той его части, где говорится о *месте* записи: если человек был известен, то и не местный житель мог знать о дне и даже часе его смерти; война и небесное знамение тоже могли быть отмечены не местным жителем, а только современником. Итак, чрезмерно широкие предположения о распространении летописания в древнейшей России надо оставить: они не доказаны. Вторым источником Начального Летописного Свода были отдельные сказания, существовавшие на Руси в письменном виде до его составления. Таким отдельным сказанием является прежде всего „Повесть временных лет", т.-е. рассказ о признании князей и утверждении Олега в Киеве; эта „Повесть", первоначально составленная без хронологических дат, написана киевлянином, потому что в рассказе об апостоле Андрее выражается удивление перед северными банями, неизвестными па юге, а в предании об основании Киева неоднократно встречаются слова „на горах *сих*", и дается благоприятный отзыв о полянах; время составления этой „Повести" — вторая половина XI века; она не могла составиться раньше, потому что сказано: „яко се и при нас половцы закон держат отец своих", а половцы появились в половине XI столетия; не могла она появиться и в XII веке, потому что при рассказе о языческих обычаях славян прибавлено „еже творять вятичи и ныне", а вятичи были крещены в XII столетии [3]). Далее, отдельным сказанием надо признать предание о принятии христианства Влади-

---

[1]) Там же, стр. 50 и след.
[2]) Там же.
[3]) *Ключевский*, Курс рус. истории, ч. 1.

миром; оно отличается не летописным характером и, как мы видели, мало достоверно. Составилось оно в самом начале XII века: пришедшие к Владимиру евреи, по словам предания, сказали, что Иерусалим предан в руки христиан; это не могло быть сказано раньше 1099 года, когда Иерусалим был взят крестоносцами [1]). Отдельным сказанием является и сказание о убиении Бориса и Глеба, потому что оно имеет особое заглавие: „О убиении Борисове“ и разрывает нить рассказа: ему предшествуют слова: „Святополк же седе в Киеве“, а после него опять повторено: „Святополк же оканьный нача княжити Кыеве“ [2]). Вставочными сказаниями признаются и разные рассказы о Печерском монастыре, — напр., об основании монастыря, о перенесении его мощей. Наконец, сюда же относится и рассказ некоего Василия об ослеплении Василька [3]). Третий и очень притом важный источник Начального Летописного Свода — это византийские писатели. Больше всего повлияла здесь известная уже нам хроника Георгия Амартола в славянском переводе: она была источником для многих известий из византийской истории, попавших в наш свод, литературным образцом и даже вдохновителем автора при процессе составления им своего миросозерцания, монашески-аскетического [4]). Другим византийским источником Начального Свода было апокрифическое сочинение Мефодия Патарского, известное в славянском переводе под заглавием: „Слово о царствии язык последних времен“ [5]). Хронология основана на Никифорове „Летописце вскоре“ [6]). Есть следы и иных византийских влияний, отразившихся на отдельных сказаниях, вошедших в свод и, следовательно, бывших источниками не в руках составителя свода, а для авторов тех сказаний, которыми этот составитель пользовался. Такое же значение источников в руках составителей отдельных сказаний, какими пользовался сводчик, имеют произведение народной поэзии и вообще устные народные предания, — о призвании князей Олеге, Ольге и т. д.,

---

[1]) Там же.
[2]) *Бестужев-Рюмин*, О составе рус. лет., стр. 50
[3]) Там же, стр. 50, 9—14.
[4]) *Сухомлинов*, О древней рус. летописи, Спб. 1856, стр. 103.
[5]) Там же, стр. 108.
[6]) *Шахматов*, Хронология древнейших рус. лет. сводов: „Ж. Мин. Нар. Пр.“ за 1897 г., апрель, стр. 476.

а также Историческая Палея. Но что касается рассказов современников и очевидцев разных событий, то за ними можно легко признать значение источников и в руках самого составителя свода, а не только авторов первообразных летописей, киевской и новгородской. Монахи киевских монастырей, особенно Печерского, находились в постоянном живом общении с окружающим миром: они занимались ремеслами, продажей своих произведений, хозяйством в монастырских селах, посещали князей, давали им иногда советы, принимали у себя князей, бояр, епископов с разных концов русской земли. При таких условиях было бы прямо невероятно, чтобы летописатели-монахи не пользовались рассказами очевидцев и современников. Есть в этом смысле и прямые указания в тексте Начального Летописного Свода: в 1106 г., по этому тексту, умер в Печерском монастыре старец Ян, „от него же и аз многа словеса слышах, яже и вписах в летописаньи сем“. Наконец, в руках составителя Начального Свода были документы, договоры русских князей, Олега, Игоря и Святослава, с греками. Всеми этими довольно разнообразными источниками сводчик и его предшественники — составители первообразных летописей и отдельных сказаний — пользовались так же примитивно, как то делали по отношению к своим источникам средневековые западно-европейские летописцы: источник переписывался целиком, обыкновенно почти без изменений, оставались даже без всякой перемены заявления от первого лица. Это приводило к ряду противоречий в своде: рассказ о пришествии на Русь апостола Андрея противоречит названию апостола Павла учителем славян и заявлению, что апостолы не учили на Руси; упоминание о Переяславле при Олеге противоречит известию об основании его при Владимире; два раза упомянуто о первом приходе печенегов и потом половцев и т. д. [1]). Но если такое пользование источниками свидетельствует о первобытных с технической точки зрения литературных приемах автора, то оно ведет вместе с тем и к полезным результатам: позволяет нам не только определить источники свода, но и оценить их с точки зрения достоверности. Все это внушает твердую уверенность в добросовестности и правдивости самого составителя Начального Летописного Свода.

---

[1]) См. Начальную Летопись в соответствующих местах.

Летописание в древнейшей России не ограничилось составлением Начального Свода и предшествовавшего ему древнейшего киевского свода: XII век подарил нам еще три летописных свода, — южно-русский, северный — суздальский и новгородский. Южно-русский свод (вторую часть его — Галицко-Волынскую летопись — надо выделить в особое целое, возникшее уже в XIII веке и потому сейчас не подлежащее нашему изучению) составился главным образом из киевских известий, несомненно и записанных в Киеве, потому что киевские события описываются особенно подробно, с большим вниманием и сочувствием, нередко от первого лица: о киевлянах говорится „наши", „мы"; в рассказе о перенесении тела Владимира Андреевича из Вышгорода в Киев читаем. напр.: „*поидохом* с Володимером из Вышгорода"; под 1180 годом сказано: „*здеже* удеяся великое зло", и далее объяснено, где это „здеже" — „в Киеве" и т. д. [1]). Само собою разумеется, что на пространстве 90 лет не мог писать, как очевидец, один человек, так что и киевская летопись, служившая главным источником южно-русского свода, не была первообразной, а представляла собою тоже свод. Довольно трудно с точностью определить, из каких элементов сложилась эта киевская летопись и сколько лиц трудилось над ее составлением; однако, есть данные для приблизительного решения этих вопросов. Давно замечено, что рассказ о киевских событиях между 1111 и 1146 годами отличается от последующего меньшею обстоятельностью и отсутствием подробностей [2]). Есть и другие признаки, заставляющие предполагать здесь особого летописателя: главная черта всего рассказа в указанных хронологических пределах — миролюбие автора, сочувствие его порядку и спокойствию в Русской земле и отрицательное отношение к войне, особенно междоусобной: так, летописатель хвалит Ярополка за то, что он „не радуеться кровопролитью, но бога ради восхощеть мира, то бо соблюдасть землю Русь" [3]); по поводу смерти восставшего против Владимира Мономаха его племянника Ярослава говорится о необходимости сми-

---

[1]) Пол. Собр. Рус. лет., II, стр. 118, 126; *Бестужев-Рюмин,* О составе русских летописей, стр. 133; *Тихомиров,* О Лаврентьевск. летописи: „Журн. Мин. Нар. Пр." за 1884 г., окт., стр. 246, 248.

[2]) *Костомаров,* Лекции по русской истории, ч. 1, источники русской истории, Спб. 1861, стр. 43.

[3]) Полное Собр. Рус. Лет., т. II, стр. 16.

рения и надежды на бога, а не на войско [1]). Выставляя идеалом своим общерусский мир, летописатель указывает и на те практические средства, какие могут привести к достижению этого идеала; первое из этих средств — подчинение всех князей старшему киевскому князю, обязанность их помогать ему военной силой по его призыву; с похвалой отмечено, что Владимир Мономах, победив возмутившегося Ярослава, „наказал его о всем, веля ему к себе приходити, когда тя позову“; говорится, что прав был Мстислав Владимирович, заточивший в Царьград двух князей, „зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть в Русскую землю в помоць, но паче молвяху Бонякови шелудивому (половецкому хану) во здоровье“ [2]). Другое средство сохранения общего спокойствия — соблюдение принципа отчины, т.-е. сохранение за каждою из княжеских линий того, чем владел отец. Поэтому расточаются похвалы Ярополку именно за то, что он отдал Ольговичам их отчину, видно сочувствие Андрею Владимировичу, когда он защищает свою отчину Переяславль от Всеволода Ольговича [3]). Чрезвычайно замечательно также, что летописец чужд исключительных династических симпатий; он расположен к Мономаховичам, но нет у него вражды и к Ольговичам: с особенной похвалой подчеркивается, напр., поступок Всеволода Ольговича, не воспользовавшегося пожаром Переяславля, чтобы захватить этот город у Андрея Владимировича, несмотря на то, что мирный договор между князьями был скреплен в то время присягой только одного Андрея, Всеволод же не поцеловал еще креста [4]). Несочувствие войне, неоднократные указания на необходимость смирения и надежды на бога, беспристрастие и внепартийность [5]) указывают, что эта часть Киевской летописи писана духовным лицом. На основании всего сказанного ее следует признать в высокой степени достоверной, тем более, что этот беспристрастный рассказ составлен, очевидно, современником. Вторая часть киевской летописи содержит в себе рассказ о событиях 1146 — 1154 годов. Здесь описана ожесточенная борьба Изяслава Мстиславича с Оль-

---

[1]) Там же, стр. 9.
[2]) Там же, стр. 8, 15.
[3]) Там же, стр. 15, 16.
[4]) Там же, стр. 23.
[5]) Там же, стр. 14, 15, 23, 25.

говичами и Юрием Суздальским. Автор этого рассказа — современник, сторонник и, вероятно, даже соратник Изяслава, так как под 1151 годом сказано: „и рече слово то якоже и прежде *слышахом*“ [1]), а сказал „слово то“ Изяслав к войску; притом такие события, как свидание Изяслава с братом Ростиславом, приезд его в Новгород и поход на Суздальскую землю [2]), изображены так ярко и отчетливо, что заставляют предполагать в авторе очевидца. Этот второй киевский летописатель отличается сильными династическими сочувствиями, привязан к Мономаховичам и, подобно большинству киевлян, не любит Ольговичей. Он желал бы, чтобы Киев стал отчиной потомков Мономаха, но признает принцип старшинства и с молчаливым неодобрением отмечает необычные для того времени и шедшие в разрез с общепринятыми взглядами слова своего любимого князя Изяслава: „не идеть место к голове, но голова к месту“ [3]). Замечаются наконец, начиная с седьмого десятилетия XII века, и следы третьего киевского летописателя. Это, несомненно, духовное лицо, монах, как видно из того, что, восхваляя князей, он на первый план выдвигает их почтение к монастырям и „иноческому чину“ [4]); рассказывая с болью в сердце о бедствиях Киева при взятии его войсками Андрея Боголюбского, летописатель не забывает упомянуть и о том, что был зажжен и Печерский монастырь, „но бог молитвами св. богородицы соблюде и от таковые нужи“ [5]). Довольно часто попадаются цитаты из Священного Писания: апостола Павла, Евангелия, псалмов и пр. Нельзя сказать, чтобы третий киевский летописец был проникнут привязанностью к одной княжеской династии, но у него есть все-таки довольно определенные симпатии к Ростиславичам, он с любовью и сочувствием отмечает их успехи [6]). Им руководят в этих симпатиях не только безотчетные чувства, но и известные политические понятия, наметившиеся в южной Руси: ничто не возбуждает в нем такого отвращения, как самовластие Андрея; изгнание последним братьев и суздальского епископа Леона объясняется

---

[1]) Там же, стр. 48.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Полн. Собр. Рус. Лет., т. II, стр. 112, 121.
[5]) Там же, стр. 100.
[6]) Там же, стр. 95, 97 и др.

именно этим стремлением к самовластию; Андрей, „исполнивъся высокоумья, разгордевся вельми“, хотел распоряжаться по всей Русской земле, и хотя, по словам того же летописца, „был умник во всех делех“, „добль“, по заслуживал порицания па свое „невоздержапье“, т.-е. несдержанность, высокомерие; Роэтому с большим сочувствием отмечается ответ Мстислава зостиславича Андрею: „мы назвали тебя отцом, а ты обращаешься с нами не как с князьями, а как с подручниками и простыми людьми; так пусть нас бог рассудит“ [1]). Неудача Андрея вызывает замечание словами апостола Павла: „возносяйся смириться, а смиряйся вознесеться“ [2]). Летописец вообще является охранителем старых киевских политических преданий и с особенной силой подчеркивает необходимость для каждого князя руководиться советами дружины [3]). Чуть ли пе самая важная особенность третьего киевского летописателя XII века — его тенденциозность, стремление извратить истину в пользу тех, кто ему приятен, и в ущерб врагам. Так, рассказывая о вторичном изгнании епископа Леона из суздальской земли Андреем Боголюбским, он руководится, очевидно, свидетельством самого изгнанного и обвиняет князя в ереси, тогда как на деле в ней был виновен епископ [4]). Другой пример тенденциозности — рассказ о событиях в Новгороде; по южно-русскому своду, новгородцы изгнали Святослава Ростиславовича, сына киевского князя, без всякой вины со стороны князя и его отца, и только в отмщенье за это Ростислав киевский предал заключению бывших при нем новгородских „мужей“; на деле было иначе: это заключение новгородских мужей в Киеве и повело к низвержению Святослава [6]). Вот те черты, какими отличается, насколько можно рассмотреть в настоящее время, киевская летопись XII века. Но южно-русский свод имел еще и другие источники и притом не только южные: в значительной своей части он составился из записей, сделанных на севере; следы суздальского летописца замечаются с середины века и тянутся почти непрерывной нитью до конца его; предполагают обыкно-

[1]) Там же, стр. 109.
[2]) Там же, стр. 110.
[3]) Там же, стр. 121, 122, 136.
[4]) *Бестужев-Рюмин*, О составе рус. летописей, стр. 127—129; *Макарий*, История рус. церкви, т. III, стр. 81—85.
[5]) *Бестужев-Рюмин*, О составе рус. лет., стр. 125—126.

вепно, что летописи на севере составлялись не в одном городе, а по крайней мере в трех, — Ростове, Суздале и Владимире [1]); трудно судить, насколько справедливо это предположение, но несомненно одно: во многих известиях северного происхождения заметны очень яркие пристрастия к таким князьям, как Андрей и Всеволод Юрьевичи, к зарождавшемуся типу князей-вотчинников, хозяев своего удела, с властными замашками и с демократическими антибоярскими тенденциями: Андрей „не величав был на ратный чин, но похвалы ждал от одного бога, был милостив на свой род, паче же на крестьяны“ [2]); по поводу убийства Андрея и тех мотивов, какими оно было вызвано, — казни Кучковича — припоминается текст из послания ап. Павла: „всяка душа властем предержащим да повинуется“ [3]); порицаются племянники Андрея за то, что они слушали бояр, а сами мало участвовали в управлении [4]). Остается констатировать существование летописных записей еще в некоторых русских городах в XII веке: таковы записи черниговские, смоленские, полоцкие, галицкие [5]). Отличительной чертой каждой из этих местных первообразных летописей является привязанность к местной княжеской династии, проявляющаяся в прямых похвалах князьям и в попытках освятить всякий их успех указанием на божественное содействие. Эти династические симпатии стоят, повидимому, в связи с пустившей уже довольно глубокие корни на Руси в то время мыслью об отчине, особенно отчетливо заметной в известиях черниговского летописца.

Южно-русский летописный свод замечателен еще по тем приемам, какие употреблял в своей работе его составитель; он, как и известный уже нам составитель Начального Летописного Свода, не мудрствовал, не старался стереть индивидуальные черты бывших в его распоряжении источников, а почти дословно переписывал эти источники. Этим объясняется, с одной стороны, та разноголосица взглядов и мнений какую пришлось только что отметить, с другой — живость и драматизм изложения.

---

1) Там же, стр. 122, 125.
2) Пол. Собр. Рус. Лет., II, стр. 112.
3) Там же, стр. 115.
4) Там же, стр. 117.
5) *Бестужев-Рюмин,* О составе русск. летописей, стр. 123, 140, 145.

Северный, суздальский летописный свод прежде считался простым сокращением южного, но в настоящее время это мнение справедливо признается неверным [1]). Правда, до половины XII века в нем содержатся известия, касающиеся только южной Руси и, несомненно, там и записанные. Можно даже думать, что в руках северного сводчика была именно та киевская летопись, какою пользовался его южный собрат, но нет сомнения, что первый распоряжался своим источником независимо от последнего, многое сокращая, обесцвечивая изложение, лишая его живых красок современности, но оставляя часто такие подробности, которые пропущены в южнорусском своде. Приднепровские летописи были в руках составителя северного свода и при описании событий второй половины столетия: есть между ними и киевская летопись, быть может, тот третий киевский летописец, которым так много пользовался южно-русский сводчик; попадаются записи черниговские и переяславские [2]). Но везде составитель свода сильно переделывает свои южно-русские источники, обезличивает их и поэтому не дает нового материала для суждения о недошедших до нас непосредственно приднепровских первоначальных летописях. Несравненно живее рассказ Суздальского свода о родных составителю северных событиях. Уже в суздальских и ростовских известиях проглядывают иногда если не миросозерцание и не политические идеалы, то, по крайней мере, симпатии местных летописцев. Но всего яснее следы современника и очевидца во владимирских записях: здесь очень часто владимирцы называются „мы", „наши", с любовью и вниманием отмечаются местные события, даже и мелкие: рождение и смерть князей и княгинь и членов их семейств, пожары, построение церквей [3]). Владимирскую летопись писало, несомненно, духовное лицо: это видно из большого интереса к церковным делам, из похвал расточаемых князьям за уважение к монахам и милости монастырям и церквам; под 1185 годом помещена похвала епископу Луке, уместная только под пером лица, имеющего духовный сан [4]).

---

[1]) *Соловьев*, История Россси, т. III, прим. 242; *Бестужев-Рюмин*, О составе русск. лет., стр. 70.

[2]) *Тихомиров*, О Лаврентьевской летописи: „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1884 г., окт., стр. 250 и сл.

[3]) Там же, стр. 248 и сл.

[4]) Там же, стр. 252.

17

Заметно, что это — тот же владимирский летописец, которым пользовался составитель южно-русского свода, но северный сводчик пользовался им обильнее, и потому в его труде осталось больше следов, указывающих на политические воззрения владимирского летописателя: в рассказе о борьбе Вселовода Юрьевича с племянниками сильнее, чем в южно-русском своде, подчеркнута противоположность между аристократическими тенденциями бояр и старым вечевым строем, с одной стороны, и стремлениями владимирцев — с другой [1]); резко высказывается порицание новгородцам за их „неправду", за постоянные перемены князей и измену присяге [2]); наконец, снимается вина с Вселовода в совершенном владимирцами ослеплении его племянников, Яронолка и Мстислава [3]).

Наконец, в XII веке был составлен летописный свод в Новгороде. Следы составления первообразной летописи в Новгороде заметны еще в первой половине XI века: под 1030 годом, при известии о смерти первого новгородского епископа Иоакима, сказано: „бяше ученик его Ефрем, иже мы учаше" [4]). Указание на другого летописателя встречаем под 1144 годом: „в то же лето постави мя попом архиепископ святый Нифонт" [5]). Предполагают, что этот летописатель был священник церкви св. Иакова на Добрыниной улице Герман Воята, о смерти которого находим известие под 1188 годом [6]). С 1188 по 1196 год заметно участие еще третьего летописателя [7]). Наконец, с 1197 по 1200 год идут памятные записи самого сводчика, составившего весь свой труд в самом конце XII века [8]). Новгородский летописный свод носит на себе печать местных условий. Он лишен того художественного, местами прямо поэтического колорита, каким отличается южно-русский свод, но в то же время это и не сухое, бесцветное, вялое изложение, с которым по большей части приходится иметь дело, изучая свод суздальский: нов-

---

[1]) Пол. Собр. Русск. Лет., I, стр. 161.

[2]) Там же, стр. 163.

[3]) Там же.

[4]) Пол. Собр. Русск. Лет., I, под 1030 г.

[5]) Там же, под 1144 г.

[6]) *Тихомиров*, Несколько заметок о Новгор. летописях: „Ж. М. Нар. Пр." за 1892 г., сент., стр. 144.

[7]) Там же, стр. 148 и сл.

[8]) *Перевощиков*, О русских летописях и летописателях по 1240 г „Труды Рсс. Академии", ч. IV, Спб. 1841, стр. 199.

городская летопись отличается краткостью, но в этой краткости чувствуется сила, — сказано все, что необходимо, и лишь настолько, насколько необходимо, но за этой краткой, отрывистой речью чувствуется сердце, бьющееся живой любовью к родному городу и его воле.

В предшествующем изложении неоднократно приходилось указывать на черты различия между отдельными летописателями и сводчиками. Местные интересы и порядки, общественное положение, династические симпатии, личные взгляды, талант — вот главные источники этих различий. Но у всех летописцев было нечто, что соединяло и сближало их между собою; это, во-первых, слабое, смутно выраженное сознание народного и бытового единства русской земли, во-вторых, религиозная идея, вдохновлявшая всех и каждого, дававшая критерий для моралистических выводов и поучений: каждый летописец ищет опоры для поступков и мер своих любимых князей в божественном авторитете и правилах христианской нравственности, каждое бедствие рассматривается, как наказание за грехи.

Тем же моралистическим характером отличается, наконец, и знаменитое „Поучение“ Владимира Мономаха, в котором также много чисто исторических элементов. Это сочинение также имело для себя образцы в переводной славяно-русской литературе: так, в Святославовом „Изборнике“ 1076 года находятся поучения Ксенофонта и Феодоры [1]. Историческая часть „Поучения“ Мономаха заключает в себе рассказ о его жизни, главным образом о военных подвигах и походах и об охотничьих удачах. Этот рассказ, как и рассказ летописный, служит канвой для моралистических выводов и поучений: как вести себя в повседневном обиходе, в делах управления, в отношении к иностранцам, как исполнять религиозные и нравственные обязанности. Нравственные идеалы, здесь проповедуемые, не возвышались над моральным уровнем современного автору общества: мотивы требований автора житейские, утилитарные [2].

Обозревая историческую литературу в древнейшей России, мы убедились, что в ней преобладал не научный и даже не художественный интерес, а нравственно-богословский. Это

---

[1]) *Владимиров*, Древ. русск. литература, стр. 247.
[2]) *Келтуяла*, Курс истории русск. литературы, т. I, 1, стр. 568.

важное обстоятельство сближает ее с богословской или чисто духовной литературой, переводной и оригинальной. Переводная с греческого богословская литература была представлена очень значительным количеством произведений византийского церковного красноречия, но лишь незначительная их часть переведена специально на русский язык, в большинстве же случаев существовали лишь переводы на болгарском языке, привезенные из Болгарии [1]). Эта переводная литература отличалась большим разнообразием видов: тут были сочинения догматические, библейски-истолковательные, нравоучительные. Нет нужды для нашей цели перечислять эти сочинения. Отметим только главные из них: так, были уже в XII веке известны на Руси сборники поучений отцов восточной церкви,— „Златоструй" — сборник избранных слов Иоанна Златоустого, „Измарагд" — собрание слов и поучений Иоанна Златоустого, Василия Великого и др.; в рукописи XI века дошли до нас 13 слов Григория Богослова; распространялись — далее — творения Ефрема Сирина, отличающиеся картинами пришествия антихриста и конца мира; известны были, наконец, труды Иоанна Дамаскина, Кириллы Иерусалимского, Афанасия Александрийского и т. д. [2]). Громадное большинство этих произведений отличается, однако, малодоступностью, не приноровлено к пониманию просто грамотного читателя и могло обращаться только среди людей более или менее образованных, которых было тогда немного. Вот почему они не могли достигнуть широкого распространения, за исключением очень немногих, и оказали лишь отчасти влияние на оригинальную русскую богословскую и церковно-учительную литературу, причем влияние это делало и русские произведения, ему подвергавшиеся, недоступными для массы [3]). Нет, конечно, ничего удивительного в том, что оригинальных русских *догматических* сочинений не было: догматика не могла привлекать внимание церковных пастырей народа, недавно еще принявшего христианство. Неудивительно и то, что библейско-истолковательные, похвальные и обличительные произведения были редкостью: это была роскошь по тому времени, расчитанная лишь на утонченный вкус и встречавшая мало

---

[1]) *Голубинский,* История русск. церкви, I, 1, стр. 729.
[2]) Там же, стр. 732; *Владимиров,* стр. 129.
[3]) *Голубинский,* Ист. русск. церкви, I, 1, стр. 735—736.

спроса; из библейско-истолковательных трудов обращает на себя внимание только послание митрополита Климента, жившего во второй половине XII века, к смоленскому пресвитеру Фоме: здесь автор высказывается, по образцу некоторых византийских богословов, за иносказательное, аллегорическое толкование св. писания, за испытание его „потонку“ [1]). Из сочинений похвальных или панегирических замечательны: „Слово о законе и благодати и похвала кагану Владимиру“ митрополита Илариона во второй половине XI века, а также панегирики праздникам, составленные Кириллом, епископом Туровским, жившим в половине XII столетия. Оба писателя отличаются весьма хорошим знакомством с риторической наукой во всех ее тонкостях, а Иларион обладал, сверх того, блестящим ораторским талантом, что позволяло ему быть гораздо самостоятельнее по отношению к византийским образцам, чем был Кирилл Туровский; у этого последнего риторство стало целью само по себе и заслонило собою совершенно практические задачи церковной проповеди, причем подражание греческим проповедникам-риторам доходило до рабского копирования их ораторских приемов,—параллелей, поэтических украшений и пр. [2]). Цель Илариона — представить идеал князя-просветителя и организатора [3]). Обличительная литература была представлена появившимися в XI веке, опять-таки под византийским влиянием и по византийским источникам, полемическими посланиями против латинян, составленными митрополитами Леонтием, Георгием и Иоанном II [4]). Но главной темой церковных слов и посланий является, несомненно, нравственное поучение, потому что ни в чем так не нуждалось русское общество киевского периода, как в подъеме его нравственных сил. Аскетизм — вот главная цель, к которой стремились церковные проповедники того времени, видевшие в аскетической морали единственное средство для ослабления грубых инстинктов и элементарных побуждений, которым предана была полуязыческая народная масса. Среди поучительных произведений встречаем, прежде всего, труды известных уже нам Кирилла Туровского и митро-

---

[1]) *Владимиров,* Древ. русск. литература, стр. 151.
[2]) *Голубинский,* История русск. церкви, I, 1, стр. 843 и сл., 706.
[3]) *Келтуяла,* Курс истории русск. литер., I, 1, стр. 647.
[4]) Там же, стр. 631 — 632.

полита Климента, проникнутые византийским влиянием, но первостепенное практическое значение этой отрасли богословской литературы выступает с особенною ясностью из того факта, что существовало много церковных поучений, чуждых всякого подражания византийским образцам, коротких, простых, бесхитростных, совершенно нериторических, доступных для понимания массы. Таковы были в первой половине XI века поучения епископа новгородского Луки Жидяты [1]; к тому же типу принадлежат бесхитростные поучения св. Феодосия Печерского [2], а также слово новгородского архиепископа Илии-Иоанна, относящееся ко второй половине XII столетия [3].

Чтобы закончить обзор литературы и просвещения в киевской Руси, нам остается рассмотреть данные, имеющие отношение к той или иной области научного знания: к философии и к естествоведению и, наконец, к науке права. О философии в собственном смысле этого слова по отношению к древнейшей России не может быть и речи: „философом назывался тогда тот, кто знал риторику или „грамматикию" [4]; знание было лишено всякого критического элемента и отличалось нестройностью, бессистемностью; собственная мысль, „мнение", считалась, как и позднее, опасной и вредной, объявлялась матерью всех страстей. Мы видели на примерах митрополитов Илариона и Климента и епископа туровского Кирилла, что изучение риторики приносило свои плоды и на практике.

Но если философское образование сводилось в то время к изучению риторики, то еще более скудными оказываются сведения по естественным наукам. Энциклопедией знаний по естествоведению служило для образованных людей того времени переводное, проникнутое чисто религиозными воззрениями и библейскими преданиями, сочинение, так-называемый „Шестоднев" Иоанна экзарха болгарского,—6 слов о сотворении мира [5]. Другим источником знаний о внешней природе была также переводная „Христианская топография" Козьмы Индикоплова, составленная еще в VI веке и пред-

---

1) Там же; *Голубинский,* I, 1, стр. 813.
2) *Голубинский,* I, 1, стр. 814; *Келтуяла,* I, стр. 659—660.
3) *Голубинский,* I, 1, стр. 819 и сл.
4) *Пыпин,* История рус. литературы, т. I, стр. 79.
5) *Голубинский,* История рус. церкви, I, 1, стр. 732—733.

ставлявшая собою соединение географии с богословием: автор, напр., высказывается против шарообразности земли; звезды, по его объяснению, вращаются ангелами и т. д. [1]). Некоторого пополнения знаний по географии и этнографии можно было бы на первый взгляд ожидать от сочинений русских паломников, отправлявшихся в Иерусалим, подобно игумену Даниилу, или в Константинополь, как то сделал новгородский архиепископ Антоний, но, читая описания этих путешествий, мы видим, что авторами их руководил чисто религиозный интерес, что легенды и апокрифы заслонили от их внимания природу и людей [2]).

Правоведение имеет гораздо большее практическое значение, чем изучение природы. Поэтому оно, естественно, и привлекало больше внимания. Само собою разумеется, что о систематическом научном исследовании права в то время не могло быть и речи, но уже существовали юридические сборники, составлявшиеся с практическими целями. Мы знаем все, что нам нужно, о памятниках церковного права. Теперь необходимо рассмотреть состав и происхождение важнейшего юридического памятника изучаемого периода — Русской Правды. Если не считать мнения исследователей так-называемой скептической школы в русской истории, сводившегося к провозглашению Русской Правды позднейшей подделкой [3]) и давно уже опровергнутого, то можно сказать, что на происхождение Русской Правды в ученой литературе существует два взгляда: одни признают Правду официальным законодательным актом [4]), другие считают ее частным юридическим сборником [5]). Доказательства, на которые опираются последователи первого взгляда, состоят в следующем: во-первых, имена Ярослава, его сыновей и Владимира Мономаха находятся во всех списках, во-вторых, в новгородских летописях под 1016 годом сказано, что Ярослав, добыв Киев, наградил новгородцев и дал им правду и устав, сказав: „по сей грамоте ходите и дер-

---

[1]) *Владимиров*, Древ. рус. литература, стр. 46—47.

[2]) *Голубинский*, I, 1, стр. 831 и сл.

[3]) *Каченовский*, Мой взгляд на „Русскую Правду“: „Вестн. Евр.“ за 1829 г., №№ 13—15.

[4]) Татищев, Шлёцер, Болтин, Карамзин, П. Строев, Эверс, Рейц, Погодин, Тобин, Неволин, Ланге и пр.

[5]) Калачов, Попов, Дювернуа, Сергеевич, Гец, Максимейко и пр.

жите, якоже писах вам"; в третьих, порядок статей в разных списках Русской Правды приблизительно одинаков; в четвертых, в Правде есть и внешнее единство: все ее постановления — законы, основанные на юридических обычаях и отдельных судебных решениях; в пятых, все русское право развивалось рядом уставов и грамот; уставом должен быть, следовательно, и исходный пункт его, каким является Русская Правда; в шестых, при Ярославле была нужда в законодательстве, так как происходило столкновение языческих и христианских понятий; накопец, в седьмых, частным сборником Русская Правда не могла быть по той причине, что такие сборники никогда не появляются на заре истории права, а встречаются лишь тогда, когда им предшествует многосложное, запутанное и развитое право [1]). Такова аргументация в пользу взгляда па Русскую Правду, как памятник официального законодательства. Взгляд на Правду, как частный юридический сборник, основывается прежде всего на наблюдении, что состав и порядок статей в разных списках неодинаковы [2]). Далее, сторонники этого взгляда доказывают, что известие Новгородской летописи о словах Ярослава — „по сей грамоте ходите и держите, якоже писах вам" — не относится к Русской Правде, потому что, во первых, последняя не предоставляет никаких льгот и привилегий Новгороду, и во-вторых, даже в кратком тексте есть статьи, не принадлежащие Ярославу, а изданные после него его сыновьями, так что очевидна неумелая позднейшая вставка Правды в летопись [3]). Третьей опорой взгляда на Русскую Правду, как частный сборник, является отсутствие в Правде внешнего единства, господство разнообразия форм: на-ряду с народными обычаями в ней встречаются законодательные постановления князей и судебные решения по отдельным случаям [4]). Четвертое доказательство состоит в указании, что в официальных законодательных актах законодатель говорит о себе всегда в первом лице, тогда как в Правде мы

---

[1]) *Погодин*, Исследования, замеч. и лекции по русской ист., т. I, стр. 233, т. III, стр. 369; *Ланге*, Иссл. об угол. праве Р. Правды, стр. 20—22.

[2]) *Попов*, Р. Правда в отнош. к угол. праву, стр. 25; *Дювернуа*, Источники права, стр. 85—90 и 151.

[3]) *Попов*, стр. 6—11; *Калачов*, Предварит. юридич. свед.

[4]) *Калачов*.

встречаем упоминания о князьях только в третьем лице: „по Ярославе же паки совокупившееся сынове его“; „Ярослав был оуставил убити и, но сынове его по отце оуставиша на куны“, „оуставил Изяслав в своем конюсе“; „Володимер Всеволодичь... устави1“ и т. д.[1]). Пятым доказательством того же мнения служит наличность в Русской Правде объяснения мотивов, совершенно неуместного в официальном памятнике: напр., холопы не подлежат продаже, „зане суть несвободни“; несчастная случайность не делает несостоятельного должника преступником, „занеже погуба от бога, а не виноват есть“ и т. д. [2]). Наконец, в-шестых, мысли о том, что Русская Правда — официальное законодательство, противоречит ряд встречающихся в некоторых списках пространной Правды статей, не имеющих даже никакого отношения к праву: в них речь идет о приплоде от скота в течение 12-ти лет, приплоде пчел и „прибытке“ от хлеба и сена [3]).

Уже одно простое сопоставление доводов обоих направлений показывает, что соображения сторонников неофициального происхождения Правды более основательны, нежели взгляд на нее, как на законодательство Ярослава, его сыновей и Владимира Мономаха. От доводов исследователей, признающих изучаемый нами памятник официальным княжеским законодательством, остаются только одни общие рассуждения о том, что русское право развивалось рядом уставов и грамот, что при Ярославе, вследствие колебания предания или, как тогда говорили, „пошлины“ необходим был княжеский устав, что частные сборники появляются только в более поздние исторические эпохи, притом при наличности запутанного и развитого права. Но ведь никто и не отрицает появления отдельных княжеских уставов, т.-е. законодательных решений, а колебание „пошлины“, старинного предания и обычая, если мы признаем его за факт, должно было именно создать путаницу в юридических понятиях общества, следовательно, хотя и не развитое, но запутанное право, другими словами, должно было послужить почвой для появления частных юридических сборников. Таким образом,

---

[1]) *Дювернуа*, Источники права, стр. 151.

[2]) Там же, стр. 151—152.

[3]) *Сергеевич*, Лекции и исслед. по истории русск. права. ч. I, стр. 174.

и общие соображения говорят не против частного происхождения Русской Правды.

В каком же общественном слое зародилась и осуществилась в действительности мысль о необходимости составить сборник законов, обычаев и судебных решений? Все данные указывают, что этот сборник составлен духовными лицами: во-первых, духовенство было образованнее других классов общества; во-вторых, оно была знакомо с византийским правом, не даром пространный текст Русской Правды помещался обыкновенно в Кормчих книгах рядом с византийскими юридическими памятниками: Эклогой, составленной в первой половине VIII века, ее славянской переделкой, называвшейся „Законом судным людем", Прохироном — сводом IX века; в третьих, духовенство нуждалось в руководстве для церковного суда по светским преступлениям[1]).

Следует различать два основных текста Русской Правды — краткий и пространный; последний разделяется еще на несколько редакций. Для изучения происхождения Русской Правды в высшей степени важно определить взаимные отношения различных ее редакций. Краткая редакция не может быть признана сокращением или отрывком пространной: это — самостоятельный, более древний юридический сборник, осложнившийся в пространном тексте позднейшими добавлениями и примечаниями. Это видно, прежде всего, из того, что в краткой Правде есть статьи, отсутствующие в пространной: если бы составитель краткого текста хотел сокращать, то этого не было бы. Далее: нет полного соответствия в порядке статей между кратким и пространным текстом; такое соответствие существовало бы и притом было бы полным и точным, будь краткий текст сокращением пространного. Наконец, самое содержание статей краткой „Русской Правды" носит следы большей древности: месть в кратком тексте применяется чаще, чем в пространном; не только при убийстве, но и при увечье, некоторые постановления сохранили древнюю форму судебного приговора: напр., говорится о 18 и 10 ворах-соучастниках по той, очевидно, причине, что су-

---

[1]) *Ключевский*, Курс русск. истории. Других мнений, вряд ли, однако, достаточно обоснованных, держатся некоторые новейшие исследователи; см. *Getz*, Das Russische Recht, особ. томы I и III; *Максимейко*, Опыт критического изучения Рус. Правды, ч. I.

дебное решение состоялось в данном случае по делу, в котором было замешано именно это число преступников; в пространной Правде эти цифры заменены более общим выражением: „будет ли их много“—это позднейшая переработка.

В какое же время возник древний юридический сборник, известный под именем краткого текста Русской Правды?

Наличность в нем постановлений Изяслава с братьями, несомненно, указывает, что краткая Правда образовалась не раньше смерти Ярослава, т.-е. 1054 года. Так как, с другой стороны, в кратком тексте Русской Правды нет постановлений Мономаха и решения Ярославичей о замене телесным наказанием казни раба, оскорбившего свободного человека, то, значит, этот текст составился до 1073 года, потому что Изяслав, Святослав и Всеволод *вместе* правили русской землей только до этого времени. Таким образом краткий текст Русской Правды был составлен в течение третьей четверти XI века.

Между редакциями пространного текста Русской Правды есть две, несомненно, позднейшего происхождения: одна XIV, другая XVI или XVII веков, следовательно, образовавшиеся тогда, когда юридические нормы, нашедшие себе выражения в изучаемом помятнике, потеряли практическое значение. Но две других редакции относятся к XII веку, потому что помещены в сборниках, образовавшихся в этом столетии. Любопытно при этом, что пространный текст Русской Правды, как видно из сравнения этих двух редакций, выработался не сразу: сначала систематизация материала отличалась большим несовершенством, и только потом, к концу XII века, сделаны были в этом отношении значительные успехи [1]).

---

[1]) См. по этому поводу *Рожков*, Очерки юридич. быта по Русск. Правде — в „Историч. и социолог. очерках“, ч. 2, М. 1906, стр. 98 и след. Автор новейшего исследования о Русской Правде Гец (Das Russische Recht, три тома), ссылаясь часто на названную сейчас работу, большею частью присоединяется к изложенным в ней взглядам, поскольку они относятся к содержанию Русской Правды. Немногие разногласия и поддерживающие их аргументы Геца не убедили пишущего эти строки в том, что Гец прав.

II.

Литва до начала XV века.

Мы не касались в предшествующей главе истории Литвы, как и некоторых других стран, за древнейшее время их существования, потому что данных для изложения этой истории сохранилось слишком мало. В таких случаях мы будем бросать взгляд назад при обзоре следующего периода, периода перелома в сторону феодализма. Для собственной Литвы, не считая примкнувших к ней областей западной и юго-западной Руси, для которых этот период перелома совпадает с общерусским, хронологические пределы его следует определить, с одной стороны, половиною XIII века, с другой—1430 годом, годом смерти Витовта: Миндовг, Гедимин, Ольгерд с Кейстутом, Витовт—вот литовские представители типа монархов, подобных Карлу Великому, Альфреду Великому, Владимиру Святому, Владимиру Мономаху. В особенности это надо сказать о Гедимине и Витовте.

До половины XIII века состояние Литвы было обычным и типичным состоянием варварства. Население было редким. Это видно, из того, что во-первых, незаметно было тогда никаких наступательных действий литовских племен по отношению к соседям,—очевидно, у литовцев не было к тому побуждений: земли было достаточно,—во-вторых, литовцы в то время совершенно не имели городов [1]): первые города в земле ятвягов, названной впоследствии Подляшьем, были основаны русскими, именно волынскими князьями; таковы были:

---

[1]) *Антонович*, Монографии по истории западной и юго-зап. Руси.

Городно, Берестье, Дорогичен, Мельник, Бельск [1]); даже Новгородок Литовский был построен теми же князьями [2]).

С этим гармонирует и свидетельство польского летописца Длугоша, что древнейшие литовцы жили по преимуществу охотой и скотоводством [3]). Землевладение было вольным или захватным на основе кровных союзов: литовские волости, подобные упоминающимся у ятвягов Злинцам, Покинцам и Крисменцам [4]), владели обширной территорией, а в пределах ее отдельные поселения или семейные союзы, каковы, напр., у тех же ятвягов Олдыкище, Привище, Карковичи и др. [5]), на время захватывали себе для хозяйственной эксплоатации определенные участки.

До половины XIII в. литовские племена не только не были объединены политически, но и каждое в отдельности не имело, повидимому, одного князя: все эти племена управлялись, по всем признаком, бесформенными, неорганизованными вечевыми сходками, руководимыми родовой аристократией. Многочисленность литовских вождей, называемых в русских летописях того времени князьями, убеждает в том, что это были не князья, а именно родовые старейшины: „князья" у каждого из литовских племен, по нашим летописям и немецким хроникам (напр., по Петру Дюсбургскому), считаются десятками: в одно и то же время перечисляются по 20, 30, 40 князей у одного и того же племени [6]). Следовательно, до половины XIII века Литва не знала даже элементарного государственного союза в истинном смысле этого слова, так как власть среди литовцев основывалась исключительно на кровном начале, на родовом старейшинстве.

С XIII века сильно растет литовское население, и соответственно этому развивается колонизация литовцев. Так, Литва колонизовала Бряславльскую землю [7]), западную окраину полоцких владений, и так-называемую Черную Русь—

---

[1]) Там же.

[2]) *Антонович*, Монографии по истории западной и юго-зап. Руси.

[3]) Там же.

[4]) Там же; *Беляев*, Рассказы из рус. истории, кн. 4, М. 1872, стр. 46.

[5]) *Антонович*, Монографии по истории зап. и юго-зап. Руси.

[6]) Там же.

[7]) *Любавский*, Областное деление и местное управление в Литовско-Русском государстве до Люблинской унии, М. 1894.

по левым притокам Немана, с городами Новгородком Литовским, Волковыйском, Слонимом, Здитовом, Городном [1]). С начала XIII в. учащаются нападения литовцев на русские западные и юго-западные земли. В то же время появляются и умножаются города, основанные самими литовцами. Таковы в XIII в. Ворута, Твиреметь, Кернов, Эйрагола, Гольшаны, Ковно, а в XIV—Тельши, Вильна, Троки, Лида.

Конечно, и в XIII и XIV в.в. Литва и Белая Русь много занимались добывающей промышленностью: недаром, напр., бирестейские сельчане, как видно из наложенной на них князем Мстиславом дани, имели важным источником средств существования пчеловодство [2]). Но уже тогда в конце XIII в. они же вносили князю дань также и продуктами скотоводства и земледелия [3]). С конца XIV в. в Литве стала собираться новая денежная подать—серебщина, и замечательно, что она собиралась с *сохи* [4]), т.-е. окладная единица приобрела чисто земледельческий характер. Уже это показывает, что земледелие стало в собственной Литве и Белоруссии весьма важной отраслью народного труда, по крайней мере не менее важной, чем добывающая промышленность.

Конечно, это повело к росту частной земельной собственности. Больше всего данных мы имеем о развитии землевладения церковных учреждений. Вот некоторые из них, взятые на выбор: в 1386 г. великий князь Дмитрий-Корибут Ольгердович дал земли в Лавришевский монастырь св. Богородицы [5]); в 1399 г. полоцкие Троицкий и Предтеченский монастыри получили угодья от князя полоцкого Андрея Ольгердовича [6]); в том же году Витовт дал виленским каноникам землю Березынскую [7]); известно пожалование Миндовгом епископу Христиану в 1254 г. земель в его личное владение [8]).

---

[1]) Там же.

[2]) Летопись по Ипатскому списку, стр. 521.

[3]) Там же.

[4]) *Довнар-Запольский*, Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I, Киев, 1901, стр. 717 и сл.

[5]) Акты, относ. к истории Западной России, т. II, № 7.

[6]) Там же, №№ 13 и 14.

[7]) Там же, № 15.

[8]) *Антонович*, Монографии по истории западной и юго-западно Руси.

Рост крупного землевладения был основой выделения аристократии и разложения класса свободных. Самым ярким свидетельством об этом был привилей, т.-е. жалованная грамота, 1387 года, выделивший в Литве в особые состояния панов и бояр-шляхту [1]).

Развитие земледелия повело к образованию единого Литовского государства из Литвы и Жмуди при Миндовге около половины XIII в. Так как те же хозяйственные явления, подкрепленные к тому же некоторыми торговыми связями, были свойственны и западной Руси, то постепенно стало подготовляться и, наконец, в XIV веке воплотилось в действительность политическое объеденение Литвы и западной Руси. Литовское государство превратилось в Литовско-Русское. Еще в XIII веке Миндовг завоевал Черную Русь (Городно, Берестье, Мельник, Дорогичин), Полоцк, Туров, Пинск, Мозырь, Витебск, Смоленск [2]). Его объединительную политику продолжал в XIV веке Гедимин. Под его властью сосредоточились не только Литва и Жмудь, но и русские земли—западные, как Пинско-Туровская и Витебская, и южные, как Волынь [3]). Надо при этом заметить, что Гедимин приобретал новые владения не столько силой,—этого почти никогда не бывало,—сколько мирными средствами,—по призыву местного населения и путем брачных союзов своих сыновей с наследницами южных княжеств [4]). В позднейшие русские и литовские летописные компиляции проник, правда, рассказ о победе Гедимина над южно-русскими князьями на реке Ирпени в 1320 или 1321 г. и о завоевании Волыни и Киева, как о результате этой победы, но убедительно доказана недостоверность этого рассказа: установленно, что Волынь приобретена была мирным путем, а Киев был занят только сыном Гедимина Ольгердом; затем в рассказе встречаются явные хронологические несообразности,—перемешаны и поставлены вместе имена князей, которые не были и не могли быть

---

[1]) *Леонтович*, Сословный тип территориально-администр. состава Лит.-Рус. гос-ва: „Ж. М. Нар. Пр." 1895 г., июнь, стр. 379; *Беляев*, Рассказы из рус. истории, кн. 4, стр. 334; *Ясинский*. Уставные земские грамоты Литов. госуд.

[2]) *Антонович*, Монографии; *Леонтович*, Очерки истории Литовско-усского права: „Журн. Мин. Нар. Пр." 1893 г., март, стр. 86 и сл.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

современниками, отделены были друг от друга чуть не столетним промежутком времени, умерли еще в XIII веке и т. д.; есть явные вымыслы; встречаются топографические несообразности и названия таких городов, которые появились несомненно позднее [1]). Таким образом предания о завоевательных действиях Гедимина недостоверны.

Такими же по преимуществу мирными способами производил собирание русских земель под своей властью сын Гедимина Ольгерд. Он подчинил себе Смоленск, Брянск, Киев, Подолию, и только две последние области, Киевская и Подольская, потребовали от него правильных военных действий и то не против местного населения, а против поработителей-татар: они были приобретены Ольгердом после поражения, нанесенного им татарам при Синих водах в 1362 году [2]).

Ход и характер этой объединительной работы сильно отразились на устройстве Литовско-Русского государства.

Говоря о великокняжеской или господарской власти, прежде всего необходимо остановиться на преемстве великокняжеского стола. Без сомнения, здесь уже было одно выработанное, прочно утвердившееся начало, сводившееся к тому, что великокняжеская власть неизменно оставалась в потомстве Гедимина. Но до конца периода и даже позднее не установилось определенного обычая или закона о том, кто именно из потомков Гедимина должен в каждом поколении наследовать эту власть, не установилось соотношение между кровным (родовым или семейным) старшинством и правом на занятие положения господаря великого князя. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить факты, относящиеся к преемству великокняжеской власти. После смерти Гедимина великим князем сделался его сын Явнут. Правда, некоторые исследователи думают, что Явнут получил только Вильну, но не имел власти старшего главного князя [3]). Однако, позднее Витовт писал ливонским рыцарям о власти Явнута именно как о великокняжеской grosse Herrschaft [4]). Явнут был

---

[1]) *Антонович*, Монографии по истории западной и юго-зап. Руси.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) *Любавский*, О распределении владений и об отношениях между великими и прочими князьями Гедиминова рода: „Издание Историч. общества при Моск. унив. Рефераты, читанные в 1895 г.“, М. 1896, стр. 74.

свергнут с престола своими младшими братьями Ольгердом и Кейстутом, которые в сущности разделили между собою власть, причем Ольгерд стал во главе собственной Литвы, а также западной и юго-западной Руси, а Кейстут владел главным образом Жмудью и, хотя и признавал первенство за Ольгердом, но последний не предпринимал ничего без совета и соглашения с ним [1]). По смерти Ольгерда в Вильне утвердился не старший его сын Андрей, а один из следующих по старшинству Ягайло, и Кейстут признал его сначала великим князем, но, заметив его сношения с Ливонским орденом, лишил власти и сам сел в Вильне, где и княжил до тех пор, пока Ягайло не захватил его и не велел убить. В свою очередь и Ягайло был впоследствии лишен престола сыном Кейстута Витовтом. Когда в 1430 г. умер Витовт,— власть силой захватил сын Ольгерда Свидригайло, но спустя два года был свергнут Сигизмундом Кейстутовичем. Сигизмунд был убит в 1440 г. литовскими панами, которые возвели на престол младшего сына Ягайла Казимира. Наконец, по смерти Казимира в 1492 г. паны выбрали великим князем его брата Александра.

Осмысливая эти факты, мы замечаем здесь наличность и некоторых архаических понятий, явившихся следствием хозяйственного быта древних литовцев, и многих новых элементов, вызванных к жизни экономическими и социальными переменами. Господство добывающей промышленности и скотоводства приводило в древнейшее время к вольному или захватному землепользованию, при котором лишь целые обширные кровные союзы имели право собственности на землю, а отдельные семьи или их главы лишь временно и беспорядочно захватывали себе те или другие участки в пределах родовой территории. Эти понятия из области гражданского права были перенесены в сферу государственных отношений, и в результате получилось сосредоточение в роде Гедимина власти над всей Литвой и Западной Русью, соединенное с неопределенностью прав отдельных ветвей этого рода на власть, с захватом как основой для фактического обладания этою властью. Но переход к земледелию породил иное отношение к земле, выдвинув на первый план личное усилие, личную энергию и труд, сделав семью более оседлой

---

[1]) Там же, стр. 74—75

и упрочившей свои отношения к земле, на которой она сидит: поэтому земледельческое хозяйство содействовало утверждению идеи о том, что великий князь, как владелец всей литовской и западно русской земли, может передавать ее тому из своих сыновей, кому хочет.

Господство земледелия призывало человека к определенному участку, воспитывало инстинкт собственности. В то же время натурально-хозяйственные отношения разъединяли людей, ставили их в изолированное друг от друга положение. Отсюда получились уделы.

Но ранее появление зародышей денежного хозяйства создало недоразвитость и непрочность удельной системы в Литовской Руси. Здесь не утвердился прочно принцип вотчинности при наследовании удельных княжеств. Так, хотя сыновья Гедимина все получили особые уделы, но их владения нередко не переходили к внукам Гедимина, и почти никогда удел не делился между всеми сыновьями удельного князя: удел доставался обыкновенно одному из сыновей, а другие или получали от великого князя другие владения, или ничего не получали [1]). Вотчинный принцип сильнее был выражен в северских княжествах, расположенных между Окой и Днепром [2]). Князья северских уделов определяли свои отношения к великому князю договорами [3]). На той же договорной основе строились, впрочем, и отношения некоторых более самостоятельных литовских князей к великому князю: так, Кейстут заключил договор с Ольгердом, Скиргайло и потом Витовт с Ягайлом [4]). Эти важнейшие литовские удельные князья выговаривали себе у великих князей серьезные преимущества, напр., право на долю в „промыслах“, приобретениях, делаемых великими князьями, право раздавать уделы в собственных владениях, полное внутреннее самоуправление [5]). Внутренняя самостоятельность обеспечивалась договорами и князьям северских уделов [6]). Но уже в XIV веке

---

[1]) Там же, стр. 79 и сл.

[2]) *Леонтович,* Очерки истории литовско-русского права: „Журн. Мин. Нар. Прос.“ за 1893 г., декабрь, стр. 289 — 290.

[3]) Там же.

[4]) *Любавский.* О распределении владений - в „Издании Историч. об-ва при Моск. ун.“, М. 1896 г., стр. 81, 86 — 87, 88.

[5]) Там же, стр. 81, 95, 94.

[6]) Там же, стр. 94.

эти князья вполне подчинялись великому князю во внешней политике, в вопросах войны и мира становились под военное начальство великого князя и даже платили ему дань („полетнее“) [1]. Витовт уничтожил уделы в собственной Литве и подчинил себе непосредственно Полоцк, Смоленск и Подолию [2].

Обычный круг деятельности великих князей литовских не был сколько-нибудь точно очерчен, в него входили все дела, важные и неважные, дела внешней политики, распоряжение войском и военным делом, законодательство, суд, управление. При этом не проводилось границы между верховным и подчиненным управлением, между деятельностью, направляющею, создающею правовые нормы, и исполнительной государственной работой. Так, напр., все финансовые дела доходили до великого князя: ему представлялись все данные и отчеты о доходах и расходах казны [3], он сдавал в аренду места и корчмы [4], разрешал заводить торги и ярмарки [5] и т. д. Великие князья лично утверждали акты о передаче недвижимой собственности из рук в руки— мене, купле-продаже, передаче земли по наследству [6],—так что глава Литовско-Русского государства исполнял обязанности, достающиеся теперь на долю нотариусов. Наконец, к господарю стекались не только в высшей инстанции, но и в первой самые разнообразные, нередко ничтожные судебные дела. Литовские великие князья чинили суд не только в столице государства Вильне, но и в других местах, при объезде страны.

Политическое значение великокняжеской власти было так же велико, как широк был круг дел, выполняемых непосредственным личным действием господаря: великий князь был неограниченным государем, что всего лучше обнаруживается из его отношений к совету при нем или раде.

---

[1] Там же, стр. 93, 94, 95.

[2] *Антонович*, Монографии по истории зап. и юго-запад. Руси.

[3] Так было и в XV в.: *Довнар-Запольский*, Акты Лит.-Русск. государства, №№ 26, 52, 60, 67, 49.

[4] *Леонтович*, Акты литовской метрики, т. I, вып. 1, №№ 179, 180, 195, 197, 201 и др.

[5] Там же.

[6] Там же, №№ 198, 208, 210, 216, 219, 220 и др.

Рада не была правильно организована, не являлась учреждением в собственном смысле этого слова. Ни состав, ни ведомство ее не отличались определенностью. Что касается состава, то литовские великие князья по разным делам совещались с разными лицами, постоянно менявшимися в своем составе, причем и количество советников сильно колебалось: очень часто в раде присутствовали всего 2 — 3 члена, иногда 8, 9, 10, 12 [1]). Главным приобретением рады в отношении состава ее членов надо признать только то, что в то время обычаем очерчен был круг лиц, из которого господарь призывал советников по отдельным вопросам в составе и количестве, определявшихся в каждом данном случае господарским усмотрением. В этот круг входили католические епископы, главные областные правители, высшие государственные сановники („земские врады“), господарские маршалки и сановники придворные („дворные врады“) [2]).

Переходя к вопросу о ведомстве рады, надо заметить, что она принимала участие во всех правительственных действиях господаря [3]). Но, во-первых, рада не была самостоятельным учреждением, действовала почти всегда с великим князем, а не отдельно от него; во-вторых, неопределенность ведомства рады выступает с полною ясностью, так как сплошь и рядом и раздача имений, и укрепление актов об отчуждении недвижимости, и судебные, и финансовые дела производились великим князем единолично [4]).

Основным и древнейшим элементом центрального управления в Литовско-Русском государстве были придворные слуги великого князя — „врядники дворные“. Таковы были: кухмистр, ведавший господарской кухней и управлявший поварами („кухарями“); конюший дворный, ведавший конюшни и стада, находившиеся под наблюдением конюхов („машталеров“); ловчий, управлявший охотой, причем ему были подчинены лесничества и пущи, охранявшиеся „осочниками“; подкоморий, ведавший господарскую спальню и заботившийся о личной безопасности великого князя; подскарбий дворный—

---

[1]) Там же, №№ 145, 151, 157, 161, 416, 472 и др.

[2]) *Любавский*, Литовско-русский сейм; *Малиновксий*, Рада великого княжества Литовского, ч. II, вып. 1, Томск, 1903 г., стр. 118—124.

[3]) Там же.

[4]) *Леонтович*, Акты литовской метрики, т. I, вып. 1, №№ 56, 69, 94, 198, 208 и мн. др.

дворцовый казначей, в компетенцию которого входили прием, хранение и выдача разного рода ценностей и предметов, составлявших собственность господаря, не считая денег; крайчий, обязанный нарезывать кушанья, подававшиеся к столу великого князя: при великокняжеском столе состояли также стольник и подстолий; чашник и подчаший заведывали напитками; наконец, при супруге господаря состоял охмистр, т.-е. Hofmeister, заведывавший ее двором [1]).

Посредствующим звеном между этими придворными должностными лицами и „врадами земскими", т.-е. государственными чиновниками центрального управления, являются такие чиновники, как мечник, державший господарский меч во время торжественных приемов, хоружий дворный, державший знамя, под которое собирались господарские дворяне, жившие в великокняжеских имениях, хоружий земский, под знамя которого собирались другие воины со всего государства, маршалки земский и дворный, заведывавшие придворными и государственными церемониями и т. д. [2]).

Придворные чиновники, помимо своих прямых, дворцовых обязанностей, получали часто от великого князя разнообразные поручения по отдельным отраслям управления, чаще всего по суду. Однако, усложнение государственных задач довольно рано заставило великих князей литовских расширить круг своих помощников по центральному управлению,— были вызваны к жизни „земские врады", общегосударственные чиновники. Одним из самых важных сановников этого рода был подскарбий земский — министр финансов, заведывавший денежной казной („скарбом"), принимавший все доходы и производивший расходы, проверявший отчеты, назначавший сборщиков всех налогов и т. д. Другим важным чиновником был канцлер с его помощником подканцлером: он ведал господарскую печать и руководил великокняжеской канцелярией. Наконец, войском начальствовал гетман, которому принадлежало и право военного суда [3]).

Надо, впрочем, заметить, что вообще в Литовско-Русском государстве XIV в. функции центрального управления испол-

---

[1]) *Любавский*, Лит.-рус. сейм, стр. 628, 719, 725 и мн. др.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

няли не столько перечисленные сейчас „врадники“, сколько сам господарь с радой.

Областями или волостями управляли наместники-державцы, в Жмуди тивуны, назначавшиеся господарем из князей и панов, имевших в данной области крупные имения. Территория, подведомственная наместнику-державцу, лежала не сплошь, а перемежалась привилегированными владениями духовенства и дворянства, пользовавшимися судебным и податным имуществом. В сущности, наместник правил лишь в пределах земель, принадлежавших самому великому князю [1]). Наместники ведали все дела [2]) и были кормленщиками — получали корм натурой с крестьянского населения, а где была господарская пашня, там в пользу наместника поступала треть урожая па ней озимым и яровым хлебом [3]).

Уже этот характер кормления, свойственный областному управлению, показывает, что идея об общем благе, как цели государственного союза, была слаба и подавлялась представлением о личной выгоде правителей. Общее благо едва пробивалось только в деятельности народного, так-называемого копного суда, который не то что разбирал, а вернее исследовал дела о межах, об убийстве неизвестных проезжих людей, о кражах, замеченных по горячему следу. Копный суд состоял, главным образом, из домохозяев данного округа. Полный цикл его действий слагался из трех собраний: первое носило название „горячей копы“ и расследовало преступление по горячим следам, второе называлось великой вальной или генеральной копой, — оно систематизировало результаты исследования, произведенного горячей копой, и рассматривало все доказательства; наконец, третье собрание—„завитая копа“ — постановляло приговор. Но очень часто дело решалось и без завитой и даже без вальной копы; с другой стороны, бывали еще иногда и четвертая и пятая копы. Замечательно, однако, то, что копный суд не ограничивался формальными доказательствами, отодвигал их на второй план, придавая первостепенное значение выяснению материальной истины: поличное, показания свидетелей и пытка имели в гла-

---

[1]) *Любавский*, Областное деление и местное управление Лит.-Рус. государства до Люблинской унии.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

захь копы бо́льшую доказательность, чем присяга и другие формальные акты, не подлежавшие поверке [1]). Это — признак некоторого роста понятия об общем благе, как цели государственного союза.

Древнейшие законодательные акты адресуются обыкновенно к отдельным лицам или учреждениям: таковы привилеи или жалованные грамоты на иммунитеты, дававшиеся князьями крупным светским землевладельцам, монастырям, архиерейским кафедрам. В актах этого рода ясно выражены и личный интерес, как цель государственной деятельности, и личность, как субъект власти. Но уже в XIV в. личные привилеи отступают на второй план перед привилеями областными или уставными грамотами [2]). На этом основании утверждают, что Литовско-Русское государство отличалось федеративным характером [3]). Но федерацией в строгом юридическом смысле Литовско-Русское государство назвать нельзя: политическая особенность отдельных его частей не представляет еще специфического признака федерации; кроме того, федерация немыслима без органического закона, связующего союзные государства; наконец, уставные грамоты или областные привилеи — не договоры великого князя с населением, а односторонние акты великокняжеского пожалования. Точнее будет признать поэтому Литовско-Русское государство унией отдельных литовских и западно-русских земель и притом унией не личной, а реальной [4]), потому что удельные князья, а потом и наместники вошли в состав господарской рады. С точки зрения идеи о цели государственного союза появление областных привилеев было крупным успехом, потому что на место идеи личного блага поставило идею о благе территориального целого, — населения, живущего в данной области. Но казна носила название господарского скарба, ясно выражавшее идею, что великому князю, как собствен-

---

[1]) *А. Ефименко*, Народный суд в западной Руси: „Русская Мысль“ за 1893 г., № 8, стр. 11 — 26; *Спрогис*, По поводу статьи „Народный суд в зап. Руси“: „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1894 г., май, стр. 185, 187, 190. 192, 194.

[2]) *Ясинский*, Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства.

[3]) *Любавский*, Областное деление и местное управление, стр. 2 и след.

[4]) Ср. *Bluntschli*, Allgemeine Staatsrecht, 2-e Aufl., I Band, München, 1854, стр. 210—211.

нику, принадлежало все достояние государства, что он имел право лично распоряжаться всеми его доходами по своему усмотрению.

Духовное, психическое состояние литовского общества до того времени, как оно вступило в прочную связь с русской народностью,—до XIV в.,—отличалось крайней аморфностью соответственно примитивным условиям материальной культуры. Это выступает на вид с особенною ясностью, если обратить внимание на таких людей, как первый объединитель Литвы Миндовг и сын его Воишелк. Оба в сущности были полулюдьми-полузверями. Над ними всецело господствовал инстинкт, ими руководило всегда первое сильное впечатление, производившее сразу в их духовной природе в данную минуту целый переворот. Дикая, необузданная энергия в борьбе за существование, полная неразборчивость средств, постоянная перемена взглядов, религиозных воззрений, отношений к людям, смена дружбы враждой и наоборот — вот что с особенной силой поражает внимание наблюдателя при знакомстве с этими полудикими характерами. Миндовг изгоняет своих племянников и удерживается у власти, заискивая у Даниила Романовича Галицкого и делая уступки Ливонскому ордену. Он принимает даже католицизм и делает ордену территориальные уступки. Но затем он поднимает против немцев общелитовское восстание и снова переходит в язычество. Самовластные стремления Миндовга повели к его насильственной смерти от рук других литовских князей. Но нашелся мститель, сын Миндовга Воишелк, принявший было христианство, постригшийся в монахи и со всею пылкостью варвара-неофита предавшийся аскетическим подвигам. Воишелк сбросил с себя монашеское одеяние и снова превратился в варвара в чистом виде: жестоко расправился с убийцами отца и опять возвратился в монастырь, „плачася грехов своих“, по словам южно-русского летописца [1]). Переход от одного душевного состояния в другое совершился у Воишелка с необыкновенною легкостью: сильное впечатление от монашеской проповеди обращает его из язычника в христианина и даже аскета; убийство отца заставляет его сразу забыть и о воспрещении и о монашеских обетах, а потом опять начинается плачь о грехах.

---

[1]) *Антонович*, Монографии по истории зап. и юго-зап. России.

Но русская народность, вступившая в XIV веке. в столь тесную связь с народностью литовской, вышла уже к тому времени из такого примитивного состояния. То же под влиянием перемен в хозяйственной жизни, общественных отношениях в государственном строе наметилось и в собственной Литве. Преобладание земледелия при сохранении натурального хозяйства и связанные с этим перемены в социальном и политическом отношениях создавали атмосферу постоянного и теперь уже организованного, сознательного страха за свое существование и жажду приобретательства как главного средства спасения: чувство собственности, склонность к стяжанию воспитывались упрочением землевладельческих прав, необходимостью запастись капиталом для ведения земледельческого хозяйства, идеей вотчины, проникавшей государственные отношения; страх был результатом стихийных и социальных опасностей, угрожавших человеку постоянно и с разных сторон. А оба эти чувства и составляют психологическую основу эгоистических характеров. Такие характеры имеются в Литве XIII и особенно XIV в.в. Определяющее влияние людей, близких к этому типу, на духовную жизнь литовско-русского общества не может подлежать сомнению для всякого, кто обратит внимание на такую яркую историческую личность, как великий князь литовский и король польский Ягайло. Есть данные думать, что Ягайло был крещен сначала в православие, а потом принятием католицизма приобрел себе польский престол. Женитьба на польской королеве Ядвиге — простой акт личного расчета. Низкое вероломство и жестокость выразились в отношениях Ягайла к Кейстуту. Как настоящий эгоист, Ягайло умел лицемерить с сильнейшими, как это видно из отношений его к Витовту: он сближается с ним, делает ему уступки и в то же время пользуется поражением Витовта татарами, чтобы уменьшить его права, и рядом интриг лишает его возможности надеть на себя королевскую корону. Не имея ни религиозного чувства, ни родственных привязанностей, ни моральных понятий, ни политических идей, Ягайло всю жизнь свою руководился инстинктом самосохранения и соображениями личного материального интереса.

Недалеко от Ягайло ушел и его современник, двоюродный брат и соперник Витовт, у которого, впрочем, было больше, если не чувства собственного достоинства, то по крайней

мере честолюбия. Его лицемерие, хитрость, коварство выступают на вид, напр., в отношении к рыцарям Тевтонского ордена: сначала он заискивал у них, потом их жестоко обманул, примирившись с Ягайлом и сделавшись великим князем литовским; он при этом даже сжег несколько орденских городов и перебил многих рыцарей [1]). С родственниками своими Витовт обращался не менее жестоко: он расстрелял попавшего к нему в плен Наримунта и велел отрубить голову взятому в плен Каригайлу, брату Ягайла, и носить ее на копье. Есть известия, что в битве он часто обращался в бегство из трусости и храбр был только при удаче и численном превосходстве своего войска над вражеским [2]). Наконец, в житии св. Пафнутия Боровского помещено сказание „о крале Витовте“, где Витовт представлен горящим в аду с золотом в руках за жадность и лихоимство. Все это— типичные черты эгоистической натуры.

Скрепить единство и государственную организованность Литвы призван был католицизм, первые следы которого наблюдаются при Миндовге, но влияние стало сильным лишь со времен Ягайла и Витовта. Но, конечно, и тогда, и долго еще позднее католическая религия, смешавшись со старым литовским язычеством, привела только к двоеверию. Такое двоеверие и вообще элементарность религиозного мышления находили себе поддержку в слабости образования. Правда, духовенство основывало школы еще в XIV веке, но количество этих школ было очень невелико, и постановка в них учебного дела отличалась чрезвычайно низким уровнем [3]). Понятно при таких условиях, что ни одна из сторон духовной культуры Литвы XIII и XIV веков не дала и не могла дать ничего оригинального.

---

1) *Антонович*, Монографии.

2) Там же.

3) *Харлампович*, Западно-русские православные школы XVI и начала XVII в.в., Казань, 1898, стр. 4 и сл., 192.

III.

Феодальный переворот во Франкской монархии.

Под Франкской монархией мы будем здесь разуметь Францию и Германию, входившие в состав монархии Карла Великого. История этих двух стран с V до половины IX века и составит предмет нашего изучения в этом отделе. Правда, к монархии Карла Великого принадлежали также части Испании и Италии, но о них речь у нас пойдет особо.

Франки, как раньше бургунды и вестготы, застали в Галлии уже утвердившиеся римские хозяйственные порядки, причем земледелие здесь во времена Римской империи уже преобладало. Правда, в IV и V веках и здесь, как и везде в Западной Римской империи того времени, хозяйство под влиянием варварских нападений пошло вспять, пало и земледелие: это доказывается, между прочим, и тем, что вестготы и бургунды селились, повидимому, на запустевших брошенных землях [1]). Но не подлежит сомнению, что все-таки всем варварам пришлось в значительной степени приспособляться к ведению земледельческого хозяйства, по крайней мере не в меньшей, если не в бо́льшей мере, чем хозяйства скотоводческого и охотничьего. Это к Германии относилось в меньшей степени, чем к Галлии: в Германии еще в X веке было много непролазных лесов [2]). Но и в Германии удельный вес земледелия сильно увеличился. Такова первая черта народного хозяйства во Франкской монархии V—IX веков.

Вторая его черта — господство натурального хозяйства. В Германии до VIII века хозяйство было чисто натураль-

[1]) *Inama-Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, I Band, Leipzig, 1870, стр. 23, 24, 25.

[2]) *Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, I; *Лампрехт*, История германского народа, т. II, ч. III и IV, М. 1895, стр. 37.

ным [1]). Там еще в X и XI веках доход землевладельцев поступал натурой, именно хлебом [2]). Но достаточно доказательств такого же положения и в Галлии, несмотря на римские традиции. Здесь в VII, VIII веках и даже позднее, оброки землевладельцам крестьяне вносили пивом, свиньями, хлебом, курами, яйцами, вином, льном, хмелем, медом, воском [3]). На содержание короля, графов, королевских посланцев при их поездках по стране поступал особый корм натурой — хлебом, рыбой, яйцами, овсом, курами, свининой и пр. [4]). Подарки королю давались лошадьми, оружием, одеждой, иногда вином и сыром [5]). Натурой же брался и штраф за неявку на военную службу [6]).

Система земледельческого хозяйства была во весь этот период по преимуществу переложной [7]) и только к концу периода — и то главным образом во Франции — стало кое-где появляться трехпольное хозяйство [8]).

Перемены в соотношении разных отраслей хозяйства и в технике производства были таким образом довольно крупные, резкие. Это не замедлило сказаться и на формах землевладения.

Прежнее вольное или захватное владение землей стало совершенно невозможным: для этого просто не было достаточного простора. Но невозможен и тот скачек от вольного землепользования к полной частной собственности в смысле римского права, который в сущности был сделан, если поверить некоторым исследсвателям, основывающимся здесь на несомненных фактах свободного гражданского оборота земельных владений, их отчуждения — продажи, дара, наследования [9]). Чем же заменилось вольное землепользование?

---

[1]) Там же, стр. 12.

[2]) Там же.

[3]) *Fustel-de-Coulanges*, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France.

[4]) *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, т. IV, стр. 23.

[5]) Там же, стр. 109, 111.

[6]) Там же, стр. 557. Конечно, частичные зародыши денежного хозяйства уже были (*Dopsch*, Die Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit, I, Weimar, 1912, стр. 297; II, Weimar, 1913, стр. 183 и сл., 250 и сл.), но все же натуральное хозяйство преобладало (там же, I, стр. 32, 196).

[7]) *Inama-Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, т. I, стр. 28.

[8]) *Ковалевский*, Экономический рост Европы, т. I, М. 1898, стр. 69.

[9]) Так думает в особенности Фюстель-де-Куланж; ср. также *Hildebrand*, Recht und Sitte, стр. 165—177.

Ключ для понимания положения дается, во первых, никем не отрицаемой идеей семейной собственности на землю [1]), во-вторых, свидетельствами о существовании нераздельных хозяйств и владений в руках огромных семей, состоявших иногда даже из представителей четырех поколений: так, в одном из текстов Салической Правды говорится о земле, поступающей в раздел между внуками и правнуками: значит, раньше эта земля была нераздельной, ею совместно, не делясь, владели отец, сыновья, внуки и правнуки [2]).

Исходя из этих двух наблюдений, мы поймем, почему масса свободных варваров, сев на землю, владела ею в сущности не лично, а через посредство семейных союзов — всех этих genealogiae, consanguinei и проч. [3]) (genealogia — „родственный союз“, consanguinei — „единокровные“).

Но вот что любопытно и важно для более глубокого понимания существовавшего тогда отношения к земле среди свободных варваров: на-ряду с родственниками упоминаются еще „сонаследники“ (coheredes), „соучастники“ или „дольщики“ (comparticipes, consortes), „товарищи“ (socii) и, наконец, даже „соседи“ (vicini) [4]). Особенно замечательны эти „соседи“. О них в эдикте короля Хильперика говорится вот что: наследство умершего получает, если нет сыновей, дочь, *а не соседи.* Как бы ни пытались перетолковать этот текст, — несомненным является тот факт, что король вводит новшество, по которому и дочь, за отсутствием сыновей, является наследницей, и *это новшество нарушает права соседей, устраняет их от наследования.* Значит у соседей было такое право. Почему?

Потому же, почему оно было у русских „суседей“, „соседей“, „складников“, „сябров“ или „шабров“. А у них оно произошло следующим образом. С переходом к земледелию в России с XIII века и позднее, при колонизации, особенно на севере, образовались однодворные, семейные крестьянские поселки, причем уже исчезало старое вольное землепользование и крестьянская семья прочно оседала на определенном участке.

---

[1]) Там же.
[2]) *Ковалевский,* Экономич. рост Европы, т. I, стр. 39.
[3]) Там же.
[4]) Там же, стр. 39, 40, 71.

Как и раньше, семья эта очень часто не делилась, владела землей сообща и жила вся в одном дворе. Работа в таком случае производилась общими силами, а делились лишь продуктом, причем основанием для раздела продукта служила степень кровной, родственной близости к основателю двора, родоначальнику семьи. Возьмем простейший схематический пример. Предположим, что у этого родоначальника—первого поселенца—было два сына. Очевидно, каждому из них, при совместном ведении хозяйства по смерти отца, должна была достаться половина продукта. Допустим далее, что в третьем поколении произошла такая перемена: у одного из сыновей родоначальника был один сын, а у другого двое; очевидно, на долю первого придется половина продукта, а на долю каждого из двух последних лишь по четверти, так что с размножением семьи доли в каждом последующем поколении дробились все больше, и доля одного не равнялась доле каждого из других. Бывало, что доля одного из совладельцев составляла $^1/_{24}$, $^1/_{32}$ часть целого. Эта крайняя дробность, неравенство долей, наконец, стремление личности освободиться из под опеки кровного союза, содействовали стремлению отдельных членов семьи к хозяйственной самостоятельности. Первым выражением такого стремления было приобретение каждым членом семьи права продавать, закладывать, дарить и завещать свои права на долю общего продукта посторонним, чужим людям, чужеродцам. Путем таких сделок в состав семейного союза или двора проникли элементы неродственные, и такой осложнившийся чужеродными примесями союз приобрел характер товарищества совладельцев, сябров (шабров), складников, соседей. Но и эти сябры, соседи иногда не делились землей, вели хозяйство совместно и распределяли по долям лишь продукт. Но чужеродцы, конечно, еще более, чем родственники, тянули врозь, и в результате получился уже не дележ продукта, а раздел самой земли, сначала временный, предполагавший возможность нового передела, иногда и осуществлявшегося. Наконец, от временного раздела земли не труден и не долог был уже переход к полному и окончательному разделу, т.-е. к подворно-наследственному владению без переделов [1]).

---

[1]) *Ефименко*, Крестьянское землевладение на крайнем севере в „Исследованиях народной жизни“, т. I; *И. Иванов*, Поземельные союзы и переделы на севере России.

Так было в России. Так же, но только гораздо раньше, было и во Франкской монархии: такими порядками „долевого" или соседского владения объясняются и права соседей (vicini), и неравенство участков, и все способы их отчуждения, и связь соседского землевладения с родственными союзами, и разложение его на подворно-наследственное, и даже происхождение из вольного землепользования. Только надо еще прибавить, что во Франкской монархии все это произошло несравненно быстрее, чем у нас, — как под влиянием того, что население было плотнее — варвары ведь были элементом добавочным к галло-римлянам, — так и вследствие воздействия старых римских форм полной собственности на землю. Леса и выгоны и в России и в королевстве франков обыкновенно находились в общем нераздельном владении, и только позднее пользование ими было ограничено сообразно размерам долевого владения пашней и сенокосом.

Кроме простых свободных землю, по завоевании Галлии франками, получили король, близкая к нему знать или его дружинники и церковные учреждения: епископские кафедры, монастыри и церкви, которые и прежде, при римском владычестве, безземельными не были.

Король стал сразу крупным землевладельцем уже потому только, что к нему перешел весь императорский домэн, дворцовые земли римских императоров[1]). Что касается знати, дружинной аристократии, то она во все время существования династии Меровингов, потомков Хлодвига, получила обширные земельные владения из королевского домэна в награду за службу, причем установлено и совершенно не подлежит спору, признается всеми исследователями[2]), что меровингские пожалования были неопределенны и беспорядочны, юридическая природа пожалованных имений не была определена точно, что, конечно, на практике приводило к торжеству римских понятий о полной собственности на землю.

Понятна причина этих земельных жалований: надо было награждать за службу, а хозяйство было натуральным, де

---

[1]) *Ковалевский*, Экономический рост Европы, т. I, стр. 65; *Dopsch*, Dis Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit, I, стр. 107.

[2]) *Roth*, Feudaität und Unterthanverband, Weimar, 1863, стр. 40 и след.; *Waitz*, Deutsbe Verfassungsgeschichte, IV Band, стр. 204; *Fustel-de-Coulanges*, Le benefice et le patronat (Hist. des inst. pol. de l'ancienne France).

нежное жалованье давать было нельзя, — и пожалование производилось землей, — той ценностью, которой королевская власть обладала пока в изобилии.

Церковные учреждения получали земли или по королевскому пожалованию, или покупкой, или расчисткой земли изпод лесу (тоже с утверждения короля), или — чаще всего — путем вкладов. Надо, однако, заметить, что вклады при жизни или по завещанию далеко не всегда вытекали из одного только желания устроить свою душу, приобрести молитвы церкви для достижения вечного спасения. Сплошь и рядом здесь видную роль играли соображения непосредственно-экономического характера, хозяйственные интересы: церковные учреждения давали защиту и охрану от обиды и насилий, оказывали поддержку инвентарем, хлебом, деньгами, иногда вклад был прикрытой продажей или залогом и т. д. Из всех этих видов вклада земельного имущества в церковные учреждения особого внимания заслуживает один — так-называемый прекарий.

Прекарий был видом временного и условного владения церковной землей. Исследователи различают разные формы прекарного владения: 1) прекарий, дававшийся во временное, иногда на определенный срок, иногда пожизненное, владение лицам церковного клира вместо жалования на их содержание; церковный собор в Лионе в 567 г. запретил епископам отнимать такие прекарии, данные их предшественниками определенным лицам: даже в случае вины клирика, епископ мог отобрать у него только пожалованные им самим; 2) прекарий, дававшийся церковью вкладчику теми землями, которые он вложил в церковное учреждение путем дарения или завещания; иногда при этом устанавливался определенный оброк с прекариста в пользу церкви; такой оброк был обычным, постоянным, необходимым в тех случаях, когда прекарист в прибавок к подаренной им церковному учреждению земле получал от последнего во владение еще какой-либо другой участок церковной земли; 3) прекарий, соединенный с продажей земли церковному учреждению: земля продавалась церкви, и продавец еще прибавлял к проданной земле земельный дар и получал и проданную и подаренную землю во владение обыкновенно пожизненное и чаще всего за оброк; 4) прекарий по слову короля: король, как высший патрон церкви, предъявлял притязание жаловать ту или другую часть церковных зе-

мель во временное владение и осуществлял это притязание, которое, впрочем, часто оспаривалось церковью [1]).

Некоторые считают прекарное владение — римской традицией, результатом прямого заимствования у Римской империи [2]). Но, не говоря уже о том, что церковный прекарий времен Римской империи был лишь фактическим отношением, которое в каждую минуту церковь могла прервать, а прекарий VI — VIII веков был вещным правом, защищаемым прекаристом против собственника земли судебным порядком [3]), не говоря также и о других формально-юридических отличиях прекария VI — VIII веков от римского [4]), надо твердо помнить, что установление факта заимствования не только не играет первостепенной роли в историческом исследовании и тем более не имеет значения заключительного вывода, но, напротив, требует дальнейших исследовательских усилий, определяющих, почему именно данное учреждение или порядок общественных отношений заимствованы данным обществом,— другими словами, какие именно явления жизни этого последнего создали возможность и необходимость заимствования, чаще всего именно преобразующегося под влиянием условий места и времени. Так обстоит дело и в отношении прекария. Здесь заимствованным оказался только самый термин, которому придано было новое содержание, вызванное в свою очередь к жизни общими хозяйственными условиями времени: необходимостью для тех, кто становился прекаристом, получить деньгами или натурой средства для ведения земледельческого хозяйства на новых основаниях и необходимостью для церковных учреждений расплачиваться землей за службу и эксплоатировать землю путем прекария вследствие господства натурального хозяйства.

В таком же положении, как церковь, в силу господства натурального хозяйства и роста земледелия, оказывались и король и крупные землевладельцы из его дружинников: и им было невозможно за недостатком денежных средств эксплоатировать свои имения наемным трудом, и рабский труд на барской пашне не мог найти себе широкого приложения в силу

---

[1]) *Roth*, Feudalität und Unterthanverband, стр. 152 — 167; ***Fustel-de-Coulanges***, Le benefice et le patronat.

[2]) Таково в особенности мнение Фюстель-де-Куланжа.

[3]) *Roth*, Feudalität und Unterthanverband, стр. 168.

[4]) *Ковалевский*, Экономический рост Европы, т. I, стр. 390 — 391.

отсутствия сколько-нибудь обширного хлебного рынка, и, наконец, они должны были как-нибудь все-таки эксплоатировать землю и найти какой-либо способ вознаграждения своих военных и хозяйственных слуг; единственным возможным здесь способом было тогда вознаграждение землей. Короли из династии Меровингов, как нам известно, и раздавали обильно свои земли фактически в полную собственность, потому что раздача производилась беспорядочным образом и без определенных условий, раздавались довольно беспорядочно земли иногда и отдельными крупными землевладельцами и монастырями, причем все эти раздачи, не имея еще определенной юридической природы в смысле временного владения, уже назывались бенефициями (beneficium — жалованье) еще в VIII веке [1]).

В том же VIII веке короли или, вернее, их майордомы (дворецкие), ведавшие всем королевским хозяйством, сделали еще один важный шаг: они стали очень широко толковать право короля распоряжаться церковными землями и применять на практике такое толкование. Произошла знаменитая секуляризация, связанная с именем мойордома Карла Мартелла, отчасти также с именем его сына Пипина Короткого.

Секуляризация началась после 732 года и состояла в том, что король, пользуясь своим правом высшего патроната над церковью, приказывал раздавать часть церковных земель во временное прекарное владение частным лицам; это было развитием прекариев по королевскому слову. Первоначально предполагалось, что эти прекарии будут пожизненным владением и по смерти прекариста будут возвращаться церкви. Но на практике скоро многое изменилось, и изменения освящены были законом Карла Великого в 779 году, по которому эти церковные прекарии по слову короля могли возвращаться церкви также по слову короля. Церковь получила за эти прекарии от их владельцев оброк или цензу—по закону 743 г. в один солид с каждого хозяйства (гуфа), а по закону 779 г. по 1 солиду с 50 гуф, по $^1/_2$ солида с 30-ти и по $^1/_3$ солида с 20-ти и сверх того двойную десятину (nona et

---

[1]) *Roth,* Feudalitat und Unterthanverband, стр. 165. Особенно много бенефициев появилось начиная с IX в.: *Dopsch,* Dis wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit, I, стр. 171.

decima) [1]). Таковы были обязанности прекариста по отношению к церкви. По отношению к королю он обязывался службой.

Происхождение секуляризации вполне понятно: беспорядочные раздачи истощили королевский домен, его земельный фонд, а награждать за службу, платить за нее жалованье надо, поэтому и обратились к церковным землям. Но, конечно, секуляризация вызвала живейшие протесты со стороны духовенства. И при сыновьях Карла Мартелла, Карломане и Пипине, сделаны были уступки: часть отобранной Карлом Мартеллом земель была возвращена церкви, но производились другие раздачи в прекарий по соглашению с церковью, и вместе с тем правительство стало всячески содействовать превращению в прекаристов церкви мелких свободных частных собственников [2]). Это было выгодно и церкви, потому что увеличивало ее земельные владения, и королевской власти, так как увеличивало ее средства для расплаты за службу.

Прекарий считался пожизненным или срочным владением, причем формально (не всегда реально) полагалось каждые 5 лет получать подтверждения на него. Но уже если не в VI, то в VII веке на королевских землях частично появилось другое временное и условное владение — бенефиций, который при Каролингах — в VIII и IX веках — развился и распространился уже не только на королевских землях, но и на землях частных крупных владельцев и церкви. Бенефиции в отличие от прекариев были таким видом владения, которое продолжалось до смерти и получателя и дателя, жалователя их: по смерти обладателя бенефиции он возвращался жалователю его — королю, знатному человеку, аббату, епископу; по смерти жалователя, хотя бы обладатель бенефиция и был жив, бенефиций должен был возвращаться правопреемнику жалователя. Но на деле бенефиции, как и прекарии, скоро — в IX веке — стали передаваться по наследству, утверждаться за наследниками тех, кто их получил. Бенефиции можно было, впрочем, отобрать во всякое время, если их владельцы не исполняли условий, на которых сделано было пожалование, именно: 1) плохо вели хозяйство, разоряли пожалованную в бенефиций землю; 2) превышали свои права, пытаясь про-

---

1) *Roth*, Feudalität und Unterthanverband, стр. 84 — 99, 124 — 126.
2) Там же, стр. 117 — 122.

дать, заложить или передать по наследству бенефиций: этих прав у них не было, были лишь права пользования землей, но не распоряжения ею, так как бенефиций был не полной собственностью, а временным и условным владением; 3) не платили оброка, если он был установлен, и не выполняли повинностей (напр., военной), связанных с обладанием бенефицием; 4) не платили долгов, сделанных жалователю бенефиция [1]).

Вполне понятно происхождение бенефициев: они вызваны были к жизни всею совокупностью экономических условий того времени. В самом деле: господство натурального хозяйства приводило к тому, что, за отсутствием денег, земля была единственным средством расплаты за военную и хозяйственную службу; практиковать прежние беспорядочные раздачи, приводившие к полному освоению раздаваемых земель в собственность теми, кто их получал, было уже невозможно: земельный фонд истощался; с другой стороны, увеличение хозяйственной роли земледелия и улучшение его системы или техники вызывало необходимость дополнительных, новых затрат на скот, орудия, постройки и, следовательно, требовало денежной помощи или помощи прямо орудиями, скотом, постройками; отсюда — долги и, следовательно, готовность должников получить землю хотя бы в условное и временное владение.

Таковы были новые формы землевладения, возникшие под влиянием перемен в соотношении разных отраслей хозяйства и в его технике. Те же причины создали и новые для франков формы хозяйства.

Прежде, когда земледелие имело мало значения, свободные франки — „люди" (leudes) — вели хозяйство самостоятельно. Многие из них и теперь приспособились к новым условиям. Но не все: некоторым новая роль земледелия оказалась не по силам без посторонней помощи. Они и стали занимать на арендных условиях участки земель короля, знати и церковных учреждений. Появились на землях этих крупных владельцев, таким образом, „свободные участки" (mansi ingenuiles). Были затем участки вольноотпущенников — полусвободных. И, наконец, были участки рабов (mansi serviles). На всех участках чаще всего лежал оброк, но свободные

---

[1]) *Roth*, Feudalität und Unterthanverband, стр. 187 — 192.

участки обязывали их владельцев нередко не к оброку, а к военной службе, а участки рабов иногда обложены были повинностью барщинной, чаще же всего на них лежали и барщина и оброк, так как барщина, в силу отсутствия обширного рынка, не была особенно тяжелой: не было в этом выгоды для землевладельцев [1]).

Уже эти формы хозяйства показывают, что началось классовое, а затем, следовательно, и сословное расчленение общества. Не преувеличивая этого расчленения, признавая, что этот процесс только еще начинался [2]), мы обязаны, однако, отметить основные его проявления, в особенности те из них, которые оказались новыми, прежде небывалыми.

Источниками рабства были: 1) плен, 2) преступление, влекущее за собою обращение в рабское состояние (поджог, отравление, колдовство, многие виды кражи, увоз женщины или насилие над ней — в последнем случае наказанием была или смерть, или обращение в рабство, по выбору опозоренной семьи), 3) несостоятельность при займе или обязанности уплачивать штрафы, 4) женитьба на рабе, 5) рождение от родителей-рабов [3]).

По закону рабы не имели ни личной, ни имущественной правоспособности. Закон не знал раба как личность, почему господину принадлежало безусловное право наказывать раба, и господин же отвечал за его преступления, жаловаться на господина раб не имел права [4]).

На практике положение рабов было гораздо легче и лучше, чем по закону. Было запрещено отчуждать их за-границу, также и внутри страны иностранцам и иноверцам; продажа в рабство происходила публично, в присутствии представителя власти или епископа или священника, запрещено было при отчуждении рабов разлучать их семьи, церковь освящала и признавала браки рабов, и право первой ночи обратилось на деле в уплату небольшой суммы — в 2 — 4 денария; церковь карала отлучением убийц собственных своих, даже и ви-

---

[1]) См. Фюстель-де-Куланж, Рот, Вайц, Ковалевский и пр.

[2]) *Dopsch*, Dis Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit, I, стр. 288; II, стр. 43.

[3]) *Fustel-de-Coulanges*, L'alleu et le domaine rural (Hist des inst. pol. de l'ancienne France).

[4]) Там же.

новных, рабов [1]). Фактически рабы уже превращались в крепостных, становились не вполне бесправными, а обладающими ограниченной правоспособностью, сближались с полусвободными.

Следует, наконец, прибавить, что по завещаниям освобождалось множество рабов: многие освобождали сотни и тысячи рабов, иногда всех рабов, каких имели. Как мало становилось рабов, видно из того, что, напр., у монастыря Сен-Жермен-де-Пре из 2.788 хозяйств только 120 были рабские [2]).

Это ослабление рабства и уменьшение числа рабов сравнительно с римскими порядками понятны: хозяйство теперь приняло натуральный характер, пошло вспять сравнительно с хозяйством Галлии, как провинции Римской империи, и рабский труд стал мало нужен. Положение рабов стало приближаться к древне-германскому, потому что и хозяйство ушло не так далеко еще вперед от хозяйства древних германцев.

Но оно все же ушло вперед, и вследствие этого сильно увеличилось число полусвободных, стал разлагаться и падать слой свободных, прежде столь многочисленный и могущественный.

Соответственно смягчению положения рабов и уменьшению их количества, мы наблюдаем рост числа полусвободных колонов и вольноотпущенников: это обратная сторона процесса изменений, совершившихся в рабском состоянии, обязанная своим существованием тем же хозяйственным причинам, какими были созданы и эти изменения. Мы не будем останавливаться на колонах, которые становились крепостными [3]).

Из вольноотпущенников выделяются, прежде всего, так называемые денариалы (denariales). Они освобождались посредством передачи денария освобождаемым освобождающему его господину, в присутствии короля, и после освобождения получали полноту прав свободного человека [4]). Надо, однако, заметить, что денариалы были немногочисленной группой и в последующее время совсем исчезли [5]): очевидно, общее

---

[1]) Там же.

[2]) *Roth*, Feudalität und Unterthanverband, стр. 312—313.

[3]) *Sée*, Les classes rurales et le regime domanial en France, стр. 56, 57.

[4]) *Roth*, Feudalität und Unterthanverband, стр. 289—290.

[5]) *Fustel-de-Coulanges*, L'alleu et le domaine rural.

ослабление гражданской свободы, ее упадок сказались здесь совершенно определенно и ясно.

Все остальные виды отпуска на волю создавали лишь ограниченную правоспособность, которая притом была наследственна, т.-е. и потомство вольноотпущенников не имело полноты гражданских прав. Ограничения прав заключались в следующем: 1) их личность защищалась меньше, чем личность свободного человека: частное вознаграждение (вергельд) за их убийство равнялось только 100 солидам; 2) они состояли под патронатом бывшего господина или, если он разрешал или не запрещал, — другого лица; патроны представляли их на суде; вольноотпущенники платили им особые оброки или отбывали повинность; 3) если вольноотпущенник умирал без завещания или без детей, то другие его родственники не получали наследства, — оно поступало королю, так как считалось, что вольноотпущенник, выходя на волю, основывал новую семью и порывал прежние родственные связи; 4) они могли быть подвергнуты телесному наказанию. Но все же государство уже признавало и защищало их личные и имущественные права и облагало их повинностями, напр., военной. Между разными видами вольноотпущенников, кроме денариалов, не было в сущности никаких юридических различий. Разные термины, обозначающие разряды или виды вольноотпущенников, характеризуют не правовые различия, а способы отпуска на волю: табуларии (tabularii)—это вольноотпущенники, получившие отпуск в церкви, перед алтарем; они же назывались еще экклезиастиками (ecclesiastici); королевскими вольноотпущенниками (homines regii) назывались такие, которые освобождались перед королем, или по королевскому повелению; были вольноотпущенники, отпускаемые по грамотам (завещаниям и пр.), или картуларии (cartularii epistolarii); особое положение сначала занимали те из них, которые получали освобождение по римским формам: они подчинялись римскому, а не варварскому праву; но в VI веке эта особенность уже была уничтожена [1]).

Говоря о ней, мы естественно переходим к вопросу о так называемой „личности права" (personalitas legum), относящейся уже по преимуществу к положению свободных людей. „Личностью права" назывался такой порядок, по которому

---

[1]) *Roth*, Feudalitat und Unterthanverband, стр. 291—300, 303.

каждая национальность во Франкской монархии подчинена была особому закону: варвары — той варварской Правде, которая была законом их племени (Салической, Рипуарской, Бургундской, Вестготской, Баварской и пр.), галло-римляне — римскому праву. Мы только что видели, что это правовое различие по отношению к вольноотпущенникам стало исчезать еще в VI веке. По отношению к свободным людям то же стало заметным уже в VIII веке [1].

Но в положении свободных, которые в древне-германском обществе играли господствующую роль, совершилась другая, гораздо более важная перемена: число их стало быстро уменьшаться, массы их начали переходить в состояние зависимости — так-называемую коммендацию.

Коммендация — это передача себя под защиту или под патронат короля, герцога, графа, вообще любого свободного человека (фактически — богатого, сильного) или церковного учреждения (епископа, монастыря). Независимо от того, кому коммендат отдавал себя под защиту, он получал защиту материальную — от насилий, или дары, или пособие, или ссуду, или землю—бенефиций. Но можно было, поступая под патронат, коммендируясь, и не получать бенефиция. Однако, всякий, кто получает бенефиций, тем самым поступал уже и в коммендацию. Коммендация не была сначала пожизненной, связь могла порываться по обоюдному согласию [2]. Но Карл Великий сильно содействовал распространению коммендации своим постановлением, что каждый свободный обязан искать покровителей и заступников [3], и упрочению таким образом идеи, что отношения к королю опираются на связь между патроном и коммендатом [4]. Установлены были и случаи законного разрыва отношений: при попытке со стороны патрона убить коммендата, лишить его свободы, бить, обесчестить жену или дочь его и захватить наследственное его имение [5]. Отношения коммендации и патроната уничтожались также смертью одной из сторон, их установивших [6].

---

[1]) *Ковалевский*, Экономич. рост Европы, т. I, стр. 88.

[2]) *Fustel-de-Coulanges*, Le benefice et le patronat (Hist. des instit. politiques de l'ancienne France); *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, IV Band, стр. 253, 267—276.

[3]) *Ковалевский*, Экономич. рост Европы, т. I, стр. 170.

[4]) *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, т. IV, стр. 286.

[5]) Там же, стр. 265.

[6]) Там же, стр. 267—268.

Обязанности коммендатов по отношению к патронам различались иногда, смотря по тому, кто был патроном [1]). Военной службой обязаны были всегда коммендаты короля, затем графов, наконец, и частных лиц вообще; потом это распространилось и на церковь. Были иногда, особенно у церкви, и доходы натурой и деньгами от коммендатов. Существовала часто обязанность хозяйственной службы коммендатов, службы управляющих, напр. [2]).

К концу периода за матроном утверждается название сеньера, а за коммендатом — вассала. Но пока это остается только терминологической переменой, не внесшей еще изменения существа самих отношений.

Происхождение коммендации живо характеризуется источниками в совершенно конкретных чертах; коммендация возникала вследствие желания получить защиту от насилий— убийств, грабежей, наездов, судебных несправедливостей,— вследствие нужды в земле и получения поэтому бенефиция, вследствие задолженности, нужды в ссуде и пособии и т. д.[3]). Нетрудно понять, как тесно все это связано с хозяйственными условиями времени, главным образом с возвышением значения земледелия: переход к земледелию обострял нужду в земле и средствах производства; он же, обостряя экономические различия, расчленяя экономически общество, увеличивал насилия, а так как при натуральном хозяйстве не могло быть сильной власти, то оставалось искать защиты у отдельных богатых и могущественных лиц и церковных учреждений.

В связи с этой слабостью государственной власти и огромным ростом богатства и силы крупных землевладельцев и церкви, а также в связи с бенефицием и коммендацией, в качестве естественного их дополнения возникает, наконец, иммунитет, т.-е. изъятие от подсудности государственным властям и от податей, повинностей и поборов властей, дававшееся королями с Хлодвига и до Карла Великого—епископам, монастырям и крупным землевладельцам. Пока никто, кроме королей, не жалует еще иммунитета. Пожалование при смене короля и при смене владельца каждый раз возобновляется

---

[1]) *Fustel-de-Coulanges,* Le bénéfice et le patronat.

[2]) *Waitz,* Deutsche Verfassungsgeschichte, IV т., стр. 269 и след.; *Roth,* Feudalität und Unterthanverband, стр. 214 и след.

[3]) *Fustel-de-Coulanges,* Le bénéfice et le patronat.

особо, требует отдельного подтверждения. Впрочем, пожалование иммунитета королем только утверждало то, что уже сложилось в жизни, было формальным подтверждением фактического срастания судебных и административных прав с землевладением [1]. Исключению из судебного иммунитета иногда подлежат важнейшие уголовные преступления, а из податного иммунитета, по закону Карла Великого, постоянно исключаются: 1) военная служба, 2) сторожевая и мостовая повинности, 2) дорожная повинность, 4) годичные дары королю и властям [2].

Все вышесказанное об устройстве общества уже в достаточной мере характеризовало высший его слой — „благородных" или „знатных" (эделингов). Ясно, что юридически и экономически, как сословие и как класс, они все более выделялись, обособлялись и оформлялись, приобретая и богатство и привилегии, сравнительно с которыми ничтожное значение имела та единственная — высший вергельд — знатного человека,—какая существовала сначала. Надо только прибавить, что эта знать была уже не всегда старого родового, а дружинного происхождения; именно королевские дружинники, графы, герцоги и пр. получали львиную долю земель, потом прекарии, бенефиции, иммунитеты, коммендатов [3].

Рядом с ним стояли епископы и монастыри—эта церковная знать, которая, экономически усиливаясь, возвышалась и в правовом отношении, уничтожив митрополию, власть местного митрополита, и для этого вступив в связи с римским папой [4].

Из сочетания новых общественных сил и вышел новый государственный порядок меровингской и каролингской эпох.

Вопрос о земле со времени успехов земледелия приобрел первенствующее, определяющее значение тем более, что не научились еще относиться к земле бережно, эксплоатировать ее интенсивно, не истощая небрежной обработкой и не забрасывая. Две группы землевладельцев—светские землевладельцы и церковные учреждения—конкурировали между собою и этой конкуренцией определялись внешняя политика государства и пределы его территории.

---

[1]) *Dopsch*, Die Wirtschaftsentw. d. Karol., II, 91.
[2]) *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, IV т., стр. 298—302. 315
[3]) Там же, стр. 326—327.
[4]) *Гизо*, История цивилизации во Франции.

Уже секуляризация при Карле Мартелле была совершена в интересах светских землевладельцев, стремившихся к расширению своих владений, искавших земли. Королевская власть уже тогда была отражением и выражением интересов этих людей, составлявших войско того времени. Это ссорило две группы землевладельцев между собою.

Но ссориться с церковью было невыгодно: она была слишком сильна и экономически и культурно. Поэтому скоро пришлось пойти на компромисс. И потому состоялся возврат многих секуляризованных имений и увеличение владений церкви с распространением прекарного владения светских людей церковными землями: обе стороны пришли к удовлетворяющему их соглашению.

Но им обеим было мало той земли, которую они имели. И отсюда вышли завоевания сначала Хлодвига, потом Карла Великого, покорение других варварских королевств и государств и образование империи Карла Великого. Светские землевладельцы дали для этого военную силу, а церковь—духовную: проповедники вроде св. Колумбана, Галла, Бонифация сильно содействовали объединительным стремлениям Франкской монархии.

Церковь помогала также и внутреннему объединению, сплочению государства, организовала его, сколько возможно. И здесь она помогала разрешению второй задачи, выпавшей на долю Франкской монархии,—задачи самоорганизации крупных землевладельцев и образования социальных основ их господства—массы зависимых и полузависимых общественных групп [1]). Другими словами, Франкская монархия и в частности монархия Карла Великого была средством организации феодальной системы, сущность образования которой сводится к тому, что крупные землевладельцы стали приобретать на своих землях государственные права, как одно из проявлений права земельной собственности. Мы видели это в происхождении бенефиция, коммендации и иммунитета.

Все эти новые явления политической жизни нашли себе выражение в разных сторонах государственного строя Франкской монархии, как в самом устройстве управления, так и в понятии о целях государственного союза и о субъекте власти.

---

[1]) *Roth,* Feudalitat und Unterthanverband, стр. 312.

Сам король, потом и император смотрел на свое государство как на собственность своей семьи, на вотчину, и потому делил его между сыновьями. Так поступил и Карл Великий, и только смерть двух других его сыновей при жизни отца сделала Людовика Благочестивого единственным обладателем империи, так что последний не ввел ничего нового, разделив империю между своими сыновьями. А окончательный раздел монархии Карла Великого в Вердене в 843 г. его внуками был отражением как натурального хозяйства и феодализации, так и сознания национальных различий, разрознивавших отдельные части монархии.

Тот же взгляд на государство, как и на вотчину, выражался и в том, что дворцовые слуги короля, его хозяйственные помощники, управляющие дворцовым хозяйством,—майордом, сенешал, маршал и пр. — управляли и государством, являлись суррогатами центрального управления, вернее, постоянными советниками короля или императора в тех случаях, когда он находил нужным обратиться к их совету. Конечно, не было постоянного состава советников, не было и круга дел, постоянно подлежавших их ведению.

На местах существовали органы финансового и судебного управления. Выше всех из них были государевы посланцы (missi dominici), появившиеся, правда, поздно, с Карла Великого (768—814 гг.) и назначавшиеся из светской власти и из епископов. Ниже их стояли графы с их помощниками и заместителями вице-графами и викариями, затем сотники. На суде всех этих должностных лиц присутствовали и в постановлении приговора участвовали заседатели, называвшиеся сначала рахимбургами, а с Карла Великого—скабинами или шеффенами. Их назначали государевы посланцы, как и состоявших при графах нотариусов [1]).

Ведомство всех этих должностных лиц не было строго определено и планомерно распределено. Королю, напр., приносились жалобы на решения и приговоры всех, кто имел судебную власть, но очень поздно, при Карле Великом и Людовике Благочестивом, появились запрещения обращаться к королю, минуя низшие власти [2]). Специально король судил преступления по неисполнению его собственных повелений,

---

[1]) *Waitz,* Deutsche Verfassungsgeschichte, т. IV, стр. 366—393, 410.
[2]) Там же, стр. 472—474.

отказавшихся дать клятву в верности, совершавших преступления по должности [1]). Фактически король мог вершить суд вместо любого из судей, своим присутствием на суде аннулировал судебное значение и власть каждого из них [2]). Помощники графов не могли судить по делам, влекущим за собой лишение свободы, земельного владения и владения несвободными людьми [3]). Характерно, что заседатели постепенно все более и более заменяли всех свободных на судебных собраниях: при Каролингах бывало только 2 раза в год собрание всех свободных при короле и, конечно, не специально для суда, а в графствах—три раза в год [4]). В остальное время графы. их помощники и сотники судили при участии заседателей, Те же власти ведали и дела финансовые — сбор податей и отбывание повинностей, а также и дела полицейские, которые были весьма элементарны, находились в зачаточном состоянии, хотя Карл Великий и старался учредить не только полицию безопасности, но и полицию благосостояния [5]).

Субъектом власти являлось не общество, а личность, и целью государственного союза было не общественное, а личное господство. Ряд наблюдений свидетельствует об этом.

Прежде всего суд был чаще всего попрежнему пассивен и формален: ордалии или суд божий и соприсяжники — свидетели и поручители о добром поведении обвиняемого—играли главную роль: только при поимке на месте преступления с поличным было иначе.

Затем финансы были отраслью личного хозяйства короля, доходы и расходы государства и государственные земли не отличались от королевских [6]). Налоги носили такой же частноправовой характер: таковы были кормы короля, его свиты, посланцев, графов и других лиц при их проездах и посещениях, подарки королю, натуральные повинности при королевских постройках, проведению и починке дорог и мостов, мостовые, дорожные и торговые сборы, даже судебные штрафы [7]).

---

[1]) Там же, стр. 479—480.
[2]) Там же, стр. 473.
[3]) Там же, стр. 380.
[4]) Там же, стр. 367, 370.
[5]) Там же, стр. 388 и сл., 432 и сл.
[6]) Там же, стр. 3, 6, 7.
[7]) Там же, стр. 12 и сл., 22 и сл., 29, 55, 64, 105 и сл.

Прочных оснований для определения высоты сборов не было: все покоилось на обычае [1]). Свободные люди прямых налогов не платили [2]). Вообще все доходы были невелики. Наконец, и доходы и судебная власть государства сокращались коммендацией и иммунитетами. Военная повинность также была связана с личной свободой и землевладением и более или менее точно определилась лишь при Карле Великом: каждые 3 гуфа земли (три семейных надела), потом каждые 4 гуфа должны были выставлять и содержать вооруженного всадника [3]). За уклонение от этой повинности установлен был высокий штраф и даже лишение земли [4]). В общем всюду мы видим только связи личной верности и зависимости [5]) и, если сравнить с Римской империей,—разрушение связи между значительной частью народа и государством [6]).

Мы можем теперь формулировать основные особенности, характерные свойства материальной культуры во Франкской монархии V—IX веков. В хозяйстве главным новым явлением был рост земледелия, в обществе — возвышение знати и упадок свободного слоя населения, в государстве — закрепление политической властью, ее деятельностью новых приобретений земледельческого хозяйства и связанных с ним социальных перемен.

И духовная культура только отражала в себе новые явление в материальной жизни. Конечно, все новое меньше всего влияло на массы населения: села и веси, франкское и вообще варварское деревенское население и после принятия христианства до самого конца периода были христианскими разве только наполовину. Народ пел старинные языческие песни, верил в старых богов, поверья, заговоры, суеверия имели для него прежнюю силу [7]). Двоеверие было обычным даже при Карле Великом [8]). Словом, господство хаотического конкретизма в психологии масс не подлежит сомнению и вряд ли нуждается в доказательствах

---

[1]) Там же стр. 69.

[2]) Там же, стр. 112.

[3]) Там же, стр. 532, 538, 539, 562, 567.

[4]) Там же, стр. 536.

[5]) Там же, стр. 637.

[6]) Там же, стр. 647.

[7]) *Koegel*, Geschichte der deutschen Litteratur, I Band, стр. 60 и сл., 78 и сл., 122 и сл., 260 и сл.

[8]) *Reuter*, Geschichte der religiösen Aufklärung, I B., стр. 3.

Конечно, того же хаотического конкретизма, дикости, животной грубости и импульсивности было сколько угодно еще и в психологии общественных верхов. Недаром ранние герои позднейших рыцарских поэм (chansons de gestes), отдельные песни о которых должны были сложиться не позднее IX века,— Рауль де Камбрэ, Обри де Бургиньон, Ожье — рисуются перед нами как образцы дикарей: они жгут, убивают, грабят [1]). Недаром и в любви грубость и насилие господствовали даже по представлению Роланда, который захотел насильно похитить понравившуюся ему Обу [2]); да и вообще красивую женщину находили уместным сравнивать с хорошею лошадью — не больше [3]). Многозначительны здесь и цинизм, грубость и господство элементарных инстинктов у девушек—героинь рыцарских поэм [4]), и необыкновенное обжорство и пьянство: на многочасовых обедах и ужинах повседневно страшно много ели и пили [5]).

Много остатков психической неорганизованности наблюдается и у живых лиц, о которых мы имеем сведения. Всего характернее здесь Хлодвиг, о жестокостях и насилиях которого много говорит Григорий Турский, что, однако, не мешает этому первому франкскому летописцу утверждать, будто „Хлодвиг ходил с сердцем правым перед господом и поступал так, как было приятно его очам". А знаменитая королева австразийская (Австразия — удел Сигберта, одного из правнуков Хлодвига) Брунегильда с ее крайней жестокостью и чувственностью — живой образец героинь позднейших рыцарских поэм. Алькуин, Григорий Турский, сами Пипин Короткий и Карл Великий не умели создать себе цельной психологии, тем более—продуманной и связной идеологии: Алькуин механически переводил „Утешение философии" Боэция, Григорий Турский всюду видел чудеса. Пипин и Карл многим еще напоминали настоящих варварских вождей прошлого. Однако, за вычетом всех этих обломков прошлого, в их духовном складе получается все-таки некоторый организованный остаток, знаменующий собою уже переход к будущему и, следовательно, большую новость, зна-

---

[1]) *Gautier,* La chevalerie, стр. 26, 27.
[2]) Там же, стр. 239.
[3]) Там же, стр. 350.
[4]) Там же, стр. 378.
[5]) Там же, стр. 551, 631 и сл., 643 и след.

чительный шаг вперед. Это новое—образование психологии эгоизма, зародышей эгоистических характеров с господством соответствующих чувств—страха за существование и страха лишиться средств для него—корыстолюбия, жадности, стремления к приобретательству, скопидомства. В этом отношении характерен, напр., рассказ Григория Турского о том, как Хлодвиг, стерпев и уступив при делах добычи одному своему дружиннику понравившуюся ему чашу, потом, придравшись к случаю на смотру за какую-то неисправность, собственноручно разрубил этому дружиннику череп. Или, напр., Брунегильда, вопреки господствовавшему правовому обычаю, по рассказу того же Григория Турского, добилась наказания убийцы, одного человека, бывшего у нее в подчинении (in verbo): имущество убийцы было конфисковано, но не в пользу семьи убитого, а в пользу королевы. Мы уже видели сейчас, как терпимо относится сам Григорий Турский к жестокостям Хлодвига; следует прибавить к этому, что он был самым преданным сторонником Брунегильды, несмотря на все ее пороки, жадность и эгоизм. И что было тому причиной? Григорию выгодно было расположение австразийской королевы: оно обеспечивало ему турскую епархию, сделавшуюся почти наследственной в знатной семье, к которой он принадлежал и которую вообще держали в своих руках много епископских кафедр. Пипин Короткий нашел путь к соглашению с церковью в вопросе о секуляризации и прекарном владении и ловко воспользовался церковным авторитетом и в достижении королевской власти и в подчинении герцогов. То же сделал и Карл Великий в своей завоевательной и объединительной политике. Расчетливость, разумность, холодное и трезвое взвешиванье обстоятельств, сознательное служенье интересам крупного землевладения, правильно понятым и благоразумно проводимым,—вот, что наиболее отличало великого основателя Священной Римской империи. Он сумел при этом фактически подчинить себе и папу.

Эти две струи в психологии господствовавших общественных групп, старая струя, — хаотический конкретизм, и новая, — эгоизм, в особенности новая, ясно проглядывают во всех проявлениях духовной культуры того времени.

Религия стала прямым орудием для достижения прочности Франкской монархии, хотя бы временного ее укрепления, а также и для ее расширения, для приобретения слагавшеюся

аристократией необходимых ей земель. Уже из сказанного выше видно, какую видную роль играли здесь епископы. Не менее важно было и содействие монастырей. История деятельности св. Колумбана дает в этом отношении особенно показательный пример. Сам Колумбан был типическим представителем религиозно-этических по характеру людей: бедность, целомудрие, смирение, нравственность, высшая культура духа — вот цели, которые он преследовал. И потому он энергичнейшим образом основывал монастыри в большом количестве [1]). И этим он содействовал не только победе над духовным варварством, к чему он сознательно стремился, обличая грубую распущенность и основывал в монастырях библиотеки, но и торжеству феодальной государственности Меровингов и Каролингов, о чем он, повидимому, и не думал. Конечно, и основанные им монастыри пошли при этом по общей, проторенной дороге обмирщения, стали крупными землевладельческими и кредитными учреждениями того времени. Еще больше помогли достижению тех же политических целей оба Бенедикта — Нурсийский и Аосьянский [2])

В IX веке особенно выделяется в области религиозной жизни деятельность Агобарда Лионского и Иоанна Скота Эригены. Агобард восставал горячо против суеверий, гаданий по Евангелью, суда божия (поединков и ордалий) в судебных делах, но он стоял за католическую догматику, которая для него имела силу, равную безусловной нравственности, была соотносительна нравственной истине [3]). Понятие о догматике, как о морали, весьма характерно для слагавшегося типа эгоистической психологии: люди этого склада, постепенно выдвигавшиеся на первый план и завоевывавшие господство, хотели освятить догматикой обыденную, ходячую мораль, основу их преобладания. В этом отношении типичен и Иоанн Скот Эригена, который проводил ту же верность догматике только не в массах, как то делал Агобард, а в аристократии. Фактически Эригена подчинял разум вере,

---

[1]) *Zockler*, Askese und Mönchtum, Frankf. a. M. 1897, стр. 381 и сл.

[2]) Там же, стр. 355 и сл., 394 и след.

[3]) *Reuter*, Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter, I B., Berlin, 1875, стр. 26, 32, 35.

утверждая их тождество, и потому объяснял теологически, богословски всю мировую историю [1]).

Политическая тенденция требовала борьбы со старой языческой героической поэзией, ее христианизации. Ответом на эту потребность были три поэмы: „Гелианд“, „Генезис“ и „Муспилли“, У них есть некоторые индивидуальные черты: этический элемент преобладает в „Гелианде“, психологический в „Генезисе“, дидактический в „Муспилли“ [2]). Это объясняется в значительной степени личностью их авторов: так, автор „Гелианда“ — монах, но он раньше был поэтом и певцом эпических песен [3]), а автор „Муспилли“ — духовное лицо, проповедник [4]). Но важнее сходные черты, общие всем поэмам. Во всех них много языческих отзвуков [5]). Материал часто трактуется по образцу героических песен [6]). Из чудес Христа выбраны такие, какие могли внушить доверие читателям [7]). Характерна для задатков поэзии и бедность образов и редкость сравнений, и повторение, вариации мысли в других выражениях [8]). Но главное здесь — христианизация поэзии [9]). Обыкновенно, однако, преувеличивают, кажется, смысл и значение этой христианизации, изображают перемену слишком резкой: верно, что языческие песни пели о подвигах героев, но, во-первых, и герои эти — не люди, а полубоги, а, во-вторых, восхваляя их, воспевали в сущности богов, за ними стоящих, им помогающих, их вдохновляющих — в сущности, значит, всегда воспевали богов, таинственные силы, которые надо приручать колдовством, магией; в этом смысле и христианизованная поэзия недалеко ушла от языческой: просто боги и полубоги язычества заменены были богом, Христом и святыми христианства. Так было в религии, где и получалось двоеверие, синкретизм язычества и христианства, так и в поэзии. Та-

---

1) Там же, стр. 55, 61.

2) *Koegel,* Geschichte der deutschen Litteratur bis zum Ausgange der Mittelalters, 1 Band, стр. 286, 288, 321.

3) Там же, стр. 283.

4) Там же, стр. 319.

5) Там же, стр. 284, 324.

6) Там же, стр. 284, 288.

7) Там же, стр. 286.

8) Там же, стр. 334—336.

9) Там же, стр. 268; ср. *Аничков,* Язычество в древней Руси, стр. 187.

кой же характер христианизованной поэзии носили и произведения св. Авита, посвященные библейской истории [1]). Отзвуки римского прошлого находим в стихотворениях Фортуната, епископа в Пуатье: это — послание по поводу присланных плодов, обеда и проч., представляющие собою подражание римскому поэту Авзонию [2]).

Видное место в деле христианизации общества и литературы принадлежит житиям святых. И в них много суеверия, чудеса играют главную роль. Есть проповедь аскетизма. Но есть и моральное поучение. Св. Кераун, епископ парижский, и Григорий, епископ турский — образцы такого рода агиографов, составителей житий святых [3]).

История или хроника, летопись имела в изучаемое время двух видных представителей — Григория Турского и Фредегара. Точка зрения их — теологическая: в истории действует указующий перст Провидения [4]). Мы уже знакомы отчасти с теми эгоистическими побуждениями и соображениями, которые руководили Григорием Турским в его повествовании. Еще сильнее, резче, грубее подобные мотивы проглядывают у позднейших хронистов VIII и IX веков: их произведения обнаруживают не только невежество, грубое суеверие, отсутствие любознательности у монахов; хронисты не стесняются восхвалять коварных и жестоких людей, если они жертвовали на монастыри [5]). Хорошо известно также, что каждый хронист механически переписывал произведения своих предшественников и затем уже от себя продолжал рассказ. Совершенно особое положение занимает биография Карла Великого, написанная Эйнгардом: это простодушный, безыскусственный, правдивый рассказ.

Что касается архитектуры и живописи, то и здесь мы наблюдаем механическое заимствование, рабское подражание, причем копии далеко отстали от оригиналов, носили на себе признаки грубости и упадка. Это нужно сказать об антич-

---

[1]) *Гизо*, История цивилизации во Франции.

[2]) Там же.

[2]) Там же; *Стороженко*, Очерк истории западно-европейской литературы, М. 1900, стр. 18, 19.

[4]) *Стороженко*, Очерк истории западно-европ. литературы, стр. 26.

[5]) Там же, стр. 27, 28.

ных, римских тенденциях в искусстве времен Меровингов [1]). Это же следует повторить и о подражаниях византийским образцам при Карле Великом. В столицах своих — Аахене, Ингельгейме, Нимвегене—Карл воздвиг дворцы, стены которых были украшены историческими картинами. Дворцы эти не дошли до нас. Уцелел только построенный Карлом собор в Аахене. Он сооружен по образцу византийской церкви св. Виталия в Равенне. И по этому византийскому образцу построен был тогда ряд церквей, теперь не уцелевших. И в живописи—миниатюрах, рисунках на рукописях—заметно при Карле Великом византийское влияние. Техника — упадочна: растет грубость рисунка, размеры головы и конечностей преувеличены. Типы голов, штриховка золотом на одеждах, зеленоватый тон в тенях телесных частей—византийские. Характерен обычный во франкских миниатюрах до конца X века орнамент, напр., в заставках: изображение разных птиц, не связанных между собою никакой мыслью, без всякого действия и какой бы то ни было символики. После Карла Великого византийское влияние слабеет, берут опять верх античные образцы, но варварские элементы примешаны весьма сильно [2]).

Остается характеризовать, на основании варварских Правд и капитуляриев, правовые понятия общества, представления о праве и справедливости.

Правды и капитулярии представляют в этом отношении, несомненно, два особых момента развития юридического сознания, знаменующие собою процесс психологического развития высших общественных слоев, намеченный нами выше.

Для варварских Правд характерно прежде всего то, что они часто—результат отдельных судебных решений, казусов. Наиболее типична в этом отношении Салическая Правда, относящаяся к VII веку. Уголовное преступление в Правдах уже отличается от гражданской неправды—особыми уголовными карами или штрафами в пользу короля. При этом характерно, что в Салической и Рипуарской Правдах среди уголовных наказаний нет наказаний телесных и лишения свободы заключением в тюрьму, а есть только изредка смерт-

---

[1]) *Герц*, О состоянии живописи в северной Европе от Карла Великого до начала романской эпохи, М. 1873, стр. 32.

[2]) Там же, стр. 32—36.

ная казнь, чаще же всего денежные взыскания: вергельд— частное вознаграждение потерпевшего или его семьи и фред— штраф королю. Это ясный признак господства понятия о преступлении, как о чисто материальном вреде, а не о вреде нравственном, почему и требуется лишь материальное возмещение понесенного ущерба. Бургундская Правда представляет в этом отношении уже шаг вперед: там есть телесные наказания, очень, впрочем, суровые [1]). Дополнением общей характеристики понятия о праве в варварских Правдах может служить известное уже нам по истории государственного строя Франкской монархии пассивное положение судебной власти, зависимость ее от формальных доказательств—судебного поединка, ордалий (испытание железом, водой, клятвы) и соприсяжников.

Понятие о преступлении, как нравственном и общественном зле, несомненно, сделало успехи в капитуляриях Карла Великого и его преемников, т.-е. в VIII и IX веках. Здесь характерна и важна прежде всего установленная капитуляриями обязанность самих должностных лиц вчинать дела по важнейшим уголовным преступлениям—убийству, грабежу, разбою [2]). Затем расширилось применение смертной казни, полагавшейся за измену, оскорбление величества, бегство с поля сражения, продажу оружия неприятелю, повторный разбой и убийство, совершенное в церкви [3]). Месть уже обязательно заменялась выкупом и кто отказывался принять такую замену, тот подвергался ссылке [4]). За убийство по ничтожным мотивам, по закону Людовика Благочестивого в 829 г., полагалась, кроме выкупа и штрафа, еще дополнительно ссылка [5]). Развиты были телесные наказания: ослепление за государственные преступления—восстание и заговор—и за подлог [6]); лишение руки за клятвопреступничество, лжесвидетельство и подделку монеты [7]). Со ссылкой и смертной

---

[1]) *Гизо*, История цивилизации во Франции. Ср. *Hessel-Kern,* Lex Salica.

[2]) *Waitz,* Deutsche Verfassungsgeschichte, IV Band, стр. 438.

[3]) Там же, стр. 507.

[4]) Там же, стр. 508.

[5]) Там же, стр. 509.

[6]) Там же, стр. 511, 512.

[7]) Там же, стр. 512.

казнью обыкновенно соединялось и лишение имущества [1]). Заключение в тюрьму применялось к тем, кто по несостоятельности не мог платить выкупы и штрафы [2]).

В общем и целом духовная культура, сохраняя много остатков старинной бесформенности, хаотического конкретизма в психологии общества, даже и его верхов, отражала и образование не окончательно еще сложившейся, но уже намечавшейся личности, определенного психического типа с преобладанием эгоистических чувств—самосохранения и приобретательства, которое также ведь является одним из проявлений самохранения, страха за свое существование.

---

[1]) Там же, стр. 515.
[2]) Там же, стр. 519.

IV.

Феодальная революция в Англии.

Феодальная революция совершилась в Англии в период времени с половины V до конца IX века. Если первый период истории Англии был кельтским, то второй должен быть назван англосаксонским. Но и англосаксы, будучи еще в Германии, пережили, конечно, тот период существования родового и племенного общества, который характеризован нами рядом примеров выше: к ним имеет отношение набросанная раньше картина быта древних германцев.

Между половиной V и концом IX века многое в Англии, конечно, изменилось сравнительно с предшествующим временем. Правда, хозяйство осталось натуральным попрежнему: оброки с крестьян, напр., собирались главным образом натурой [1]). Правда, и скотоводство занимало еще весьма важное положение; недаром так много боролись между собою короли семи англосаксонских монархий: они искали простора для пастьбы скота; на то же указывает и землевладение, о котором ниже. Но земледелие сделало уже значительные успехи: на это указывает и гайда и каруката, как единицы обложения, и задолжность свободного населения, вызванная, очевидно, началом перехода к земледельческому хозяйству и затратами на это, и жатва, как источник платежа повинностей [2]). Втор-

---

[1]) *Виноградов,* Исследование по социальной истории Англии в средние века: „Журнал Министерства Народного Просвещения“ за 1887 г., май, стр. 39.

[2]) Там же, стр. 31, 39; гайда и каруката — земля в таком количестве, что ее можно обработать плугом с запряжкой в восемь волов: явный признак земледелия.

жения датчан, рассказы „Сказание о Беовульфе", о драконе, стерегущем клад, и чудовище, пожирающем дружинников, ясно указывают на новый элемент в хозяйстве — разбойничью торговлю: откуда иначе появился бы клад. откуда взялась бы гибель дружинников, добывающих его?

Легко заметить при этом, как остатки старого и новые элементы отражаются на землевладении. Folkland — народная земля, пользование которою основывается на обычае, — остается главной формой аграрных отношений [1]). Отдельные семьи имеют в собственности только усадьбу, остальное — в общем пользовании, близком к старым вольному и захватному владению [2]). В поэме о Беовульфе говорится еще о земле, занятой целым родом. Но рядом с этим мы уже встречаем Bokland — владение по грамотам, которым распоряжаются более или менее свободно, хотя иногда и не без некоторых ограничений [3]): это первоначальный вид *частной* собственности на землю, свойственный высшим слоям общества. Король и его совет жалуют эту землю из Folkland. Folkland возник вовсе не „под влиянием церкви и римской традиции" [4]), а вследствие того, что применялось и стало развиваться земледельческое хозяйство. И пионерами его развития были именно высшие слои общества, как раньше римляне.

Конечно, хозяйственным переменам сопутствовали изменения и в устройстве общества. Правда, и в кентских Правдах (королей Эгельберта, Глотаря и Эдрика, Уитреда), и в уэссекском законе Инэ свободные люди — кёрли — являются еще количественно преобладающими и трактуются как полноправные. Но они уже постепенно начинают падать, принижаться: земли у них остается все меньше и множатся их долги; на-ряду с несвободными слугами у крупной родовой и служилой знати появляются и слуги свободные, и для тех и других знатный человек становится господином — „глафордом" [5]). Вместе с тем, растет значение старой родовой аристократии — ёрлей: штрафы за преступления против знати (убийство и пр.) вдвое и втрое выше штрафов за престу-

---

[1]) *Vinogradoff,* The Growth of the Manor, стр. 141—143.

[2]) *Oman,* History of England.

[3]) *Виноградов,* Исследование по социальной истории Англии в средние века: „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1887 г., май, стр. 45—47.

[4]) Там же, стр. 48.

[5]) Там же, стр. 27, 28, 31.

пление против кёрлей, при убийстве зависящих от них людей они получают штрафы наравне с головничеством (вознаграждением) родственникам убитого. Наконец, выделяется служилая аристократия — тэны, большею частью, как и ёрли, крупные землевладельцы, свободно переходящие на службу от одного короля к другому и составляющие королевскую дружину [1]).

Соответственно всему этому строилось и управление. Были еще остатки старых родовых и племенных властей: областями управляли старейшины или ольдермены. Но на-ряду с ними королевскими имениями (домэнами) управляли особые лица обыкновенно из дружинников (тэнов), а более обширные королевства (как Уэссекс) делились на графства с ольдерменами и шерифами в качестве управителей. При короле состоял совет (уитенигемот) из ольдерменов и старших дружинников. Менее важные вопросы и судебные дела решались на собраниях свободных, бывших в графствах, по два раза в год. Споры земельные решались на сельских сходах [2]).

Так организовано было хозяйство, общество и государство в каждом из семи основанных англосаксами в Британии королевств. Но в IX веке Экберт впервые объединил все семь королевств, а сын его Альфред Великий продолжил это объединение, прерванное в его молодости датскими набегами. Это объединение было именно выражением хозяйственных перемен—успехов земледелия и частного землевладения. Не сопровождаясь глубокими переменами в устройстве государства и в управлении, объединительная политика Экберта и Альфреда закрепила развитие земледелия, рост частного землевладения, выделение и перевес более богатых землевладельцев, знати, разложение класса свободных [3]).

В духовной культуре англосаксонской Британии было немало еще остатков старого хаотического конкретизма. Анимизм виден в рассказах поэмы о Беовульфе, о чудовище Гренделе, похищавшем дружинников, и о драконе, стерегущем клад. Древние англосаксонские заговоры [4]), до нас дошед-

---

[1]) Там же, стр. 29, 30, 38.
[2]) *Oman*, History of England.
[3]) Там же.
[4]) *Brooke*, English Literature from the beginnings to the Norman Conquest, London, 1908, т. I.

шие, типичные заклинательные, колдовские, магические формулы для отвращения зловредного действия духов, могуче влияющих на судьбу людей. А что может быть характернее инструкции папы Григория I Августину и другим проповедникам христианства в Англии конца VI века? Приспособляясь к психологии новообращаемых англов, которых он хотел сделать, по его словам, ангелами, умный папа советует оставлять для богослужения и при новой религии старые языческие храмы: „когда народ увидит, что прежнее место молитвы осталось, он охотнее пойдет туда по привычке". Папа настаивает на сохранении языческих обрядов—принесения в жертву быков или постройки вокруг храмов шалашей из зелени и т. д. [1]). Понятно, что христианство лишь внешним образом приросло, механически смешалось с древним язычеством, и получилось то, что принято называть двоеверием. Характерно, что один из королей северной Англии согласился признать главенство папы, преемника св. Петра, именно потому, что св. Петру Христос вручил ключи от царства небесного: „я не хочу враждовать с привратником небес; я, напротив, хочу во всем повиноваться тому, что им установлено, так как я боюсь, чтобы в час, когда я предстану у врат небесных, не отвернулся от меня тот, кто держит ключи, и тогда некому будет открыть мне двери". Здесь рай, привратник, ключи—все материальное, земное, конкретное, осязаемое, типично анимистически-фетишистское. Пример—достаточно яркий для характеристики хаотического конкретизма в религии дофеодальной Англии, и потому, кажется, им можно закончить эту характеристику, не увлекаясь дальнейшими подробностями и иллюстрациями.

Тот же хаотический конкретизм сквозит всюду и в литературе. И тут христианство наслояется на язычество, не соединяясь с ним органически. Неверно говорят, что языческие песни воспевали подвиги героев, а христианские—создание мира богом [2]). Ведь, и воспеваемые в языческую пору подвиги героев были не *их* подвигами, а результатом дей-

---

[1]) „Cura pastoralis" Григория Великого, переведенная Альфредом Великим; ср. *Plummer*, The life and times of Alfred the Great, Lon., 1902.

[2]) *Аничков*, Язычество в древней Руси, стр. 187.

ствия богов, и в мире царили не герои, а таинственные чудовища. По существу между языческой и христианской песнью различие, значит, только в подстановке бога вместо богов и чудовищ. Мало того: и бог и чудовища существуют вместе. Автор „Беовульфа“, дружинник и церковник [1]), говорит о певцах „сказывавших“, как „Всемогущий создал твердь“ и весь мир, и вместе повествуют о страшном Гренделе и чудовищном драконе. А религиозные песни Кэдмона, Киневульфа, „Юдифь“ лишь указанной выше заменой языческих божеств христианским богом отличаются от старых англосаксонских и даже кельтских гимнов богам [2]).

В прозе англосаксонская литература даст три крупных явления: Бэду Достопочтенного, короля Альфреда Великого и проповедника Эльфрика [3]). И что мы в них видим? Сочинение Бэды — странная смесь всякой всячины: в „Церковной истории племени англов“ он пересыпает рассказы о святых и мучениках цитатами из Виргилия; он пытается создать какое-то подобие энциклопедии, собирая из Платона, Аристотеля, Сенеки, Цицерона, Лукреция, Овидия, Виргилия разные цитаты и пытаясь дать сведения по астрономии, физике, арифметике, медицине, музыке, грамматике, риторике, философии; из всего этого получается чудовищная мешанина беспорядочных знаний — настоящая mobs indigestaque res. Бэда — варвар, бессильно пытающийся схватить крохи исчезающей римской цивилизации и, естественно, питающий глубокое благоговение к Риму: недаром он в своей „Церковной истории“ заявляет: „когда падет Рим, падет и мир“.

Альфред Великий жил два века спустя — в конце IX столетия, — но он не сделал ни шагу вперед: он перевел с латинского „Церковную историю“ Бэды, составил хронику — такую же нескладную, — перевел в извлечениях „Об утешении философии“ Боэция: все заимствования без малейшего признака оригинальности и организованности.

И в проповедях Эльфрика, наконец, нет ничего, кроме обычных шаблонов, взятых на прокат из Италии.

А искусство? Не может быть и речи, напр., об англосаксонском архитектурном стиле: такого не было. Мало того,

---

[1]) Там же.
[2]) *Brooke*, English Literature, т. 1.
[3]) Там же.

в англосаксонский период не занесен был в Англию и романский стиль: романская архитектура появляется здесь только с половины XI века, — после норманнского завоевания [1]).

Везде, во всех областях духовной культуры, а следовательно, и в психологии плохо организованного и слабо расчлененного общества господствует, таким образом, хаотический конкретизм. Но все же, как мы видели, общество уже начинало организовываться и расчленяться, и потому хаотический конкретизм переживал последний момент своего безраздельного господства, когда, кроме него, замечаются уже некоторые психологические новообразования в соответствии с новообразованиями социальными: прорывается и нарастает одно чувство, которое в развитом виде послужит основой психологии общества, — это *чувство боязни*, — пока инстинктивное, несознанное, без точного понимания, в чем именно заключается опасность, и каковы должны быть средства борьбы с нею.

В самом деле: таинственные силы, чудовища, господствующие в мире и по религиозным представлениям и по воззрениям поэтов вроде автора „Беовульфа", — что это, как не выражение чувства боязни, чисто еще слепой, смутной, инстинктивной? Как много смиренного терпения, боязливой приниженности у Кэдмона, Киневульфа, Бэды, Эльфрика! Неудивительно, что и Альфред Великий перевел Боэция: ведь его „Утешение философии" — характерная смесь платонизма со стоицизмом, яркое выражение психологии несчастия и смирения, пассивного эгоизма.

Но и Альфреду, и его отцу Экберту не был чужд также зародыш эгоизма активного: он виден в их приобретательстве, в объединительных действиях, в хитрости и вероломстве, с которыми они побивают своих врагов и добиваются торжества, поддерживая знать, угождая ей, боясь ее. Здесь страх, самосохранение и приобретательство — поднялись уже до известной сознательности, знаменовали собою зарождение в верхах общества людей эгоистического склада.

Так и материальная и духовная культура отразили, несмотря на многочисленность остатков прошлого, существенный

---

[1]) *Springer*, Handbuch der Kunstgeschichte, Berl., 1906.

перелом, характерная черта которого — переход власти к богатым землей знатным людям, благородство которых проистекало уже не из одного родового и племенного старейшинства, но из высокого положения в среде слуг короля, его дружинников.

V.

Феодальный переворот в Италии.

Денежное, товарное хозяйство, и без того падавшее в Италии в последние времена существования Западной Римской империи, все более шло на убыль с поселением здесь варваров — герулов, остготов, лангобардов. Источники дают возможность проследить постепенный, но неуклонный переход к хозяйству натуральному. Так, мы видим, что при остготах исчезла поголовная или подушная подать и упал поземельный налог [1]). Но все же остготские короли платили своей администрации денежное жалование за службу [2]). Совсем другая картина позднее: в VII и VIII веках господствуют натуральные сборы и натуральные повинности [3]); при Каролингах натуральное хозяйство окончательно утвердилось [4]), цены на землю упали [5]), натуральные оброки стали явлением обычным и повсеместным [6]). В Венеции еще в VII веке средством обмена были не деньги, а соль и рыба [7]), и торговля этого первого коммерческого центра тогда не выходила из узких пределов соседних Истрии и Далмации [8]).

---

[1]) *Виноградов*, Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии: „Журнал Мин. Народн. Просв.“ за 1880 г., февраль, стр. 364.

[2]) Там же, стр. 366 — 367.

[3]) Там же, апрель, стр. 187; сентябрь, стр. 216; октябрь, стр. 358.

[4]) *Hartmann*, Geschichte Italiens im Mittelalter, III B., I Hälfte, Gotha, 1908 г., стр. 18, 38.

[5]) *Виноградов*: „Журн. М. Н. Пр.“ за 1880 г., ноябрь, стр. 136.

[6]) Там же, стр. 138; *Hartmmann*, Gesch. Italiens, III, I, стр. 7.

[7]) *Kretschmayr*, Geschichte von Venedig, I B., Gotha, 1905 г., стр. 71.

[8]) Там же, стр. 75.

Земледелие становилось все важнее, местами, напр., в Тоскане, существовало, даже господствовало, скотоводство; обрабатывающая промышленность была весьма слаба: были отдельные ремесленники, кое-где в городах существовало ткачество [1]).

Соотношению отраслей хозяйства соответствовали и формы землевладения. При герулах и остготах в землевладении перемен произошло мало: только крупные земельные владения сделались мельче, разделились на мелкие вследствие того, что варвары получили в них треть земли [2]). Иногда, впрочем, вся перемена сводилась не к разделу земли, а к получению варварами-совладельцами трети дохода с имения [3]).

Крупнее были перемены, внесенные в землевладение лангобардами в 60-х и 70-х годах VI века. При первых двух лангобардских королях—Альбоине и Клефе—был совершен в эти годы ряд захватов земель у римских землевладельцев. В самом конце VI века король Аутари произвел второй раздел еще более резкий, причем очень многие римские землевладельцы попали в зависимое положение по отношению к лангобардам [4]). Не подлежит сомнению, что на основе совладения обширной семьи, не делившей первоначально земли, у лангобардов стало, как и у франков, развиваться соседское, шабровое или долевое владение [5]). И под влиянием необходимости перехода к земледелию появилась аренда свободными людьми земли с пособием от землевладельца семенами и инвентарем [6]); зародыш зависимого земельного владения.

И в IX и X веках, при Каролингах, мы видим в Италии явные признаки того же долевого владения нераздельного и с разделами [7]). Но увеличились, умножились, развились формы зависимого земельного владения; таковы были узуфрукт, прекарий, бенефиций, эмфитеоза. Узуфрукт — пользование землею, отданною или проданною монастырю, из желания получить хозяйственную помощь или защиту. Прекарий нам

---

[1]) *Виноградов:* „Журн. М. Н. Пр." за 1880 г., ноябрь, стр. 139, 140, 146.
[2]) Там же, февраль, стр. 352 и сл.
[3]) Там же.
[4]) Там же, стр. 373—381.
[5]) Там же, сентябрь, стр. 188 и сл., особ. стр. 201, 208.
[6]) Там же, август, стр. 240.
[7]) Там же, ноябрь, стр. 131 и др.

уже известен, только в Италии часто он давался не из земель, пожертвованных данным лицом церкви, а из других церковных земель. Бенефиций — временное владение землей без права распоряжения за службу хозяйственную и военную и для этой службы, причем земли раздавались в бенефиций и королем, и герцогами, и частными светскими владельцами и епископами, и монастырями. Эмфитеоза — тоже временное владение без права распоряжения, но с специальным условием улучшить в хозяйственном отношении землю. Землевладелец мог отобрать участок, если условие это не соблюдалось, а съемщик получал пособие от землевладельца, нес некоторые небольшие повинности и иногда (на юге) после осуществления улучшений получал в собственность половину снимавшейся им земли[1]). Вообще при мелком хозяйстве — свободных людей на своих землях и на землях условного владения, а также и крепостных, в Италии IX и X веков господствовало крупное землевладение — церковное и светское, — причем Карл Великий и его преемники много земли роздали франкским вельможам, знати, их окружавшей, а также епископам и монастырям[2]).

В общественном строе результатом влияния крупного землевладения явилось выделение и обособление из класса свободных аристократии, знати. С другой стороны, наблюдается принижение свободных, переход их в зависимое состояние. Наконец, старые полусвободные и совершенно несвободные состояния сближаются между собою и приобретают все более характер крепостного крестьянства. При этом, как и в развитии хозяйственных порядков и в переменах, совершавшихся в устройстве общества, наблюдается постепенность.

При остготах мы видим только отдельные и случайные исключения и привилегии небольшой группы лиц, которые изъемлются из ведения обыкновенных судов, становятся под особое покровительство короля[3]). Немногим больше выделяется аристократия и у лангобардов в первое столетие их господства — с половины VI до половины VII века[4]). Картина ме-

---

1) Там же, октябрь, стр. 213 и сл.; ноябрь, стр. 334 и сл.

2) *Hartmann*, Geschichte Italiens, III, 1, стр. 2—3.

3) *Виноградов*, Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии: „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1880 г., февраль, стр. 370, 371.

4) Там же, август, стр. 225, 226.

няется в следующие затем сто лет лангобардского владычества: крупные земельные владения, разложенные было завоеванием и поселением варваров, их разделивших, снова сложились, и соответственно этому во второй половине VII века и в первой половине VIII в. свободный слой общества расчленился на знать и рядовых свободных: знатные получают двойной вергельд и, соответственно размерам земельного владения, лучше вооружаются [1]), появляется коммендация [2]). Наконец, при Каролингах образуется земледельчески-служилая аристократия, к которой причисляются все свободные с землей, равно по ценности полному вергельду (150 солидов) [3]).

Постепенное слияние полусвободных и рабов в крепостное крестьянство видно из следующих фактов: полусвободные альдии приближаются к рабам уже в первое столетие существования Лангобардского королевства, а во второе столетие положение тех и других одинаково улучшается установлением неподвижности оброка, ими платимого, и права их получать самим непосредственно вознаграждения за обиды [4]), причем альдии прикрепляются к земле [5]); окончательное слияние альдиев, рабов и свободных арендаторов чужой земли в крепостное крестьянство — дело Каролингской эпохи [6]).

Наконец, политический строй характеризуется разложением единой государственной власти, переходом многих ее функций в руки крупных землевладельцев — духовных и светских.

Остготы сохранили много римских учреждений и порядков: и центральное и местное управление и финансы были при них римские; только для суда над готами был особый готский граф, и сверх того действовали в управлении и суде в провинции sajones, дружинники короля, которые как бы заменяют короля на местах, вмешиваясь в компетенцию органов областного управления, нарушая ее и тем подчеркивая начавшееся разложение устоявшихся римских порядков управления: sajones начальствуют отрядами войск, заведуют продовольствием, передают королевские приказания, разбирают дела, изъятые из ведения обычных судов, помогают

---

1) Там же, стр. 227, 229.
2) Там же, 232—235.
3) Там же, декабрь, стр. 376.
4) Там же, авг., стр. 219—222, 226.
5) Там же, стр. 238.
6) Там же, декабрь, стр. 373—375.

графам (областным правителям) и контролируют их, защищают лиц, пользующихся специальной охраной короля [1]). Но это пока и все новое. В Лангобардском королевстве исчезла старая римская финансовая система денежных сборов, и начались поэтому земельные раздачи [2]). Королевская власть ограничивается властью герцогов, почти вполне самостоятельных, и дружинниками [3]). При Каролингах развиваются иммунитеты, на суде заседатели из аристократии заменяют собрания свободных [4]).

Можно было бы привести из наших источников сколько угодно фактов для доказательства того, что в духовной культуре и психологии не только народных масс, но и верхов общества в Италии V — X веков сохранялось еще много обломков старины, хаотического конкретизма. Остатков язычества было много [5]). Папа Григорий I Великий был не варвар, а римлянин по происхождению, но сила окружающих условий была так велика, что его духовный облик носил на себе ясный отпечаток варварства. Григорий был очень умен, но и крайне суеверен: он верил в амулеты, в явления умерших живым, в демонов, черти являлись ему в виде свиней, его диалоги посвящены истории чудес, причем излагаются с полным доверием самые невероятные рассказы; при этом папа с нескрываемой враждой относился к гуманным наукам и преследовал математические науки [6]). В IX веке особенно развилось почитание реликвий и мощей; леность, невежество монахов и народа в Риме достигли крайних пределов [7]). Характерно далее, что все короли остготов после Теодориха Великого кончили жизнь насильственной смертью, были убиты. Убиты были и два первых лангобардских короля, Альбоин и Клеф.

Но уже Теоделинда, супруга Аутари, в VII веке хитростью и умом сумела обеспечить свое влияние не только на мужа, но и на его преемников на престоле — Агилульфа и Адель-

---

[1]) Там же, февраль, стр. 361, 362.

[2]) Там же, апрель, стр. 185 и сл.

[3]) Там же, стр. 203 и сл.

[4]) Там же, декабрь, стр. 347 и след.

[5]) *Dresdner*, Kultur- und Sittengeschichte der italienischen Geistlichkeit in X und XI Jahrhundert, Breslau, 1890, стр. 14.

[6]) *Грегоровиус*, История города Рима в средние века, т. II, Спб., 1888, стр. 253 — 266.

[7]) Там же, т. III, Спб., 1887, стр. 166, 200 и сл.

вальда: эгоистический расчет выступает здесь на вид очень ясно. Недаром также исследователи указывают в качестве основного мотива в IX веке на жадность [1]), заставляющую, напр., монахов основанного св. Колумбаном монастыря Боббио не работать, а наблюдать за барщинной работой несвободных и полусвободных держателей монастырской земли [2]). Уклон в сторону активного эгоизма—коварства и лицемерия с сильными, жестокости и беспощадной расправы со слабыми, жадности приобретательства все сильнее намечается по мере приближения к X веку [3]). Единичным, совершенно исключительным явлением представляется поэтому такая личность, как епископ IX века Клавдий Туринский: у него были задатки метафизического мышления и рационализма. Заимствовав у бл. Августина учение о предопределении, он развивал мысль об абсолютной, чисто духовной причинности, восставал против почитания икон, как идолопоклонства, отрицал поклонение кресту, указывая, что если чтить крест по той причине, что Христос был на нем распят, то пришлось бы чтить и дев, потому что он родился от девы, и ясли, и осла и т. д. [4]).

Нет сомнения, что у лангобардов были песни и поэмы чисто варварского и языческого характера [5]). Но даже и римляне, поскольку они имели отношение к литературе, подчинялись окружающим влияниям. Летописи Кассиодора, Иорнанда, Павла Диакона были обычными нескладными повествованиями; из них лучше всех, как это ни странно, было сочинение лангобарда Павла Диакона, не чуждое даже и элементов исторической критики. Боэций при Теодорихе Великом написал „Утешение философии"—типический трактат о философии смирения и несчастия, смеси платонизма со стоицизмом.

В искусстве Италии за все века с V по X господствуют византийские предания [6]). В особенности это надо сказать

---

[1]) *Dresdner*, Kultur- und Sittengeschichte der ital. Geistlichkeit, стр. 12.

[2]) *Карсавин*, Монашество в средние века, Спб., 1912, стр. 35.

[3]) *Dresdner*, Kultur- und Sittengesch. der ital. Geistlichkeit, стр. 12, 13.

[4]) *Reuter*, Geschichte der religiosen Aufklärung, I B., стр. 16—18.

[5]) *Грегоровиус*, История города Рима, т. III, кн. IV, Спб. 1887, стр. 90.

[6]) *Reber*, Kunstgeschichte des Mittelalters, Leipzig, 1886, стр. 104, 105.

о живописи. Это одинаково верно и по отношению к миниатюре и для мозаики. В миниатюре небо золотое, посредине картины оно переходит в розовую полосу, горизонт желтоватый, а ниже темнокоричневый цвет означает землю; человеческие фигуры малы; рисунок частей тела неправилен; нет знания анатомии и наблюдений над природой; деревья условны [1]. В мозаиках VI века преобладают византийские декоративные фоны — золотой и синий, — появляются громадные композиции и колоссальные фигуры [2]. Нет жизни в фигурах, постановка однообразна и суха, нет выражения в лицах [3].

В этом механическом подражании и сухости, неоригинальности отражается как влияние хаотического конкретизма, так и бедность чувства, сердечная сухость и отсутствие эстетического вкуса, свойственные начинавшим слагаться эгоистическим натурам.

То же заметно, наконец, и в музыке. Основу ей положил в конце IV века еще Амвросий миланский. Он знал только униссон, одну основную мелодию или тон, к которому возвращались постоянно же посредством мелодической каденцы; Амвросий знал и употреблял только четыре гаммы. Папа Григорий Великий в конце VI и начале VII в.в. создал григорианское пение, также униссонное; но григорианские мелодии все же свободнее и пользовались тонами шире, чем амвросианские [4]. Музыка имела значение здесь только как простой внешний аккомпанимент тексту.

---

[1]) *Гери*, О состоянии живописи в сев. Европе, стр. 68.

[2]) *Айналов*, Мозаики IV и V веков, Спб., 1895, стр. 179.

[3]) *Редин*, Мозаики равеннских церквей, Спб., 1896, стр. 166.

[4]) *Науман*, Иллюстрированная всеобщая история музыки, т. I, Спб., 1897, стр. 183; *Размадзе*, Очерки истории музыки, М., 1888, ч. II, стр. 6, 7, 9, 11, 12.

VI.

Образование феодализма в Испании.

Вестготы, свевы, аланы и вандалы поселились в Испании в начале V века. В 471 г. основано было здесь независимое от Рима вестготское королевство, и эта независимость подчеркнута была арианским вероисповеданием вестготов. Вместе с тем свевы, аланы и вандалы были вытеснены вестготами из Испании.

Существует мнение, что Вестготская монархия имела военный характер: вестготский народ представлял собою войско, которое делилось на несколько дружин; во главе этого войска стоял король, у каждой дружины был свой вождь; вестготы сами занимались не земледелием, а главным образом охотой; на поле работали рабы [1]).

Эта характеристика очень ценна для начала изучаемого периода в особенности тем, что показывает, с каким трудом варвары расставались со старыми занятиями, дававшими им средства к жизни раньше. Надо только дополнить ее замечанием, что кроме охоты и скотоводство играло тогда видную роль в хозяйстве [2]). Но, отобрав у римлян целые две трети земли [3]), найдя на месте водопроводы, орошение, хорошее состояние земледелия, вестготы не могли его игнорировать. Сами, не обрабатывая земли личным трудом, они заставляли работать рабов, и потому скоро земледелие сделалось основой

---

[1]) *Пискорский*, История Испании и Португалии, изд. 2-е, Спб., 1909, стр. 11, 12.

[2]) *Dahn*, Die Könige der Germanen, VI-e Abtheilung, Würzburg, 1871, стр. 15.

[3]) *Пискорский*, История Испании и Португалии, стр. 21.

всего хозяйства [1]). Сеялись ячмень и пшеница, употреблялся плуг, но, конечно, система земледелия стала гораздо экстенсивнее, чем при римлянах [2]).

Первенствующее значение рабского труда должно было и в Испании, как и везде, содействовать укреплению права полной частной собственности на землю. И мы при вестготах видим поэтому господство крупного землевладения. Карл Великий только помог дальнейшему развитию этой экономической основы будущей феодальной аристократии [3]). Особенно крупным стало землевладение церкви [4]), после того как в VI веке король Рекаред сделал католицизм государственной религией [5]). Католицизм и кодексы Эйрика в V веке и Алариха II в VI веке помогли культурному и правовому объединению кельтиберийских племен и римлян, с одной стороны, и вестготов—с другой [6]), и это завершилось в начале VIII века полным слиянием национальностей [7]).

Выделение знати в Вестготском королевстве—факт прочно установленный [8]). Не подлежит также сомнению, что рано появилась у вестготов коммендация [9]), и что Карл Великий упрочил сеньерат [10]). Таким образом свободные постепенно вступали в отношения зависимости. Были вольноотпущенники и рабы [11]), и происходило их постепенное сближение и перерождение в более или менее однородную массу крепостного крестьянства. Всего характернее в этом отношении так называемые bucellarii (от bucella — хлебный паек). Буцелларии—это, по определению позднейшего законодательства вестготов, „свободные, находящиеся под патронатом“ (ingenui in patrocinio), но они могли переменить патрона, отдав ему половину своего имущества; притом зависимое положение распространялось и на потомство [12]). Поэтому их вернее

---

[1]) *Dahn*, Die Konige der Germanen, VI, стр. 14.
[2]) Там же, стр. 14, 15.
[3]) *Waitz*. Deutsche Verfassungsgeschichte, IV, стр 226.
[4]) *Пискорский*, История Испании и Португалии, стр. 22.
[5]) Там же, стр. 14.
[6]) Там же, стр. 14, 16, 17.
[7]) Там же, стр. 18.
[8]) *Dahn*, Die Könige der Germanen, VI, стр. 24—25.
[9]) *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, VI, стр. 234.
[10]) *Roth*, Feudalität und Unterthanverband, стр. 232.
[11]) *Dahn*, Die Konige der Germanen, VI, стр. 26, 27.
[12]) *Roth*, Feudalitat und Unterthanverband, стр. 305 и сл.

всего считать особым видом полусвободных людей, получавших, как видно, пособие или ссуду хлебом на пропитание и, вероятно, на посев. Может быть, они были подобием образовавшихся в соответствующий период русских закупов. Влияние земледельческого хозяйства на их происхождение во всяком случае совершенно ясно.

Аристократически и с явными зачатками феодализма устроено было и государство. Собрания всех свободных воинов, существовавшие сначала [1]), были заменены советами аристократии, епископов и придворных сановников [2]). Королевская власть подвергалась большим колебаниям: сначала король выбирался свободными людьми на их собраниях, потом он стал наследственным, но из 16-ти королей до Рекареда десять были убиты [3]). Были широкие финансовые и судебные привилегии, особенно у епископов и монастырей [4]). В провинциях герцоги были могущественными правителями [5]).

И в духовной культуре, наконец, наблюдаются знакомые нам явления. В религии — пандемонизм [6]), в праве месть и замена ее выкупом [7]), в народной поэзии — певцы, певшие героические песни языческого склада [8]). Таков один порядок явлений духовной культуры, завещанный прошлым. Но было и новое, слагавшееся под влиянием определенно эгоистических тенденций — активных (приобретательство, расчет) и пассивных (смирение, терпение). Преследование евреев под влиянием духовенства, принятие арианства, а с Рекареда католицизма из совершенно своекорыстных расчетов, объединение кодексов Эйрика и Алариха II в единый „Fuero Juzgo" королем Хиндасвинтом около половины VII века, развитие монастырей, зерно которого в Испании было заложено учениками Бенедикта Пурсийского, в том же VII веке, наконец, деятельность Исидора Севильского, энциклопедиста и летописца типа Боэция, Бэды, Кассиодора и Григория Турского, бывшего вместе с тем и организатором церкви и госу-

---

[1]) *Пискорский*, История Испании и Португалии, стр. 12.
[2]) Там же, стр. 24.
[3]) Там же, стр. 23, 24.
[4]) Там же, стр. 14.
[5]) Там же, стр. 24.
[6]) *Dahn*, Die Könige der Germanen, VI, стр. 38.
[7]) *Пискорский*, История Испании и Португалии, стр. 19.
[8]) *Dahn*, Die Konige der Germanen, VI, стр. 20.

дарства в Испании и горячо защищавшего привилегии церкви и духовенства, — вот одна, активная струя, преобладавшая в верхах общества: сам Исидор Севильский, наиболее ясно, конкретно рисующаяся перед нами личность того времени, тоже вышел из знатной семьи [1]). Религиозная мечтательность, струя пассивного смирения, пробивалась гораздо слабее в так-называемом адопционизме,—еретическом учении, видевшем в Христе человеческое естество, но свыше вдохновленное [2]). Карл Великий подавил без труда это первое скромное напряжение религиозной мысли суровыми мерами [3]).

---

[1]) *Пискорский*, История Испании и Португалии, стр. 14, 15 и др.

[2]) *Reuter*, Geschichte der religiosen Aufklärung im Mittelalter, I Band, стр. 10.

[3]) Там же.

VII

Венгрия с половины X до конца XII века.

Уже придя в Паннонию, венгры нашли там в значительной части земледельческое население. В XI и XII веках земледелие сделало значительные успехи, что яснее всего видно по положению „удворников“ на королевских землях: это были военнопленные, употреблявшиеся для земледельческих работ [1]). Другое доказательство приобретения важного значения земледелием—рост полной частной собственности па землю в XI веке, причем увеличивалось и крупное и мелкое землевладение, но непременно верхов общества,—знати и воинов [2]), — а также церковных учреждений — епископских кафедр и монастырей [3]) Король Стефан Святой в начале XI века производил и обширных размерах раздачу земель, подобно Меровингам [4]). Но и скотоводство не было еще отодвинуто на второй план. Недаром изданный в 1016 г. законодательный сборник „Decretum sancti Stephani“ установил штрафы за преступление волами: штраф в 50 волов назначен был за убийство жены и за насилие в 10 волов [5]).

Но хозяйство оставалось натуральным: и указанные сейчас штрафы натурой в начале XI и натуральная десятина церкви даже еще в XIII веке [6]) достаточно убедительно об этом свидетельствуют.

---

[1]) *Sayous*, Histoire génerale des Hongrois, 1900, стр. 70; *Борецкий-Бергфельд*, История Венгрии в средние века и в новое время, Спб. 1908, стр. 16.

[2]) *Sayous*, Hist. gén. des Hongrois, стр. 72, 115.

[3]) Там же, стр. 65 и сл.

[4]) *Борецкий-Бергфельд*, История Венгрии, стр. 13; *Sayous*, стр. 185.

[5]) Там же, стр. 16; *Sayous* стр. 71.

[6]) *Sayous*, Hist. gén. des Hongrois, стр. 119.

Уже при том же св. Стефане исследователи наблюдают зарождение феодализма в мадьярском обществе [1]). Но все же принижение свободных в XI веке не достигло значительных размеров: они обладали еще всеми правами гражданскими и политическими [2]), за убийство свободного назначался штраф в 12 золотых, тогда как за убийство раба платилась лишь его стоимость господину, или убитый заменялся другим рабом [3]). Признаком роста церковного феодализма нужно считать изменение положения епископов в 1092 г., при короле Владиславе Святом сравнительно с положением их по отношению к королевской власти при св. Стефане: тогда как папа Сильвестр II дал Стефану право патроната по отношению к венгерской церкви, т.-е. право собственности на все церковные земли, право назначения всех прелатов и епископов и получения доходов с вакантных епархий [4]),— при Владиславе монастыри были подчинены епископам, им же передана была целиком и десятина [5]).

Св. Стефан установил налоговую систему [6]), но при натуральном хозяйстве она не давала достаточного дохода казне, и приходилось, как уже сказано, для службы и за службу прибегать к раздаче земель. Управление в центре находилось главным образом в руках придворных чиновников, главным из которых был палатин, а в провинциях, которые со времени св. Стефана стали называться комитатами или графствами, — в руках ишпанов [7]). Все более и более развивались и распространялись к XII веку иммунитеты и светских и духовных землевладельцев [8]).

Христианство и в Венгрии, как и везде, должно было сыграть роль организующей государство силы. И опять-таки, как и везде, эту роль оно выполнило, выдвигая на первый план аристократию, укрепляя крупное землевладение и разрушая патриархально племенные отношения. Понятно, что свободные элементы старого общества не мирились с новыми

---

[1]) Там же, стр. 67 и сл., 99; *Борецкий-Бергфельд*, стр. 13.
[2]) *Sayous*, Hist. gen. des Hongrois, стр. 69.
[3]) *Борецкий-Бергфельд*, История Венгрии, стр. 16.
[4]) Там же, стр. 12.
[5]) Там же, стр. 30.
[6]) *Sayous*, Hst. gen. des Hongrois, стр. 66.
[7]) Там же, стр. 68, 69.
[8]) Там же, стр 67, 112 и сл.

порядками, и еще при св. Стефане, а затем тотчас после его смерти и позднее вплоть до конца XI века происходили восстания под знаменем старой языческой религии [1]). Это реакционное движение успеха, однако, не имело. Но, разумеется, существовало двоеверие. Легенды о прошлом—другой слабый след духовной культуры того времени, важнейшим проявлением которой остается таким образом принятие и распространение христианства, давшее потом Венгрии и первого летописца, имя которого остается неизвестным. В его летопись и летопись Эккегарда (нач. XII в.) и занесены предания о древнейшей истории мадьяр [2]).

Крупнейшей личностью в Венгрии XI и XII веков был, конечно, св. Стефан. Он был крещен еще до занятия престола: его отец Гейза I сочувствовал христианству, а мать Аделаида была полька и христианка [3]). Став королем, Вайк, в крещении Стефан, крестил и своих подданных. Но хотя он и был канонизован католической церковью, нельзя сказать, чтобы он всецело проникся христианским духом. В христианстве он ценил главным образом организующую силу и использовал ее в своих интересах. Он жестоко преследовал поэтому повстанцев, вообще решительно и твердо проводил политику сильной власти и старался придать своему двору европейский блеск [4]). В общем духовный облик Стефана родствен полуварвару-организатору Карлу Великому.

Уголовный закон еще при Владиславе Святом в 1092 г. отличался большою суровостью [5]). Характерной чертой его при св. Стефане было господство выкупов как наказаний за преступления, что сближает „Dekretum s. Stephani“ изданный в 1016 г., с Русской Правдой и варварскими Правдами и свидетельствует о господстве понятия о преступлении, как о материальном вреде.

---

[1]) Там же, стр. 76 и сл.
[2]) *Kont*, Geschichte der ungarischen Literatur, Leipz , 1906, стр. 4, 6.
[3]) *Борецкий-Бергфельд*, История Венгрии, стр. 9.
[4]) Там же, стр 10; *Sayous*, стр. 57 и сл.
[5]) *Борецкий-Бергфельд*, стр. 30.

VIII.

Скандинавия и Исландия до половины XIII века.

Мы не посвятили Скандинавии и Исландии особого очерка в обзоре истории варварского общества главным образом по той причине, что скандинавы в общем и целом разделяли судьбу общую всем древним германцам, а то, что нам уже известно о древне-германском язычестве, как раз опирается почти исключительно именно на скандинавские данные. Единственно, что остается прибавить к сказанному о древних германцах, говоря о скандинавах, это — их морские набеги под руководством викингов, в особенности на Британию и на Исландию, которая колонизована была отчасти ирландцами, главным же образом норвежцами. Дружины викингов, с одной стороны, и господство земледельческих родовых союзов и народного собрания или альтинга из глав их в Исландии X века [1]) и гётских и свейских племенных княжеств Швеции [2]), с другой — наглядные признаки в Скандинавии и Исландии бытовых порядков, характерных для известного уже нам варварского состояния, пережитого всеми народами.

С начала XI века Скандинавия и Исландия переживают период феодального переворота, завершающийся здесь и там около половины XIII столетия, несколько позднее—к концу века—лишь в Швеции. В это время появляется и утверждается, насколько то было возможно по природным условиям местности, земледелие, образуется частное крупное землевладение, возвышаются знатные и богатые землею роды, каковы, напр.: в Исландии были Стурлунги, в Швеции, Норвегии и Дании—

---

1) *Allen,* Histoire de Danemark, t. I, Copenhague, 1879.
2) *Wiltmann,* Kurzer Abriss der schwedischen Geschichte.

ряд других магнатов [1]). В 1264 г. Исландия формально подчиняется верховной власти норвежского короля, ставится королевский наместник, но это не уменьшает, конечно, могущества и власти богатых землевладельцев, а, напротив, укрепляет их [2]). Норвежская королевская власть исполнила здесь ту историческую задачу, какая выпала на долю Карла Великого. В Скандинавии то же совершено Кнутом Великим в первой половине XI века, Вальдемаром I Великим во второй половине XII столетия и Вальдемаром II Победителем в первой половине XIII века. Они объединили почти всю Скандинавию — Данию, Швецию и Норвегию — и почти все берега Балтийского моря, кроме Финляндии [3]). Специально в Швеции объединительную работу и христианизацию начал в начале XI века Олоф, а закончили в половине XII века Эрик святой и еще столетие спустя род Фолькунгов — Биргех и его сыновья [4]).

Христианство, которое в Скандинавию проникло еще во второй четверти IX века, а в Исландию в конце X и в XI столетии, пустило здесь и там глубокие корни [5]), имело обычное организующее влияние и, как всегда, сочеталось с язычеством сначала в довольно бесформенную смесь. В IX и X веках и в Скандинавии, и в Исландии развивается поэзия родовой знати. Сюда принадлежат датская „Песнь Бьярки“ с сюжетом о кровной мести [6]), героические песни Эдды—с очень грубыми, варварскими героями, в них выведенными, и с обычным воспеванием языческих богов, через них действующих [7]), саги или исторические песни, сохранившие следы действительных перемен, совершавшихся в общественной жизни варварского общества [8]). Поворот, ознаменованный переходом к феодализму и сопровождавшими его явлениями духовной культуры, дал, с одной стороны, поэзию зарождавшейся и делавшей первые успехи новой феодальной,

---

[1]) Там же, ср. *Montelius,* Die Kultur Schwedens in vorchristlicher Zeit.. Berlin, 1885, стр. 140; *Allen,* Histoire de Danemark, I, стр. 139.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 73 и сл., 112 и сл., 126 и сл.

[4]) *Тиандер,* Датско-русские исследования, вып. III, Петрогр., 1915, стр. 167—168.

[5]) Там же, *Allen,* Hist. de Danemark, I, стр. 54 и сл., 77.

[6]) *Allen,* Hist. de Danemark, стр. 15 и сл.

[7]) Там же.

[8]) Там же.

крупноземлевладельческой знати, представленную скальдами, с ее основным мотивом верности сеньору [1]), с другой — начатки богословской литературы в трактате датского архиепископа Андрея Сунесена, лишенном, разумеется, оригинальности мысли и изложения, построенном на подражании господствующим шаблонам [2]), и первые примеры исторической литературы. Типична в последней датская хроника Саксона Грамматика, писанная в начале XIII века и проникнутая обычным религиозным миросозерцанием, верой в указующий перст Провидения [3]). Сюда же относится „Краткая история Исландии“ Аре Фроде. В первой половине XIII века Исландия дала первый проблеск оригинальной, самостоятельной работы в сочинениях Снорре Стурлесона — в его „Норвежской истории“ и особенно в младшей Эдде, с большим вниманием и тщательностью сделанном прозаическом пересказе многих мифов исландской древности. Замечательно также издание „Ютского закона“ Вальдемаром II в 1241 г. [4]). В общем новое направление культуры и психологии общества находит себе наиболее яркое выражение в деятельности и личностях датских Вальдемаров XII и XIII веков, типичных приобретателей и феодальных организаторов. В конце XII века, при Вальдемаре I, построен был и Копенгаген [5]).

---

[1]) Там же.
[2]) Там же, стр. 151.
[3]) Там же, стр. 152.
[4]) Там же, стр. 136.
[5]) Там же, стр. 112.

IX.

Переход к феодализму в Финляндии.

(С половины XII века до половины XIV века).

Судьбы Финляндии со второй половины XII века связаны с историей Швеции. Эту связь впервые установил шведский король Эрик Святой своим крестовым походом против финнов в 1157 г. Целью похода было крещение финнов, и потому с королевским войском явился в Финляндию и епископ Генрих, произведший в Финляндии первые опыты распространения христианства [1]). Эти опыты нельзя, однако, назвать удачными: новая религия на первых порах была встречена финнами враждебно, и Генрих был ими потом замучен [2]). Но в первой четверти XIII века в Финляндии появляется постоянный католический епископ [3]), следовательно и церковное землевладение, неразлучное с успехами земледельческого хозяйства. При епископе был и светский сановник, основатель новой шведской династии и правитель Швеции Биргер [4])—тот самый, на лицо которого, по известию нашей летописи, „наложил печать" ударом копья в Невской битве 1240 г. Александр Невский. Невская битва знаменует собою бесплодную попытку Биргера захватить часть новгородских владений. Потерпев здесь неудачу, Биргер, однако, опираясь, как всегда и везде, и на проповедь христианства, и на силу оружия,

---

[1]) *Schybergson*, Finlands Historia, стр. 23 и сл.; *Тиандер*. Датско-русские исследования, вып. III, стр. 134.

[2]) *Schybergson*, Finlands Historia, стр. 25 и след.; *Koskinen*, Finnische Geschichte, стр. 27.

[3]) *Koskinen*. Finnische Geschichte, стр. 33.

[4]) Там же, стр. 37 и след.; *Schybergson*, Finlands Historia, стр. 42 и след.

реально поддерживавшего миссионеров, вел организационно-объединительную работу в Финляндии, в миниатюре уподобляясь этим деятелям типа Карла Великого. Так, он в 1249 г. завоевал землю финского племени тавастов и основал замок Тавастгус [1]). Позднейшие шведские правители продолжали эту работу до начала XIV века. Так, Кнутсон в 1923 г. покорил юго-западную Карелию, причем основан был Выборг [2]). Еще в конце XII века основан Або [3]). Эти замки указывают на образование в Финляндии крупных земельных владений шведской аристократии, т.-е. на переход Финляндии к феодализму. Есть достоверные данные, свидетельствующие о том, что земельные владения шведской аристократии в этот период не были еще наследственными, т.-е. строились на бенефициальной основе, на принципе временного и условного владения [4]), и что у крупных землевладельцев были широкие иммунитеты судебные и финансовые [5]).

Главным памятником духовной культуры того времени были песни, из которых впоследствии составлена была „Калевала“. В них отразилась борьба финнов со шведами, данные о посеве ячменя и о божестве растительности, представленном помощником Вейнемейнена, Сампсом Пеллервойненом, указывают на успехи земледелия. Песни, вошедшие в „Калевалу“, — обычного языческого типа: восхваление героев-богов. Но есть признаки и христианских влияний — легенд и апокрифов [6]), характерные следы двоеверия.

---

[1]) *Koskinen*, Finnische Geschichte, стр. 39.
[2]) Там же, стр. 71 и сл.
[3]) *Schybergson*, Finlands Historia, стр. 65.
[4]) Там же, стр. 67 и сл.
[5]) Там же, *Koskinen*, Finnische Geschichte, стр. 39—49.
[6]) *Krohn*, Kalevalafrage.

X.

Феодальная революция в Чехии.

Чехия представляет собою связующее звено между романо-германскими и славянскими странами, естественный переход от первых ко вторым. 400 лет, протекших с X до конца XIII века — со Спитигнеева до Оттокара II, — вот время, когда в Чехии совершилась феодальная революция.

Охота, рыболовство и выгонное скотоводство — основы хозяйственной жизни древнейшей Чехии, до X века [1]) — сохраняли большую важность и позднее, в X, XI и XII столетиях. В это время есть и прямые указания на значение охоты [2]), и косвенные вроде свидетельств о массе лесов даже в XIII веке [3]). В особенности богаты чехи были скотом, преимущественно лошадьми: существовали огромные конские табуны [4]), в XI веке вывозили из Чехии скот, особенно лошадей [5]), шерсть и скот были чешскими вывозными товарами и в XII и XIII столетиях [6]).

Земледелие, однако, сделало уже крупные успехи. Это видно из рассказов Козьмы Пражского уже об XI веке [7]). Особенно развивался земледельческий труд рабов, которые

---

[1]) *Lippert*, Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit, I Band, Wien, 1896, стр. 102.

[2]) *Ясинский*, Падение земского строя в Чешском государстве, Юрьев, 1912, стр. 103.

[3]) Там же, стр. 102.

[4]) *Lippert*, Social-Geschichte Böhmens, I B., стр. 126.

[5]) Там же, стр. 83.

[6]) Там же, стр. 75: *Ясинский*, Падение земского строя, стр. 71.

[7]) *Lippert*, Social-Geschichte Böhmens, I B., стр. 114—115.

являлись пахарями по преимуществу [1]). В течение XII в. крупные землевладельцы в Чехии усиленно развивали именно земледельческую колонизацию [2]).

Хозяйство, конечно, в общем и целом было натуральным [3]) и оброки, составившие землевладельческий доход, поступали главным образом натурой — скотом, медом, воском, сыром, хлебом, в очень небольшой доле деньгами [4]).

От древнейшего вольного землепользования, которое практиковали кровные семейные союзы с примесью чужеродцев, задруги [5]), произошло именно в период перехода к феодализму долевое землевладение свободных людей. Леса и выгоны находились и в XIII веке, в общем, нераздельном пользовании села [6]), но поля и луга уже чаще всего делились на доли по известному уже нам порядку, сообразно отношению каждого дольщика к родоначальнику, основателю села. Это явствует из многочисленных свидетельств о чересполосности не только пользования землею, но и собственности на нее: очевидно. такая чересполосица земельной собственности была следствием именно отчуждения дольщиками своих долей. Так, по грамоте 1131 г. Оломуцкой церкви принадлежало только 14 целых сел и сверх того по одному плугу земли в 20-ти селах, по два плуга в восьми селах, по три в семи, по четыре в пяти [7]). Частями одного села сплошь и рядом владели разные лица [8]). В 1132 г. имеем сведения о покупке отдельных полей священником Збигневом к его вотчине, которая состояла из четырех участков земли в одном селе; в них числилось 27 полос, из которых девять он купил у собственного брата [9]). Повидимому, тогда еще земля стоила недорого, т.-е. ее было довольно: пол-поля продавались за 100—150 динариев, тогда как 4 быка, 2 коровы и 4 овцы стоили в 10—15 раз больше [10]).

---

[1]) Там же, стр. 207, 226.

[2]) *Ясинский,* Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века, т. I, Юрьев, 1901, стр. 273.

[3]) *Lippert,* Social Geschichte Böhmens, I B., стр. 225.

[4]) Там же, стр. 227.

[5]) Там же, стр. 233.

[6]) *Ясинский,* Падение земского строя, стр. 36.

[7]) Там же, стр. 37.

[8]) Там же, стр. 38.

[9]) Там же, стр. 39.

[10]) Там же, стр. 40.

Уже превращение вольного землепользования в долевое на землях рядовых, мелких свободных людей не обошлось без влияния земледелия. Это влияние в особенности сказалось на образовании более или менее крупного частного землевладения. Мы уже видели, что земледелие было первоначально связано главным образом с эксплоатацией несвободного, рабского труда, и что крупные землевладельцы развивали именно земледельческую колонизацию. Чрезвычайно важно, что исследователи чешской экономической истории связывают с рабским земледельческим трудом самое происхождение крупной частной земельной собственности в Чехии [1]). Кроме того, эта собственность образовывалась также путем земельных раздач, которых было много уже в XI и XII веках [2]). Расплата землей за службу вообще вошла в обычай под влиянием натурального хозяйства у всех — не только у королей и князей, но и у знати и у церковных учреждений [3]). В XII и XIII веках земли, пожалованные королями, получают название выслуг. Выслуга—пожалование землей знатных людей и должностных лиц с правом передачи по наследству и продажи, вообще отчуждение, но обыкновенно мы видим, что всякое отчуждение и передача земли наследникам каждый раз утверждается королем, на этом основании полагают, что выслуга — условное владение [4]). Едва ли, однако, можно признать это доказанным: просто королевская власть исполняет в данном случае функции нотариального засвидетельствования законности сделки. Вернее всего, выслуги были простым повторением таких раздач, нерегулированных, беспорядочных, какие мы наблюдали, напр., во Франкской монархии в меровингское время. Рост монастырского и церковного землевладения становится заметен с начала XI века, в особенности же усиливается, как, напр., у Островского монастыря, в XII веке [5]).

Одним из важнейших источников земельной собственности знати и церкви являлась задолженность свободных людей [6]) при их переходе к земледельческому хозяйству: получая ссуды, они передавали свою землю в собственность кредитору.

---

[1]) *Lippert*, Social-Geschichte Böhmens, I B., стр. 207.
[2]) *Ясинский*, Падение земского строя, стр. 126.
[3]) *Lippert*, Social-Geschichte Bohmens, I B., стр. 309.
[4]) *Ясинский*, Падение земского строя, стр. 142—145.
[5]) *Lippert*, Social-Geschichte Bohmens, II B., Wien, 1898, стр. 31, 32.
[6]) Там же, I. B., стр. 214.

Здесь коренилось происхождение условного и зависимого владения землей, распространившегося также, конечно, и на раздачи земель в награду за службу и для службы: кредиторы нередко передавали полученную от должников землю им же в условное владение.

Все эти экономические явления естественно сопровождались и зачатками социального расчленения, которое шло в направлении возвышения новой знати вместо старой родовой, а также в направлении образования зависимых, крепостных отношений, уничтожения рабства и слияния различных разрядов сельского населения в одну сплошную, приблизительно однородную массу крепостного крестьянства: здесь выразилось противоположение землевладельцев земледельцам, слагавшееся под влиянием новых хозяйственных отношений, именно под воздействием успехов земледелия.

Внешним признаком выделения знати является конная военная служба: первые признаки ее в Чехии наблюдаются еще в X и XI веках [1]), а к половине XII века военная служба—и именно служба на коне—становится специальностью высшего класса [2]). Под влиянием этого, особенно же роста частного крупного землевладения при помощи службы и перехода к земледелию в XI и XII веках родовая аристократия падает и заменяется новой землевладельческой и служебной знатью [3]), которой и присваивается название жупанов [4]). В XII веке от шляхты второй степени уже резко отделяется такая знать [5]).

В начале XIII века в Чехии окончательно исчезают рабы, сливаясь с массой крестьянского, крепостного населения [6]). Именно образовались в изучаемый период от них зависимые люди—цензуалы и задушные люди, т.-е. освобожденные из рабства для спасения души [7]). Ошибочно было бы, однако, думать, что все зависимые люди в Чехии произошли от рабов [8]); в XII и XIII веках и старые свободные люди—де-

---

[1]) *Яснинский*, Падение земского строя, стр. 62, 65.

[2]) Там же, стр. 54.

[3]) Там же, стр. 76—78, 80; *Lippert*, Social-Geschichte Bohmens, I, стр. 250, 257.

[4]) *Яснинский*, Падение земского строя, стр. 96.

[5]) Там же, стр. 73—74.

[6]) Там же, стр. 43.

[7]) Там же, стр. 44.

[8]) Там же, стр. 45

дичи и кметы — мало-по-малу и все в больших количествах переходят в зависимое состояние [1]). Переход этот совершается путем частных договоров [2]), повидимому, подобных коммендации. Общего прикрепления не было. Правда, грамота короля Премысла чешскому духовенству 1222 года запрещает королевским владарям, т.-е. управляющим королевских имений, и другим светским землевладельцам принимать к себе зависимых людей духовенства и церковных учреждений, причем эта грамота была подтверждена и королем Вацлавом [3]). Но это все же не общая мера, запрещающая переход, а специальная привилегия духовенства, имевшая, конечно, свое значение в ходе происхождения крепостного права. Во всяком случае процесс закрепощения и к XIV веку в Чехии не был завершен: еще в XIII веке, даже в начале XIV века зависимые люди вступают в земельные сделки со своими господами и могут переходить в города и на земли других владельцев [4]). С другой стороны, и землевладельцы свободно могли сгонять зависимых людей с земли [5]), так что отношения здесь не были еще вполне определенными и прочными. Нельзя поэтому признать, что в XIII и тем более в XII веке [6]) прикрепление к земле стало фактом. Максимум возможного здесь заключается лишь в том, что в XIII веке стали слагаться зародыши будущего поземельного прикрепления в виде признания за крепостным населением права наследственной аренды земли [7]). Важно в смысле расслоения свободных и происхождения крепостного права и то, что намечались важные черты податного обложения. В XII веке появляется „дань мира“ деньгами и натуральными продуктами с тех свободных, которые за то освобождались от военной службы [8]): это признак социального расслоения свободных людей, разделившихся таким образом на несших военную службу и на данников, от нее избавленных. С другой сто-

---

[1]) Там же, стр. 43.
[2]) Там же, стр. 55.
[3]) Там же, стр. 46.
[4]) Там же, стр. 46.
[5]) Там же, стр. 44.
[6]) *Lippert*, Social-Geschichte Bohmens, I, стр. 282.
[7]) *Ясинский*, Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии, т. I, стр. 318.
[8]) *Ясинский*, Падение земского строя, стр. 69, 70.

роны, с цензуральных земель, т.-е. обложенных оброком и барщиной, иначе с зависимых людей, на них живших, а не с землевладельцев и не с горожан, бралась ежегодно берна или коллекта [1]): податной признак зависимого состояния.

Переходя к государственному строю, следует отметить прежде всего неопределенность преемства королевской власти: принцип старшинства в ее наследовании не был признан, каждый из сонаследников мог добыть ее, завоевать силой причем деятельно участвовало в решении дела население, а с половины XII века в особенности паны или знать сделались влиятельной силой при замещении королевского престола [2]). Формально князь, потом король, обладал полнотою власти— назначал на должности и на церковные места, предводительствовал войском, судил, законодательствовал, жаловал земли, собирал налоги [3]), — но с XII века фактически большим влиянием стал пользоваться совет новой знати [4]).

Органами центрального управления были придворные, дворцовые слуги князя, получавшие от него разные административные поручения. Таковы были, например, палатин, судья, коморник или камерарий, владарь, меченосец, ловчий, стольник или кухмистер, конюший, мундшенк, ведавший напитки, канцлер, заведывавший канцелярией, перепиской [5]). Напр., коморник часто заменял короля на суде [6]). Но вообще надо сказать, что в сущности не было сколько-нибудь строгого отличия центрального управления от областного, не было подчинения областных властей центральным [7]). Характерно в смысле полной неопределенности ведомства и соотношений властей и то, что к королю для его непосредственного суда можно было обращаться по всем делам, минуя все власти [8]).

В Чехии начала XII в. было до 12—15 крупных областей, сложившихся на основе старых племенных территорий; они в свою очередь делились на округа, которых в некоторых

---

[1]) Там же, стр. 177, 178.

[2]) Там же, стр. 126, 127, 134.

[3]) Там же, стр. 134—137.

[4]) *Lippert*, Social-Geschichte Bohmens, I, стр. 397 и след.

[5]) Там же, стр. 234, 238, 244, 245; *Ясинский*, Падение земского строя, стр. 85, 86.

[6]) *Lippert*, Social-Geschichte Böhmens, I, стр. 239.

[7]) *Ясинский*, Падение земского строя, стр. 84.

[8]) Там же, стр. 137.

областях было до пяти [1]). Прежде областные деления исследователи называли жупами, а правителей их жупанами, но теперь установлено, что в XI веке областные правители назывались префектами, а в XII веке каштелянами [2]). Областные правители получали, как и придворные, землю за службу [3]), и должности их постепенно становились наследственными [4]): явный признак феодализации. К числу таких же признаков относится установление в XIII веке вместо участия свободных людей на суде — суда шеффенов, заседателей из знати [5]). Тот же смысл имеет и уничтожение во второй половине XIII в. владарей — управляющих королевскими имениями: от королевских земель к тому времени остались небольшие разрозненные, разбросанные в разных местах клочки, которые сдавались в аренду, и владарями стали тогда называться именно арендаторы королевских земель [6]). Наконец, появляются иммунитеты—во второй четверти XIII в., они заметными становятся на монастырских землях [7]), а затем и на землях частных владельцев [8]). К половине XIII века слагается и точный определенный круг льгот, предоставляемых иммунитетами. Сюда относятся свобода от дани, берны, 14-ти денариев и всех платежей королю и его чиновникам, от постройки и починки замков, от военной службы, от въезда коморника и других должностных лиц [9]).

В духовной культуре Чехии X—XIII веков сохранялись, разумеется, многочисленные остатки старины. Еще Ростислав в Моравии, родственной и соседней Чехии, в 863 г. принял христианство, и в Чехии оно было принято и в известной мере утверждено, если не при современнике Ростислава Боривое, то при его ближайших преемниках, в особенности при святом Вячеславе в начале X века. Несмотря на это, много обломков язычества продолжало существовать попрежнему, и не только второй чешский епископ св. Войтех

[1]) Там же, стр. 92.
[2]) Там же, стр. 95, 96.
[3]) Там же, стр. 111; *Lippert*, Social-Gesch. Böhmens, 1, стр. 309.
[4]) *Lippert*, Social-Geschichte Bohmens, I, стр. 238.
[5]) Там же, стр. 341.
[6]) *Ясинский*, Падение земского строя, стр. 99.
[7]) Там же. стр. 100.
[8]) Там же, стр. 161 и след.
[9]) Там же, стр. 153 и след.

в конце X века боролся с ними [1]), но и сто лет спустя, в конце XI века король Бретислав II сжигал священные рощи и преследовал языческие гадания [2]).

Тем не менее христианство и в Чехии, как и везде, сыграло свою организующую культурную и политическую роль. Наиболее ярким выразителем культурных успехов Чехии в период перехода ее к феодализму является первый чешский летописец Козьма Пражский.

Он родился в 1045 г. в знатной чешской семье, учился в Праге и Люттихе, где изучил грамматику, философию, диалектику и некоторых древних римских писателей, по преимуществу поэтов. Не раз он сопутствовал пражским епископам в их поездках заграницу. В 1097 г. Козьма был посвящен в священники, потом стал деканом, т.-е. настоятелем соборной столичной церкви, был женат. Умер в 1125 г. В общем и целом Козьма был правдивым летописцем, но допускал не мало анахронизмов и проявлял явное пристрастие к интересам пражских епископов: практическая эгоистическая складка здесь сказывалась очень ясно [3]).

Еще более заметна она в личности и деятельности Святополка моравского во второй половине IX века, затем у чешских королей Болеслава III Рыжего в начале XI века и Премысла-Оттокара II во второй половине XIII столетия [4]).

Святополк моравский, желая добиться власти, не остановился перед союзом с немцами, ослеплением и заключением в крепость своего дяди Ростислава; при этом св. Мефодий, просветитель Моравии и ее первый епископ, был выдан немцам, и в Моравии появился немецкий епископ. Но потом Святополк хитростью освободился от немцев, разбил их, расширил свою державу целым рядом приобретений, подчинив себе и Чехию, и снова вернул Мефодия.

Болеслав III Рыжий был жесток, жаден и коварен: он обобрал своих братьев, изменнически убил вождей родовой знати Вершовичей и их сторонников, знал только одну цель — собственную выгоду.

---

[1]) *Томек,* История Чехии.

[2]) Там же.

[3]) *Ясинский,* Падение земского строя, стр. 15–19.

[4]) Материалы для кратких характеристик этих лиц взяты из „Истории Чехии" Томека.

Премысл-Оттокар II был глубоко-практичен. Прекрасный хозяин в своих имениях, умело раздававший их в аренду, он в то же время был великолепный организатор своего государства, высоко ценил образование, но и здесь умел приспособиться к влиятельным, могущественным общественным силам—новой землевладельческой знати и духовенству. Всей своей деятельностью и личностью он сильно напоминает Карла Великого и Владимира Мономаха.

Типичны, характерны для духовной культуры и психологии того времени перемены в чешском праве.

В Чехии долго держались и формальные судебные доказательства—поле или судебный поединок. ордалии (испытание железом, водой, клятва), соприсяжники,—и выкупы и штрафы, как кары за преступления [1]. Нам уже известно, какие это яркие выражения первобытных понятий о суде, справедливости и преступлении: власть при этом в сущности не действует, не расследует дела, а просто устанавливает наличность формальных, внешних доказательств, за которыми автоматически, без проникновения в существо дела, и следует судебное решение; преступление рассматривается исключительно как материальный, а не нравственный вред, подлежащий поэтому материальному же и возмещению.

С XIII века, когда личность и ее эгоистические, элементарные интересы стали выдвигаться на первый план, наблюдается много нового: на суде разбирается уже во всех случаях существо дела; выкупы заменяются уже смертною казнью и телесными наказаниями [2]. При всей жестокости, свирепости кар, при элементарности понятия о карающем возмездии,—здесь все же наблюдается движение вперед в сторону большей ясности и широты понятия о справедливости, хотя и в духе того жестокого и сухого эгоизма, который приобретал в то время все большее господство.

---

[1]) *Lippert*, Social-Geschichte Böhmens, I, стр. 357, 359, 376, 379, 384, 387; *Ясинский*, Падение земского строя, стр. 158.

[2]) *Lippert*, Social-Geschichte Böhmens, I, стр. 360—375.

XI.

Феодальная революция в Польше.

Половина X века, с одной стороны, и начало XIII, с другой—вот хронологические пределы феодального переворота в Польше. Мечислав I (вторая половина X в.), Болеслав I Храбрый (первая четверть XI в.) и Болеслав Кривоустый (первая половина XII ст.)—вот деятели, по типу и политическому значению подходившие к Пипину, Карлу Великому, Владимиру Святому, Владимиру Мономаху.

Успехи земледелия за это время засвидетельствованы для Польши в достаточной мере: уже полномифический князь полян Пяст изображается преданием, как земледелец [1]); есть данные о посевах ржи, пшеницы, проса [2]); цистерцианские монахи в начале XII в. были вызваны, между прочим, и с целями развития земледелия [3]), подати вроде „порального" [4]) указывают на важность земледелия.

Но хозяйство оставалось натуральным: на государство все время отбывались повинности натурой, каковыми были, напр.: засечное дело, подводы, корм [5]); и поволовое и поральное были взносами натурой [6]); даже и позднее, в XIII веке, оброки землевладельцам поступали по преимуществу ветчиной, солониной, хлебом [7]).

---

[1]) *Балабан и Тромпчинский,* История Польши, Спб., 1909, стр. 5.

[2]) Там же, стр. 21.

[3]) Там же, стр. 20.

[4]) *Morawsky,* Dzieje narodu polskiego, I, Poznan, 1871, стр. 56.

[5]) *Балабан и Тромпчинский,* История Польши, стр. 24.

[6]) *Morawsky,* Dzieje narodu polskiego, I, стр. 56.

[7]) *Кутшеба,* Очерк истории общественно-государственного строя Польши, Спб., 1907, стр. 30.

Эти хозяйственные явления сопровождались и начавшимся социальным расчленением. Здесь характерно прежде всего падение старой знати, имевшей родовой и племенной характер, и ослабление массы свободных. Племенные князья боролись еще—и даже победоносно—с Болеславом Смелым во второй половине XI века [1]), но уже спустя несколько десятилетий, когда при Владиславе всю власть фактически захватил Сецех из рода Стражев [2]), Болеслав Кривоустый сумел и смог в корне окончательно подсечь старое могущество родовой аристократии. Ослабление свободных видно всего яснее из падения веча, завершившегося тоже в XII веке [3]).

Земледелие раздробило всю массу населения на два классовых новообразования — землевладельцев и земледельцев. Конечно, эти новообразования еще не сложились прочно и окончательно: были еще кметы и дедичи—свободные земельные собственники, обрабатывающие собственным трудом свою землю [4]). Но число их уменьшалось: появились дедичи не свободные и не собственники, сближающиеся уже в XII веке с зависимыми людьми [5]), очевидно, таким же путем, как наши закладни и западно-европейские коммендаты. Вместе с тем исчезло и прежнее значение „ополе"—польского остатка задружного, потом сябринного владения, превратившегося в волость [6]). Землевладение стало личным [7]). Все зависимые состояния не слились еще в одну сплошную крепостную массу, но признаки такого слияния уже намечались.

В то же время из землевладельцев стали выделяться два слоя — мелкие землевладельцы, рядовые рыцари, шляхта, и землевладельцы крупные—нобили, „можные", будущая феодальная знать [8]). Земли они получали на наследственном праве [9]),

---

[1]) *Балабан* и *Тромпчинский*, История Польши, стр. 17.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 21.

[4]) Там же, стр. 24; *Кутшеба*, Очерк истории общ.-госуд. строя Польши, стр. 13.

[5]) *Кутшеба*, Очерк истории общ.-гос. строя Польши, стр. 13.

[6]) Там же, стр. 19; *Балабан* и *Тромпчинский*, История Польши, стр. 23.

[7]) *Бальцер*, К истории общественно-государственного строя Польши, Спб., 1908, стр. 196.

[8]) *Балабан* и *Тромпчинский*, История Польши, стр. 20 и 24; *Кутшеба*, Очерк истории общ.-гос. строя Польши, стр. 8.

[9]) *Кутшеба*, Очерк истории общ.-гос. строя Польши, стр. 11; *Бальцер*, К истории общ.-гос. строя Польши, стр. 198.

но уже с обязанностью военной службы [1]), которая стала рыцарской, конной, землевладельческой по преимуществу. Крупными землевладельцами сделались и церковные учреждения — епископские кафедры и монастыри. Они прежде всех и получили привилегии — иммунитеты не частные [2]), а общие для всего духовенства и его земель [3]). Вслед затем иммунитеты в своих землях приобретают и светские землевладельцы [4]).

В начале XIII века в Польше имелись, таким образом, налицо почти все зародыши феодализма. Понятно, что и управление, устройство государства напоминало всеми своими частностями хорошо знакомые нам порядки в других странах. Были уделы, но старший, великий князь или король все сильнее подчинял себе удельных князей [5]). Юридически короли были неограничены ничем и никем [6]), но уже на Ленчицком съезде 1180 г. делаются крупные уступки духовной и светской аристократии [7]), а привилегия 1228 г. признает за панами и шляхтой право давать советы монарху при издании им распоряжений [8]). Верховное и подчиненное, центральное и местное управление, разумеется, не были точно определены и разделены, учреждений в собственном смысле слова с определенным и постоянным составом и точным ведомством не было, но появились в центре придворные или дворцовые сановники—палатин или воевода для начальствования над войском, подкоморий, управлявший королевскими имениями, скарбник (казначей), судья, стольник, мечник, хорунжий (ведавший королевское знамя) [9]). В областях управляли каштеляны [10]). Как было уже указано, власть королевских чиновников ограничивалась и перемежалась многочисленными иммунитетами.

---

[1]) *Кутшеба*, стр. 10; *Бальцер*, стр. 22.
[2]) *Кутшеба*, Очерк истории общ.-гос. строя, стр. 22, 23.
[3]) *Бальцер*, К истории общ.-гос строя, стр. 17, 20.
[4]) Там же, стр. 20.
[5]) *Балабан и Тромпчинский*, История Польши, стр. 9, 13, 19, 21, 27, 31.
[6]) *Кутшеба*, Очерк истории общ.-гос. строя, стр 14.
[7]) *Балабан и Тромпчинский*, История Польши, стр. 27.
[8]) *Бальцер*, К истории общ -гос. строя, стр. 21.
[9]) *Кутшеба*, Очерк истории общ.-гос. строя, стр. 17.
[10]) Там же, стр. 21; *Morawsky*, Dzieje nar. polsk., I, стр. 57.

Уже в личности Мечислава I мы видим заметно выраженные склонности к активному эгоизму: он крестился и отдал Польшу под покровительство папы, между прочим, и потому, что хотел этим ослабить вассальное подчинение свое императору Священной Римской империи [1]; а по отношению к этому последнему он в то же время хитрил, подарил сыну его, будущему Оттону III, верблюда и т. д. [2]. Еще ярче выраженной индивидуальностью является Болеслав I Храбрый. Недаром немецкий летописец Титмар Мерзебургский не скупится на такие термины в его характеристике, как „лев рыкающий", „пронырливая хитрая лисица", „ядовитая змея", „жестокий злодей" [3]. Умный, талантливый, великий организатор, завоеватель и объединитель, Болеслав I превосходно понимал организующее значение христианства и полностью его использовал [4]. Это же сознавал и Болеслав Кривоустый, призывая цистерцианцев для развития земледелия, приобретая и завоевывая, организуя церковное управление [5]. Он не задумался, однако, ослепить своего брата и соперника Збигнева: ему было известно, что можно покрыть это злодейство покаянием и паломничествами, фактически ничем не поступаясь [6].

Все почти новое в духовной культуре исходило от духовенства. Остатков старины было не мало: еще в XI веке было языческое восстание [7], а двоеверие сохранялось долго и после. Только Болеслав I ввел смертную казнь, как уголовную кару [8], вместо старых выкупов и штрафов, не исчезнувших, однако, окончательно. Патрон Польши св. Войтех был богословом, но мало оригинальным. Важнее и характернее было то, что он вслед за папой Сильвестром II и императором Оттоном III был сторонником реформы церкви и духовенства, центром которой был Клюнийский монастырь [9]. На той же почве стоял во второй половине XI века св. Стан-

---

[1]) *Кутшеба*, стр. 13, 14.
[2]) *Балабан и Тромпчинский*, История Польши, стр. 6.
[3]) Там же, стр. 12.
[4]) Там же, стр. 9—11, 13.
[5]) Там же, 19.
[6]) *Morawsky*, Dzieje nar. polsk., I, стр. 91.
[7]) *Балабан и Тромпчинский*, История Польши, стр. 14—15.
[8]) *Morawsky*, Dzieje nar. polsk., I, стр. 58.
[9]) *Балабан и Тромпчинский*, История Польши. стр. 40.

слав, горячий сторонник папы Григория VII, борец за независимость церкви от светской, королевской власти, заплативший за это жизнью при Болеславе II Смелом [1]. Наконец, духовенство же сделало вклад в польскую литературу. Здесь особенно обращает на себя внимание представитель польского летописания цистерцианский монах Кадлубек, писавший в конце XII века и включивший в свой труд и первую польскую летопись Мартина Галла, составленную при Болеславе Кривоустом [2]. Дух этих летописей, их основная тенденция обычны: исторические события рассматриваются, как выражение воли провидения.

---

[1]) Там же, стр. 17.
[2]) Там же, стр. 27.

XII.

Происхождение сербского феодализма.

Время происхождения сербского феодализма—с X века до конца XI. Эта эпоха отмечена именами таких властителей, как Чеслав, Стефан Воислав, Михаил и Бодия. Им в Хорватии соответствовали в X веке Томислав и Кресимир Старший [1]).

Хозяйственная история сербов и вообще древних южных славян почти совершенно не исследована. Единственный луч света, проникающий в эту темную область, можно найти только в законодательстве византийских императоров-иконоборцев VIII века—Льва Исавра и Константина Копронима, в так называемых „Земледельческом законе“ и „Эклоге“, отражающих, по мнению специалистов [2]), как раз порядки, которые сложились под славянским влиянием или даже существовали именно в славянских общинах. Из этих источников явствует, что земледелие уже было не менее, если не более, важно, чем скотоводство, и что господствовало натуральное хозяйство: существовали взносы десятины натурой и натуральная испольщина [3]). Если так было в VIII веке, то в X и XI, очевидно, следует с уверенностью предполагать для Сербии и Болгарии такое же соотношение отдельных отраслей хозяйства, типичное, как нам известно, именно для периода феодальной революции.

Конечно, свободных крестьян-меропхов было еще не мало; но характерны уже оброк, испольщина, десятина для воз-

---

[1]) *Дринов,* Южные славяне и Византия в X в., М., 1876, стр. 124.

[2]) *Соколов,* Из древней истории болгар, Спб., 1879, стр. 70—71.

[3]) Там же, стр. 68—69; ср. *Zachariae von Lingenthal,* Geschichte des griechisch-romischen Rechts, 2-е Aufl, стр. 235 и след.

никновения зависимых по земле отношений [1]). Важно и образование именно в X и XI веках землевладельческой аристократии племичей или властителей [2]). Конечно, экономическая подкладка этого социального расчленения была та же, что и везде: увеличение удельного веса земледелия.

Политически-объединительное тяготение получило толчек в начале X века от подчинения сербских племен, до тех пор разрозненных, болгарскому владычеству при Симеоне болгарском. В 30-х, 40-х и 50-х годах X века. Чеслав, князь племени сербов, освободившись от болгар при помощи Византии, объединил родственные племена к северу и западу от своего княжества и тем дал имени сербов и Сербии распространительное, не племенное уже, а общенародное значение [3]). Дальнейший шаг в объединительном направлении сделал в XI веке князь Зеты (Черногории) Стефан-Воислав, освободившийся от „благодеяний“ [4]) византийских императоров и составивший себе государство из Зеты (Черногории), части Далмации, поморья к югу от Черногории Рашки (Новобазарского санджака) и Захлумья (Герцеговины) [5]). Сын его Михаил имел уже титул краля (короля) и объединил всю Сербию кроме Боснии, составлявшей особое банство [6]). Но преемник Михаила Бодин владел уже в конце XI века и Боснией [7]).

И сербские властители использовали в полной мере организующую силу христианства. Сербы крестились давно, притом по католическому обряду, от римских проповедников, но только в IX и особеннно в X веках христианство у них распространилось широко и утвердилось прочно [8]). Михаил добился почти полной самостоятельности сербской католической церкви [9]).

Из других проявлений сербской духовной культуры того времени заслуживают упоминания юнацкие песни, подобные

---

[1]) *Соколов,* Из древней истории болгар, стр. 68. 60.
[2]) *Погодин,* История Сербии, Спб., 1909, стр. 30.
[3]) Там же, стр. 21—22.
[4]) Выражение византийского писателя императора Константина Багрянородного.
[5]) *Погодин,* История Сербии, стр. 24—25.
[6]) Там же, стр. 25—27.
[7]) Там же, стр. 27—28.
[8]) Там же, стр. 19.
[9]) Там же, стр. 27.

нашим былинам и дошедшие до нас уже в позднейшем виде, с добавлениями и переделками от времен Неманей, и начало письменности: в Боснии уже тогда существовал текст Нового Завета и псалмов, написанный глаголицей, изобретенной св. Кириллом [1]).

---

[1]) *Murko*, Die Südslavischen Literaturen, Berlin und Leipzig, 1908, стр. 207.

XIII.

Феодальный перелом в Болгарии.

Борис (половина IX века), Симеон (конец IX—начало X), Петр (половина X в.)—болгарская троица, по историческому значению своему вполне параллельная франкской троице эпохи феодальной революции—Пипину Короткому, Карлу Великому и Людовику Благочестивому. Этим определяется время феодального перелома в Болгарии — с половины IX до половины X века.

Десятина и другие налоги и поборы натурой и небольшая барщина [1]) в X веке свидетельствует разом и о поступательном ходе земледельческого хозяйства, и о натуральном хозяйстве. Обширные земельные владения епископов, монастырей и церквей [2]), а также и могущественных бояр в то же время [3]) указывают на рост крупного землевладения.

Земледелие и землевладение были основами выделения землевладельческой аристократии, с одной стороны, и принижения свободных людей до крепостных земледельцев—париков [4]) — с другой. Старая родовая знать была разбита еще при Борисе [5]) и окончательно при Симеоне [6]).

---

[1]) *Bousquet*, Histoire du peuple bulgare, Paris, 1909, стр. 114, 115.

[2]) Там же, стр. 114; *Дринов*, Южные славяне и Византия в X веке, стр. 72.

[3]) *Bousquet*, Histoire du peuple bulgare, стр. 113.

[4]) Там же, стр. 114; *Погодин*, История Болгарии, стр. 110.

[5]) *Полаузов*, Век болгарского царя Симеона, стр. 25, 27; *Соколов*, Из древней истории болгар, стр. 157; *Погодин*, История Болгарии, стр. 18, 19.

[6]) *Палаузов*, Век болгарского царя Симеона, стр. 52.

Болгарские цари X века — Симеон и Петр — правили государством при помощи совета из „великих бояр“, придворные должности занимались так называемыми „внутренними боярами“, а областными правителями были „внешние бояре“ [1]), Фактически боярство было очень сильно, и цари-объединители и организаторы только усиливали могущество землевладельческой знати [2]).

Политические притязания Симеона на титул царя болгар и ромеев (греков) и основание им самостоятельного патриаршества, как и подчинение Сербии [3]), также напоминают широкую деятельность Карла Великого: Симеон хотел основать державу, которая занимала бы весь Балканский полуостров.

И другой стороной своей деятельности — культурно-просветительной — Симеон сближается с Карлом. Уже Борис, первый болгарский князь, принявший христианство, понимал организующее значение христианства. Стиснутый между франками и Византией, он крестился и только потому обратился за проповедниками новой религии в Византию, что папа не дал ему автокефального, самостоятельного архиепископа [4]). Но религиозные представления Бориса были примитивны, носили все признаки двоеверия: он, как и все варвары, был более всего потрясен картиной страшного суда, а вопросы его, обращенные к папе Николаю I, носят все признаки языческой веры в колдовство, заклятие нездешних сил, магию: он спрашивает о гадании по Библии, о том, сколько раз в день надо молиться, об амулетах и т. д. [5]). В значительной степени другой, более высокой, представляется нам религиозная жизнь Болгарии при Симеоне, хотя, разумеется, и здесь надо остерегаться оптимистических преувеличений.

Борис часто прибегал к мечу и казням для распространения христианства [6]). Но уже при нем были и мирные миссионеры-проповедники, как, напр., Климент [7]). Черпори-

---

[1]) *Дринов*, Южные славяне и Византия в X веке, стр. 82—84.

[2]) *Bousquet*, Histoire du peuple bulgare, стр. 112.

[3]) *Палаузов*, Век болг. царя Симеона, стр. 33 и сл.; *Погодин*, История Болгарии, стр. 36, 39.

[4]) *Соколов*, Из древней истории болгар, стр. 157, 190, 203.

[5]) Там же, стр. 188.

[6]) Там же, стр. 157.

[7]) *Погодин*, История Болгарии, стр. 27.

зец Храбр писал о славянской письменности еще в начале X века [1]). Религиозное просвещение при Симеоне сделалось общим правилом и выразилось в особенности в литературной деятельности Иоанна экзарха (патриарха) болгарского и самого царя Симеона. В деятельности экзарха Иоанна видна большая практичность, уменье приспособиться к потребностям места и времени. Он, напр., перевел далеко не все целиком сочинение Иоанна Дамаскина „Об истинной вере“, переведена только третья его часть и из нее лишь 48 глав (менее половины), действительно важных для болгар [2]). Им же составлен и „Шестоднев“ — богословско-философское объяснение сотворения мира [3]). Наконец, Иоанн перевел грамматику, философию и диалектику Иоанна Дамаскина и написал несколько проповедей [4]). Сам Симеон составил „Златоструй“ — сборник проповедей Иоанна Богослова [5]). Из византийских летописцев были переведены в Болгарии Малала и Амартол [6]) — как раз те, которые проникнуты монашески-аскетическим мировоззрением. Переведены были и романы, известные и в России XII века: „Александрия“, „Троянская война“ и пр. [7]). Наконец, и апокрифы, и откровение Мефодия Патарского [8]) — все общие виды литературы, которыми богата была Русь XII в., перешли к нам именно из Болгарии времен Симеона.

Отметим еще, что при Симеоне был издан „Закон судный людем“ — переделка „Эклоги“ Льва Исавра и Константина Копронима. Соответственно уровню правосознания болгар уголовные кары византийского права превратились здесь в денежные штрафы [9]): как и в Русской Правде, в Болгарии преобладало понятие о преступлении, как исключительно-материальном вреде, который можно материально же и возместить.

---

[1]) *Murko,* Die südslavischen Literaturen, стр. 200.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) *Палаузов,* Век болг. царя Симеона, стр. 96.
[5]) *Murko,* Die südslavischen Literaturen, стр. 200.
[6]) Там же, стр. 201.
[7]) Там же, стр. 202.
[8]) Там же, стр. 201, 203.
[9]) *Погодин,* История Болгарии, стр. 28.

XIV.

Подготовка феодализма у балтийских славян.

В разработке истории балтийского славянства до самого последнего времени господствовали всецело старые взгляды, согласно которым феодальные порядки занесены были к балтийским славянам немцами посредством колонизации и германизации славянских земель в XIII веке и позднее [1]). Эта старая, упрощенная, ненаучная теория недавно уничтожена до основания: доказано, что колонизация XIII и последующих столетий была по преимуществу славянская, внутренняя, а германизация — явление позднейшее, главным образом XVII века [2]). Таким образом и феодализацию приходится объяснять, как везде, условиями местного, в данном случае, славянского хозяйства.

Все признаки указывают, что решительная подготовка феодализма началась у бодричей в половине XI века, а у лютичей и поморян с восточной ветвью тех же лютичей в начале XII столетия. Завершение этого процесса относится здесь и там к концу XIII века.

У бодричей еще в X веке десятина уплачивалась с плуга и притом мерами хлеба и мотками льна [3]). Значит уже тогда заметны были успехи земледелия, увеличение его удельного веса в народном хозяйстве. Что касается лютичей и

---

[1]) Типичными представителями этих взглядов являются, напр., *Первольф,* Германизация балт. славян, Спб. 1876, стр. 13—49, 102, 104—106, 155, 217—219, 224; *Wehrmann,* Geschichte von Pommern, I B., Gotha, 1904. стр. 90 и след.

[2]) *Егоров,* Колонизация Мекленбурга в XIII веке, т. II, М., 1915. стр. 557 587 и след., 599, 601.

[3]) *Павинский,* Полабские славяне. Спб., 1871, стр. 95.

особенно поморян, то у них эти успехи значительно запоздали. Когда в двадцатых годах XII века Оттон, епископ бамбергский, дважды совершил миссионерский объезд земель балтийских славян, в частности Поморья, его спутники имели возможность наблюдать местные хозяйственные условия и оставили нам любопытное их описание. Они указывают здесь в особенности на огромное обилие рыбы, меда, диких лошадей, медведей, кабанов, коровьего масла, овечьего молока, бараньего сала, на роскошные, тучные пастбища [1]). Все это свидетельствует, что рыболовство, пчеловодство, охота, скотоводство были сильно распространены, имели первостепенное значение. Но наряду с этим, по словам тех же миссионеров, много было пшеницы, конопли, овощей и плодов [2]): явный признак, что выдвинулось вперед, стало играть видную роль уже и земледелие.

При этом, хотя торговля у балтийских славян и новейшими исследователями признается „исконной" [3]) — хозяйство и в XII веке оставалось натуральным; оброки поступали рожью и овсом [4]).

Все это сопровождалось несомненным ростом крупного землевладения—светского и церковно-монастырского.

Земледелие требовало все новых и новых земель. Отсюда произошла славянская колонизация извнутри страны [5]). В ней участвовало, правда, отчасти и славянское крестьянство [6]). Но главными колонизаторами были дворяне, по преимуществу младшие сыновья знати [7]). Горожане в XIII веке усиленно стремятся к приобретению земель по торговым путям [8]). Германцев-колонистов было мало [9]).

В нашем распоряжении имеется много указаний на крупные земельные владения. Во внутренних областях вообще в XIII веке господствовали крупные поместья [10]). У лютичей,

---

[1]) *Фортинский,* Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г., Киев, 1877, стр. 11.

[2]) Там же.

[3]) *Егоров,* Колонизация Мекленбурга, т. II, стр. 548.

[4]) *Фортинский,* Приморские вендские города, стр. 18—19.

[5]) *Егоров,* Колонизация Мекленбурга, т. II, стр. 557.

[6]) Там же, стр. 599.

[7]) Там же, стр. 557, 558.

[8]) Там же, стр. 546.

[9]) Там же, стр. 557.

[10]) Там же, стр. 567.

напр., еще в XII веке, не говоря уже о XIII, туземная знать имела большие земельные владения [1]). Правда, некоторые исследователи сомневаются, что существовала частная собственность знати на землю с правами по отношению к населению и с правом отчуждения, и основывают свои сомнения на том, что, во-первых, когда о частной собственности и говорится, то „под видимым влиянием духовенства“ [2]), во-вторых, в XII веке обыкновенно употребляются выражения possessio (владение), hereditas (наследство), locus (место) [3]), в третьих, продажа и вообще отчуждение земли происходит непременно с разрешения князя [4]). Но надо признать, что влияние духовенства ни в чем не „видимо“, термины указывают и на собственность и на условное владение и не исключают прав на население, наконец, то, что князь укреплял сделки с землей, исполнял функции нотариуса, вовсе не указывает на отсутствие прав собственности.

Признаны факты и огромных раздач земли князьями [5]), причем были раздачи, вероятно, сначала столь же беспорядочные, как при Меровингах [6]), и потому создававшие фактически полную собственность, но были потом, особенно в XIII веке, и раздачи в условное владение—зародыш феодализма [7]). Понятно, что владения князей, огромные до половины XII в., затем сильно уменьшились [8]).

Из церковных землевладельцев Гробский монастырь уже в XII веке имел не менее 27 деревень, денежные доходы с восьми корчем, солеварни, рыбные ловли, мельницы [9]). В течение XIII в. Ельденский монастырь в Поморье получил 30 новых пожалований, Нейкамнский—25, Дарунский и Столиский — по 10-ти [10]). Церковь часто уступала треть своей земли в условное владение или в аренду знати [11]). Эти и им

---

[1]) *Бречкевич.* Введение в социальную историю княжества Славии или Западного Поморья, Юрьев, 1911, стр. 94.

[2]) Там же, стр. 99.

[3]) Там же, стр. 101.

[4]) Там же, стр. 106.

[5]) Там же, стр. 135—136, 121, 116.

[6]) Там же, стр. 199.

[7]) Там же, стр. 117; *Фортинский,* Приморские вендские города, стр. 15, 50.

[8]) *Бречкевич,* Введение в соц. историю княж. Славии, стр. 138, 136.

[9]) Там же, стр. 170.

[10]) *Фортинский,* Приморские вендские города, стр. 14.

[11]) *Егоров,* Колонизация Мекленбурга, т. II, стр. 565.

подобные явления [1]) сильно напоминают известную нам секуляризацию Карла Мартела и его сыновей.

Принижение свободного состояния, на-ряду с возвышением знати, не подлежит сомнению. Но крестьяне еще не слились в одну сплошную крепостную массу с бывшими рабами, хотя и сближались с ними все более: рабы из военнопленных и несостоятельных должников продолжали еще существовать как особая общественная группа [2]). Мы оставляем пока в стороне устройство городов и городского сословия: о них пойдет речь особо, при изучении падения феодализма.

Одной из особенностей политических связей, существовавших у поморян, является многочисленность князей у многих племен, долгое отсутствие даже племенного объединения, не говоря уже о князьях у целых союзов племен. Так, у стодорян или стодеран, одного из лютицких — поморских племен, в X веке было до 30 князей [3]). Может быть, впрочем, это является простым недоразумением со стороны немецких летописцев, смешивавших родовых старейшин с князьями. Возможно, что и Титмар Мерзебургский, утверждавший, что у лютичей не было в X веке совсем князей, а правило одно вече [4]), впал в ошибку, хотя ошибка эта дала повод и другим летописцам и некоторым исследователям утверждать, что у лютичей так было до XII века [5]).

В половине XI века у бодричей появился князь - объединитель Готшалк или Годескальк, который сам крестился и стал распространять христианство [6]), утвердить которое среди балтийских славян немцы пытались и раньше, в X веке, но, хотя были основаны и епископства в Альтенбурге, Гавельберге и Бранденбурге,—попытки эти не дали сколько-нибудь прочных результатов [7]). И Готшалк пал жертвой языческой реакции, но князь-язычник Крут или Крутый продолжал его работу по государственному объединению бодричей, а потом

---

[1]) *Бречкевич*, Введение в соц. историю княж. Славии, стр. 118 — 119.

[2]) *Гильфердинг*, Собрание сочинений, т. IV, Спб., 1874, стр. 38, 36; *Wehrmann*, Geschichte von Pommern, I, стр. 34.

[3]) *Гильфердинг*, Собрание сочинений, т. IV, стр. 75.

[4]) Там же, стр. 76.

[5]) Там же, стр. 77.

[6]) *Павинский*, Полабские славяне, стр. 131—133; *Первольф*, Германизация балт. славян, стр. 7.

[7]) *Павинский*, Полабск. слав., стр. 74, 90, 94; *Первольф*, Германизация, стр. 6.

сын Готшалка Генрих и его преемники Прибислав и Никлот делали то же самое, причем, однако, Прибислав княжил лишь над западной частью бодричей, а Никлот над восточной [1]). Прибислав был разбит саксами, и западные бодричи вошли в состав Саксонского герцогства. В 1160 г. погиб и Никлот, и его потомки стали немецкими князьями, вассалами герцогов саксонских, причем один из них Прибислав крестился. Лютичи и поморяне в начале XII в. признали власть польского короля Болеслава, который и крестил их через посредство Оттона, епископа бамбергского, совершившего две миссионерских поездки в Славию в 1124—1125 и в 1128 годах [2]). Здесь таким образом объединяющая роль выпала сначала на долю польского короля. Но с половины XII до конца XIII века объединительную и христианизирующую работу продолжали такие западно-поморские князья, как Вартислав I, Ратибор I, Богуслав I, княгиня Анастасия, Вартислав II, Богуслав II, Казимир II, Барним I, Вертислав III [3]).

Управление устроено было у балтийских славян по общему, обычному для изучаемого периода типу: был совет из знати [4]), были придворные чины в качестве исполнителей поручений по центральному управлению [5]), областями управляли тут паны, называвшиеся в латинских грамотах кастелянами [6]).

Из тех далеко неудовлетворительных, неясных, спутанных сведений, какие мы имеем о религии балтийских славян, можно заключить, что она перед христианизацией достигла уже той ступени развития, когда появляются антропоморфические божества (Свентовит, Радигаст, Триглав, Чернобог и пр.), им строятся святилища или храмы, и становится влиятельным жречество [7]).

---

[1]) *Павинский*, Полабск. слав., стр. 146 и сл.; *Первольф*, Германизация, стр. 7—8.

[2]) *Wehrmann*, Gesch. von Pommern, I, стр. 59—72; *Первольф*, Германизация балт. славян, стр. 8.

[3]) *Бречкевич*, Введение в социл. историю княж. Славии, стр. 193.

[4]) *Гильфердинг*, Собрание соч., т. IV, стр. 75, 81.

[5]) *Фортинский*, Приморские вендские города, стр. 50.

[6]) *Гильфердинг*, Собр. соч., т. IV, стр. 114, 119, 122; *Wehrmann*, Geschichte von Pommern, I, стр. 33.

[7]) *Гильфердинг*, Собр. соч., т. IV, стр. 147 и сл.; *Первольф*, Германизация балт. славян, стр. 12; *Wehrmann*, Gesch. von Pommern, I, стр. 37.

Христианство, конечно, играло организующую и просветительную роль, но преувеличивать его значение не следует: помимо множества остатков старого язычества [1]), важно было то, что и духовенство, как и все верхи феодализирующегося общества, проникнуто было знакомыми нам по истории других стран за тот же период эгоистическими, приобретательскими стремлениями, погоней за материальными благами, главным образом за земельным богатством [2]), причем не гнушалось прибегать к подлогам и подделкам [3]).

Для характеристики уровня духовной культуры балтийских славян важно еще отметить господство денежных штрафов в качестве уголовных наказаний [4]),—черта, опять-таки, как нам уже известно, общая целому ряду стран, переживавших период феодализации.

---

[1]) *Павинский*, Полабск. славяне, стр. 95, 99.

[2]) *Бречкевич*, Введение в социал. историю княжества Славии, стр. 150—156.

[3]) Там же, стр. 181.

[4]) *Гильфердинг*, Собр. соч., т. IV, стр. 128.

XV.

Происхождение феодализма в Византийской империи.

История Византийской империи представляет собою чрезвычайно любопытный образец понятного движения от дворянского самодержавия к феодализму, бесплодных усилий возрождения и окончательного падения. Поэтому история VI и VII веков найдут себе место в нашем изложении позднее. Эпохой же происхождения феодализма в Византии являются VIII и IX века.

Три законодательных памятника — два VIII века: „Земледельческий закон“ Льва III Исавра и „Эклога“ его же, с дополнениями его сына Константина V Копронима,—и один конца IX века: „Василики“ Василия I Македонянина, — как нельзя более ярко характеризуют и хозяйственные порядки, и общественный строй Византийской империи за это время. В предшествующее время — еще с 40-х годов VII века Византия потеряла Сирию, Финикию, Палестину, Аравию, Месопотамию, Египет, а затем и всю северную Африку: все эти обширные владения были завоеваны арабами. Таким образом северо-африканский хлеб был для Византии потерян, утрачены были и александрийская торговля, и сирийская обрабатывающая промышленность. Вот почему земледелие стало предметом особого внимания в названных сейчас памятниках византийского законодательства: это означало, что относительное значение земледелия в остатках владений империи сильно возросло, что империя стала более земледельческой страной, чем прежде. Это подтверждается и фактом прилива греческого крестьянства из завоеванных арабами про-

винций и массовым поселением славян-земледельцев в Малой Азии во второй половине VII и в половине VIII века [1]).

Вместе с тем „Земледельческий закон“ свидетельствует о торжестве натурального хозяйства: уголовные штрафы уплачиваются натуральными продуктами, и именно хлебом, распространенными оказываются аренда из десятого снопа и половничество [2]).

В те же время, в начале VIII века, мы видим на-ряду с крепостным крестьянством — колонатом — появление свободного крестьянства, арендующего владельческую землю [3]). Впрочем, это было непрочной новостью: в „Василиках“ конца IX века крепостничество, как и полагается при феодализации, господствует уже почти всецело: впрочем, и тогда оно носит еще лишь прекарный характер: зависимость можно прервать [4]).

Натуральное хозяйство вызывает необходимость вознаграждения за службу землей. Отсюда, отнюдь не из заимствования, происходит византийская параллель западноевропейскому бенефицию — стратиотское или военное имение, жалуемое под условием службы. Стратиотские имения были двух родов — мелкие, отводившиеся часто в общей меже мелким служилым людям, и крупные, дававшиеся знати, создававшие и развивавшие крупное землевладение [5]).

В той же области поземельных отношений и в Византии, как и в других странах, в особенности, напр., во Франкской монархии, возникло и обострилось соперничество светской и церковной аристократии, в особенности монастырей, монашества. Подкладкой отмены иконопочитания в 726 г. Львом III Исавром и иконоборчества его преемников была именно борьба светской знати и служилых людей вообще с монашеством из-за земли, стремление отобрать монастырские земли или по крайней мере использовать их в интересах слагавшегося светского феодализма [6]). Вторым основанием политики импе-

---

[1]) *Соколов*, Из древней истории болгар, Спб., 1879, стр. 70—71.

[2]) *Zacharia von Lingenthal*, Geschichte des griechisch-römischer Rechts, 3-e Aufl. Berlin, 1892, стр. 256.

[3]) Там же, стр. 256, 260.

[4]) Там же, стр. 260, 261.

[5]) Там же, стр. 271 и сл.; *Vogt*. Basile I et la civilisation byzantine à la fin du IX siecle, Paris 1908, стр. 381.

[6]) *Schwarlose*, Der Bilderstreit, Gotha, 1890, стр. 36—75.

рагоров-иконоборцев было стремление сплотить воедино разноплеменное и разноверное население империи, сблизив иудеев и мусульман, отрицавших иконопочитание, с греками и славянами. Только затем уже эти стремления получили освящение определенной нравственно-религиозной идеологией. Основные факты иконоборчества таковы: после отмены иконопочитания Львом III Константин V Копроним довел преследования монахов в интересах служилой и землевладельческой знати до крайности: он стал прямо уничтожать монастыри и отбирать их земли; напрасно при Константине VI седьмой Никейский вселенский собор в 787 г. восстановил иконопочитание, — император Никифор I только смягчил политику Константина V: монастырские земли были обложены поземельным налогом и постойной повинностью; правда, с тех пор острый период иконоборчества миновал, а при Михаиле III правительница, его мать, императрица Феодора в 842 г. даже окончательно восстановила иконопочитание: монашество и темные народные массы были слишком сильны, чтобы можно было сломить окончательно монастырское землевладение, а разноплеменные и разноверные массы не поддавались ассимиляции; но и победа монастырей над светской аристократией при Василии II и тем более попытки борьбы с феодальным землевладением и светским и церковным до него — при Константине Багрянородном и Никифоре Фоке — были преходящими явлениями; дело кончилось компромиссом во второй четверти XI века и полным развитием феодального землевладения с существенными уступками со стороны монашества в пользу светской знати. Мы увидим впоследствии, как это случилось, и к чему свелась сущность дела.

Описанные хозяйственные и социальные перемены заметно отразились и на государственном устройстве. Еще в VII веке старый самодержавный централизм, введенный в свое время Диоклетианом и Константином Великим, был сильно ослаблен: появились более мелкие областные деления — фемы, — и во главе управления в них — военного и гражданского — встали стратиги, в значительной степени самостоятельные [1]). Императорское самодержавие стало все более превращаться в пустой звук: в IX веке насильственная смена

[1]) *Vogt*, Basile I, стр. 98 и сл.; *Скабаланович*, Византийские государство и церковь в XI веке, стр. 182 и след.

императоров становится общим правилом. Так, в 811 г. монахи и духовенство, недовольные политикой Никифора I, лишили престола его сына Ставракия и возвели в императоры Михаила I, бывшего игрушкой в их руках; он продержался, однако, на троне всего один год, и знать и армия заменили его угодным им Львом V [1]); при Михаиле III основой для смены патриархов Игнатия и Фотия служила та же борьба светской знати, которая поддерживала Игнатия, имевшего опору также и в римском папе Николае I, с духовенством, которое в лице Фотия положило основу разделению церквей [2]); Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, Василий II — все вступили на императорский престол насильственно с помощью войска, придворных — часто женских — интриг и преступлений [3]). Уже не самодержавие, а олигархия знати духовной и светской все больше и больше выдвигалась на первый план в государственном строе Византийской империи. Поэтому, не министры, а евнухи, придворные и военачальники стали играть первую роль в центральном управлении, а в областях главное значение все более и более приобретали крупные феодалы, а не стратиги.

Мы видели, что императоры-иконоборцы, защищая интересы светских землевладельцев, будущей феодальной знати, в то же время ставили себе задачи внутреннего объединения национальностей и религий империи. Несомненно, ими руководил здесь большой политический смысл. Особенно выдающимися политиками были Лев III Исавр и Константин V Копроним, люди талантливые и умные, глубоко-религиозные, благочестивые; Константин V кроме того „страстная душа с сильной волей“ [4]). Их деятельность важна поэтому, как отражение живого еще и самостоятельного религиозного сознания, восстававшего против иконопочитания, вырождавшегося в массах в подлинное идолопоклонство [5]).

Но не одни императоры-иконоборцы были представителями религиозного новаторства, религиозно-нравственными натурами, притом активного, боевого, общественного, а не

---

[1]) *Schwarzlose*, Der Bilderstcit.
[2]) *Vogt*, Basile I, стр. 246 и след.
[3]) *Диль*. Византийские портреты.
[4]) *Диль*, Византийские портреты, стр. 85, 86.
[5]) *Schwarzlose*, Der Bilderstcit, стр. 77—78

пассивно-смиренного, эгоистического типа. В этом отношении им родственны были еще сектанты-павликиане.

Павликианство возникло во второй половине VII века в Армении и получило свое название от частых ссылок, которые делали павликиане на апостола Павла: как очень часто бывает, название секте дано было ее врагами, сами же павликиане именовали себя просто христианами. Происхождение павликианства, как и других родственных ему сектантских учений, принято чаще всего объяснять восточными влияниями, напр., влияниями персидской религии, древней религии Зороастра. Но если и верно, что такое влияние было, то следует рассматривать его во всяком случае как лишь внешний повод к обнаружению тенденций, таившихся, живших и развивавшихся среди местного, в данном случае византийского населения. Основные пункты учения павликиан сводились к отрицанию обрядов, святых, икон, креста, монашества, с одной стороны, и к признанию того, что видимый, материальный мир создан не богом, а особым злым духом, дьяволом [1]). Чем питался такой склад мысли? Нетрудно понять, что в основе его лежали морально-религиозные чувства, напряженное внимание к нравственным вопросам, вытекавшие из наблюдения над неприглядной церковной действительностью — над фактическим идолопоклонством, господством внешнего аскетизма и вместе материальных интересов в монашестве и в жизни, тем процессом феодализации, за которым всегда скрывается жадность, приобретательство, корысть. Таким образом, павликианство являлось социальным протестом более сознательной части византийской демократии и интеллигенции против феодализма, в особенности церковного, монастырского.

Но именно этот протест меньшинства и показывает, что основной тон психологии и духовной культуре Византии в то время давали не такие морально-общественные, религиозно-этические настроения, а достигавшие все большего преобладания и перевеса эгоистические натуры. В нашем распоряжении, благодаря в особенности новейшей исторической литературе, имеется в этом отношении достаточно богатый материал. Мы можем даже проследить целое движение по наклонной плоскости от индивидуалистических, все же более

---

[1]) *Vogt*, Basile, I, стр. 297 и след.

широких запросов и наклонностей к узкому эгоизму,—трусливости, лицемерию, жадности, приобретательству, в самом грубом, элементарном смысле этих слов. Вот, напр., мать Константина VI императрица Ирина. У нее, несомненно, были еще индивидуалистические склонности, прежде и больше всего властность: ей свойственна была „одна страсть—желание царствовать“; она была „молода и хороша собой, но не имела любовника из страха, чтобы не стал он над ней господином“; „честолюбие заглушило в ней материнскую любовь“, она свергла сына с престола и ослепила его: любила роскошь, торжества, великолепные сооружения [1]). Но в то же время она была труслива: лицемерно унижалась и лгала перед теми, кто был силен, и была высокомерна со слабыми или побежденными. Она долго скрывала свою преданность иконопочитанию и монашеству, дала даже клятву, что не признает никогда икон и потом изменила этой клятве. Хвасталась успехами, но „в 797 г., когда она совершила государственный переворот, отнявший у ее сына престол, она в решительную минуту потеряла голову“, а „в 802 году, когда заговорщики подготовили ее падение, она дала лишить себя престола, не делая даже попытки к сопротивлению“. Слабая в поражении, при победе она, напротив, выказала себя „неумолимой“. Благочестие ее было „узкое, суеверное“, причем она себе внушила, что была необходимым орудием в руках божиих [2]).

Дальнейший шаг по пути от индивидуализма к эгоизму представляет собою личность императора Феофила в первой половине IX в. Феофил украсил императорский дворец, выстроил ряд новых палат с изящной и изощренной роскошью; он гнался здесь больше всего за пышностью, великолепием; устроил пентапиргий — золотой шкап с царскими драгоценностями, золотой орган, велел поставить возле трона золотую чинару, где летали и пели механические птицы; у ног царя покоились золотые механические же львы, которые вставали, били хвостами и рычали; любил литературу, науку, арабскую архитектуру [3]). Но в то же время был зол, крут пра-

---

[1]) *Диль.* Византийские портреты, вып. I, М., 1914, стр. 90, 91, 93.
[2]) Там же, стр. 86, 92, 93, 91.
[3]) Там же, стр. 160, 161, 162.

вом, суеверен, любил совещаться с прорицателями [1]). Да и в указанных сейчас эстетических его наклонностях видна грубость, примитивность: его в сущности интересовало не искусство, а разные диковинки и хитрые механические выдумки.

Жена Феофила, знаменитая восстановительница иконопочитания Феодора, была уже эгоисткой чистой воды: она была труслива и страстна, жестоко истребляла еретиков — павликиан — замучено было до 100 тыс. человек — и бунтовщиков славянских крестьян, корыстна — вела для личной выгоды еще при жизни мужа морскую торговлю, являлась образцом скопидомчества [2]).

Наконец, Василий I Македонянин был не чем иным, как „красивым человеческим животным", не гнушавшимся жить на содержании у богатой и старой феодалки Даниелиды, хитро сделал военную и придворную карьеру, женился на любовнице императора Михаила III и покрывал его связь с женой, достиг положения соправителя и выказал самую черную неблагодарность, убив и Варду, которому он клялся, что ничего против него не замышляет, и самого императора. Став императором, прижил со своей женой, бывшей любовницей убитого им Михаила III, сына и четырех дочерей: „оставшаяся грубой душа македонского крестьянина, как видно, не знала пустой щепетильности". Свою любовницу, сестру покойного императора, Феклу подверг жестокому телесному наказанию за измену, но не из ревности: „человек практический, Василий в то же время конфисковал в свою пользу состояние Феклы". „Корыстная и низкая душа!" [3]).

Не следует думать, что описанная психология была исключительным достоянием одних только верхов византийского общества VIII и IX веков. Нет, то же сказывалось и в средних слоях общества, не у одних только императоров и у крупных представителей знати. Знаменитый патриарх Фотий был характерной в этом отношении фигурой при всех своих талантах и учености [4]). Только в средних слоях больше было пассивного эгоизма, психологии приниженности, рели-

---

[1]) Там же, стр. 148, 150.
[2]) Там же, стр. 151, 159, 160.
[3]) Там же, стр. 173, 175—177, 184, 188, 193, 195, 196.
[4]) Там же, стр. 183, 189 и др.

гиозного смирения. Примеры тому — Федор Студит, знаменитый аскет и сторонник иконопочитания, и его мать Феоктиста — типичная VIII в. византийская женщина среднего круга [1]).

Под знаком таких настроений, душевных переживаний и слагавшихся во все более определенном и законченном виде характеров протекала вся духовная жизнь византийского общества VIII и IX веков. Понятным становится таким образом торжество иконопочитания и поражение иконоборчества. Понятно и появление в VIII веке первого по времени не только в Византии, но и во всей Европе богослова-схоластика в лице Иоанна Дамаскина (умер в 754 г.). Он пытался примирить древне-греческую философию, главным образом Аристотеля, с христианством, сделать философию служанкой богословия, и тем проложил пути для развития средневековой схоластики. В то же время он богословски полемизировал с иконоборчеством [2]). Для психологии Иоанна Дамаскина характерны и его поэтические произведения — церковные песни и драма „Сусанна". „Сусанна" имеет значение боевого памфлета против иконоборчества, а церковные песни Иоанна, как и других поэтов того времени — Козьмы Иерусалимского и даже талантливой поэтессы Кассии — отличаются искусственностью, изысканностью формы, на которую обращено все почти внимание, и слабостью вдохновения, бедностью чувства, ортодоксальной шаблонностью и узостью, строгим следованием канонической указке [3]). Все это вполне понятно: господствовавшие характеры предполагают именно сухость, черствость, бедность чувствований, слабость воображения.

VIII и IX века не дали византийской литературе ни одного историка, дали только хронистов, летописцев двух типов — для образованных верхов общества и для малообразованной, просто грамотной только массы. К числу первых принадлежали во второй половине VIII века Георгий Синкелл, монах, секретарь одного из патриархов, а в начале IX века его друг и продолжатель Феофан Исповедник и затем также патриарх Никифор; представителем летописания для

---

[1]) Там же, стр. 122 и сл.
[2]) *Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Literatur.
[3]) Там же.

более широких кругов читателей является во второй половине IX в. монах Георгий Амартол. Все эти летописи и их авторы имеют много общего между собою: все они—противники иконоборчества, горячие иконодулы или иконопочитатели, защитники интересов церкви и монашества; все—компиляторы, без учености и умения отличать важное от неважного, без исторического чутья и вкуса. Но хроника Георгия Амартола, как более популярная и много читавшаяся, отличается особенным господством церковного интереса, чисто-монашеским характером: Георгий писал „в монастыре и для монастыря"; рассказ его хаотичен, нестроен, нескладен, изложен дурно, небрежно, в то же время без простоты и естественности, беден фактами и преисполнен богословской полемикой с иконоборцами и бранью против них [1]). Все это—черты, нам совершенно понятные на почве господствовавшей тогда психологии.

Центром не только иконопочитания, богословия, литературы, но и искусства в VIII и IX веках был Сдудийский монастырь [2]). И византийское искусство того времени осталось верным общему тону общественной психологии и духовной культуры. Главное и здесь — поучительные цели, аскетический образ мыслей, это видно в византийской миниатюре, в особенности в так-называемых лицевых (т.-е. иллюстрированных) Псалтырях. Псалтырь была главнейшим видом поучительного чтения: псалмы казались и откровением будущего, и повествованием о прошедшем, и правилами жизни в настоящем. Иллюстрации бессодержательны, лишены всякой работы мысли и вдохновения, — редки удачные символы. Исполнение небрежно, фон иллюстраций золотой, в одеждах также много заботы, к концу периода появляется чисто византийский тип: мрачные лица, худые конечности, условная драпировка. Так в области миниатюры слагались образцы византийско-христианской иконописи, окончательно образовавшейся позднее [3]).

Конечно, при таких условиях не может быть речи о серьезных успехах знания, науки. Фотий был ученейший чело-

---

[1]) Очерки по истории Византии, под ред. и с предисл. В. Н. Бенешевича, вып. III, Спб., 1912; *Крумбахер*, Византийские историки и хронисты, стр. 89, 91, 92, 97 — 103.

[2]) *Кондаков*, История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей, Одесса, 1876, стр. 11.

[3]) Там же, стр. 110, 112, 128, 126, 108, 109, 132, 128.

век, настоящий энциклопедист, но уже чисто средневекового склада, т.-е. в сущности значительной нескладицы, со следами лишь чисто религиозной, богословской системы, как у Иоанна Дамаскина. При Михаиле III правил государством долгое время Варда, который любил науку и литературу и дружил с Львом Солунским — математиком, философом и врачем, а также основал университет. Но и здесь все было уже далеко от той степени научности, какая достигнута была античной, эллинистической и римской культурой: в университете изучали только грамматику, философию, геометрию и астрономию, а Лев Солунский славился, как чародей и ясновидец [1]).

---

[1]) *Диль*, Византийские портреты, I, стр. 180, 181.

XVI.

Феодальная революция в Армении.

Армяне, которые, по предположению некоторых исследователей [1]), представляют собою остаток или ветвь древних хетитов, становятся достоверно известными в Араратской долине около VI века до Р. Хр. [2]). Первые пять или шесть столетий существования армянской народности—время родовых и племенных союзов, преобладания охоты и скотоводства [3]); только с тех пор, как Армения стала составлять две, сначала персидских, потом македонских и сирийских сатрапии, здесь стало прививаться отчасти земледелие [4]). Политического единства не было все время.

Впервые государственное объединение Армении—и Великой и Малой—и начало ее политической самостоятельности было достигнуто Артаксиасом во II веке до Р. Хр. [5]). Но период феодальной революции в Армении надо начинать собственно царствованием Тиграна II Великого (95—56 г.г. до Р. Хр.), а особенно важен здесь Тиридат III, занимавший престол в конце III и начале IV в. после Р. Хр. и в 302 году принявший христианство. В конце IX в. после господства в Армении, сначала Византии и Новоперсидского царства, а потом арабов, царствованием Ашода I кончается период образования армянского феодализма.

---

[1]) Так думает Иенсен; ср. *Халатьянц*, Очерк истории Армении, М., 1910, стр. 11.

[2]) *Халатьянц*, Очерк истории Армении, стр. 76.

[3]) Там же, стр. 95, 108, 117.

[4]) Там же, стр. 95.

[5]) Там же, стр. 125.

Караванная торговля и существование чеканной монеты в Армении уже при Тигране [1]) указывают, что страна сделала некоторые существенные успехи в развитии народного хозяйства, конечно, не переставшего еще быть для масс населения натуральным. Перечень предметов торговли свидетельствует разом и о слабости обрабатывающей промышленности—ввозились греческие ремесленные и мануфактурные изделия,—и о большом значении скотоводства и земледелия: Армения вывозила при Тигране в особенности лошадей, мулов, зерно, вино и масло [2]).

Все это сопровождалось уже тогда развитием крупного землевладения—светского и храмового [3]). Жрецы, потом и христианское духовенство, и светская аристократия или нахарары и были первыми сословными и классовыми группами зарождавшегося феодализма [4]). Из свободных уже выделились подчиненные патронату знати полусвободные, но они еще не слились окончательно в одну сплошную массу с рабами, продолжавшими еще оставаться особой социальной группой [5]). Храмовая земля обрабатывалась храмовыми рабами, которых нельзя было продавать [6]).

Управление было устроено так, что при царе были совет и министры, ведавшие внутренними делами, военным делом, царским хозяйством; министры большею частью дворцовыми слугами царя, принадлежали к знати и обычно передавали свои должности по наследству. Видную роль в делах управления играли евнухи царского гарема. В областях правили наследственные же наместники из знатных людей. При персах, византийцах и арабах правили местные династы, из которых Ашод I стал царем по воле багдадских халифов.

Тигран хорошо понимал объединяющее, организующее значение религии. Он укреплял в Армении религию Зороастра и успел достигнуть всеобщего ее признания [7]). Тиридат III в 302 г. принятием христианства довершил эту организационную работу. Только тогда кровная месть, суще-

---

1) Там же, стр. 168, 169.
2) Там же, стр. 170.
3) Там же, стр. 165, 176.
4) Там же, стр. 165.
5) Там же, стр. 177.
6) Там же, стр. 181—184.
7) Там же, стр. 173.

ствовавшая раньше [1]), заменена была выкупами. Вообще же в области духовной культуры, Армения в период феодальной революции, особенно со времен принятия христианства, заимствовала очень многое из Византии [2]). Были переводы с греческого, были исторические сочинения. из которых самое важное—сочинение Моисея Хоренского (VIII век), наконец богословские сочинения. Богословие—чисто византийское. Моисей Хоренский также подражал византийцам, пытаясь создать художественное произведение и включая в свое изложение много книжных басен. Но источниками его были и народные песни, и труд его проникнут национальным духом [3]).

---

[1]) Там же, стр. 162; ср. *Абаза*, История Армении.
[2]) *Халатьянц*, Очерк истории Армении, стр. 22—28.
[3]) Там же, стр. 328.

XVII.

Феодальная революция в Грузии.

Феодальная революция в Грузии была почти столь же длительным процессом, как и в Армении: она продолжалась с IV до начала XI века после Р. Хр. И причина этой длительности заключалась в том же, в чем и в Армении: в иноземном владычестве — персидском и арабском, затруднявшем и задерживавшем естественный ход развития.

У нас нет достаточного конкретного материала для характеристики народного хозяйства Грузии за это время. Но данные за предшествующее время [1]) не оставляют сомнения в увеличении относительного значения земледелия и в сохранении натурального хозяйства.

За то нет недостатка в социальных и политических признаках совершавшегося феодального переворота. Возвышение знати и объединительные тенденции не подлежат сомнению: в IV веке принято было христианство [2]); во второй половине этого же века персы подчинили было своей верховной власти Иверию, т.-е. восточную Грузию, но в V и VI веках два иверских царя — Вахтанг Гургасал и Гурген — поднимали знамя восстания и, хотя не освободились от персидского владычества, и даже царская власть была заменена властью персидских наместников, но огромное влияние на дела управления приобрела местная грузинская знать — азнауры [3]). Западная Грузия или Колхида была в V и VI веках факти-

---

[1]) См. выше, глава третья, XVII: «Дофеодальная Грузия».

[2]) *Хаханов*, Очерки по истории грузинской словесности, вып. I, стр. 145.

[3]) *Джавахов* — в «Словаре», изд. бр. Гранат, XVII, 195 — 196.

чески самостоятельна и имела своих царей, хотя и служила яблоком раздора между Византией и Персией [1]). В VII, VIII и IX веках Грузия номинально, сначала и фактически, подчиняется арабам. Но в ней аристократия попрежнему властвует и притом аристократия эта — землевладельческая. Между крупнейшими владельцами в то же время идет борьба за высшую власть в стране. Поставленные арабами тифлисские эмиры, ставшие скоро наследственными и самостоятельными, встречают соперников в лице Багратидов в Колхиде, абхазских царей, владетелей Кахетии [2]). Уже в конце X в. Баграт II объединил Грузию и Абхазию, а в начале XI века Баграт III объединил и западную и восточную Грузию [3]), причем грузинская знать сыграла в этой объединительной работе опять-таки весьма видную роль [4]).

Так, с немалыми затруднениями и препонами, медленно, но все же неуклонно слагался грузинский феодализм, и в XI веке мы видим уже вполне развитые, сложившиеся феодальные отношения в Грузии [5]).

Принятие христианства из Византии привело к сильному византийскому влиянию в духовно-культурном отношении. Это греческое влияние шло через иверские монастыри и школы при них в Палестине, Сирии и на Афоне [6]). Появились переводы с греческого и первые жития святых — краткие, но фактически содержательные подобно нашим житиям, писанным монахом Яковом и Нестором в соответствующий период русской истории. Таковы: «Мученичество св. Шушаники» (конец V в.), «Мученичество Евстафия Мцхетского» (конец VI в.), «Мученичество девяти отроков колайских» [7]). В VI веке грузинская церковь становится автокефальной, а с 545 г. появляются и главы ее — католикосы из грузин, а не из греков, как то было раньше [8]).

---

1) Там же, 196.

2) Там же, 197.

3) *Хаханов,* Очерки по истории груз. словесности. в II, М. 1897, стр. 120, 121.

4) *Джавахов* — в «Словаре», изд. бр. Гранат, XVII, 197.

5) *Хаханов,* Феодальный термин в груз. памятниках: «Сборник в честь В. О. Ключевского», стр. 825 — 828.

6) *Хаханов,* Очерки по истории груз. словесности, I, стр. 146.

7) *Джавахов* — в «Словаре», изд. бр. Гранат, XVII, 238, 239.

8) *Хаханов,* Очерки по истории груз. словесн., I, стр 145

Это—церковное отражение объединительных тенденций, выражавшихся также и в том, что с VIII века литература— и прежде всего церковная—приняла национальный характер. Сюда относятся „Мученичество св. Або“ (VIII в.) [1]), „Житие св. Нины“ [2]). В половине X в. Георгий Мерчул написал очень ценное „Житие Григория Хандзтийского“, являющееся живым свидетельством развития монастырского землевладения и церковного феодализма [3]). Наконец, в „Обращении Грузии“, написанном в IX или X в., мы видим первый образец хроники или летописи, исторической литературы в Грузии [4]). Общему аристократически-объединительному процессу соответствует и сочинение католикоса Арсения в X веке. „О разделении церквей армянской и грузинской“: известно, что оно произошло в 607 г., причем грузинская церковь осталась ортодоксальной, а армянская стала монофизитской [5]). И здесь таким образом ясно сказалась национальная обособленность грузинской знати.

Художественным вкусам и потребностям удовлетворяли, с одной стороны, переводные романы и духовная поэзия— апокрифы и духовные стихи [6]), с другой—зачатки живописи, какими были миниатюры,—рисунки в рукописях. Конечно, эти миниатюры не имели самостоятельного характера: в афонских рукописях они были византийские, в палестинских, исходивших, напр., из грузинской лавры св. Саввы в Палестине, основанной еще в V веке, характер миниатюр VIII и IX в.в. был арабско-египетский [7]). Из той же лавры в IX веке вышел грузинский путешественник по востоку, подобный нашим первым паломникам, Иларион Донаур из Кахетии, побывавший в Константинополе и Риме [8]).

---

[1]) Там же, II, стр. 33 и сл.

[2]) Там же, II, стр. 36 и сл.

[3]) *Джавахов*—в „Слозаре“, изд. бр. Гранат, XVII, 230.

[4]) *Хаханов*, Очерки по ист. груз. словесн., II, стр. 55 и сл., 136. и сл.

[5]) *Джавахов*—в „Словаре“, изд. бр. Гранат, XVII, 240.

[6]) *Хаханов*, Очерки по истории груз. словесн., I. стр. 164 и сл., 228 и сл.

[7]) Там же, I, стр. 155, 157.

[8]) Там же, I, стр. 156.

XVIII

Феодальный переворот у арабов.

Не все арабские племена развивались одновременно и равномерно. Южная Аравия далеко опередила сначала северную. Поэтому в ней феодальная революция началась раньше: приблизительно в первом веке после Р. Хр. обнаружились первые признаки ее приближения, в особенности же в III веке, когда южная Аравия вся объединилась в Химьярское царство [1]), и химьярские цари стали искать религиозно-организующей силы в иудействе [2]), можно признать здесь феодальный переворот наступившим. Вместе с тем окончательно восторжествовало земледелие [3]), но хозяйство оставалось натуральным: жречество, напр., получило десятину натурой — ладаном, миррой [4]). И управление рано приобрело обычный для переходного к феодализму характер: царь, при нем совет из знати [5]), становившейся все более землевладельческой [6]) и превращавшей массу свободного населения в зависимых людей, клиентов, коммендатов [7]), кабиры — наместники в областях [8]), органы дворцового управления в качестве центральной администрации [9]).

---

[1]) *Hartmann,* Der islamische Orient, Band II стр.
[2]) Там же, стр. 45.
[3]) Там же, стр. 17, 19.
[4]) Там же, стр. 20; нельзя согласиться с Гартманом (стр. 46 и сл.), что натуральное хозяйство стало сменяться денежным: рост торговли сам по себе не доказывает этого.
[5]) *Hartmann,* Der islamische Orient II, стр. 28.
[6]) Там же, стр. 17.
[7]) Там же, стр. 18.
[8]) Там же, стр. 30.
[9]) Там же, стр. 31.

Но эти процессы в южной Аравии, начавшись раньше, чем в северной, не приняли законченного характера и затянулись надолго, как и в Армении и Грузии, и по тем же причинам: их задерживало не раз иноземное владычество, то абиссинское, то персидское [1]). Настоящий, подлинный феодальный переворот во всей Аравии и в северной и в южной— совершен был Магометом, первыми халифами и Омайядами, т.-е. начался в VII веке после Р. Хр. и закончился около половины X века, при династии Аббасидов, когда началось распадение халифата.

Увеличение относительного значения земледелия [2]) и здесь было хозяйственной основой процесса феодализации. Мы можем проследить этот рост земледелия на ряде конкретных фактов. Арабизованные евреи, как известно, насадили и развили земледелие — полевое хозяйство и разведение пальм — около Иасриба (Медины); арабы взяли у них сады пальм и лучшие поля [3]). Последние земли евреев около Медины были взяты для арабов Магометом [4]). В 628 г. евреи в северном Хиджасе, покоренные Магометом, также уже занимались главным образом земледелием [5]). В Ираке при его покорении Омаром земледелие господствовало [6]). При Османе (в половине VII в.) арабская аристократия развивает земледелие [7]). Наместник халифа Абд-Аль-Малика в Куфе Хадж-жадж в VIII веке сильно поднял иракское земледельческое хозяйство [8]). В конце того же столетия осушка болот и ирригация, искусственное орошение сухих почв сделали большие успехи [9]).

Но, хотя торговля росла все более по мере приближения к X веку [10]), хозяйство оставалось попрежнему натуральным. Это явствует из целого ряда фактов. Даже после завоеваний

---

[1]) Там же, стр. 44, 47, 48.

[2]) *Kremer*, Kulturgeschichte des Orients, unter den Chalifen, Band Wien, 1877, стр. 321—331.

[3]) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 40.

[4]) Там же, стр. 144.

[5]) Там же, стр. 162 и сл.

[6]) Там же, стр. 302.

[7]) Там же, стр. 311.

[8]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 70.

[9]) Там же, стр. 153.

[10]) Там же, стр. 158 и сл.: *Kremer*, Kulturgesch. des Orients, II, 274 и сл.

Омара, несмотря на денежные подати — поголовную, поземельную и др., — натуральная десятина с земель, принадлежавших мусульманам, натуральные оброки с покоренных народов и пятая доля военной добычи составляли важнейшие источники государственных доходов [1]). О временах более ранних свидетельствуют такие факты, как оброк половиною урожая, установленный Магометом в Хиджасе в 628 г. [2]), как десятина дохода, введенная им же в виде начала на племена, покоренные в 630 — 631 г.г. [3]). Характерно, что собственная арабская монета введена была только Муавией [4]).

Уже Магомет раздавал правоверным земли [5]). Халифы, в особенности начиная с Османа, увеличили раздачи [6]), а с конца VIII в. — со времен халифа Махдия — начинается настоящее расточение государственных имуществ [7]). Омар разрешил продажу земель в покоренном Ираке [8]). Хотя он и запретил мусульманам приобретать земли вне Аравии, но это запрещение продержалось недолго: уже его преемник Осман разрешил мусульманам владеть землею повсюду [9]). Понятно, что при нем образовались крупные земельные владения у новой арабской знати [10]). Насколько они были велики, — видно из огромных доходов, получавшихся крупными землевладельцами при Аббасидах: нередки были доходы, оценивавшиеся в 800 тысяч диргемов в год, а иногда случалось, что доходы земельного магната доходили до 100 тысяч диргемов *в день* [11]).

Не менее важно образование условного земельного владения — икты, совершенного подобия западному бенефицию. Пожалования самого Магомета были совершенно подобны меровингским раздачам и, как и там, создавали полную собствен-

---

[1]) *Kremer*, Kulturgeschichte des Orients, I, Wien, 1875, стр. 160—16[illegible]

[2]) *Мюллер*, История, Ислама I, стр. 164.

[3]) Там же, стр. 179.

[4]) *Мюллер*. История Ислама, II, стр. 17.

[5]) *Tischendorf*, Das Lehnswesen in den moslemischen Staaten Leipz., 1872, стр. 22.

[6]) Там же, стр. 26; *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 311.

[7]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 165.

[8]) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 302.

[9]) Там же, стр. 302, 311.

[10]) Там же, стр. 311.

[11]) *Kremer*, Kulturgeschichte des Orients, II, стр. 181, 190.

ность па землю [1]). Но уже Осман раздавал землю и в денежную аренду и в особенности в награду за службу вместо жалованья арабам, поставленным еще Омаром в разные провинции для их военной защиты [2]): это и было иктой в собственном смысле этого слова. Омайяды сильно развили икту особенно в Сирии [3]). Еще большего развития достигла она при Аббасидах [4]).

Обратная сторона этой концентрации землевладения и роста условного владения землей понятна и естественна, и она засвидетельствована вполне точно для арабского халифата: то было обеднение массы свободных поселян-земледельцев [5]) и поступление их в зависимое состояние, превращение в клиентов, которые при Аббасидах считались у некоторых магнатов многими десятками тысяч человек [6]).

Управление долго отличалось большой простотой. За эту эпоху были три крупных организатора администрации — Омар в 30-х и 40-х годах VII века (634 — 644 г.г.), Муавия (661 — 680 г.г.) и Аль-Мансур во второй половине VIII века (775 — 785 г.г.). Выше было уже указано, как Омаром было организовано финансовое хозяйство. Основы его сохранялись в этом виде и позднее. Система управления при Омаре была в главных чертах такова: в центре главное — это финансовое управление и управление по переписке с провинциальными властями; в областях наместники с их помощниками в более мелких подразделениях провинции [7]). Муавии принадлежит установление некоторого разделения функций управления на местах; наместникам оставлены были только административные и военные дела, а финансы поручены особому чиновнику — сагибу-альхарагу; для суда был в каждой провинции еще со времен Омара особый судья (кади); существовал также особый представитель халифа, как первосвященника [8]). Аль-Мансур сделал почту совершенно независимой от наместников, подчиненный центру и потому факти-

[1]) *Tischendorf,* Das Lehnswesn in den moslem. Staaten, стр. 23.

[2]) Там же, стр. 27.

[3]) Там же, стр. 28.

[4]) Там же, стр, 30.

[5]) *Мюллер,* История Ислама, I, стр. 314.

[6]) *Kremer,* Kulturgeschihte des Orients, II. стр. 190.

[7]) Там же, I, стр. 174; *Мюллер,* История Ислама, I, стр. 303, 305—307.

[8]) *Kremer,* Kulturgeschichte des Orients, I. стр. 161, 163.

чески ставшей органом наблюдения над администрацией [1]. Развито было также далее центральное финансовое управление [2]), и, наконец, с половины VIII в. появились всевластные визири, причем сан визиря стал наследственным в семье Бармекидов, и только Гарун-аль-Рашид в 803 г. велел убить визиря Джафара, а других Бармекидов заключить в тюрьму [3]), и тем пресек эту наследственность и сохранил до X в. высшую власть в руках халифа.

При всем том не следует считать управление халифата правильно устроенным. В действительности централизация не была осуществлена [4]), а в финансовом отношении каждая провинция была самостоятельна, содержалась на собственные доходы, имела свою кассу, и только излишки, остатки отсылались в казну халифа: единства государственной кассы не было [5]).

Известно, как сильно и быстро увеличивалась сначала территория халифата,—в особенности при Омаре [6]). В этом отношении, как и в своей организаторской деятельности, Омар, вместе с Муавией и Аль-Мансуром, напоминает Карла Великого; почта последнего из этих халифов исполняла функции государевых посланцев Карла Людовика Благочестивого и по характеру — довольно слабому — и по деятельности — напр., по разделу государства между сыновьями — напоминает Гарун-аль-Рашид [7]).

Великим организатором, но главным образом в религиозном смысле, был и сам Магомет или Мохаммед, как собственно следовало бы его называть: он именно вдохнул душу живую в арабскую национальность, вернее, помог этой живой душе пробудиться от спячки, что раньше напрасно пытались сделать химьярские цари путем прививки иудейской религии.

Характеризуя личность Магомета, исследователи давно уже отказались от старого, ненаучного приема изображать его

---

[1]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 151.
[2]) Там же, стр. 152.
[3]) Там же, стр. 163, 168.
[4]) *Kremer*, Kulturgeschichte des Orients, I, стр. 200.
[5]) Там же, стр. 162; *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 303.
[6]) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 245 и др.
[7]) Там же, II, стр. 188.

как типичного обманщика, шарлатана, но отказываются в большинстве случаев и от всякой идеализации.

Магомет родился в бедной семье, рано осиротел, до 24 лет жил у бедных же родственников и сначала пас стада, потом помогал во время поездок по торговым делам. И, поступив 24 лет на службу к богатой пожилой вдове Хадидже, он сначала был простым погонщиком верблюдов и лишь потом дослужился до должности управляющего торговыми делами [1]). Нерадостные детство, юность и ранняя молодость. Не розами была усыпана и жизнь до 40 лет и много позднее, до самого бегства в Медину, когда Магомету было уже 52 года. Хадиджа влюбилась в него, и он на ней женился. Она много ему помогала морально и материально, заботилась о нем, родила ему шестерых детей. Он был очень ей благодарен и до самой ее смерти в 619 году, когда ему исполнилось уже 49 лет, из чувства долга не взял другой жены [2]). Но женился он не по любви, а из корысти [3]) и через два месяца после смерти Хадиджи вступил в новый брак и сверх того обручился с семилетней девочкой [4]). А потом — борьба, неудачи, долгое отсутствие надежды на успех. Все это только развивало свойственную Магомету меланхолию, любовь к одиночеству, все это мешало ему чувствовать себя счастливым [5]). Так создавалось у него одно основное настроение: чувство зависимости, покорности, смирения [6]). Смиренный эгоист, пассивно-эгоистическая натура — вот чем был Магомет до зрелого возраста.

Женитьба на богатой вдове дала ему материальную обеспеченность и известный досуг, которые создали возможность, при неудовлетворенности жизнью, осмыслить, углубить и развить основное его душевное настроение и предрасположение — полную покорность высшей воле. Его пугал страшный суд за грех идолопоклонства [7]). Он уединялся, проводил время в одиночестве, и тут его посещали сомнения, потом

---

1) *Мюллер,* История Ислама, I, стр. 50—52.
2) Там же, стр. 52—53, 192.
3) Там же, стр. 52.
4) Там же, стр. 86.
5) Там же, стр. 58.
6) *Гольдциэр* Ислам, Спб. 1911, стр. 1.
7) Там же, стр. 9; *Гольдциэр,* Лекции об Исламе, Спб., 1912 стр. 7.

видения и галлюцинации[1]). Он сознал, наконец, и понял, что покорность высшей воле может быть безусловной лишь тогда, когда эта воля едина, когда существует единый бог[2]). Так сложилась и воплотилась в безусловное единобожие основная идея ислама, ибо слово „ислам“ означает „подчинение, предание воле другого“, и мусульманство имеет целью не общение с божеством, а сознательное осуществление полной покорности его воле[3]).

Магомету исполнилось 40 лет, когда он выступил с проповедью нравственного обновления не только личного, но и всенародного, общественного, государственного во имя полного смирения перед единым богом[4]). Здесь ясно сказалась цель поднять арабов из состояния варварства до высшего нравственного и общественного уровня[5]). Магомет сумел при этом отрешиться от господства племенных традиций: не единство племенной связи, а единство религии должно было быть основной организующей силой[6]). Из пассивного эгоиста Магомет превратился в религиозно-нравственную натуру и в общественного реформатора, в революционера, в разрушителя старого строя и в организатора нового общества.

10 лет прошло с тех пор в борьбе и чаще всего неудачной, среди опасностей и часто без надежды на успех[7]). И хотя Магомет легко воспламенялся и вместе с тем часто и впадал в уныние, но у него хватило силы воли до конца отстаивать свою идею[8]). В этот период своей жизни Магомет был безусловно искренен и честен, и деятельность его достигала величайшей чистоты и моральной высоты. Ему приходилось вести ожесточенную больбу с сильнейшим врагом—арабской (в частности мекканской) родовой аристократией, цеплявшейся за старые предания, освящавшие прежний жизненный уклад, и в этой борьбе пророк дал исход своей страстной, пламенной и по существу чувственной[9]) натуре:

---

[1]) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 60.
[2]) *Гольдциэр*, Ислам, стр. 9.
[3]) Там же, стр. 1.
[4]) *Гольдциэр*, Ислам, стр. 7.
[5]) Там же, стр. 10.
[6]) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 85.
[7]) Там же, стр. 63.
[8]) Там же, стр. 66.
[9]) Там же, стр. 192.

он горячо проповедывал о гневе божьем на грешный город и о воздаянии на том свете богатым[1]), причем в пылу увлечения рисовал ад и рай во все более грубом, чувственном виде[2]).

Бегство в Медину в 622 году положило начало третьему и последнему периоду в жизни и духовном развитии Магомета: в это время он превратился в политического практика. Политика — дело земное и часто грязное. Приходится проявлять много приспособляемости и отступать от идеала. И это в полной мере произошло с Магометом. Моральный идеал, воплощаясь в действительность, потускнел, нравственная чистота исчезла. Эгоистические житейские интересы выступили на первый план и превратили пророка в своекорыстного, лживого и лицемерного практика.

Характерны здесь уже те мотивы, по которым Магомет не настаивал на массовых обращениях в ислам, был даже против них: они ведь грозили уменьшением дани[3]). В Медине мы видим у Магомета уже сознательную лживость и лицемерие[4]): он начинает злоупотреблять видениями удивительно кстати и в пору приходятся и „ночное путешествие" в Иерусалим, и посещение неба по лестнице, виденной во сне Иаковом, причем Магомет видел ад и рай и т. д.[5]). Магомет грабит из Медины мекканские караваны[6]), за эпиграммы мстит тайными убийствами[7]), совершенно в старом духе отстаивает обрядовый формализм[8]).

При всех этих отрицательных явлениях, в которых сказалось новое практическое направление деятельности Магомета, он проявил, однако, большой ум, уменье ладить с людьми и считаться с обстоятельствами: он был любезен и снисходителен к другим[9]); всегда смягчал жестокости своих помощников и сам был мягок: взяв Мекку, казнил всего лишь четверых; когда его полководец Халид, „меч божий", как его называл Магомет, совершал жестокости и убийства, про-

---

[1]) Там же, стр. 67.
[2]) Там же, стр. 72.
[3]) *Гольдциэр*, Ислам, стр. 8.
[4]) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 65.
[5]) Там же, стр. 95—96.
[6]) Там же, стр. 121.
[7]) Там же, стр. 130.
[8]) Там же, стр. 114.
[9]) Там же, стр. 103.

рок сам из собственных средств платил выкуп за убитых [1]). Наконец, он умел выжидать благоприятных обстоятельств, в сущности был согласен со своим другом Абу-Бекром, что „людям желательно подгонять события, но господу угодно, чтобы они созрели“ [2]).

Магомет был человек многогранный и гениальный. Он, как видим теперь, пережил длительное духовное развитие. Но замечательно, что при всей своей многогранности и гениальности и Магомет кончил тем, что подошел под общий тип психического развития, характерный для всех стран в период феодальной революции: и в нем ясно сказался переход к эгоистическим характерам; такова сила реальных общественных условий, преодолевающая даже гениальность, подчиняющая своему влиянию даже людей, из ряда вон выходящих.

Мы обладаем богатым материалом для психологических характеристик халифов. При этом можно проследить целый процесс измельчания и упрощения более высоких и сложных характеров вроде честного, простого, умного, великого организатора Омара в направлении к лицемерным, вероломным и жестоким эгоистам. Типическим образцом последних является Муавия, бывший халифом с 661 по 680 год. Характерен уже его основной принцип — „милость, либо плеть“. Обман и хитрость — главное его орудие. Не задумываясь, он приказал отравить замечательного полководца Малика. Был прекрасным хозяином-приобретателем и ловким политиком, умел привлечь к себе среднюю, умеренную партию [3]). Поистине Муавия, выражаясь языком славяно-русского писателя XVII в. Юрия Крижанича, „умел меру знать, средним путем ходить“, применялся к обстоятельствам и людям и соблюдал обдуманно и хитро свой личный интерес.

А вокруг этих халифов копошилась и интриговала масса мелких эгоистов вроде Абу-Суфьяна [4]) или любимой жены пророка Айши [5]), преследовавших уже откровенно корыстные цели, имевших в виду прямую и грубую наживу.

---

[1]) Там же, стр. 173.
[2]) Там же, стр. 165.
[3]) *Мюллер,* История Ислама, II, стр. 3–12, 17
[4]) Там же, I, стр. 327—328.
[5]) Там же, I, стр. 335.

При свете этих психологических данных, как и фактор материальной культуры, их обусловивших, ясны и понятны все перемены в культуре духовной, прежде всего в религии.

Нам уже известен тот дух смирения перед высшей божественной волей, которым был проникнут ислам. Став в Медине не только религиозной системой, но и учреждением [1]), ислам стал опорой той средней, обывательской морали, которая является оплотом порядка: ограничение мести, введение в границы разврата, установление прав собственности—норм имущественного и наследственного права, запрещение вина и азартных игр, пять формальных требований (единобожие и признание Магомета, каноническое богослужение и омовение, уплата на военные и человеколюбивые задачи общины, пост в Рамадан, паломничество в Каабу) [2]) — вот в чем существо новшеств, внесенных новою религией или вернее господствующим, главным ее течением.

Но это течение не было единственным. Оно вообще приняло характер суннитства, основано было на сунне — преданиях или верованиях первых времен ислама, изложенных в „хадисах" (сообщениях) по устным указаниям самого пророка; в IX веке были составлены два сборника достоверных, канонических хадисов — Бохария и Муслима [3]). Суннитство было идеологией слагавшейся феодальной аристократии халифата.

Эта аристократия встретила себе оппозицию прежде всего со стороны народных масс. Оппозиция идеологически выразилась в шиитстве, т.-е. в „партии Али" („шиат Али") [4]), стоявшей во имя уничтожения аристократических новшеств, богатств и роскоши знати за наследование халифата вроде пророка, среди потомков халифа Али, имамов, которые непогрешимы и решают безапелляционно все вопросы религиозной и общественной жизни [5]).

Но не одни массы арабского народа были против суннитов, — против них была и значительная часть магометан-

---

[1]) *Гольдциэр*, Ислам, стр. 10.

[2]) Там же, стр. 9—12.

[3]) Там же, стр. 14 — 15.

[4]) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 362; *Гольдциэр*, Ислам, стр. 33—36.

[5]) *Гольдциэр*, Ислам, стр. 33—36.

ского духовенства, которая находила, что необходим не наследственный, а свободно избираемый за благочестие халиф; сторонники этого течения в исламе получили название хариджитов [1]).

Наконец, сложившимся в пределах того же периода, т.-е. до половины IX в., является еще четвертое, интеллигентское течение в исламе, одно время даже служившее опорой правительственной власти и официально объявленное господствующим [2]): это — мутазилиты. Они были рационалистами, стояли не за буквальное понимание Корана, а за проникновение в его дух, внутренний смысл и за свободу воли, против зародышей фатализма, тем более против полного его развития [3]) Мутазилиты доходили даже до признания связанности бога категорическим императивом — абсолютными требованиями добра [4]).

В IX веке получили свое начало и другие мусульманские секты часто более крайнего направления. Но то были тогда еще лишь зачатки. Развитие их было делом будущего, следующего периода истории арабов, и о них у нас пойдет поэтому речь в свое время, позднее.

В общем торжествовало все-таки суннитство, вполне соответствовавшее и интересам господствовавшего класса общества и тому общему психическому укладу и тону, который преобладал в то время. Хариджиты никогда не пользовались преобладанием, представляя интересы лучших слоев низшего духовенства, господство мутазилитов было кратковременным; более всего беспокойств суннитам причиняли шииты. Ими был убит халиф Осман и возведен на престол Али, в свою очередь убитый суннитами; в конце того же VII века подавлено было два восстания шиитов—одно под предводительством сына Али Хусейна, другое под руководством одного из потомков Али Абдуллы-ибн-Зубейры; оба восстания были подавлены, а вожди их погибли, причем Хусейн стал в глазах шиитов имамом — мучеником за веру [5]). Затем в начале

---

[1]) Там же, стр. 33.

[2]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 207—208 (так было в первой половине IX в., при Мамуне).

[3]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 156; *Гольдциэр*, Ислам, стр. 31.

[4]) *Гольдциэр*, Лекции об Исламе, стр. 98.

[5]) *Мюллер*, История Ислама, I, стр. 337, 342, 368; II, стр. 30 34, 60, 61.

VIII века произошло восстание шиитов и хариджитов в Ираке, с трудом подавленное [1]). Победа Аббасидов над Омайядами около половины VIII века знаменовала собою временное торжество шиитов, скоро, впрочем, исчезнувшее [2]), и в 60-х и 80-х годах VIII века и в начале следующего столетия снова произошли большие шиитские восстания в халифате [3]): развивавшийся феодализм больно отзывался на массах народа и вызывал их противодействие.

И в арабской поэзии VII, VIII и начала IX в. мы наблюдаем те же социальные влияния и знакомые нам психологические их отражения и проявления. Сильнее всего—струя, отражающая влияние новой землевладельческой светской знати. Перед нами в истории арабской поэзии этого времени проходят длинной и непрерывающейся чередой большие и малые поэты, сделавшие задачей своего творчества восхваление аристократии и служение ее вкусам. При Омайядах в этом отношении особенно характерны Аль-Ахталь и Аль-Джарир, при Аббасидах, именно при Гарун-аль-Рашиде, Абу-Нувас. Аль-Ахталь—представитель хвалебной и героической поэзии [4]), Аль-Джарир в особенности восхвалял наместника халифа Абд-аль-Малика в Ираке (южной Месопотамии) Хаджжаджа [5]). Абу-Нувас был поэт вина и любви, но также сочинял и хвалебные песни [6]) и высмеял древнеарабскую охотничью поэзию пустыни [7]), вышедшую теперь из моды у новой знати. Под конец жизни этот по преимуществу вакхический поэт, певец разгула, новых утех двора Гаруна и аристократической роскоши и распущенности, стал писать религиозные поэмы [8]): естественная и понятная после бурных лет психологическая реакция. Феодальная поэзия питалась и переводами индийских сказок и персидской поэмы „Шах-

---

[1]) Там же, II, стр. 66.

[2]) Там же, стр. 139.

[3]) Там же, стр. 181, 182, 194, 195.

[4]) *Huart*, Littérature arabe, Paris, 1902, стр. 49.

[5]) Там же, стр. 51.

[6]) Там же, стр. 71.

[7]) *Kremep*, Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen, II, стр. 370; *Крымский*, История арабов и арабской литературы, М. 1911, стр. 47.

[8]) *Kremer*, Kulturgeschichte des Orients, II, стр. 372; *Huart*, Littérature arabe, стр. 71.

намэ", сделанными во второй половине VIII века Ибн-аль-Мукаффи [1]).

Особое, промежуточное положение занимал Аль-Фараздак при Омайядах во второй половине VII века: у него есть еще отзвуки старого стиля, охотничьей поэзии пустыни [2]), он этим представляет собою как бы связующее звено между старой поэзией и новым феодализирующимся творчеством. С другой стороны, тот же Фараздак не чужд и моральной, половой распущенности, столь свойственной новой знати, и, наконец, занимал переходное положение в отношении к поэтам, выражавшим чаяния масс народа: он был благочестивым мусульманином и воспевал Али [3]).

Чувства и стремления народных масс выражала поэзия шиитов и хариджитов, воспевавшая мученическую смерть Али в лице хариджита Катари, пытавшаяся приспособить поэзию к Корану; скоро, впрочем, фанатические мусульмане совсем отвернулись от поэзии [4]).

Говоря об арабской — даже аристократической — поэзии VII—IX веков, мы не должны, однако, впадать в преувеличения, довольно распространенные у историков арабской литературы: на самом деле и здесь, как и при дворе халифов вообще, даже Аббасидов, не говоря уже об Омайядах, господствовала смесь роскоши и грубости [5]), не мало было еще варварства [6]), унаследованного от предыдущего периода.

И архитектура выражала вкусы новой знати. Много было прежде всего подражаний Византии. В византийском стиле построены халифом Аль-Валидом в начале VIII века мечети в Иерусалиме и Дамаске [7]). Здесь создан по византийскому образцу купол [8]), появились и минареты [9]). Но уже в этих мечетях сказалось и нечто новое: каллиграфические надписи из Корана на стенах, арабский орнамент, колонны и своды с вычурными завитками [10]). Тот же Валид построил

---

[1]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 155.
[2]) *Kremer*, Kulturgeschichte des Orients, II, стр. 367.
[3]) *Huart*, Littérature arabe, стр. 49.
[4]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 84, 85.
[5]) Там же, II, стр. 84.
[6]) *Kremer*, Kulturgeschichte des Orients, II, стр. 356 и сл.
[7]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 72, 76.
[8]) *Gayet*, L'art arabe, Paris, 1893, стр. 40.
[9]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 76.
[10]) Там же, II, стр. 76, 77.

в Медине мечеть в старом стиле мекканской Каабы: вокруг храма-куба открытый двор обнесен был рядами колонн [1]) Некоторые исследователи [2]) приписывают этому религиозному архитектурному стилю, в котором много мистического экстаза, египетское, коптское происхождение: здесь появляется и новая отличительная черта арабской архитектуры — стрельчатая арка [3]). Всего важнее то, что и это арабское или коптское мусульманское искусство с течением времени и даже очень скоро приспособилось ко вкусам новой аристократии,— введена была роскошь, позолота, затейливая орнаментация, разноцветная мозаика, мраморные полы; особенно этот стиль стал расцветать при Аль-Мансуре, Гарун-аль-Рашиде и Аль-Мамуне [4]). Нужно ли прибавлять, что общая характеристика арабского искусства за данный период не может ничем отличаться от того, что сказано выше об арабской поэзии? Лучшие достижения арабской архитектуры были еще делом будущего.

Тем более это справедливо в отношении музыки: она тогда еще только начинала свое развитие у арабов. В этом отношении теоретические основы были заложены в „Книге звуков" Халила, составленной в 780 г. [5]).

Центрами арабской интеллигенции, знания, науки сделались прежде всего Куфа и Басра в Ираке. И опять здесь не надо впадать в преувеличения, — надо помнить, что в данный период стали слагаться только зачатки научного знания. Естественно также, что это знание — позднейшее явление духовной культуры, чем литература и искусство, и гораздо менее этих последних ушло вперед. Только в начале VIII века появились первые комментарии к Корану, и в связи с этим возникла арабская грамматика [6]). Лишь во второй половине VIII века, при Мансуре, началась арабская лингвистика и философия, представителями которой были Сибевейхи, упомянутый выше первый музыкальный теоретик Халила, Аль-Кисаи и в особенности Асмаи, давший грамматические объяснения

---

1) Там же, II, стр. 77.

2) *Gayet*, L'art arabe, стр. 23 — 24.

3) Там же, стр. 27, 30.

4) Там же, стр. 44 — 46.

5) *Науман*, Иллюстрированная общая история музыки, Спб. 1897, т. I, стр. 87; ср. *Размадзе*, Очерки истории музыки, М. 1888, стр. 46 и сл.

6) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 77 — 79.

произведений древне-арабской поэзии [1]), Хузейль-аль-Аллаф во второй половине VIII века теоретически — богословски и философски — обосновал мутазилитство и составил по греческим образцам диалектику, а Ибн аль-Мукаффи перевел логику Аристотеля [2]). Мусульманское право начали разрабатывать Абу-Ханив в Багдаде, Малик-ибн-Анас в Медине, но сколько-нибудь существенные успехи в этом отношении сделали только Шафий при Гарун-аль-Рашиде и Ахмед-ибн-Химбал при Мамуне [3]). Начало арабской исторической литературе положил Ибн-Исхак своей биографией Магомета [4]), а в начале IX века Вакидий установил хронологию [5]). Ибн-Масавейх положил основание медицины переводом Галена и своими вивисекциями [6]), а Халиф Мамун в IX веке основал в Багдаде „дом науки“ — университет, библиотеку и астрономическую обсерваторию; здесь изучали древне греческую философию и науку, и помощь в этом отношении оказывалась только работой мусульманских монахов в монастырях Месопотамии [7]).

---

[1]) Там же, II, стр. 154 — 156; *Huart*, Littérature arabe, стр. 137 и сл
[2]) *Мюллер*, История Ислама, II, стр. 156.
[3]) Там же, II, стр. 156 — 157.
[4]) Там же, II, стр. 156.
[5]) Там же, II, стр. 201.
[6]) Там же, II, стр. 202.
[7]) Там же, II, стр. 203; *Huart*, Littèrature arabe, стр. 161 и сл.

XIX.

Происхождение индусского феодализма.

Индусский феодализм сложился медленно и постепенно, хотя и не бессильных по временам потрясений, между 1000 годом и концом III века до Р. Хр.,—царствование Ашоки или Асоки— конечный предел этого периода. В специальной исторической литературе наиболее изучена религиозная страна жизни Индии за это время, и обыкновенно различаются два момента: первые четыре столетия (1000—600 л. до Р. Хр.)—это эпоха брахманизма, вторые четыре столетия (600—200 л. до Р. Хр.)— эпоха буддизма и близких к нему религиозных течений.

В хозяйственном отношении весь восьмисотлетний период, сейчас здесь намеченный, характеризуется обычными, хорошо уже нам известными чертами: большими успехами земледелия, выступлением его на первый план в хозяйственной жизни и продолжающимся господством натурального хозяйства. Еще в эпоху брахманизма земледелие было важнейшим занятием как арийской касты вайшиев, так и касты туземцев шудра [1]. И брахманы занимались тогда нередко земледелием и скотоводством [2]. Земледелие в VI веке, во времена Будды, уже несомненно господствовало [3]. С другой стороны, налоги и в эпоху Будды [4] и даже при Ашоке [5] собирались долей урожая, существовали также и натуральные поборы скотом [6].

---

[1]) *De la Mazeliere*, Essai sur l'évolution de la civilisation indienne I, стр. 27.

[2]) *Fick*, Die sociale Gliederung im nordöstlichen Indien zu Buddhas Zeit, Kiel, 1897, стр. 157.

[3]) *Рис-Дэвидс*, Буддизм, стр. 48.

[4]) *Fick*, Die sociale Gliederung. стр. 77.

[5]) *De la Mazeliere*, Essai sur l'évol. de la civil. ind. I, стр. 52.

[6]) *Fick*, Die sociale Gliederung, стр. 78.

Хозяйственным порядкам соответствовали и землевладельческие отношения: и при Будде (в VI — V в.в.) [1]), и при Ашоке (вторая половина III в.) [2]) существовало крупное землевладение—светской знати и духовенства. Повидимому, слагалось также условное и зависимое владение, подобное западноевропейскому бенефицию [3]).

Несомненно, что еще в эпоху брахманизма, под влиянием земледелия и завоевания страны, стал слагаться кастовый строй, как результат имущественного неравенства, главным образом становившегося все более неравномерным распределением земли. Буддизм был против каст, но безуспешно, вернее, успех его здесь заключался именно в том, что не факт покорения туземцев, а новые экономические условия стали главной, определяющей причиной новых кастовых отношений[4]). Поэтому буддизм дал в сущности новый толчек развитию кастового строя [5]). Социальное расчленение ко временам Будды далеко ушло вперед, образовался ряд общественных классов [6]). Господствующим классом, носителем власти уже тогда была землевладельческая светская знать (khattiya), далеко за собой оставлявшая духовенство—брахманов [7]). Были затем купцы, составлявшие и торговые компании и гильдии [8]), и ремесленники, также организовавшиеся в цехи [9]). Были представители низших профессий (наемные рабочие, певцы, музыканты и пр.), не составлявшие особой касты или каст, бывшие вне кастового строя [10]). Наконец, существовали рабы и презираемые касты из покоренных племен—шудра и чандала [11]). Свободные — кшатрии — все более превращались в коммендатов, условно зависимых людей [12]).

---

[1]) Там же, стр. 79, 158.

[2]) *De la Mazelière,* Essai sur l'évol. de la civil. indienne, I, стр. 53.

[3]) *Fick,* Die sociale Gliederung, стр. 52; *Ковалевский,* Общинное землевладение; *Ковалевский,* Экономич. быт Европы, I, стр. 385.

[4]) *Fick,* Die sociale Gliederung, стр. 21—23.

[5]) *Weber,* The history of Indian Literature, стр. 48.

[6]) *Fick,* Die sociale Gliederung, стр. 214.

[7]) Там же, стр. 54, 59.

[8]) Там же, стр. 163, 168, 169, 172.

[9]) Там же, стр. 172 и сл.

[10]) Там же, стр. 184 и след.

[11]) Там же, стр. 199—203.

[12]) Там же, стр. 52.

При Ашоке касты сохраняются и даже крепнут [1]), особенное влияние приобретает высшее буддийское духовенство [2])— духовные феодальные князья, как сказали бы в средневековой Германии; усиливаются и купеческие гильдии и ремесленные цехи [3]), рабы по положению своему все более сближаются с другими зависимыми, полусвободными элементами общества [4]), — словом, продолжается и завершается процесс феодализации.

Объединительные тенденции в области политических, государственных отношений наблюдаются в Индии еще в эпоху брахманизма: они выразились тогда ярче всего в борьбе брахманов и царей, увенчивавшейся большею частью победой последних [5]), и в новых завоеваниях [6]). Буддизм был, несомненно, могучим организующим, объединяющим средством. Настоящим объединителем восточного Индостана был в конце IV и начале III века до Р. Хр. Чандрагупта, а его внук Ашока во второй половине III века объединил всю Индию и объявил буддизм государственной, господствующей религией [7]).

Административная техника в общем держалась на небольшой высоте, испытывая на себе некоторое влияние организующих государство сил и новых классовых отношений.

Характерно уже в брахманскую эпоху исчезновение народного собрания [8]). Естественно, что цари получали престол не по избранию народа а по наследству от отца, причем наследники еще при жизни отца объявлялись как бы вицецарями (uparajja), с чем связан был известный почет, но не какие-либо определенные права и обязанности [9]). Важное значение при царе имел совет из министров и жрецов-брахманов [10]). Главными министрами были военный или главнокомандующий армией, министр юстиции, министр—„измеритель земли“, „измеритель урожая“ — для сбора налогов, казначей,

---

[1]) *De la Mazelière*, Essai sur l'evol. de la civil. ind., I, стр. 42, 53.
[2]) Там же, I, стр. 52.
[3]) Там же, I, стр. 53.
[4]) Там же, I, стр. 54 — 55.
[5]) Там же, I, стр. 29 — 30
[6]) Там же, I, стр. 31.
[7]) Там же, I, стр. 32, 42.
[8]) *Fick*, Die sociale Gliederung zu Buddha's Zeit, стр. 91.
[9]) Там же, стр. 81, 86, 87.
[10]) Там же, стр. 91 -- 92.

ведавший царские кладовые, охранитель ворот, запиравший вечером ворота в столице [1]). Имел значение пурохита-капеллан царя, брахман, обыкновенно учитель царя в его детстве и юности. Он был прорицателем, гадателем, иногда ходатайствовал перед царем за несправедливо осужденных [2]), „печаловался", как говорили впоследствии в Московской Руси. В областях были судьи и начальники деревень [3]). Были судебные и особенно финансовые иммунитеты, освобождение от налогов по особому пожалованию царя [4]).

При Ашоке министры сохранили свое значение, но брахманов заменило буддийское духовенство [5]). Так как государство Ашоки охватило всю Индию, то в отдельных ее частях были четыре вице-короля или наместники царя [6]).

Будда-Гаутама по своему характеру весьма существенно отличался от Магомета: он был не политический деятель, а только основатель новой религии. Но и его религия, и его психология были бы непонятны, если бы мы предварительно не познакомились с брахманской религией, сменившей собою древний ведаизм, далеко ушедший от последнего и в значительной степени подготовивший торжество буддизма, разумеется, в связи с теми крупными хозяйственными и социальными явлениями, смысл и значение которых указаны нами сейчас.

Первый момент развития брахманизма, как религии, и древнего ведаизма, нам известного по предшествующему периоду истории Индии, — это эпоха позднейших Вед, главным образом Яджур-Веды и Атхарва-Веды, и современных им Брахман, т.-е. толкований Вед, имеющих целью „соединить священные песни и формулы со священными обрядами, установить между теми и другими символическую связь" [7]). Тут есть таким образом некоторое проявление мысли в области религии, первая элементарная еще попытка религиозной философии. Богословие позднейших Вед и Брахман мало отличается

---

1) Там же, стр. 95 — 103.
2) Там же, стр. 107, 110, 112.
3) Там же, стр. 75, 104.
4) Там же, стр. 79.
5) *De la Mazelière*, Essai sur l'evolution de la civilisation indiene, I, стр. 52.
6) Там же, I, стр. 51.
7) *Weber*, The History of ndian Literature, стр. 12.

от богословия Риг-Веды [1]). Но характерны два в особенности новых обстоятельства, тесно связанные между собою: во-первых, более подробное и определенное изображение адских мук [2]), во-вторых,—религиозный формализм, магическое значение очень сложного, все усложнявшегося ритуала—формул и обрядов, в которых ни одна мелочь не должна была быть опущена или изменена [3]). Подкладка всего этого ясна: здесь виден сознательный расчет на психологию страха, элементарного эгоизма. А цель—возвысить жрецов-брахманов, единственно способных правильно применять формулы и обряды, почти до положения земных богов [4]). Это—создание слагавшегося духовного феодализма жреческо-феодальной аристократии.

Жреческим феодально-аристократическим тенденциям противопоставлялись соперничавшие с ними тенденции слагавшейся светской феодальной знати. Именно эта последняя была социальной средой, в которой возникла первая индусская религиозная философия — Упанишады [5]). Надо при этом строго отличать древнейшие Упанишады от поздних.

В древних Упанишадах нет еще термина „Атман" для обозначения мировой души; употребляется только термин „Брахма", имеющий также значение „человеческой души", нет отличия высшей души от индивидуальной [6]), так что, очевидно, понятие о мировой душе не достигло еще полной ясности и определенности. Нет в них и ясного понятия о том, что мир—„майя", т.-е. иллюзия, самообман, не существует на деле [7]). Далее: и аскетизм имеет ограниченную ценность: он—еще не средство слиться с мировой душой, а только средство избавиться от страстей и пороков [8]). Прана (дыхание, жизнь) отожествляется в древних Упанишадах с Вайу, богом ветра, дыханием мира [9]). Древние боги Вед-

---

[1]) *Барт*, Религия Индии, стр. 49.
[2]) Там же, стр. 50.
[3]) Там же, стр. 52—54.
[4]) *Winternitz*, Geschichte der indischen Literatur, I, стр. 174.
[5]) *Deussen*, Allgemeine Geschichte der Philosophie, I B., II Abteil., Leipz., 1899, стр. 9, 20—21; *Winternitz*, Geschichte der indischen Literatur, I, стр. 198.
[6]) *Deussen*, Allgem. Gesch. der Philosophie, 1, 2, стр. 37, 232.
[7]) Там же, стр. 40.
[8]) Там же, стр. 62—63.
[9]) Там же, стр. 93.

Агни, Индра, Варуна и пр. — не отрицаются, но признаются сотворенными *единым* богом [1]). Мысль, что смерть — возвращение в мировую душу (Брахму), поглощение Брахмой единичного существования, не существовала в ранних Упанишадах [2]). Наконец, в них этика, учение о нравственности, о четырех стадиях земного совершенства, — имеется только в зародыше [3]), соответственно чему в зародыше же находится и учение о переселении душ: обещано только новое рождение на земле, как утешение в испытываемых притеснениях [4]).

Таковы ранние Упанишады, в которых, кроме элементарности едва начинающего развиваться мышления, обращают на себя внимание стремление к организованному единству, необходимому для дальнейших успехов феодализации, и мораль примирения с неприглядной действительностью, острием своим направленная, очевидно, в сторону масс, пытающаяся их утешить, внушить им терпение и смирение: недаром ранние Упанишады не были тайным учением, а сообщались многим, были открыты для всех [5]). Совершенно ясна классовая подкладка этих ранних, древних Упанишад, борьба начал, ими проповедуемых, с принципами, лежащими в основе Брахман, столкновение двух слагавшихся сил будущего феодализма — духовной и светской знати.

Цари, которым исторически выпадала в будущем (при Чандрагупте и особенно Ашоке) миссия временного объединения страны для полного создания и укрепления развитого, окончательно сложившегося феодализма, стали поддерживать учение ранних Упанишад [6]) в интересах светской знати. Тогда и брахманы вынуждены были пойти на уступки. Они перехватили учение ранних Упанишад и создали Упанишады средние [7]). Новое сюда было внесено именно в жреческих интересах. С этою целью углублено было учение о мировой душе: Брахма и Атман, т.-е. мировая, вечная, бесконечная

---

[1]) Там же, стр. 158.
[2]) Там же, стр. 201.
[3]) Там же, стр. 330.
[4]) Там же, стр. 296, 298, 307.
[5]) Там же, стр. 65 — 66.
[6]) Там же, стр. 354 — 355.
[7]) Там же, стр. 355, 24.

божественная сила отожествлена с человеческой душой и объявлена единственно-реально-существующей, а явления внешнего мира признаны были майей, иллюзией, призраком [1]). Затем усложнены были и формально определены этические, нравственные понятия и требования: это — аскеза и отречение, проходящие четыре стадии: ученик Брахмы, отец семейства, долженствующий изучать Веды, учить сыновей и учеников и приносить жертвы, отшельник под старость, наконец, странствующий нищий, отрекшийся от собственности и страстей [2]). Вместе с тем брахманы объявили учение Упанишад тайным [3]) и создали специально для лесных отшельников особые руководства — Араниаки [4]).

Жречество таким образом использовало в своих интересах средство, изобретенное против него светской аристократией, но, несомненно, вынуждено было далеко, гораздо дальше, чем в позднейших Ведах и Брахманах, отступить от старого ведаизма.

В дальнейшей истории религии Индии в эпоху феодализации есть пункт, вызывающий разногласия между исследователями: это вопрос о времени происхождения и влиянии так называемой Самкья-системы или Самкья-философии. Большинство исследователей [5]) отодвигает происхождение Самкья-философии к более позднему времени, чем образование буддизма, но Гарбе [6]) считает ее предшествующей буддизму и оказавшей на него большое влияние. Впрочем, и он согласен, что *полное* развитие Самкья-философии относится уже к I веку после Р. Хр., так что в VI — III веках может идти речь только о зачатках, зародышах. Поэтому всего важнее здесь следующие обстоятельства: во-первых, пессимизм в учении основателя Самкья-философии Капилы, жившего около половины VI в. до Р. Хр. и признававшего жизнь сплошным страданием; во-вторых, верование его в переселение душ, причиняющее путем возвращения человека к новому существованию на земле новые страдания [7]); в третьих,

---

[1]) Там же, стр. 37, 40.
[2]) Там же, стр. 330 — 342.
[3]) Там же, стр. 11, 12.
[4]) Там же, стр. 4.
[5]) Таковы Дейссен, Вебер и др.
[6]) *Garbe,* Die Samkhya-Philosophie. Leipz., 1894.
[7]) Там же, стр. 34.

уверенность, что только знание, как результат равнодушия к внешним благам и отречения от них, приводит к освобождению от скорбей и страданий [1]). Так как сочинения самого Капилы не дошли до нас, а может быть даже и не существовали [2]), то трудно судить о первоначальном содержании его учения, а то, что нам известно о Самкья-философии в целом, относится уже к позднейшему времени [3]). Поэтому мы ограничиваемся здесь приведенными тремя чертами, уже совершенно несомненно характеризующими учение самого Капилы. Эти черты имеют в особенности то значение, что они указывают на общественно-психологическую атмосферу, сложившуюся ко времени появления буддизма в угнетенных слоях общества. Учение Капилы носит все признаки интеллигентского происхождения. Учение Будды, как сейчас увидим, характеризует мировоззрение другой группы — угнетаемого крестьянства. Крестьянство и интеллигенция при всех их различиях имеют одну основную общую почву: они — буржуазная демократия, мелкобуржуазная демократическая масса. Только у интеллигенции разум и знание, рационализм на первом плане, почему и Самкья-философия — дуалистический рационализм [4]), а у крестьянства основное устремление — к личной морали к пассивному эгоизму, к смирению, составляющему существо содержания буддизма.

Но Будда-Гаутама, Сакья-муни был не крестьянин, а сын князя, феодала, хотя и не очень значительного [5]). Как мог он стать идеологом крестьянства?

Снимая мифическую, легендарную оболочку, покрывающую рассказы о его жизни, можно с полной уверенностью утверждать, что он был характерной натурой, мучающейся вопросом, как жить свято. Это был небогатый кающийся феодал, наскучившийся прозой жизни и эгоизмом обыденщины и к зрелому возрасту — 29 годам — возжаждавший нравственной правды до того, что бросил семью — жену и сына — и сделался отшельником. Он познакомился с религиозной философией своего времени, но она его не удовлетворила. Пре-

---

[1]) Там же, стр. 133 и сл., 173.
[2]) Там же, стр. 327.
[3]) Там же, стр. 25.
[4]) Там же, стр. 144, 243, 273, 301.
[5]) *Рис-Девидс*, Буддизм, стр. 48: владения рода Сакья простирались всего на 150 кв. миль.

дался аскетическим подвигам, — постигло тоже разочарование. Тогда мысль Гаутамы направилась исключительно на нравственные вопросы, он отбросил метафизику и формализм, и наступило просветление, он стал Будда — „просветленный". Преодолев последнее искушение — умереть, лично обратиться в нирвану, в небытие, Будда решил возвестить миру обретенную им истину и проповедывал свое учение до конца своей жизни. Он умер 80-ти лет в первой четверти V в. до Р. Хр. [1]).

Буддизм в первоначальном своем виде и представляет собою религию нравственного смирения, полного пессимизма по отношению к действительности. Будда тем отличается от Магомета, что он из учителя, проповедника, основателя религии не превратился в завоевателя и организатора общества и государства и остался поэтому верен до конца своему нравственному идеалу. Его учение было приспособлено к житейским, государственным потребностям слагавшеюся феодальною знатью уже впоследствии.

Вопрос о спасении — вот центральный вопрос буддизма. Четыре основные истины лежат в основе его: во-первых, существование есть страдание; во-вторых, причина страдания — желание, которое только возрастает при его удовлетворении; в третьих, прекращение страдания достигается уничтожением желания; в четвертых, путь к уничтожению желания состоит из трех стадий: первая — знание благого закона и его исполнение, дисциплины буддизма и его морали, третья — нирвана, прекращение существования. Личность умирает, уничтожается до конца, переживает ее только влияние совершенных ею дел, от которого получается новая личность в каком-либо другом мире. Но все эти личности и миры, в сущности, не реальны, это — простые видимости, призраки, текучие, исчезающие, разлагающиеся, превращающиеся в нирвану [2]). Целью Будды было образование общества, осуществляющего совершенную жизнь на указанных им началах; благодать и вера одинаковы для всех классов и лиц обоего пола; отсюда мужское и женское монашество с обетом бедности и жизнью подаянием, милостыней [3]). Буддийский

---

[1]) *Барт*, Религии Индии, стр. 118, 119; *Рис-Дэвидс*, Буддизм, стр. 48—59.

[2]) *Барт*, Религии Индии, стр. 120—126

[3]) Там же. стр. 137, 138, 142.

культ и впоследствии был прост: он состоял в словесном выражении веры и хвалы, в приношении цветов, в возжении огня в лампадах перед образом Будды [1]. Миряне, не монахи, могут иметь семью, имущество и власть, но в пределах, строго установленных буддийской нравственностью [2].

Мораль буддизма оказалась удобным средством в руках нарождавшегося феодализма и помогавшей его организации царской власти, временной объединительницы всей Индии. Организаторское значение этой морали, устранявшей старое варварство, прежнюю аморфность, бесформенность, понятно. Но господствующие классы—светская и духовная знать, то же буддийское монашество, которое скоро обмирщилось и обогатилось [3]—ценили в буддизме еще более то религиозное обоснование психологии смирения, которое было им необходимо, так как давало высшую санкцию смиренной покорности крепостной крестьянской массы.

Говоря о религии, мы в сущности изобразили и все литературное движение времени, так как буддийская литература, ее расцвет—факт уже следующего периода. В общем, религиозный, духовный, несветский ее характер, за малыми исключениями, и то, как Самкья-система, связанными с религиозной мыслью, не подлежит сомнению.

Все в будущем было пока еще и искусство Индии, конечно, еще в эпоху брахманизма существовали зародыши, элементы искусства. Но они не дошли до нас, потому что метериалом служили дерево и глина, вследствие своей непрочности долго не сохранявшиеся. Сохранились только немногие следы этого брахманского водчества в позднейших буддийских храмах.

---

[1] Там же, стр. 143.

[2] *Рис-Дэвидс*, Буддизм, стр. 97.

[3] *Барт*, Религия Индии, стр. 142.

XX.

Происхождение феодализма в Египте.

Слабость номов, известная нам из истории древнейшего Египта, естественно вызывала покушения со стороны. Еще более того в объединительном смысле действовало постепенное развитие земледелия, совершавшееся быстрее в верхнем (южном) Египте, чем в нижнем (северном). Отсюда и произошел второй момент истории дофеодального Египта, охватывающий четвертое тысячелетие до Р. Хр. и первое столетие третьего тысячелетия.

В это время кочевники ливийцы в поисках пастбищ для своего скота вошли в северный Египет и, пользуясь слабостью и разъединенностью номов, подчинили весь север своей власти [1]). В то же время с юга из Гиераконполиса (по-египетски называвшегося Он) — города, тотемом которого был сокол — Гор, началось объединительное движение под влиянием роста здесь земледелия: признаком такого происхождения этого движения является то, что Гор утратил значение местного тотема и стал богом солнца, т.-е. земледельческим божеством [2]). Таким образом во второй половине четвертого тысячелетия сложились два царства — северное и южное. И такова уже была экономическая необходимость развития земледелия, что почитание Гора, как бога солнца, распространилось и на север [3]). Охота вообще пала: в рисунках редки охотничьи сцены, и то обыкновенно на них изображается охота на хищных животных — львов, напр. [4]). Ското-

[1]) *Брэстед*, История Египта, I, стр. 86.
[2]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 104.
[3]) Там же.
[4]) *Брэстед*, История Египта, I, стр. 25.

водство было, конечно, важнее, но и оно уступило уже первенство земледелию: уже со времен 5-й и 6-й династии рисунки, изображающие жатву и сбор винограда, обычны: характерно и то, что, новидимому, входит в практику обработки барской пашни крепостною барщиною: изображается хозяин или приказчик, наблюдающий за работами с палкой в руке [1]).

В начале периода некоторое значение приобретает внешняя торговля: она ведется со страной Пунт (нынешней Абиссинией), Палестиной и Финикией [2]). Но не следует преувеличивать важность той торговли. Привозили египтяне из чужих краев только предметы роскоши — золото, слоновую кость, ценные сорта дерева, напр., ливанские кедры, мирру и, наконец, рабов, — а главное скоро эта торговля прекратилась. Во всяком случае хозяйство оставалось все время натуральным: сборы государственные и частновладельческие производились натурой [3]).

Властитель верхнего Египта Нармер пытался было распространить свою власть и на нижний Египет, но это ему не удалось [4]). Южане вообще несколько раз временно овладевали севером, но каждый раз прогонялись [5]), пока, наконец, около 2900 г. Зосер не объединил окончательно всю страну [6]). При нем сложилось управление государством с явными следами недавнего дуализма: ближайшим его помощником был первый министр, подобный, вероятно, франкскому палатному мэру, или русскому удельному дворецкому, ведавший земельным богатством государства; затем были два канцлера — начальники канцелярий для управления верхним и нижним Египтом; выражаясь языком удельной Руси, это были дворецкие уже не Большого дворца, а дворцов северно-египетского и южно-египетского; были также два казначея также особо для севера и юга; наконец, в номах были особые начальники, ведавшие также царскими кладовыми [7]).

---

[1]) *Виппер*, Древний восток: Эгейская культура, стр 47

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) *Meyer*, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 122.

[5]) Там же, стр. 134 и сл.

[6]) *Брэстед*, История Египта. т. I, стр. 77.

[7]) *Meyer*, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 146—147.

Мы, конечно, не можем проследить процесс феодализации в древнем Египте во всех тех подробностях, в каких он рисуется перед нами в европейских странах. Но некоторые из сторон этого процесса и в Египте совершенно ясны, и так как нам известно, в какой органической связи находятся они везде с другими сторонами, то мы в праве заключить, что и здесь ход развития во всех подробностях совершался так же, как и везде.

Две черты в особенности рельефны: это—раздача земель царем его светским слугам и духовенству, сопровождавшаяся иммунитетом [1]), и крепостное право: крестьяне и крестьянки приносят на барский двор скот, птицу, хлеб, фрукты, кланяются в ноги господину, дают отчет приказчику и за неисправность несут телесное наказание [2]).

Как и везде, в Египте, очевидно, обнаруживалась рознь между двумя разрядами феодальной аристократии—духовной и светской знатью. Духовенство было образованнее, являлось интеллигенцией. Храмовая школа мемфисского бога Пта, подчиненная его первосвященнику, давало мастеров горного дела, каменотесов, инженеров и художников, вероятно также астрономов или астрологов и математиков [3]).

В своих интересах, для увеличения своего земельного богатства, духовенство поддерживало царей и их власть и достигало своей цели.

Организующее значение царской власти обнаруживается в достаточной степени. Перед нами типичное для конца истории патриархально-родового общества, для периода перехода к феодализму, объединение в стиле Карла Великого, Владимира Святого, Альфреда Великого и т. п.

Духовная культура, естественно, обогатилась новыми приобретениями, которые, впрочем, лишь наслоились на старые традиции. так что получился пока в сущности внешний синкретизм без глубоких изменений по существу.

Всего яснее это сказалось в религии. В это именно время на первый план выдвинулся культ Озириса: сам Гор стал считаться только сыном Озириса [4]). Озирис, без сомнения, уже чисто земледельческое божество [5]). Первоначальный

---

1) *Meyer*, Gesch. des Altert., I, 2, стр. 184.
2) *Виппер*, Древний восток, стр. 47.
3) Там же, стр. 46.
4) *Морэ,* Цари и боги Египта, стр. 83 и сл.
5) Там же, стр. 84.

его культ, сводившийся к изображению его борьбы с Сэтом и к воскресению Озириса, носил на себе ясные следы древней магии: жертва Озириса—его смерть—не являлась еще тогда добровольной, а вызывалась силою магического ритуала [1]. Хаотический конкретизм опять выступает здесь с полною ясностью. Борьба Сэта с Озирисом, временная смерть последнего и конечное торжество — отражение борьбы земледельческого хозяйства и объединительных тенденций, нередко поражавшихся, с хозяйством скотоводственно-охотничьим и патриархально-родовой дробностью. Синкретизм старого с новым в религиозной области проявляется также в объединении местных культов, в уподоблении всех местных богов и их судьбы судьбе Озириса, наконец, в таком же превращении, пережитом культом предков: все боги умерщвлялись Сэтом и воскресали [2]; и каждый умерший „как бы подвергался рассечению на части, а потом восстановлению", так что и в основу культа предков теперь положен ритуал Озириса [3]. Это—типичное двоеверие, смесь старой религии с новыми, объединительными верованиями, при явной, однако, победе последних.

Раньше, до объединения, в Египте существовала только пиктография, т.-е. письмо рисунками, теперь появляется письмо фонетическое, хотя и пиктографическое еще сохраняется [4]: еще признак хаотического конкретизма и вместе нового изобретения, крупного шага вперед.

Наконец, искусство—грубо и примитивно в течение всей дофеодальной эпохи: грубые женские фигуры из глины, сосуды из красной глины с черными ободками и белым грубым рисунком, длинные глиняные сосуды с орнаментом из спирали или перевивающихся лилий [5]. Древнейшее, известное нам архитектурное произведение — ступенчатая пирамида Зосера [6]) — быть может, применение к зодчеству способов постройки плотин из речного ила.

---

[1]) Там же, стр. 93—96.
[2]) Там же, стр 103—104.
[3]) Там же, стр. 105—106.
[4]) *Meyer*, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 110—112.
[5]) Там же, стр. 198.
[6]) Там же, стр. 139, 158.

XXI

Феодальная революция в сумеро-аккадо-вавилонском Двуречье.

Саргон и его сын Нарамсин — вот два царя, именами которых означается феодальная революция в сумеро-аккадо-вавилонском Двуречье, в Месопотамии, на Тигре и Евфрате. Очень трудно установить точно время их царствования. Достоверно только, что оно относится к первой половине третьего тысячелетия до Р. Хр., — между 2800 и 2500 годами [1]).

Надо, впрочем, заметить, что если Саргон и Нарамсин, подобно Пипину и Карлу Великому, временно объединили отдельные племенные княжества и составили из них обширное государство, то они имели предшественников еще раньше: за 3000 л. до Р. Хр. царь Лагаша Эаннагум подчинил себе Ур, Эрех, Ларсу, Эриду, владычествовал в Сирии и вел борьбу с царем Киша [2]). Потом мы видим в Лагаше узурпатора Урукагину, также не чуждого объединительных стремлений [3]). Но оба эти владыки имеют для нас значение еще и потому, что к их времени относятся первые для данного периода известия о хозяйстве страны. Оказывается, что патеси (князь) города Уммы платил Эаннатуму дань зерновым хлебом [4]), что при Урукагине существовали рыболовство, ско-

---

[1]) Ср. *Виппер*, Древний восток и Эгейская культура, М. 1913, стр. 59. Обыкновенно Саргона относят к 2.500 г., а Нарамсина к 2470—2440 г.г.: см. *Meyer*, Geschichte des Altertums, I, стр. 409, 475.

[2]) *Тураев*, История древнего востока, ч. I, изд. 2, стр. 80, 81.

[3]) Там же, стр. 82.

[4]) Там же, стр. 81.

товодство (особенно овцеводство) и земледелие [1]), что в лагашской области были фермы и имения от 9-ти до 45 дес. что царь владел 147 дес., его жена 60 дес., что вместо составляло $^1/_{725}$ всей территории области. Земли сдавались царем по 5 — 6 дес. одному лицу. Плодородие было чрезвычайное: урожай бывал сам-52. Зерновым хлебом платилось жалованье и собирались подати. Были ремесленники: столяры, плотники, литейщики, скульпторы, ювелиры [2]).

Перед нами открывается таким образом яркая картина хозяйства, типичного для переходной к феодализму эпохи: земледелие уже очень важно, но пахотные поля еще не велики, даже у крупных землевладельцев они не превосходят нескольких десятков десятин; земли обрабатываются зависимыми людьми, мелкими участками; хозяйство было натуральным; обрабатывающая промышленность едва начиналась в виде ремесла или мелкого кустарничества, расчитанного на заказ или, самое большее, на небольшой местный рынок.

Мы видим и некоторые черты устройства общества и государства: есть землевладельцы, увеличивающие свои владения, и есть люди зависимые, земледельцы, занимающиеся хлебопашеством на чужой земле; существует царская власть, и местные князья в виде наместников платят царям дань; у царя были должностные лица, получавшие вознаграждение за службу натурой, именно хлебом.

Саргон и в особенности Нарамсин и его ближайшие преемники произвели и религиозную реформу: они развили и расчленили старую анимистическую религию, установили прочнее богов земледелия, обобщили значение богов — из местных божеств сделали многих из них общегосударственными [3]). Опять таким образом организующее значение религии при переходе к феодализму выступает на первый план.

Это видно из следующих примеров, характеризующих религиозные перемены и новшества. Бог Энлиль был пер-

---

[1]) Там же, стр. 82. Очень важный материал по хозяйственной истории Месопотамии времен Урукагины опубликован на русском языке М. В. Никольским в „Древностях. Трудах Восточного Отделения Моск. Археолог. Общества". Полного исследования этого материала не имеется. Ему мы посвятим особое исследование.

[2]) *Тураев*, Ист. др. вост., I, стр. 86 — 87.

[3]) *Tiele*, Geschichte der Religion im Altertum, I, стр. 195.

воначально местным божеством-покровителем города Ниппура. Когда Ниппур объединил область, то Энлиль стал „главой демонов“, т.-е. других местных богов, патронов отдельных частей области. Потом, под влиянием земледелия, он становится божеством земного, нижнего мира и противополагается Ану, богу небесного, верхнего царства [1]), хранящему небесную воду, дождь [2]), т.-е. божеству тоже земледельческому. Когда Саргон объединил страну, понадобилось единое высшее божество, которое вместе с тем должно было покровительствовать и главному источнику благосостояния— земледелию. Тогда Энлиль и Ану объединены были в единое высшее божество — Бэл — „высший господь“ [3]). Его жена Нинлиль или Белит—госпожа „нижнего мира“ [4]), богиня плодородия [5]). Другой столь же любопытный и поучительный пример — история богов другого центра сумеро-аккадо-вавилонской культуры Лагаша: так, были божества двух древних кварталов — бог Нингирсу и богиня Бау; потом Нингирсу стал богом солнца, покровителем земледелия, сбора хлеба, олицетворением земледельческого труда; когда оба квартала объединились в один город Лагаш, Бау стала считаться супругой Нингирсу [6]). Количество подобных примеров легко можно бы было увеличить.

И в искусстве заметна организующая, объединительная тенденция: в так называемой Стеле Коршунов в Лагаше исследователи усматривают идею богоправимого царства [7]). Но техника искусства ушла недалеко еще вперед: камни для построек делались от руки [8]), в горельефах господствует условность (симметрия в расположении фигур и т. д. [9]), перспективы нет [10]); однако, есть признаки реализма не в целом, а в отдельных фигурах: хороши пропорции человече-

---

[1]) *Ed. Meyer,* Geschichte des Altertums, I, 2, 2-е Aufl., стр. 422.

[2]) *Morris Jastrow,* The Religion of Babylonia and Assyria, стр 52, 53.

[3]) Там же, стр. 53.

[4]) Там же, стр. 55.

[5]) *Ed. Meyer,* Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 421.

[6]) *Morris Jastrow,* The Religion of Babylonia and Assyria, стр. 56—59.

[7]) *Heuzey et Thureau-Dangin,* Restitution materielle de la stè des Vautours, Paris, 1909; *Тураев,* История древнего востока, I, стр. 86

[8]) *Тураев,* История древнего востока, I, стр. 85.

[9]) *Ed. Meyer,* Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 480.

[10]) Там же, стр. 482; *Тураев,* История древнего востока, I, стр. 93.

ского тела, благородны лица [1]). Характерно, что на победной колонне Нарамсина царь изображен вдвое крупнее простых воинов.

Заслуживает, наконец, быть отмеченным изобретение письмен, образовавшихся из иероглифов. Однако, и это письмо еще очень сложно и неудобно [2]).

---

[1]) *Ed. Meyer*, Gesch. des Altertums, I, 2, стр. 480.
[2]) *Тураев*, История древнего востока, I, стр. 87.

XXII.

Феодальный переворот в Ассирии и Халдео-Вавилонии.

Мы увидим в свое время, что сумеро-аккадо-вавилонская культура продолжала свое развитие и после Нарамсина и его ближайших преемников и была разрушена только в 1700 году до Р. Хр. хетитами. Но сумеро-аккадо-вавилонская культура не была единственной в Двуречье. Спустя несколько сот лет после нее здесь выдвигается на первый план культура ассирийская.

Ассирия сначала была в подчинении царям Сумера и Аккада, потом подчинилась царям митаннийским, а независимой стала только в начале XIV в. до Р. Хр.[1]). Но, повидимому, и в то время они не выходили еще из состояния варварства, из господства родовых и племенных связей и отношений[2]). Поворот к феодализму связан в Ассирии с именем Тиглатпаласара I, царствовавшего в конце XII в. до Р. Хр. [3]). К сожалению, мы не обладаем достаточным материалом для изображения феодальной революции в Ассирии хотя бы с тою степенью конкретности, какая оказалась возможной по отношению к Сумеру и Аккаду. Но кое-что, — по преимуществу преломляющееся в призме религии, — все же можно установить.

Дело в том, что Тиглатпаласар I был не только объединителем и завоевателем, но и религиозным реформатором: достоверно известно, что богиня Иштар, мать человечества и всей твари по первоначальному ее значению[4]), т.-е. матри-

---

[1]) *Тураев*, История древнего востока, часть II, 2-е изд., Петр., 1914, стр. 2.

[2]) *Ed Meyer*, Geschichte, des Altertums, I, 2, стр. 595, 596.

[3]) *Тураев*, История древнего востока, II, стр. 5.

[4]) *Morris Jastrow*, The Religion of Assyria and Babylonia, стр. 204.

архальное божество-предок, пользовалась особым почитанием Тиглатпаласара, который построил ей особый храм, и она стала тогда богиней войны [1]), объединительницей, организаторшей Ассирии. Затем тогда почитался бог неба и дождя Ану [2]), что указывает на успехи земледелия. Что касается Ассура, то он сохранял в то время только еще значение местного божества, бога города Ассура [3]). Важно то, что земледелие выдвигалось на первый план, и что это связывалось и с объединительными стремлениями и с религиозно-организующей реформой, — все характерные черты всякой феодальной революции, дающие нам право при наличии обильного сравнительно-исторического материала, выше уже изложенного, предположить и для Ассирии конца XII в. до Р. Хр. и натуральное хозяйство, и рост частной собственности на землю, и появление крупного землевладения, и начало расчленения общества, и первые шаги вперед непрочной, впрочем, государственной власти.

Впоследствии в соответствующей связи будут изложены дальнейшие исторические судьбы Ассирии и ее гибель от рук мидян, покоривших в конце VII века горную часть страны, и халдеев, подчинивших себе тогда же равнину. Халдеи и были потом главными преемниками ассирийской культуры, ее продолжателями. Но халдеи еще в XII веке до Р. Хр. были типичными степняками, номадами, кочевниками-скотоводами [4]). Уже тогда, однако, они вступили сначала во враждебные отношения к ассириянам, а потом в конце XII в. были, несомненно, покорены Тиглатпаласаром I [5]). Поэтому мы в праве придать этому царю значение феодального преобразователя не только Ассирии, но и Халдео-Вавилонии. На это уполномочивает как факт подчинения им халдейских княжеств своей власти, сейчас отмеченный, так и кочевой, скотоводственный быт халдеев до него, и те феодальные отношения, которые в XI и X веке, как то будет показано ниже, утвердились и в Ассирии и у халдеев в XI и X веках до Р. Хр.

---

[1]) Там же, стр. 203, 204.
[2]) Там же, стр. 201.
[3]) Там же, стр. 192, 193.
[4]) *Виппер*, Древний восток и Эгейская культура, стр. 113.
[5]) Там же, стр. 113, 114.

XXIII.

Эгейская культура в третьем тысячелетии до Р. Хр. и в первой половине второго тысячелетия.

Древняя история Эгейской, Критской или Минойской культуры, которую новейшие исследователи совершенно основательно отделяют резкой чертой от древне-эллинской культуры, отличающейся от нее и этнографически и исторически, вся основана почти исключительно на археологическом материале, большею частью недавно открытом. Эта особенность источников, делая вполне достоверными сведения, ими доставляемые непосредственно, создает то неудобство, что многие стороны жизни прямо не засвидетельствованы, так что приходится косвенно заключать о них, исходя из достоверных данных.

Индустрия, искусство, религия, письменность — вот стороны жизни, прямо и ярко освещаемые археологией. На них и надо основываться.

Почитание священных деревьев, священных камней и колонн [1]) — признак фетишизма. Остатки древнейшего тотемизма видны по позднейшим изображениям богинь с змеями и голубями [2]) Засвидетельствовано и почитание умерших, т.-е. предков [3]). Все это — черты древнейшего быта, охотничьего и скотоводческого хозяйства, родовых и племенных связей и отношений, периода варварства. Сравнительно-историческое изучение дает нам полное право на такое за-

[1]) *Dussaud*, Les civilisations prehelleniques dans le bassin de la mer Egee, Paris, 1910, стр. 209, 210.

[2]) Там же, стр. 231.

[3]) Там же, стр. 257 и сл.

ключение для всей почти ранне-минойской эпохи, т.-е. для третьего тысячелетия до Р. Хр., тем более, что и индустрия и искусство того времени — изделия из мрамора, гранита, обсидия, терракоты, бронзы, меди, глиняные вазы, в конце периода расцвеченные разными красками[1]), — соответствуют тому же периоду. Несколько спорным является вопрос о хронологической грани, отделяющей древнейшую Критскую культуру или некультурность от феодального переворота: признаком последнего является постройка первых дворцов в Кноссе и Фесте, но одни исследователи[2]) относят ее к ранне-минейской эпохе, другие[3]) к средне-минейской. Но что эти дворцы памятники именно времени, переходного к феодализму, — в том едва ли можно сомневаться. В это именно время перешли к почитанию солнца[4]), т.-е. к земледелию. Дворцы еще просты и необширны[5]), значит мало еще было подданных. Существовали два центра — в Кноссе и Фесте, а не один, и Крит не владел еще всем Эгейским морем[6]); следовательно, объединение было еще не прочно и не широко. Развивалась живопись на вазах[7]).

Все сказанное сейчас относится только к Криту. Остальные местности Эгейской культуры, как Цикладские острова, Кипр, более древние поселения в Троаде и на материке будущей Греции далеко отстали от Крита[8]) и переживали древнейший период еще долго после того, как на Крите сложился феодализм. Переход к феодализму у них мог совершиться только тогда, когда позднее, в третий момент средне-минейской эпохи (около половины второго тысячелетия до Р. Хр.), Крит стал господствовать над всем Эгейским морем[9]).

---

[1]) Там же, стр. 32, 36.

[2]) *Evans*, Essai de clasification des epoques de la civilisation minoenne, Londres, 1906.

[3]) *Dussaud*, Les civilisations prehelleniques; *Fimmen*, Zeit und Dauer der kretisch-mykenischen Kultur, Berlin, 1909, и др.

[4]) *Dussaud*, Les civilisations préhelleniques, стр. 250.

[5]) Там же, стр. 36.

[6]) Там же, стр. 36, 38.

[7]) Там же, стр. 37.

[8]) Там же, стр. 65 и сл., 97 и сл., 128 и сл., 183.

[9]) Там же, стр. 38.

XXIV.

Феодальная революция у хетитов.

То, что было сказано о хетитах в предшествующей главе этой книги, представляет собою сжатое резюме новейших открытий. Но еще более новыми являются приобретения науки, касающиеся истории хетитов в XIV и XIII веках, т.-е. того именно периода, который должен быть назван временем феодальной революции у этого народа.

Библия свидетельствует, что хетиты были оседлыми жителями Ханаана, т.-е. занимались уже земледелием по крайней мере не меньше, если не больше, чем скотоводством, когда Авраам был еще бродячим шейхом, старейшиной пастушеского племени [1]). С другой стороны, в XIV веке до Р. Хр. хетиты почитали уже бога солнца и владыку неба [2]) Тишуба, бывшего тогда громовержцем и богом войны [3]), и Сандана, бога плодородия, земли, почвы [4]). Этого мало: на стенах хетитских дворцов есть изображение малоазиатской Великой Матери Кибелы, богини земли, шествующей на пантере в сопровождении богов, жрецов, воинов и музыкантов на брак с юным богом плодородия, который выступает ей навстречу тоже во главе процессии [5]). Вот ряд данных, свидетельствующих, что в XIV и XIII вв. до Р. Хр. у хетитов земледелие имело уже первостепенное значение. Главный факт, характеризующий феодальную революцию с экономической стороны, таким образом устанавливается прочно. Следовательно, и

---

[1]) *Wright*, The empire of the Hittites, New-York, 1884, стр. 149.

[2]) *Garstang*, The land of the Hittites, London, 1910, стр. 348; *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, I, 2, стр. 632.

[3]) *Тураев*, История древнего Востока, I, стр. 333.

[4]) Там же; *Garstang*, The land of the Hittites, стр. 349.

[5]) *Тураев*, История древнего востока, I, стр. 332.

неизбежны сопровождающие его явления — рост крупного землевладения, начало расчленения общества и т. д.

К XIV веку относится и временное политическое объединение хетитов, отмеченное именами царей Хаттушиля I и в особенности Суббилулиумы, который принял титул великого царя [1]). Еще в первой половине XIV в. северная часть Сирии была покорена хетитами [2]), а Суббилулиума подчинил себе ряд племен и народов и основал сильное государство со столицей в нынешнем Богазкиое в Каппадокии, на реке Галисе [3]). Царь хетитов был и светским владыкой и верховным жрецом [4]). Под властью его находились три рода подчиненных народов: одни считались союзниками, другие платили дань, третьи управлялись непосредственно властью хетитского царя и его наместников [5]).

Мы видели уже, что эта власть и политическое объединение связаны были и с важными религиозными переменами, причем и земледельческая религия имела уже организующее влияние, и в особенности серьезное объединительное значение принадлежало культу Великой Матери Кибелы, долженствовавшему слить вместе все малоазиатские племена, подвластные царю хетитов или, вернее, религиозно закрепить, санкционировать это слияние [6]). Заслуживает быть отмеченным в связи с почитанием Кибелы, указывающим не только на успехи земледелия, но и на остаток матриархата, еще большое влияние цариц в делах управления: они считались у хетитов соправительницами царя, в чем также нельзя не усмотреть матриархального пережитка [7]).

Искусство хетитов XIV и XIII веков отличается обычными для периода перехода к феодализму чертами: анатомия фигур довольно хороша, есть копирование натуры в горельефах на стенах дворцов [8]), но композиция в целом не удается, перспектива отсутствует.

---

[1]) Там же, стр. 324, 325: *Garstang*, The land of the Hittites, стр. 326.
[2]) *Тураев*, История древнего востока, I, стр. 318.
[3]) Там же, стр. 334; *Garstang*, The land of the Hittites, стр 54.
[4]) *Garstang*, The land of the Hittites, стр. 340.
[5]) Там же.
[6]) О религии хетитов ср. еще *Tiele*, Geschichte der Religion im Altertum, I, стр. 250 и сл.
[7]) *Тураев*. История древнего востока, I, стр. 333.
[8]) *Wright*. The empire of the Hittites, стр. 149.

XXV.

Феодальный переворот в Персии.

Монархию Кира, Камбиза, Дария Гистапса и Ксеркса (с половины VI до половины V века до Р. Хр.) следует оценивать с двух точек зрения: во-первых, как политическую организацию всей западной Азии с прибавкой Египта и некоторых частей Европы; во-вторых, как специально персидскую или иранскую государственную форму.

Хозяйственной основой западно-азиатской империи, основанной названными царями, был конгломерат стран, экономически весьма различных. Хотя следует считать преувеличением мнение, будто „в греко-лидийском мире уже столетие существовало денежное хозяйство“ [1]), но несомненно, что эллинские колонии в Малой Азии и на близлежащих островах и Лидийское царство были передовыми в то время в хозяйственном отношении странами и созрели для товарного оборота, для торгового капитализма. Там обращалась уже чеканная монета, проникшая скоро в Ливию и на о. Кипр, а в V веке в киликийские торговые города и в Газу [2]). В Финикии, Египте, Вавилонии собственной монеты не было, а пользовались или весовыми единицами, или монетами других стран [3]). Наконец, в остальных областях — в том числе и в Иране — господствовало натуральное хозяйство и существовала лишь меновая торговля [4]). Дарий ввел свою общую

---

[1]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, B. III, Stuttg., 1901, стр. 79.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же, стр. 80.

денежную единицу, обязательную для всей монархии [1]), и тем как бы санкционировал, закрепил тот факт, что Персидская империя была первой попыткой устройства мировой почти монархии на основе товарного хозяйства, торгового капитала. С этой точки зрения мы должны будем еще в свое время оценить попытку Ахеменидов, а сейчас необходимо пока ограничиться узкими пределами одного лишь Ирана—Персии и Мидии, для которых правление Кира и его преемников, как и некоторых их предшественников, особенно Висташпы, было именно эпохой феодального переворота.

Поземельная подать, правда, поступала и с Ирана и непосредственно к нему примыкавших провинций не только натурой [2]), но и деньгами. Но, во-первых, натуральные сборы с Ирана преобладали над денежными, а, во-вторых, 11 иранских и близких к Ирану сатрапий давали меньше 45% денежной подати, тогда как остальные 55 с лишним процентов приходились на 9 остальных сатрапий [3]). Все это показывает, что Иран и в особенности Персия оставались еще если не исключительно, то во всяком случае преимущественно странами натурального хозяйства.

И в то же время они превращались уже в области земледельческие. Много тому признаков: религия, введенная Зороастром или Заратустрой, требовала и освящала именно распространение земледелия [4]); на-ряду с Аурамаздой почитался также древний общеарийский бог Митра, и существовал культ богини плодородия Анахиты [5]); и Дарий и персидские сатрапы сильно заботились о земледелии [6]); само завоевательное движение персов вызвано было нуждой в земле: недаром цари раздавали знатным персам земли, за службу награждали их в провинциях землями и людьми [7]).

Эти последние свидетельства указывают еще на два важных и знакомых нам явления: на рост крупного землевладения светской знати и на образование состояния зависимых

[1]) Там же, стр. 81
[2]) Там же, стр. 86, 87.
[3]) Там же, стр. 84—85.
[4]) *Tiele*, Geschichte der Religion im Altertum, II, стр. 95; *Тураев*, История древнего востока, II, стр. 203
[5]) *Тураев*, История древнего востока, II, стр. 207, 209.
[6]) Там же, стр. 201—202.
[7]) *Ed. Meyer*, Gesch. des Altertums, III, стр. 31, 36

людей. Надо прибавить, что то и другое наблюдалось и по отношению к знати духовной: привилегии и земли давались жрецам всех религий [1]), а религия Зороастра твердо отстаивала первенство духовенства [2]).

Управление, особенно если центр наблюдения сосредоточить на Иране, носит черты, живо напоминающие историю Карла Великого: сатрапы, царские наместники [3]),—то же, что графы Франкской монархии, „очи и уши царя"—ревизоры [4]) являются двойниками „государевых посланцев". При царе был совет из персидской знати [5]) и семь министерств [6]). Конечно, все это управление было слабо организовано, нестройно, нескладно, лишено системы, определенности и постоянства. Даже почтовое и дорожное дело было унаследовано от лидян, ассириян и хетитов [7]), так что нельзя преувеличивать здесь значение и оригинальность персидского творчества.

Роль, сыгранная в других странах христианством, магометанством, буддизмом, принадлежала в Персии религии Заратустры. Оригинальной и тем более самой важной чертой этой религии был вовсе не дуализм, не борьба добра, олицетворяемого Аурамаздой (Ормуздом) и его штабом из шести Ahuras [8]), со злом — Ариманом, — это было чертой и старинной иранской религии [9]),—а, с одной стороны, социальное сближение номадов с земледельцами, покровительство земледелию, а с другой — нравственное очищение старой религии, организация новой государственности [10]). Зороастр проповедывал свое учение во второй половине VII и в начале VI века [11]), причем царь Вистаспа в конце VII в. был покровителем новой веры, которую признали сначала его двор, потом и народ, а последние 20 лет своей жизни

---

[1]) Там же, стр. 94.

[2]) *Tiele*, Gesch. der Religion im Altert., II, стр. 310.

[3]) *Ed. Meyer*, Gesch. der Altert., III, стр. 54.

[4]) Там же, стр. 43.

[5]) Там же, стр. 35.

[6]) Там же, стр. 43.

[7]) *Тураев*, История древн. востока, II, стр. 199, 200.

[8]) *Tiele*, Gesch. der Religion, II, стр. 90.

[9]) Там же, стр. 154.

[10]) Там же, стр. 95.

[11]) *A. V. William Jackson*, Zoro ster the prophet of an ient Iran, New-York, 1901, стр. 15.

Зороастр провел в священной войне за новую религию [1]). Характерно и для зороастровой религии, как и для ее исторических двойников, и то важное значение, какое придавалось ею и проводилось на практике в учении о награде в будущей жизни за добрые дела и нравственную жизнь [2]). Сам Зороастр, как видно из вышесказанного, был не только пророком, но в значительной мере и организатором-практиком, так что он был в этом отношении ближе к Магомету, чем к Будде. Любопытна одна практическая черта его учения: семь Ahuras взяты им из первоначальной иранской религии,—это были семь высших духов, раньше чтившихся иранцами [3]). Между этими духами и Аурамаздой создана была связь, Зороастр установил их симбиоз, проявил стремление к синкретизму, и получилась объединяющая, организующая тенденция к единобожию, причем этический характер новой религии одержал верх над варварским натурализмом [4]).

Первоначальное персидское искусство, если считать его памятником гробницу Кира, отличалось большой простотой: это небольшая башня с массивным основанием в несколько рядов и с низкой входной дверью [5]). Но со времен Камбиза и Дария гробницы царей усложняются, и стиль их постройки и скульптур, их украшающих, испытывает ряд влияний — мидийских, египетских, ассирийских. Мидийское искусство—тоже иранское, родственное персидскому,—дало здесь, если верить описанию гробницы мидийского царя Киаксара в Экбатане, данному греческим историком Полибием, две главные особенности: обширную, массивную каменную платформу, на которой строились здания, и перенесение в каменную архитектуру наследия, завещанного деревянным зодчеством—особенно в устройстве колонн [6]). Из Египта взяты подземные помещения для гробов или погребаемых тел [7]). Монументальность—ассирийская, как и некоторые скульптурные подробности. Много символов, имеющих в виду

---

[1]) Там же, стр. 64, 74, 81, 102 и сл.
[2]) *Tiele*, Gesch. der Religion, II, стр. 298 и сл.
[3]) *Тураев*, История древнего востока, II, стр. 207.
[4]) *Tiele*, Gesch. der Religion, II, стр. 88 и сл.
[5]) *Gayet*, L'art persien, Paris, 1895, стр. 25.
[6]) Там же, стр. 19, 20.
[7]) Там же, стр. 27.

религиозную идею борьбы добра и зла, света и мрака [1]). Пальметы, как орнамент, изображения Аурамазды, напоминающее Аммона в диске, и Дария перед жертвенником — также не чужды заимствований из Египта [2]). Архитектура дворцов более самостоятельна [3]). Скульптура — вавилонская, но более тонкая, несравненно более натуралистическая [4]). Крылатый Кир с тиарой — ассирийский [5]). Словом, в искусстве заметен сильный синкретизм, соединение ряда заимствований с некоторой, однако, и оригинальной переработкой в духе трезвого натурализма [6]). Очень хороши изображения быков особенно на капителях колонн [7]), но пропорции фигур животных и людей, напр., не выдержаны и не соответствуют действительности [8]).

И духовная культура в целом отличалась таким образом чертами, ярко и точно характеризующими как раз период перехода к феодализму. Понятны поэтому и черты характера Дария, роднящие его с великими организаторами других стран: разумная практичность, трезвость, ясное сознание личных интересов, настойчивое преследование поставленных себе целей, здоровый эгоизм, не сделавшийся еще сухим и мелочным, не выродившийся в узкое скопидомство и крайнюю трусливость.

---

[1]) Там же, стр. 26, 27, 51.
[2]) Там же, стр. 30, 31.
[3]) Там же, стр. 34 и след., особ. 45—46.
[4]) Там же, стр. 52, 53.
[5]) Там же, стр. 50.
[6]) Там же, стр. 53.
[7]) Там же, стр. 60.
[8]) Там же, стр. 59.

XXVI.

Происхождение феодализма у древних евреев.

Процесс происхождения феодализма у древних евреев охватывает время с XIV до половины X в. до Р. Хр., до смерти Соломона.

Рост населения, недостаток пастбищ, напор с юго-запада, со стороны аравийских племен заставили евреев двинуться на Палестину и завоевать эту страну. Здесь они стали оседлыми земледельцами, научившись лучшим приемам земледельческого хозяйства у местных жителей, покоренных хананеян [1]. При этом евреи селились не хуторами, а деревнями, потому что плодородных земель было мало, и они были рассеяны отдельными островками [2]. Свидетельствует о переходе к земледелию и еврейская мифология того времени: кузнец Каин является изготовителем земледельческих орудий [3], возник солнечный, т.-е. земледельческий, миф о Самсоне [4]. Но попрежнему хозяйство оставалось натуральным [5], торговля существовала долго только в ханаанских городах [6], да и то была незначительна.

Крупное землевладение — духовное и светское — возникло и развилось в связи с успехами земледелия [7]. Владели землей святилища богов. Так, при Сауле и Давиде землей вла-

---

[1]) *Wellhausen*, Israelitische und judische Geschichte, стр. 48, 49; *Никольский*, Древний Израиль, стр. 42.

[2]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 85.

[3]) *Goldziher*, Der Mythos bei den Hebräern, стр. 132, 259.

[4]) Там же, стр. 300.

[5]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 56.

[6]) *Wellhausen*, Israelitische und judische Geschichte, стр. 84.

[7]) *Ieremias*, Der alte Testament im Iicthe des alten Orients.

дело главное святилище Ягве в Нобе [1]). Сам Саул [2]) и потом Давид были крупными землевладельцами, причем последний получил от филистимлян землю и замок в условное владение, подобное бенефицию [3]). Соломон усердно скупал земли, увеличивал царский домэн [4]) и раздавал большую часть его во временное владение под условием службы [5]): натуральное хозяйство исключало возможность правильной податной системы [6]) и заставляло обращаться к земле, как единственному источнику правительственных средств.

Крупное землевладение выдвигало на первый план правящую землевладельческую знать [7]). Оно же и переход к земледелию были основами появления зависимых общественных состояний: необходимы были средства для перехода к земледелию—орудия, постройки. скот, семена для посева и пропитания до первого урожая или при неурожае,—и отсюда появились долги, а потом, при частой на деле несостоятельности, и кабальные люди [8]).

Новые хозяйственные условия и опасности от соседних полукочевых племен — мидианитян, филистимлян — вызвали к жизни более прочную политическую организацию. Во главе племен сначала появляются герои (богатыри, „гибборим", каковы Гедеон, Иеффай, Самсон [9]), потом постоянные племенные князья—судьи или „софеты", имевшие военную и судебную власть [10]). Наконец, в 1050 г. появляется первый царь Саул, победивший амаликитян и филистимлян и объединивший несколько израильских племен—южных и восточных [11]). Саул, происходя из колена или племени Вениаминова [12]), пытался из него сделать центр притяжения для всего израильского народа. Но Давид, вождь или князь колена Иудина, породнившийся с Саулом [13]), потом разошелся с ним и за-

---

[1]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 73.
[2]) *Wellhausen*, Israel. und jud. Gesch., стр. 55.
[3]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 78.
[4]) *Wellhausen*, Israel. und. jud. Gesch., стр. 66.
[5]) Там же, стр. 86.
[6]) Там же.
[7]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 73; *Caspari*, Aufkommen und Krise des israelitischen Konigtums unter David, Berl., 1900.
[8]) Там же.
[9]) Там же, стр. 57.
[10]) Там же, стр. 59.
[11]) Там же, стр. 67, 69.
[12]) *Wellhausen*, Israelitische und judische Geschichte, стр. 55.
[13]) Там же, стр. 56; *Никольский*, Древний Израиль, стр. 72.

хотел создать другой политически-организующий центр. Саул, повидимому, попытался, опираясь на светскую знать, сокрушить жречество, разрушить святилище Ягве в Нобе и убил главного жреца Ахимелеха; сын Ахимелеха Авиафар едва спасся с главной святыней (ефодом) [1]. Это дало повод жречеству и кабальным людям, чьи интересы расходились с интересами светской знати, встать на сторону Давида. Борьба кончилась победой Давида, его воцарением и основанием Иерусалима [2].

Уже Саул начал административно-объединенную работу. Его дружина давала ему советников, с которыми он чинил суд и вел войны [3], а также тысяченачальников (тысяцких) и сотников, которых он сажал по городам для суда и сбора дани [4]. Еще более крупный шаг в том же организаторском направлении, необходимость которого диктовалась успехами и земледелия и торговли—торговли, напр., с Офирской землей лошадьми [5]—сделал преемник Давида, его сын Соломон. Он упорядочил управление [6]: смирил мелких князей, одних подчинил себе непосредственно, других заменил своими наместниками; дань увеличилась в размерах при Соломоне, и доходы казны вообще стали расти [7]. Жрецов Соломон подчинил себе [8]. При всем том не следует преувеличивать власть древне-израильского царя: она была невелика, и роды на суде, напр., играли главную роль [9].

Религия в новых условиях приняла земледельческий характер, причем сильно сказалось и хананейское влияние [10]: стали почитать Ваала—солнце и Белиту или Астарту—землю [11]. Почитание луны и звезд—остаток скотоводческой религии [12]—сохранилось, но поставлено было в связь с новыми земледельческими верованиями: 12 главных созвездий зодиака стали чтить, как 12 домов, где в своем годовом ходе

---

1) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 73.
2) Там же, стр. 73, 82.
3) Там же, стр. 69—70; *Wellhausen*, стр. 55.
4) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 87; *Caspari*, Aufkommen und Krise des israel. Konigt.
5) *Wellhausen*, Israel. und. jud. Geschichte, стр. 66.
6) Там же.
7) *Никольский*, Древний Израиль, стр 100—101.
8) Там же, стр. 114.
9) *Wellhausen*, Israel. und jud. Gesch., стр. 90, 91.
10) Там же, стр. 49.
11) Там же, *Никольский*, Древний Израиль, стр. 44.
12) *Goldziher*, Der Mythos bei den Hebräern, стр. 76, 91, 103.

живет солнце с луной [1]). Олицетворением этих 12-ти домов считались 12 камней на берегу Иордана около Иерихона [2]). В мифологии это отразилось в мифе об Иосифе с братьями: Иосиф—дождь, спасающий от неурожая и голода; 12 сыновей Иакова—звезды, те же 12 главных созвездий зодиака [3]). У каждой местности были свои Ваалы, боги-покровители, которым устраивались святилища с жертвенниками, священные каменные столбы (массевы), клались священные деревянные брусья (ашеры) [4]). Вера в Ягве смешалась с верой в местных Ваалов: Ягве был богом войны, национальным богом, Ваал — подателем земных плодов, местные Ваалы — покровителями мест и оракулами [5]). Двоеверие было, таким образом, одной из основных черт в религиозной области. На старые мифы — об Аврааме, напр.,— наслояются национальные черты; Иаков в это именно время под влиянием политического объединения отожествляется с Израилем [6]); вследствие того же начинают зарождаться и расти монотеистические тенденции [7]).

В суде долго господствовали суд божий — жребий [8]) и кровная месть. Но последняя уже заменена была при царях выкупом [9]). Разумеется, господство выкупов, создавая преимущество для богатой знати, свидетельствовало также, что понятие о преступлении мыслилось примитивно: преступление считалось материальным, а не нравственным вредом.

Появились и зародыши литературы и искусства. Как и везде, эпос, народная поэзия и поэзия дружинная развились из хвалебной песни богам и в сущности сводились к восхвалению богов, главным образом Ягве. Такова песнь о колдунье Деворе и начальнике ополчения израильских племен Вараке: первая одушевляла на борьбу израильтян, второй вел их против вражеского военачальника Сисары. Здесь все сводится к основному мотиву: „восхвалите Ягве“, „я“, говорит поэт, „Ягве буду петь, я Ягве буду играть, Ягве, богу

---

[1]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 45

[2]) Там же.

[3]) *Coldziher*, Der Mythos bei den Hebräern, стр. 193, 194, 200.

[4]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 46—47.

[5]) Там же, стр. 49; *Wellhausen*, стр. 50.

[6]) *Coldziher*, Der Mythos bei den Hebräern, стр. 306, 309

[7]) Там же, стр. 320; *Ieremias*, Der alte Testament

[8]) *Никольский*, Древний Израиль, стр. 65.

[9]) *Wellhausen*, Israel. und jud. Gesch., стр. 89

Израиля“ [1]). Эта песня с другими преданиямь или былинами составила „Книгу войн Ягве“ [2]).

Признаками зарождения искусств являются известия, что Давид был музыкантом [3]), а также постройка Давидом дворца из дерева по иностранной моде [4]). Давид вообще завел в Иерусалиме блестящий двор, не в пример более роскошный, чем двор Саула, отличавшийся простотой [5]). Еще пышнее и богаче жил Соломон. Но и при нем искусство евреев не было оригинальным, а продолжало вбирать в себя иностранные влияния: Соломонов храм был построен под руководством финикийских мастеров [6]).

В характере народа, по крайней мере его верхов, происходили соответствующие, типичные для эпохи, перемены. У Давида, правда, было „что-то детское и чувствительное в натуре“ [7]), но больше было жестокости и эгоизма, напр., в борьбе с Саулом, в его разбойничьих набегах [8]), в суровом преследовании родственников Саула и всех своих врагов [9]). Соломон был деятельным приобретателем земель [10]), хорошим и ловким купцом [11]), рачительным хозяином, талантливым организатором, практиком и дельцом до конца ногтей. Он умел ладить и с Хирамом Тирским, и с египетскими фараонами, и даже с грозным арамейским вождем Разоном, утвердившимся в Дамаске [12]).

---

[1]) *Никольский,* Древний Израиль, стр. 50, 51.
[2]) Там же, стр. 53.
[3]) Там же, стр. 72.
[4]) Там же, стр. 102.
[5]) *Wellhausen,* Israelitische unp judische Geschichte, стр. 64.
[6]) *Никольский,* Древний Израиль, стр. 103.
[7]) *Wellhausen,* Israel. und jud. Gesch., стр. 63.
[8]) *Никольский,* Древний Израиль, стр. 75—76.
[9]) *Wellhausen,* Israel. und jud. Gesch., стр. 63.
[10]) Там же, стр. 66.
[11]) Там же.
[12]) *Виппор,* Древний восток и Эгейская культура, стр. 116.

XXVII.

Феодальная революция в Китае.

Китайская хронология настолько несовершенна, спутана, что разбираться в ней нелегко. Если начальный, исходный пункт феодальной революции в Китае можно с достаточной степенью достоверности указать в конце XII века до Р. Хр., то конечный предел этого периода устанавливается не так определенно. Нет спора и не подлежит сомнению, что наступление так называемого „периода Гун-хо“, сильнейшего ослабления императорской власти, сведение ее почти на нет, и знаменует собою окончание феодального перелома, переход к развитому феодализму. Но исследователи несогласны между собою в точном определении времени, когда именно начался „переход Гун-хо“: одни относят его начало к сороковым годам, т.-е. второй половине IX века до Р. Хр.[1]), другие — и притом большинство новейших исследователей — отодвигают его много позднее, до конца VIII века, именно до двадцатых годов этого столетия [2]). Последнее определение, кажется, и следует принять как достоверное, так что феодальная революция в Китае совершилась в течение четырехсот лет — с конца XII до конца VIII века до Р. Хр. Все это время и долго еще спустя после окончания периода — до половины III века до Р. Хр. — в Китае царствовала династия Чжоу.

Китайские летописи повествуют, что император Чэн-ван, занимавший престол в конце XII и первой четверти XI века,

---

[1]) *Георгиевский,* Первый период китайской истории, стр. 80.

[2]) *Hirth,* The ancient history of China, стр. 181; *Macgowan,* A history of China, London, 1897, стр. 50; *Schuler,* Abriss der neuren Geschichte Chinas, Berlin, 1912, стр. 8.

ввел поземельную подать, натуральные повинности и дань: первая бралась по одному мешку зернового хлеба с каждого взрослого человека, вторые состояли в двадцатидневной работе каждого в год на государство, третья собиралась вином, шелком, пенькой, утварью, строительными материалами и проч. [1]). Канцлер сына и преемника этого императора Кан-вана Шаогун улучшил земледелие и шелководство [2]). Как бы мы ни относились к хронологии этих известий и к исторической роли, приписывамой китайскими летописцами отдельным лицам [3]), все же для целого периода, привлекающего сейчас наше внимание, эти известия характерны: они с полной прочностью устанавливают два основных факта народно-хозяйственной жизни того времени—важность земледелия и господство натурального хозяйства.

Чрезвычайно важно и характерно также и известие о первом императоре династии Чжоу У-ване, который будто бы дал владетельным лицам титул *сообразно количеству земли*, которым они владели [4]); выделение и возвышение землевладельческой знати, таким образом, уже происходило, и любопытно, что часть податей уже поступала крупным землевладельцам: они получали себе от четверти до половины их [5]). А так как существовали, как только что указано, натуральные повинности земледельческой и иной работой, и рабы не только уже были из преступников и пленных, но и покупались [6]), то развитие зависимых состояний под влиянием новых экономических условий, именно успехов земледелия, вряд ли может вызывать сомнение.

Нет также сомнения, что предприняты были именно в этот период административные реформы, значение которых, разумеется, не надо преувеличивать [7]): просто на-ряду и в перемежку с местными князьями поставлены были наместники, и начали слагаться элементарные функции центральных органов управления [8]), конечно, плохо регулиро-

---

[1]) *Георгиевский,* Первый период китайской истории, стр. 70.

[2]) Там же, стр. 73; *Hirth,* The ancient history of China, стр. 98.

[3]) Ср. *Legge,* The chinese classics, т. III, ч. 1, стр. 48, 55, 56, 68—72 и др.

[4]) *Георгиевский,* Первый период китайской истории, стр. 49.

[5]) Там же, стр. 70.

[6]) *Legge,* The chinese classics, т. IV, ч. 1, стр. 167.

[7]) *Васильев,* История китайской литературы, стр. 79—80.

[8]) *Георгиевский,* Первый период китайской истории, стр. 61 и след

ванные, может быть также произошло некоторое перераспределение территории по областям [1]). Существовали не только податные, но и судебные иммунитеты [2]). Вообще династия Чжоу объединила под своей властью уже весьма значительную территорию [3]).

С временем, когда царствовала в Китае династия Чжоу, связывается и утверждение в Китае и государственно-организующей религии, представляющей собою более высокое развитие старой религии, именно поклонения предкам. Всего важнее здесь культ неба — Шан-ди. По первоначальному своему значению Шан-ди — предок, родоначальник китайского народа, дух человека, живущий на небе, потом уже небо. Императоры считались наместниками, преемниками Шан-ди. На-ряду с культом Шан-ди существовало много местных культов. Но важно и знаменательно то, что Шан-ди считался и творцом мира, в чем уже начинала проявляться монотеистическая тенденция, и блюстителем, хранителем нравственности, награждавшим за добродетель и каравшим за пороки [4]).

Есть сведения, что существовали зачатки школьного обучения [5]), пиктографическое или идеографическое письмо, иероглифы [6]), и канонические книги [7]) — по крайней мере отдельные их части.

Наконец, как ни смутны личности первых сколько-нибудь достоверных китайских императоров, тенденции в сторону активного эгоизма в них становятся уже заметны: так, об императоре конца IX века Ли-ване известно, что он любил деньги и драгоценности и занимался вымогательством [8]); вообще многие монархи династии Чжоу отличались хозяйственностью, практичностью [9]).

---

[1]) Там же, стр. 68.
[2]) Там же, стр. 44.
[3]) Там же, стр. 243.
[4]) Там же, стр. 286—290.
[5]) Там же, стр. 47.
[6]) Там же, стр. 297.
[7]) Там же, стр. 72.
[8]) Там же, стр. 79.
[9]) Там же, стр. 49 и сл., 61 и сл., 73.

XXVIII.

Япония до конца IX века после Р. Хр.

Древнейшая история Японии покрыта мраком баснословных сказаний. Сколько-нибудь достоверные отдельные сведения начинаются не ранее половины VII века до Р. Хр., а на более твердую почву мы становимся лишь около Р. Хр. К этому последнему времени, к I веку после Р. Хр., относятся первые известия об искусственном орошении рисовых полей [1]), повторяемые затем в конце III века [2]). Еще два столетия спустя говорится об обильных урожаях, а в начале VIII века о сборе податей хлебом [3]). Вообще характерно, что в I — VIII веках после Р. Хр. японцы и айно противополагаются друг другу в хозяйственном отношении: первые являются земледельцами, отчасти также скотоводами [4]), а вторые заняты исключительно рыболовством и охотой [5]).

Сбор податей хлебом в начале VIII в., только что сейчас упомянутый, и дань натурой, поступавшая в конце VII столетия с ряда островов, покоренных японцами [6]), свидетельствуют о полном господстве натурального хозяйства. Естественно, что промышленность существовала только в виде ремесла или мелкого кустарничества, расчитанного по преимуществу на определенного заказчика: таковы именно все эти портные, ткачи шелка, прядильщики ваты, о которых

[1]) *Костылев*, Очерк истории Японии. Спб. 1888, стр. 17.
[2]) Там же, стр. 29.
[3]) Там же, стр. 35, 51.
[4]) Там же, стр. 35.
[5]) Там же, стр. 21, 55.
[6]) Там же, стр. 50.

говорится с начала IV века [1]). Возникновение шелководства относится только к началу VIII века [2]).

Еще в конце I и начале II столетия начинаются известия о росте крупного землевладения: тогда именно раздавал земли император Кей-ко [3]). Но только конец периода—VIII и IX века — отмечен широким размахом развития крупновладельческих имений: Нака-мара, представитель знатной японской фамилии Фуцзи-вара, владел тогда землями, на которых числилось 3.000 домов, была тысяча десятин рисовых полей [4]); сильно конкурировала с светским крупным землевладением земельная собственность буддийских монастырей, владевших в VIII веке имениями с 200, 1.000, даже 5.000 домов [5]). Рознь между слагавшейся, таким образом, с одной стороны, светской, а, с другой, духовной землевладельческой аристократией нашла себе выражение в открытой борьбе между Нака-мара и буддийским банзой До-кё в царствование императора Цзюнь-Нина (вторая половина VIII века) [6]).

Процесс социального расчленения совершался не только сверху—путем выделения светской и духовной знати,—но и снизу, путем обеднения масс населения [7]) и их постепенного перехода в зависимое от богатых землевладельцев положение: недаром все более преуспевавшие будущие феодалы приобретали важные привилегии; так, в 770 г. они получили право являться в войско только для защиты той области, в которой находились их владения [8]), а Нака-мара имел даже право чеканить свою монету [9]).

Государство долго устроено было простейшим образом, и только во второй половине VII в. по китайскому образцу введены были министерства и совет императора [10]), организованность которых, конечно, не следует преувеличивать, а что сила государственной власти была невелика, это явствует и из огромных привилегий знати, и из того, что на суде

---

[1]) Там же, стр. 29.
[2]) Там же, стр. 51.
[3]) Там же, стр. 24—25.
[4]) Там же, стр. 57.
[5]) Там же, стр. 54.
[6]) Там же, стр. 57—58.
[7]) Там же, стр. 31.
[8]) Там же, стр. 60.
[9]) Там же, стр. 57.
[10]) Там же, стр. 45.

главное значение имело испытание водой [1] — вид ордалии, „суда божьего“, исключавшего настоящее судебное расследование дела, ставившего власть в пассивное положение наблюдателя за выполнением всех необходимых формальностей.

Религиозно-организующей японскую феодализирующуюся государственность силой был буддизм. Не без бурь, однако, далось ему торжество в Японии. Первые слабые его проявления здесь относятся к половине VI в. после Р. Хр., но в течение первых же сорока лет после того буддисты подвергались разгрому со стороны приверженцев старины [2]. Только император Се-му в первой половине VIII века стал деятельно распространять буддийскую религию [3], и с тех пор она укрепилась в Японии. К этому же времени — к 712 и 717 годам — относится начало японского летописания, исторической литературы [4]. Знания и начатки образованности заимствовались, главным образом, из Китая [5]. Оригинальная работа в области духовной культуры почти не существовала. Жестокая борьба светской и духовной аристократии, земельное приобретательство их и мелкие черточки в характеристиках отдельных императоров [6] указывают на обычные для данного периода перемены в психологии общества, по крайней мере его правящих верхов.

Таким образом, характер и материальной и духовной культуры Японии от Рождества Христова до конца IX века указывает на то, что здесь в то время происходил феодальный переворот со всеми присущими ему особенностями, типичными для всех стран и народов.

---

[1] Там же, стр. 30, 35: Костылев напрасно считает это „пыткой“.
[2] *Костылев,* Очерки истории Японии, стр. 37, 41.
[3] Там же, стр. 53.
[4] Там же, стр. 50, 51—52.
[5] Там же, стр. 29.
[6] См., напр., замечания об императоре начала IX в. -зей: *Костылев.* Очерк истории Японии, стр. 69.

XXIX.

Феодализация у древне-американских народов.

XIV и XV века — последние времена существования древне-американских культур—мексиканской (ацтеков) и перуанской (инков), уничтоженных в XVI веке нашествием испанцев. В литературе, посвященной изображению этих культур в последней стадии их развития перед испанским владычеством, большой популярностью пользуется взгляд на чрезвычайное их своеобразие: их склонны, обыкновенно, изображать как оригинальный социалистический абсолютизм.

На самом деле, как сейчас увидим, ни абсолютизма, ни социализма не было, а оригинальность сводилась с некоторым отдельным частностям, нисколько не исключавшим общего сходства с другими культурами, типичного именно для периода перехода к феодализму. Нельзя буквально во всем доверять рассказам испанских и иных писателей, необходимо снимать окутывающие истории ацтеков и инков мифические покровы, чаще всего по неведению наброшенные на эту историю именно европейцами.

Что прежде всего безусловно достоверно, — это то, что и инки в Перу и ацтеки в Мексике, сменившие к XIV веку старую разрозненность племен, дали сильный толчек развитию земледелия; и прямые свидетельства [1]), и почитание богов солнца [2]), маиса [3]), зерновых хлебов [4]) и церемония онахи-

---

[1]) *Brühl*, Die Kulturvolker Alt-Americas, I. New-York, стр. 277; *Bastian*, Die Culturlander des alten America, I, стр. 565; II, стр. 429; *Muller*, Geschichte der amcricanischen Urreligionen, стр. 349, 538.

[2]) *Bastian*, I, стр. 485, 489; II, стр. 579; *Muller*, стр. 304, 362, 471.

[3]) *Bastian*, Die Culturländer des Alten America, I, стр. 579.

[4]) *Muller*, Gesch. der americ. Urreligionen, стр. 471.

вания земли в Перу золотым плугом, исполнявшаяся ежегодно царем инков [1]) и смена лунного года солнечным [2]) свидетельствуют, что земледелие в обеих странах становилось уже главной отраслью народного хозяйства, — черта, типичная для данного исторического периода.

Не менее типична и другая черта хозяйственного быта — господство натурального хозяйства. И здесь мы имеем прямые свидетельства о важности домашнего производства для собственного потребления [3]), и указания на натуральные поборы [4]) и натуральные повинности [5]),—исключением была только дань золотом у ацтеков [6]), — и отсутствие чеканной монеты и вьючных животных [7]). Торговля в Мексике была совсем элементарна — не разбойничья уже, правда, но и не широкая [8]); лучше торговали в Перу: в царстве инков, повидимому, начинали уже слагаться небольшие местные рынки [9]). Этому соответствовал, впрочем, и более высокий уровень развития земледельческой техники у перуанских инков, чем у мексиканских ацтеков.

В самом деле: рабочий скот в земледелии ацтеков, повидимому, не употреблялся, пользовались усовершенствованной деревянной мотыгой с медным ободком [10]) и потому возделывали поля для маиса, овощей и цветов [11]), тогда как инки удобряли поля посредством гуано (сушеного птичьего помета [12]), искусственно их орошали [13]) и употребляли плуг [14]), т.-е. и земледельческий рабочий скот. Известно также, что ремесленники в Мексике жили особыми кварталами [15]), но появление ремесленных цехов и купеческих гильдий, сколько-

---

[1]) Там же, стр. 345.
[2]) Там же, стр. 356.
[3]) Там же, стр. 350.
[4]) *Bastian*, Die Culturländer des alt. Amer., I, стр. 561; II, стр. 755.
[5]) *Muller*, Gesch. der amer. Urreligionen, стр. 349.
[6]) *Bastian*, Die Culturländer des alt. Amer., II, стр. 699.
[7]) Там же, I, стр. 556; *Brühl*, Die Kulturvolker Alt-Americas, стр. 320.
[8]) *Brühl*, Die Kulturvölker Alt-Americas, стр. 320.
[9]) *Bastian*, Die Culturländer des alt. Amer., I, стр. 556.
[10]) *Brühl*, Die Kulturvolker Alt-Americas, I, стр. 277.
[11]) Там же, стр. 275.
[12]) *Bastian*, Die Culturlander des alt. Amer., I, стр. 566.
[13]) Там же, стр. 565.
[14]) Там же, стр. 566.
[15]) *Muller*, Gesch. d. americ. Urrelig., стр. 541.

нибудь организованных, засвидетельствовано только для Перу [1]).

Таким образом с хозяйственной точки зрения можно конкретно отличить несколько далее вперед ушедшую культуру инков сравнительно с более отсталой культурой ацтеков: у первых уже завершился процесс образования феодального хозяйства, у вторых он был далеко еще не закончен.

В этом именно смысле большей организованности древне-перуанских общественности и государственности сравнительно с обществом и государством древней Мексики и надо понимать преувеличенные сообщения о строгой и мелочной регламентации, сделавшиеся, к сожалению, предметом полного доверия новейших исследователей старо-американских цивилизаций.

Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание вопрос о формах землевладения. Стало ходячей, общепринятой истиной разделение земли в Перу на три части: одна треть будто бы была собственностью богов, храмов, другая собственностью инков, третья находилась в пользовании народа, и в то же время вся земля считалась государственной, и наделы отдельных мелких хозяйств регулировались, прирезывались достигшим хозяйственной самостоятельности и т. д. [2]). Прежде всего следует оговориться, что нет достаточных оснований считать все три части земли равными между собой: это просто приблизительное деленье, не странное для народов, переживавших феодальный переворот и выделивших уже сильную духовную и светскую знать [3]) — будущих, отчасти уже и настоящих, феодалов. Были же области, где вся земля была храмовая [4]). Затем известия об общине и вместе государственном регулировании мелкого землепользования едва ли примиримы, если их понимать в слишком прямом, буквальном смысле: что-нибудь одно, — или община, или государство. И силу государственной власти не следует преувеличивать [5]). Всего вероятнее, здесь отразились, с одной стороны, старые порядки или, вернее, беспорядочность воль-

---

[1]) *Bastian,* Die Culturländer des alt. Amer., I, стр. 613.

[2]) Там же, стр. 567.

[3]) Там же, стр. 542, 555, 614; ср. *Cunow,* Die soziale Verfassung Innerreichs.

[4]) *Bastian,* I, стр. 567.

[5]) Как это делают и Кунов и Бастиан, и др.

ного землепользования, с другой—принудительная власть над крепостными — государственными, храмовыми и частновладельческими, — прикрепленными, кстати сказать, к земле, неотчуждаемыми, непередаваемыми в Перу без земли [1]), что опять-таки гармонирует с общей характеристикой староперуанского строя, как более созревшего для феодализма, чем старо-мексиканский, ацтекский, в котором больше было остатков прежнего личного рабства [2]). Наконец, и здесь и там — и у инков, и у ацтеков — существовали и крупное частное землевладение [3]), и бенефиции, и иммунитеты [4]), отнюдь, однако, не развитые, окончательно сложившиеся лены, как то неосторожно утверждают некоторые исследователи [5]). Таким образом, социальное своеобразие старо-американских культур — не больше, чем их хозяйственная оригинальность, сводящаяся к значительным остаткам каменного века и к неупотреблению железа [6]). Изолированность этих культур от европейских и азиатских — вот причина и этих индивидуальных особенностей, не исключающих типического сходства, и того недостаточного понимания американских отношений и порядков, какое обнаружили европейские наблюдатели.

Государство в обеих странах было характерной слагавшейся военно-феодальной организацией, в Мексике более склонной к теократии, чем в Перу [7]), и возникшей значительно позднее: столица Мексико основана была только в 1327 г., а начало широкого господства ацтеков относится лишь к 1425 г. [8]), тогда как первыми объединителями Перу были Ягуаргуачак, Гугеракочи и Пачакутек еще в XIV веке, а в середине XV в. инками завоевано было уже и Чили [9]). Управление в центре носило дворцовый характер [10]). На местах были правители — князья, которые в Мексике часто восставали [11]), а в Перу обеспечивали свою верность посыл-

---

1) *Müller*, стр. 540.
2) *Bastian*, II, стр. 689.
3) Там же, I, стр. 542, 567; II, стр. 689.
4) Там же, II, стр. 690; *Brühl*, I, стр. 276—277.
5) *Brühl*, стр. 276—277; *Müller*, стр. 540.
6) Там же.
7) *Bastian*, II, стр. 463.
8) *Muller*, стр. 534, 535.
9) Там же, стр. 343.
10) *Bastian*, I, стр. 554; II, стр. 679.
11) Там же, II, стр. 423 и сл.

кой своих сыновей в столицу — Куско — в виде заложников [1]). Легкость покорений обеих стран испанцами — лучшее доказательство слабой их внутренней сплоченности, наличности лишь временного объединения, обычного для эпохи феодальной революции, наконец, фактически небольшой силы центральной власти и, следовательно, преувеличенности известий о государственной организованности и регламентации.

И ацтеки и инки, принеся земледелие, утвердили и земледельческую религию, культ солнца, при чем ее морально и политически организующий смысл совершенно несомненен и в Перу, где она укрепляла и освящала государственный строй и общественные отношения [2]), и в Мексике, где бог солнца Гуитцилоиахтли был и национальным богом, и богом бессмертия [3]). В частности, инки умели связать старые местные верования с новыми, своими [4]), а ацтеки воспользовались духовными приобретениями, сделанными их более культурными предшественниками—племенем майя [5]).

Это последнее в особенности следует повторить по отношению к старо-мексиканскому искусству: майя строили обширные храмы пирамидальной формы, иногда в виде ступенчатой пирамиды [6]); на стенах храмов были рельефы не только узорчатые, но и изображавшие людей, фигуры которых не лишены иногда индивидуальности, но в общем грубы. И у майя, и у ацтеков существовало пиктографическое, потом и иероглифическое письмо [7]).

У инков были красивые гончарные изделия, изящные золотые и серебряные украшения [8]), были quippus — шнуры с узлами разных цветов для счета, переписи населения, податного обложения, измерения полей [9]). Существовали записи исторических событий и исторические песни, предания и сказания [10]).

---

[1]) Там же, I, стр. 554.
[2]) *Muller*, Geschichte der americ. Urreligionen, стр. 404, 405.
[3]) Там же, стр. 594, 611.
[4]) Там же, стр. 371.
[5]) Там же, стр. 513 и след.
[6]) Там же, стр. 458—459.
[7]) Там же, стр. 550—560.
[8]) Там же, стр. 351 и след.
[9]) Там же, стр. 358.
[10]) Там же, стр. 356, 357.

XXX.

Общая характеристика периода Феодальной революции.

Сравнительно-исторический метод исследования имеет целью установление общей закономерности развития общественных явлений. Но общая закономерность не предполагает непременно полного сходства, тем более тожества исторических процессов, совершающихся в разных странах и у разных народов. Встречаются — иногда даже нередко — оригинальные, своеобразные явления, не повторяющиеся в других местах. Историки и социологи, особенно в прежнее время обыкновенно объясняли эти своеобразия „национальным духом“ или „национальным характером“, „расовыми особенностями“ и тому подобными, ничего в сущности не объясняющими, выражениями, подставляющими одно неизвестное вместо другого. Историко-сравнительный метод и здесь должен сослужить свою службу, найдя не мистическое и не метафизическое, а научное объяснение всех оригинальных явлений и процессов.

Период варварства, как, вероятно, и еще более древние эпохи развития человечества, почти не дал нам возможности отметить сколько-нибудь значительные отклонения от общей нормы: жизнь была настолько еще несложна, проста, что складывалась она по крайней мере в подавляющем большинстве случаев и по отношению к главным процессам общежития одинаково. В этом мы убедились, давая общую характеристику периода варварства в конце предшествующей главы. Чем дальше мы, однако, пойдем вперед, тем больше своеобразий нам будет попадаться на пути, тем чаще они будут встречаться, и тем больше внимания необходимо будет им посвящать. Впервые эта задача реально встает перед нами как раз при изучении периода феодальной революции, так что приходится сначала установить сходные повторяю-

щиеся явления и процессы, а потом отметить и объяснить все не повторяющееся, своеобразное.

Общая закономерность выражается, как показывает предшествующее изложение всей четвертой главы, в следующих формулах:

1. Относительное значение разных отраслей хозяйства в период феодальной революции во всех странах характеризуется успехами земледелия, делающими его уже первостепеной отраслью хозяйства, при сохранении попрежнему натурального хозяйства.

2. Техника хозяйства также всюду шла вперед; в частности в земледелии на-ряду с подсечной системой появляется переложная и кое-где даже трехпольная.

3. Все это сопровождалось образованием частной собственности на землю и ростом крупного землевладения — светского и духовного; везде, где можно наблюдать по источникам, сохранялись в форме вольного землепользования или в виде долевого владения остатки старого, свободного отношения к земле мелких хозяев. Во многих странах, наконец, возникли и стали развиваться формы зависимого временного и условного владения землей (бенефиций, прекарий, икта, стратиотское имение и проч.). Все эти явления неразрывно связаны с успехами земледелия и сохранением натурального хозяйства.

4. Уменьшается, даже исчезает прежняя равномерность в распределении народного дохода, и потому общество начинает расчленяться и в классовом (экономическом), и в сословном (юридическом) отношениях: свободные люди уже количественно уменьшаются, — часть их переходит в знать, часть принижается до зависимых состояний; часто наблюдается сближение зависимых людей (закупов, закладней, коммендатов, клиентов) с рабами путем перехода последних в вольноотпущенники, колоны, крепостные. Все эти процессы только возникают и развиваются в течение этого периода, но еще не являются законченными. Они зависят от намеченных выше новых хозяйственных порядков и отношений.

5. Государство начинает организоваться, но по преимуществу на основе понятия о личном господстве: учреждения едва зарождаются, центральное управление имеет характер дворцовый; преемство власти, сначала бесформенное, потом определяется наследованием от отца; соответственно падению класса свободных под конец периода исчезает вече. Почти

везде появляются иммунитеты, ограничивающие и ослабляющие значение государственной власти на местах. Вся вообще деятельность власти носит на себе печать слабой активности.

6. В соответствии с переворотом в материальной культуре происходит и религиозная революция: появляются или принимаются новые религии, организующие общество и государство, или в том же духе преобразуются религии старые. При всем том сохраняются многочисленные остатки старинных верований, и получается двоеверие.

7. Во всей обще духовной культуре и психологии общества в период феодальной революции, на-ряду с многочисленными остатками прежнего хаотического конкретизма, наблюдается, именно в высших кругах, уклон в сторону активного эгоизма — жадности, алчности, приобретательства, практичности; это воспитывается всеми условиями материальной культуры и выражается затем в разных сторонах и проявлениях культуры духовной.

8. В праве отсюда происходят слабость общественного элемента в понятии о преступлении, грубое понятие о преступлении, как о вреде исключительно лишь материальном, и т. д. В искусстве и изящной литературе — механическое заимствование чужих образцов. В исторической литературе видна массовая, беспорядочная, нескладная смесь разного рода известий и данных, в которых порядок и организованность, внутреннее единство и стройность еще отсутствуют или только зарождаются, причем история рассматривается, как результат действия указующего перста Провидения, под религиозным углом зрения.

В общем смысл всего периода феодальной революции ясен: в это время подготовлен был переход власти в руки феодальной знати, т.-е. землевладельческой и обладавшей именно потому, что она была землевладельческой, правами, которые потом стали исключительным достоянием государства, и соответственно этому совершилось падение старого родового и племенного общества; варварское общество готовилось к превращению в общество феодальное.

Уже в этой общей характеристике данного исторического периода пришлось наметить некоторые черты различия между разными культурами. Теперь своевременно конкретизировать эти черты на основании предшествующего изложения ,углубить их изображение, сделать его более рельефным.

В общем и целом одно основное различие определяется с полною ясностью: выделяются две группы культур — одна с незаконченным недоразвитым процессом феодальной революции, другая с полным его завершением. Для первой группы типичны как раз русская история за этот период — Русь X, XI и XII веков; сюда же примыкают Литва, Сербия, Болгария, отчасти также (но уже не вполне) Балтийское славянство. Вторая группа представлена всеми другими культурами, причем особенно характерны для нее именно культуры европейского запада — государства франков, Англии, Италии, Испании. Сюда принадлежат, таким образом, еще Венгрия, Скандинавия и Исландия, Финляндия, Чехия, Польша, Византия, Армения, Грузия, Арабский халифат, Египет, Персия, Израиль, Китай, Япония и древне-американские культуры. Особо надо оговориться только о четырех культурах: шумеро-аккадо-вавилонской, ассирийско-халдейской, эгейской и хетитской. При всей несомненности того, что и они пережили период феодальной революции, трудно утверждать с достаточной уверенностью, по какому из двух типов эта революция в них слагалась: надо ждать от дальнейшей научной работы более полной фактической детализации, чтобы судить об этом.

К чему же сводятся различия между двумя группами? В чем — иначе говоря — заключается незавершенность процесса в первой группе?

Прежде всего незаконченность наблюдается в области землевладельческих отношений. В культурах первого типа, в частности, как раз в русской феодальной революции, больше сохранилось старых вольнозахватных отношений к земле у свободных людей, не перешедших еще к долевому владению. В то же время здесь не возникло еще временного и условного владения землей, не обострилась также и борьба между светскими и духовными магнатами из-за земли, не было, напр., секуляризации, как при Карле Мартеле, и приспособления этой секуляризации к интересам церкви, соглашения обеих слагавшихся феодальных сил.

Делая это наблюдение, сразу же можно определить и происхождение зарегистрированных различий в землевладении: очевидно, они проистекали из меньших, чем в других культурах, успехов земледелия и из наличности более многочисленных остатков варварского хозяйства — охоты, рыболов-

ства, скотоводства. Мы увидим впоследствии, что этот вывод подтверждается и дальнейшим изучением истории России.

Обязанная своим существованием хозяйственной отсталости, незаконченность процесса феодализации в землевладении России и других стран первой группы имела ближайшим последствием незавершенность того же процесса в области социальной и политической. Коммендация еще большею частью не сложилась, — появилась только ее зачаточная, переходная к ней, более близкая пока к рабству форма закупничества; что ее историко-социологический смысл именно таков, — это подтверждается сближением русских закупов с венгерскими буцеллариями. Рабы еще меньше, чем в культурах второй группы, сблизились с полусвободными, слились с ними в одно крепостное целое. Иммунитеты также еще не образовались.

Наконец, та же незаконченность выразилась отчасти и в духовной культуре. Так, в культурах второго типа (напр., в капитуляриях Карла Великого и им соответствующих законодательных памятниках стран второй группы) мы уже встречаем понятие о преступлении, как зле не только материальном, но и нравственном, чего в Русской Правде еще нет. Однако, в духовной культуре и психологии незаконченность феодальной революции не так заметна, как в области материальной культуры. Это понятно: духовная культура и психология — последний, конечный результат, окончательное достижение, делаемое в тот или иной период развития каждого общества, почему и она является наимение податливой, так что не различия, а главным образом общие сходства определяют здесь типическое, характерное для данного периода состояние общества, различия же еще не успевают здесь отложиться и отразиться.

Вот выводы, которые, кажется, имеют значение для полного и отчетливого понимания и социологического истолкования эпохи феодальной революции. Сравнительно-исторический метод помогает, таким образом, и установлению общей закономерности и определению и объяснению различий, частностей, отклонений от общей нормы.

Особенно следует подчеркнуть здесь именно положительный, научный, а не метафизический и не мистический характер объяснения этих различий и отклонений, ставший возможным именно вследствие применения сравнительно-исто-

рического метода. Не „национальный дух“ и не какой-либо другой ничего не объясняющий икс, а хозяйственная отсталость является основой всех различий. При таких условиях различие в *типе* сводится в существе своем к различию в *степени* развития.

Казалось бы, если так, то следует продлить период феодальной революции в культурах первой группы, в том числе и в России, на более позднее еще время, включить и это позднейшее время в ту же эпоху. Мы увидим, однако, впоследствии, что это невозможно, и найдем опять-таки реальные причины такой невозможности.

Изучая происхождение феодализма, мы не говорили о древней Греции, античном Риме, Карфагене и Финикии, а также о параллельных им в известной степени государствах-городах—наших Новгороде и Пскове, немецкой Ганзе, итальянских торговых городах — Венеции, Генуе, Флоренции, Пизе, Милане и пр.

Дело в том, что поскольку вопрос касается всех последних только что указанных государств-городов, начиная с Новгорода, происхождение в них оригинальной формы феодализма связано с общим процессом феодализации, изображению которого посвящена вся настоящая глава нашей работы: эти города представляют собою неразрывную часть тех стран, на территории которых они были расположены, и потому все, сказанное выше о происхождении феодализма в этих странах, относится и к упомянутым городам. Дополнительные замечания, поскольку это будет нужно, будут сделаны в изложении феодализма в развитом его состоянии. Последнее можно сказать и о Греции, Риме, Карфагене и Финикии, причем здесь дело осложняется еще одним обстоятельством, вынуждающим отказаться от изложения по отношению к ним процесса происхождения феодализма: наши источники по этому вопросу не дают достоверного материала.

Критический, революционный период образования феодализма привел в результате своем к феодализму в законченном виде, к органической, реакционной эпохе развитого феодализма и его постепенного падения, подготовлявшего новую революцию, новый перелом. Феодализм в его полном развитии и будет ближайшим предметом дальнейшего нашего исследования.